

INSPIRIA

ПОБЕДИТЕЛЬ ПРЕМИИ
GOLD DAGGER

ЛУЧШИЙ ТРИЛЛЕР
2020 ГОДА

МЫ НАЧИНАЕМ
В КОНЦЕ

КРИС УИТАКЕР

 INSPIRIA

Annotation

ТОП-20 ЛУЧШИХ КНИГ AMAZON 2021 ГОДА
ЛУЧШИЙ ТРИЛЛЕР 2020 ГОДА ПО ВЕРСИИ GUARDIAN,
DAILY EXPRESS И MIRROR

ПОБЕДИТЕЛЬ ПРЕМИИ GOLD DAGGER ЗА ЛУЧШИЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН
БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

Вошел в шорт-листы таких престижных литературных премий, как Steel Dagger Award и Theakston's Crime Novel of the Year.

Рейтинг «Амазона» более 7000 со средней оценкой 4,5; рейтинг «Гудридз» более 26 000 со средней оценкой 4,21. Высочайшие оценки от таких мастеров жанра, как А.Дж. Финн, Джон Харт, Луиза Пенни, Кристин Ханна.

Это не просто триллер, а высокая литература, способная удовлетворить даже самого взыскательного читателя. И вместе с тем он однозначно понравится обычному читателю, любящему увлекательные, мастерски написанные остросюжетные истории.

Как убежать от прошлого, если жизнь — это замкнутый круг?

Тридцать лет назад Винсент Кинг стал убийцей. Отсидев весь срок, он возвращается в родной городок на побережье Калифорнии, где далеко не все рады видеть его снова. Например, Стар Рэдли — бывшая девушка Винсента и... родная сестра той, кого он убил.

Тридцать лет назад шериф Уокер был лучшим другом Винсента Кинга. Он так и не смог избавиться от всепоглощающего чувства вины. Ведь именно из-за его показаний Винсент на несколько десятков лет угодил в тюрьму.

Тридцать лет назад Дачесс Рэдли еще не родилась. Ей всего тринадцать, а она уже считает себя «вне закона». Правила придуманы для других — не для нее. Только она способна позаботиться о маленьком братике и беспутной матери, которую Дачесс, несмотря ни на что, яростно защищает.

И теперь эта ярость запускает цепь событий, обернувшихся трагедией не только для ее семьи, но и для всего города...

Роман, который все называют шедевром. Роман об убийстве и возмездии. О тайнах и лжи. О том, на что готовы пойти люди, защищая тех, кого любят. О нерушимой связи между друзьями, семьей и возлюбленными. О добре и зле, и о нас — проживающих всю свою жизнь где-то между...

«Этот великолепный роман моментально стал классикой... После того, как вы перевернете его последнюю страницу, вам будет очень сложно — как было и мне — описать этот опыт... Роман отчетливо американский — и в то же самое время абсолютно общемировой». — А. Дж. Финн

«Этот роман — тот самый прорыв, о котором мечтает каждый издатель. Богатый как в смысле сюжета, так и характеров, полный конфликтами и напряжением, юмором и трагедийностью, острым писательским чутьем... Добавьте сюда самый убедительный юный персонаж, ничего подобного которому не встречалось последние 10 лет, — и получите наполненную глубоким смыслом историю, наслаждение от первой страницы до последней. Великолепная работа, мистер Уитакер!» — Джон Харт

«Мне очень понравилась эта книга — и захватывающий сюжет, и изящный стиль. Но самое главное в ней — это характеры, особенно молодая Дачесс. Свирепая, отважная и очень уязвимая, она спрыгивает к вам со страниц как живая. И Уок... Какое удачное имя! Инспектор полиции в своем собственном неумолимом путешествии... Это книга, которую нужно читать и перечитывать — и нахваливать автора». — Луиза Пенни

«Законченная и очень трогательная история преступления, наказания, любви и искупления». — Guardian

«Эпическая драма и безусловный шедевр. Вряд ли мы прочтем нечто подобное в ближайшее время». — Mirror

Крис Уитакер — не новое имя в литературе. Два его предыдущих романа получили массу восторженных отзывов критиков, а книга «Высокие дубы» завоевала премию CWA John Creasey New Blood Dagger Award за лучший дебют.

Представляемый вашему вниманию роман стал подлинным событием в мире литературы. Моментальный бестселлер New York

Times, он также получил статус главного триллера 2020 года по версии ряда британских периодических изданий, а также взял престижнейшую литературную премию Gold Dagger Award.

Крис живет в Англии вместе с женой и тремя детьми.

- [Крис Уитакер](#)
 -
 -
 - [Часть I. Та, что вне закона](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [Часть II. Большое небо](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [Часть III. Возвращение](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
- [Часть IV. Разбивающий сердца](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

- [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
-

Крис Уитакер

Мы начинаем в конце

Chris Whitaker
We Begin At The End

Copyright © 2020 by Chris Whitaker. This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

© Фокина Ю.В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Посвящается
моим читателям,
которые были со
мной в Толл-Оукс,
затем — в
алабамском городе
Грейс^[1] и вот
теперь
отправятся в
Кейп-Хейвен. Когда
я пробуксовываю,
вы вдохновляете
меня двигаться
дальше.*

Сказано было: если что заметишь — руку вверх.

Неважно, окурок это или банка из-под колы. Заметил — вскинул руку.

А прикосаться — ни-ни.

Просто: руку вверх.

Начали с речки, пошли вброд. Двигаться велено было цепью — несколькими цепями; расстояние — двадцать шагов, сотня глаз шарит по поверхности. Мало ли что велено, они держались вместе. Танец проклятых так поставлен — чтобы вместе его исполнять.

Позади — опустевший город, еще недавно, до известия, гулкий в предвкушении очередного долгого лета.

Сисси Рэдли. Возраст: семь лет. Волосы белокурые. Все ее знали, инспектору Дюбуа даже не пришлось раздавать фотографии.

Уок стал крайним в цепи. У него, бесстрашного в свои пятнадцать, коленки при каждом шаге подгибались.

Шли, будто армия. Во главе — копы с фонариками. Вдали, за деревьями, за мельтешеньем сквозных лучей, светился ночной океан. Плавать Сисси Рэдли не умела.

Марта Мэй шагала рядом с Уоком. Они уже три месяца встречались, но дальше первой стадии отношений не продвинулись — отец Марты был священником в приходе епископальной церкви Литтл-Брук.

Марта стрельнула глазами на Уока.

— Не передумал копом становиться?

Сам Уок глядел Дюбуа в спину. Видел: плечи еще расправлены, значит, Дюбуа не теряет надежды.

— Стар идет в первом ряду, — продолжала Марта. — С отцом. Плачет.

Стар Рэдли, старшая сестра пропавшей девочки. Лучшая подруга Марты. Член их неразлучной четверки. Только сейчас в четверке одного человека не хватало.

— А где Винсент? — спросила Марта.

— Мы с ним утром виделись. Наверное, по той стороне пошел.

Уок и Винсент были как братья. В девять лет ладони надрезали, скрепили дружбу кровью и клятвой в вечной верности — что бы ни случилось, кем бы каждый из них ни стал.

Больше Уок и Марта не болтали. Под ноги смотрели. Молча пересекли Сансет-роуд, миновали дерево желаний. Загребали кедами прошлогоднюю листву. А улику Уок чуть не проворонил, даром что не отвлекался.

Точка — в десяти шагах от Кабрильо. Если по хайвею Стейт-роут-один считать — шестисотая миля Калифорнийского побережья. Уок застыл над находкой. Поднял глаза — увидел, что цепь движется дальше без него.

Он присел на корточки.

Туфелька. Красно-белая кожа, золоченая пряжечка. Ехавший по шоссе автомобиль сбавил скорость, фары выцепили склонившегося Уока.

Тут-то он ее и увидел.

Вдохнул поглубже и вскинул руку.

Часть I. Та, что вне закона

Уок стоял поодаль от разгоряченной толпы. Многих знал, сколько себя помнил; многие знали его, сколько себя помнили. Были еще приезжие, отпускники с фотоаппаратами и бездумными улыбками. Этим невдомек, что вода сейчас слижет далеко не одни только стены с крышей.

Здесь и репортерша с радиостанции «Кей-си-эн-эр».

— Пара вопросов, инспектор Уокер! Разрешите пару вопросов!

Он улыбнулся, сунул руки в карманы и хотел уже ответить, но в это мгновение толпа выдохнула, как один человек.

С характерным шорохом обрушилась кровля, поползла с обрыва в океан. Пошаговый распад; несколько минут — и дом умалается до фундамента, который в данном случае можно уподобить скелету. Жилище Фейрлонов; в детстве Уока отсюда до полосы прибоя было целых пол-акра. Год назад этот утес объявили опасной зоной, огородили. Приезжали люди из Калифорнийского департамента дикой природы; делали замеры, фиксировали скорость почвенной эрозии.

Щелчки фотоаппаратов и оживление, не подобающее ни местным, ни чужим; грохот шифера, трещина по парадному крыльцу. Милтон, мясник, встав на одно колено, успел сделать кадр на миллион. Флагшток накренился, флаг обвис.

Младший сын Тэллоу подошел слишком близко. Мать схватила его за ворот, дернула с такой силой, что пацан шлепнулся на пятую точку.

Казалось, солнце падает в океан вместе с домом; водная гладь была раскромсана на полоски — оранжевые, лиловые, еще бог знает какие; названий оттенкам пока не придумали. Репортерша получила свое; интервью и пара снимков станут клочком истории — столь незначительным, что его выпадение не потянет даже на прореху.

Уок огляделся. Заметил Дикки Дарка. Великан — росту почти семь футов, глаза безучастные. Связан с недвижимостью. Владеет несколькими кейп-хейвенскими домами да еще клубом в Кабрильо. Заведение той руки, где порок идет по десять баксов, а разборчивость неуместна.

Прошел еще час. Ноги Уока затекли, а крыльцо все никак не отваливалось; когда же в итоге рухнуло — зрители подавили порыв заплодировать. Потоптались чуть и разошлись жарить барбекю, пить пиво, жечь костры — их отсветы скрасят Уоку вечернее патрулирование. Толпа пересекла мощенную плитами улицу, потекла вдоль серой стены, сооруженной методом сухой кладки, однако до сих пор не тронутая эрозией. За стеной рос огромный дуб, такой древний, что для его ветвей были сооружены подпорки. Кейп-Хейвен всеми силами пытался сохранить себя в прежнем виде.

Однажды, так давно, что те времена и считаться едва ли могли, Уок забрался на этот дуб вместе с Винсентом Кингом. И вот он стоит — одна дрожащая рука на рукояти табельного оружия, другая — на ремне, на шее галстук, воротник форменной рубашки будто из цемента, ботинки блестят. Кое-кто в Кейп-Хейвене восхищается привязанностью Уока к родным местам, кое-кто его за это жалеет. Инспектор Уокер — капитан судна, которое так и не покинуло порт.

Девочку он заметил боковым зрением. Она шла против течения толпы и тащила за руку брата, едва за ней поспевавшего.

Дачесс^[2] и Робин, по фамилии Рэдли.

Ему пришлось пуститься бегом, чтобы нагнать детей.

Мальчику было пять. Он беззвучно плакал. Девочке было тринадцать. Она не плакала. Ни сейчас, ни вообще.

— Ваша мама, — произнес Уок с утвердительной интонацией. Констатировал факт столь трагический, что девочка даже не кивнула. Только развернулась и пошла первой.

Все трое двинулись по сумеречным улицам, мимо заборов из штaketника, мимо парадных дверей, украшенных гирляндами. Вошла луна. Она и направляла, и глумилась; обычное ее занятие в последние тридцать лет. Штaketник сменился зловеще-прекрасными виллами из экологичных стекла и стали; вилл была целая улица.

Дженесси-стрит, где Уок жил в старом доме, доставшемся ему от родителей, перетекла в Айви-Ранч-роуд. Вдали замаячил дом Рэдли. Приблизилась. Облупленные ставни, перевернутый велик во дворе, рядом валяется колесо. В городках вроде Кейп-Хейвена контрасты особенно ярки.

Уок оставил детей, бросился к дому. Свет не горел, однако через окно он видел, как мигает в гостиной телеэкран. Робин продолжал

плакать, взгляд девочки был тяжел и неумолим.

Стар, одетая полностью, но обутая лишь на одну ногу, лежала на диване. Рядом — бутылка. На сей раз обошлось без таблеток. Уок отметил, какая маленькая у нее ступня и какой свежий педикюр.

— Стар! — Он опустился на колени, похлопал ее по щекам. — Стар, очнись!

Уок говорил вполголоса, потому что под дверью ждали дети. Дачесс обнимала Робина; тот привалился к ней спиной, словно в маленьком его теле не осталось костей.

Уок велел девочке позвонить 911.

— Позвонила уже, — ответила Дачесс.

Пальцами он оттянул веки Стар, увидел только белки.

— Мама поправится? — пискнул Робин.

Уок поднял взгляд, прищурился на яркое небо. Хорошо бы раздалась сирена «Скорой помощи».

— Дачесс, ступай, «Скорую» встретить.

Девочка уловила посыл и вывела брата вон.

Стар содрогнулась всем телом. Ее вырвало, но несильно. Снова судорога, будто ее душа пребывала в руках Господа Бога (или, может, Смерти), и вот руки эти разжались. Целых тридцать лет минуло после Сисси и Винсента Кинга, но голова у Стар, судя по ее речам, по-прежнему забита идеями этернализма — якобы прошлое и настоящее сталкиваются, время оборачивается вспять, никакого будущего быть не может, ничего не исправишь.

* * *

Дачесс уехала на «Скорой». Договорились, что позднее Уок привезет Робина.

Санитар долго хлопотал над матерью. Дачесс испытывала к нему благодарность — он в ее сторону дурацких улыбок не кроил. Санитар был немолодой, лысеющий; от усилий взмок. Наверное, его достало откачивать всяких, которые так и так не жильцы.

Они немного постояли возле дома. Для Уока эта дверь всегда была открыта. Он положил руку на плечико Робина. Знал, что мальчик

нуждается во взрослом защитнике, утешается его кратковременным наличием.

В доме напротив шевельнулись занавески. Тени — и те выражали осуждение. Вдали Дачесс увидела ребят из своей школы. Раскрасневшиеся, они гнали на великах к их дому. Понятно. Там, где зонирование столь контрастное, что проблема выносится на первые полосы газет, новости быстро распространяются.

Двое мальчишек затормозили возле автомобиля Уока, прыгнули на землю, даже велики свои не поддержали, позволили им упасть. Тот, который повыше — запыхавшийся, с прилипшим ко лбу чубом, — осторожно двинулся к «Скорой».

— Умерла, что ли?

Дачесс вздернула подбородок, перехватила взгляд пацана и, удерживая его, выплюнула:

— Проваливай.

Заработал двигатель, дверь закрылась. Мир расплылся за тонированным стеклом. Автомобиль Уока и «Скорая» по очереди съехали по крутому спуску. Позади остался Тихий океан. Из воды у берега торчали скалы — словно головы утопающих.

Дачесс все смотрела в окно — пока не кончилась ее улица, пока деревья не соприкоснулись кронами, обозначив, что «Скорая» выехала на Пенсакола-стрит. Ветви были как ладони — смыкались в молитве за девочку и ее брата и разворачивались, как трагедия, старт которой был дан задолго до рождения их обоих.

* * *

Каждая ночь обрушивалась на Дачесс с неумолимой внезапностью, с посылом, что нового дня она не встретит — по крайней мере, в таком виде, в каком он является другим детям. Что до больницы «Ванкувер-Хилл», ее Дачесс знала как свои пять пальцев. Мать сразу повезли в палату. Дачесс застыла в коридоре, где полы, натертые до блеска, почти отражали ее фигурку. Она стояла, не отрывая взгляда от двери. Вскоре вошел Уок вместе с Робинотом. Дачесс перехватила ручонку брата, повела его к лифту. Они поехали на второй этаж. В семейной комнате, при тусклом свете, Дачесс составила вместе

два стула, выскользнула в коридор, взяла в подсобке несколько пышных одеял и устроила Робину постель. Мальчуган еле держался на ногах. Усталость обвела его глаза темными кругами.

— Писать хочешь?

Последовал кивок.

Дачесс отвела брата в уборную, осталась ждать. Через несколько минут под ее наблюдением он тщательно вымыл руки. Она нашла тюбик зубной пасты, выдавила каплю себе на палец и повозила по зубкам и деснам мальчика. Робин сплюнул, Дачесс промокнула ему рот.

В комнате она помогла брату разуться и вскарабкаться на импровизированную кровать. Он улегся, свернулся, как зверек. Дачесс подоткнула одеяло.

Казалось, больничная ночь удерживает взгляд Робина.

— Не бросай меня.

— Никогда не брошу.

— А мама поправится?

— Конечно.

Дачесс выключила телевизор. Комната погрузилась бы в полную тьму, если б не красная аварийная лампа. Свет был достаточно мягок, не мешал Робину заснуть. Дачесс шагнула к двери.

Вот так она и будет стоять, всю ночь продежурит. Никого сюда не пустит. Кому надо — пускай едет на третий этаж, там тоже есть семейная комната.

Через час пришел Уок. Раззевался, будто у него на то причина была. Дачесс знала, чем он занят по целым дням. Катается по хайвею от Кабрильо до Кейп-Хейвена и других таких же городков, что лежат на побережье. Красота немислимая; можно зажмуриться, открыть глаза в любой момент, глянуть в любую сторону — вид будет как фотка, снятая в раю. Ради этой красоты людям не влом тащиться через всю страну. Приезжают сюда к ним, дома скупают, которые потом по десять месяцев в году пустые стоят...

— Спит? — спросил Уок.

Дачесс кивнула.

— Я насчет мамы вашей узнал. Она поправится.

Второй кивок.

— Сходи возьми себе чего-нибудь в автомате — колы, например. Он там, сразу за...

— Знаю.

Дачесс обернулась. Брат спал крепко. Не шевельнется, пока его за плечико не потрясешь.

Уок протянул ей долларовую купюру, она заколебалась, но взяла.

Миновала коридор, купила в автомате содовую. Даже не пригубила — это для Робина. По дороге обратно к семейной комнате прислушивалась, когда могла — заглядывала в палаты. Писк младенцев, всхлипывания — жизнь. Иные пациенты лежали, подобно пустым скорлупкам. Эти — Дачесс знала — не оклемаются. Еще знала, что копы привозят сюда, в больницу, всяких отморозков — ручищи татуированы, рожи раскровянены. Потому и перегаром воняет. И хлоркой, и блевотиной, и дерьмом.

Дачесс прошла мимо дежурной медсестры. Получила улыбку. Ее тут почти все знали в лицо. Бедная девочка, вот же не повезло с мамашей...

Пока Дачесс не было, Уок притащил два стула, поставил под дверь. Дачесс села не прежде, чем проверила, не проснулся ли Робин.

Уок протянул ей жвачку, она отрицательно качнула головой.

Ясно: он хочет поговорить. Сейчас заведет про перемены: мама, типа, оступилась — с каждым случается, — но скоро всё будет иначе.

— Ты им не звонил.

Уок глядел вопросительно.

— В соцзащиту, говорю. Ты туда не звонил.

— А надо было.

Грусть в голосе. Будто Уок — предатель; либо Дачесс предаёт, либо значок свой полицейский.

— Но ты все равно звонить не станешь?

— Не стану.

Живот у него — аж рубашка трещит. Щеки толстые, румяные — как у балованного мальчишки, который ни в чем не знал отказа. Лицо открытое — невозможно представить, чтобы у человека с таким лицом были секреты. Стар всегда говорила, что Уок очень-очень хороший. Как будто в хорошесть дело...

— Шла бы ты поспала.

Они сидели под дверью, пока не начали гаснуть последние звезды. Луна позабыла свое место. Бледнела, как пятно на новом дне, как напоминание о том, что минуло. Окно было прямо напротив них. Дачесс прижалась лбом к стеклу — к деревьям в больничном дворе, к виду на океан, к обрыву, который — она знала — вот как раз за этими деревьями. Запели птицы. Взглядом Дачесс скользила дальше, дальше, пока не выцепила с полдюжины колеблющихся точек на полпути к горизонту. Это были траулеры.

Уок откашлялся.

— Твоя мама... в том, что с ней, виноват мужчина?

— Мужчина всегда виноват. Без мужчины ни одна дрянь на свете не происходит.

— Это был Дарк?

Дачесс застыла.

— Не можешь мне сказать?

— Я — вне закона.

— Понял.

У Дачесс в волосах был бантик, и она его трепала, дергала. Слишком она худенькая, слишком бледненькая, думал Уок. Слишком красивая — вся в мать.

— Здесь, в больнице, только что малыш родился, — сменил тему Уок.

— И как его назвали?

— Не знаю.

— Ставлю пятьдесят баксов, что не Дачесс.

Уок осторожно рассмеялся.

— Ну да, имя у тебя редкое. Экзотическое. Ты в курсе, что поначалу твоя мама хотела назвать тебя Эмили?

— «Шторм должен быть жесток»^[3].

— Точно.

— Она до сих пор этот стих Робину читает. — Дачесс села, закинула ногу на ногу, потеряла бедро. Кроссовки у нее были растоптанные, заношенные. — Скажи, Уок, этот шторм меня сметет?

Уок прихлебывал кофе — тянул время, будто ответ на ее вопрос мог оформиться сам собой.

— Мне нравится твое имя, — наконец выдал он.

— Побыл бы ты в моей шкуре. Родись я мальчишкой, меня назвали бы Сью^[4]. — Дачесс откинула голову; перед глазами замелькали яркие полосы. — Она хочет умереть.

— Ничего подобного. Даже не сомневайся.

— Не пойму, самоубийство — оно про безграничный эгоизм? Или про безграничное самопожертвование?

В шесть медсестра отвела Дачесс к матери.

Стар казалась тенью на койке. Человеческого в ней было всего ничего, материнского — еще меньше.

— А вот и Герцогиня Кейпхейвенская. — Она вымучила улыбку. — Все хорошо.

Дачесс молчала. Мать заплакала. Дачесс приблизилась, легла щекой ей на грудь. Подумала: странно, что сердце еще бьется.

Так они лежали вместе, пока не взошло солнце. Начался новый день — без света для Дачесс, без обещаний. Насчет последних — и лучше, что их нет. Потому что обещания — ложь.

— Я тебя люблю. Прости.

В другое время Дачесс, может, и высказалась бы. Но в тот момент ее хватило только на эхо материнских слов:

— Я тоже тебя люблю. И не сержусь.

Земля обрывалась за гребнем холма.

Солнце ползло по лазурному небосклону вверх. На заднем сиденье Дачесс крепко сжала ладошку Робина.

На их улице Уок сбавил скорость, возле их дома остановился. Дачесс и Робин вошли первыми, Уок — за ними. Он хотел приготовить завтрак, но в кухонных шкафах было пусто, хоть шаром покати. Уок сгонял в заведение Розы, вернулся с оладьями. Под его улыбку Робин съел три штуки.

Умыв брату личико и приготовив для него перемену одежды, Дачесс вышла в парадную дверь. Уок сидел на террасе, прямо на ступенях. Кейп-Хейвен просыпался, как всегда, без суеты. Проехал почтальон, появился Брендон Рок, сосед из дома напротив, размотал шланг и начал поливать лужайку. Ни один, ни другой ничем не выказали, что удивлены — почему, мол, возле дома Рэдли торчит автомобиль Уока? Вот и хорошо, подумала Дачесс. В следующую секунду она поняла: хорошего как раз мало.

— Подвезти вас с Робинсом в школу?

— Нет. — Дачесс села рядом с Уоком и зашнуровала кроссовки.

— Могу маму забрать домой.

— Она сказала, что Дарку позвонит.

Истинная природа дружбы между Стар и Уоком была неизвестна Дачесс. Она полагала, что Уок, как и остальные мужчины в Кейп-Хейвене, хочет трахнуть ее мать.

Ее взгляд скользнул по двору. Прошлым летом они с мамой задумали устроить настоящий сад. Робин купил леечку и бегал с ней туда-сюда, таскал воду, увлажнял землю. Раскраснелся, запыхался. Посеяли немофилу, мальвы, посадили краснокоренник.

Без ухода все растения погибли.

— Она не говорила, почему... из-за чего... всё? — мягко начал Уок. — Ну, вчера вечером?

Вопрос отдавал жестокостью. А жестокость не свойственна Уоку, считала Дачесс. Такое впечатление у нее сложилось главным образом потому, что тот ничего подобного раньше не спрашивал. Впрочем, ясно, почему сегодня он решился. Дачесс была в курсе насчет

Винсента Кинга и тети Сисси. Тетя Сисси покоилась над обрывом, под забором из штакетника, давно выбеленного солнцем. Каждый знал ее могилку. На том конце кладбища хоронили только детей. Тех, чьи жизни оборвал Бог — ага, тот самый, которому молились родители.

— Не говорила, — отрезала Дачесс.

За их спинами хлопнула дверь. Робин. Дачесс поднялась, пригладила брату волосы, послюнила палец и стерла пятнышко зубной пасты с его мордашки, затем проверила рюкзачок — не забыты ли учебник, дневник и бутылочка воды. Поправила ремешки на плечиках Робина. Мальчик улыбнулся, и Дачесс улыбнулась в ответ.

Брат и сестра стояли плечом к плечу, глядя, как уезжает Уок. Когда автомобиль достиг середины улицы, она, длинная, стала визуально короче. Дачесс обняла Робина, и вместе они вышли за калитку.

Сосед выключил шланг и двинулся, прихрамывая, по своей территории вдоль забора. Хромота была бы гораздо заметнее, если бы Брендон Рок не прикладывал столько усилий к ее маскировке. Крупный, широкоплечий, загорелый. В ухе серьга, стрижка «каскад», шелковый халат. Брендон Рок любил посидеть на скамейке возле гаража — дверь приподнята, окрестности сотрясает хеви-метал.

— Снова мать отличилась?.. Нет, пора, пора звонить в соцзащиту.

Казалось, голос, как и нос, в свое время сломали и не вправили. В одной руке Брендон Рок держал гантель, покачивал ею. Правая рука у него была заметно мускулистее, чем левая.

Дачесс обернулась.

Налетел ветер, распахнул полы халата.

Дачесс сморщила нос.

— Эксгибиционизм при несовершеннолетних. Я полицию вызову.

Под Брендоновым взглядом брат потащил ее прочь.

— Заметила, как у него руки тряслись? Я про Уока, — сказал Робин.

— Утром человеку всегда хуже.

— Почему?

Дачесс пожала плечами — мол, не знаю. На самом деле она знала. Стар и Уок переживают по одному и тому же поводу; наверняка Уок справляется с болью тем же способом, что и ее мать.

— Вчера мама ничего не говорила, а, Робин? Когда я у себя в комнате была?

В школе задали нарисовать семейное древо. Над ним-то Дачесс и корпела, когда Робин заколотил в ее дверь кулачками, когда закричал, что маме снова плохо.

— Она фотки повытащила — старые, на которых Сисси и дедушка.

Робин вбил себе в голову, что у них есть дедушка. Увидел на фото высокого мужчину — и всё, уже готов. Не самого дедушку, главное, а только снимок! Что из матери слова на эту тему не вытянуть, Робина и не смущало вовсе. Ему нужна была родня. Хотя бы одни имена; все равно они вроде подушки безопасности. Иначе и шагу не ступишь — страшно. Дачесс знала, о чем он мечтает. Чтоб по воскресеньям барбекю жарить с дядюшкой, чтобы с двоюродными братьями в футбол гонять — не хуже, чем ребята из класса.

— Ты слыхала про Винсента Кинга?

Они как раз переходили Фишер-стрит. Дачесс взяла Робина за руку.

— Почему ты спрашиваешь? Что тебе известно?

— Что он убил тетю Сисси. Тридцать лет назад. В семидесятые, когда каждый дядька ходил с усами, а мама причесывалась по-другому, чем как сейчас.

— Сисси нашей тетей не была.

— Была, — просто сказал Робин. — Она совсем как ты и мама. Вы трое почти одинаковы.

Дачесс добывала информацию по крупицам. Занималась этим последние несколько лет. В дело шло все — пьяный лепет матери, архивы в библиотеке окружного центра Салинас. И местная библиотека — Дачесс там всю весну трудилась над семейным деревом. Линию Рэдли проследила в глубь времен. Уронила книгу на пол, обнаружив свое родство со знаменитым Билли Блю Рэдли. Так и не пойманым, кстати. Повод для затаенной гордости, нечто особенное — этим Дачесс козырнет, когда настанет ее очередь выйти к доске. Зато со стороны отца — большущий вопросительный знак. Вроде крючка, которым пытаешься вытянуть из матери правду, а вытягиваешь скандал. Не раз, а целых два раза мать ложилась с мужчиной, дважды беременела, родила двоих детей, которым светит всю жизнь недоумевать, чья кровь струится в их жилах. «Шлюха» —

это слово, произнесенное едва слышно, на выдохе, вылилось для Дачесс в целый месяц домашнего ареста.

— Ты знаешь, что его сегодня из тюрьмы выпустят? — Робин говорил почти шепотом, будто страшную тайну раскрывал.

— Кто тебе сказал?

— Рикки Тэллоу.

Мать Рикки Тэллоу работала диспетчером в полицейском участке.

— Что еще сказал Рикки?

Робин стал глядеть в сторону.

— Отвечай, Робин.

Раскололся он на удивление быстро.

— Что Винсента Кинга надо было поджарить. Но тут мисс Долорес услышала и накричала на Рикки.

— А ты знаешь, как это — поджарить?

— Нет.

Дачесс опять взяла брата за руку — они пересекали Вирджиния-авеню. Здесь участки с домами были попросторнее. Кейп-Хейвен уверенно подбирался к океану; недвижимость с каждой следующей пляжной линией падала в цене по законам обратной пропорциональности. Насчет своего дома Дачесс не питала иллюзий — дом стоял на самой удаленной от пляжа улице.

Они с Робинком влились в толпу, которая приближалась к школе. Дачесс уловила шепот — что-то про ангелов и предопределенность.

У школьных ворот она еще раз пригладила Робину волосы и проверила, правильно ли застегнуты пуговицы его рубашки.

Садик находился сразу за Хиллтопской средней школой. Большую перемену Дачесс, как обычно, проведет возле забора, который разграничивает школьный двор и игровую площадку для малышей. Она должна отслеживать Робина. Тот будет ей махать и улыбаться; она будет жевать сэндвич и смотреть в оба.

— Веди себя хорошо.

— Ага.

— Про маму никому ни слова.

Дачесс обняла брата, поцеловала в щеку, дождалась, пока появится мисс Долорес, пока заметит Робина. Лишь убедившись, что брат под опекой воспитательницы, Дачесс направилась к школе, нырнула в толпу ребят.

На крыльцо, где вокруг Нейта Дормена тусовались подлипалы, Дачесс всходила с низко опущенной головой. Не сработало. Нейт — воротник рубашки торчком, рукава закатаны, видны жилистые предплечья — буквально вырос перед ней.

— Говорят, мамаша твоя снова в дерьмо вляпалась.

Подлипалы заржали хором.

Дачесс резко подняла взгляд.

Нейт не стушевался.

— Чего вылупилась?

Она все смотрела ему в глаза. Потом отчеканила:

— Я — Дачесс Дэй Рэдди, и я вне закона. А ты, Нейт Дормен, — трусливый койот.

— Психопатка.

Дачесс сделала шаг вперед. Заметила, как судорожно сглотнул Нейт.

— Еще слово о моей семье вякнешь — башку тебе оторву, ублюдок.

Нейт попытался рассмеяться. Не очень-то у него получилось. О Дачесс он всякого наслушался. Субтильная, со смазливой мордашкой — это верно. Зато если разъярится — знай держись. Тогда и приятели не вступятся.

Дачесс проследовала в открытую школьную дверь. До нее донесся шумный выдох Нейта Дормена. Дачесс не оглянулась — Нейт мог заметить, что у нее глаза красные после очередной мучительной ночи.

Целую милю продолжалась застывшая пляска утесов, обреченных эрозии. Далее шоссе выныривало к бухте, огибало ее по самому краю, чтобы скрыться в дубовой роще на Клируотер-Коув. Уок удерживал скорость — тридцать миль в час, не больше.

Простившись с Дачесс и Робинотом, он поехал к дому Кинга. Стреб листву с дорожек, собрал мусор во дворе. Обычное его еженедельное занятие в последние тридцать лет.

Оттуда направился в полицейский участок. Отметился у Лии Тэллоу, диспетчерши. Собственно, только они двое и работали. Уок за всю жизнь ни дня не пропустил. Готов был сорваться по первому звонку. За сменой времен года, за приездом-отъездом курортников наблюдал из окна. Периодически ему оставляли объемистые корзины — на добрую память. Вино, сыр, шоколад... Тем не менее что ни год, в брючном ремне приходилось буравить новую дырку.

Правда, была еще одна сотрудница, на полставки — Лу-Энн. Являлась, если в ней возникала нужда, — например, когда в их краях проходили парады, шоу всякие. Или просто когда домашние хлопоты до воя опротивеют.

— Ну что, готов? В смысле, к возвращению Кинга?

— Я лично еще тридцать лет назад подготовился; с тех пор — как штык. — Уок старался контролировать свою улыбку. — Сейчас у меня обход; на обратном пути слоек куплю, пирожков...

Каждое утро он прохаживался по Мейн-стрит. Этакий полицейский ритуал — уверенный шаг, деловитое выражение лица. Учился по сериалам. Одно время носил усы, как Томас Салливан Магнум^[5]; «Медицинский детектив»^[6] с блокнотом и ручкой смотрел. Даже купил бежевый плащ. Вот подвернется настоящее дело — а он, Уок, во всеоружии.

На Мейн-стрит фонарные столбы щеголяли флажками, сверкающие внедорожники плотно стояли у тротуара, практически по всей длине затененного зелеными маркизами. Кертис Паттерсонс загородил выезд своим «мерсом». Уок не стал выписывать штраф. При встрече он по-дружески посоветует Кертису впредь быть внимательнее.

Мясная лавка. Миновать ее, избегнуть разговора с Милтоном. Уок ускорил шаг, но Милтон уже вышел, подпер притолоку. Белый фартук в красных пятнах, пальцы тискают полотенце — будто вся эта кровища вот так вот запросто стирается.

— Доброе утро, Уок.

Зверообразный Милтон. Ни дюйма на теле не найдется, где не курчавились бы жесткие волосы. Тип из тех, кому надо бриться трижды в день, причем по скулы включительно — иначе какой-нибудь заезжий владелец зоопарка стрельнет в него дротиком со снотворным.

В окно был виден олень, подвешенный на крюк. Может, еще вчера бродил по хвойным лесам Мендосино, и вот — убит Милтоном и вздернут. Милтон — заядлый охотник. Как сезон начинается — он мясную лавку закрывает, нахлобучивает войлочную шляпу, загружает в свой «Джип Команч» ружья, одеяла и сумку-холодильник с баночным пивом... Уок однажды не придумал внятной отмазки — и пришлось ехать охотиться с Милтоном.

— Ты Брендона Рока уже допрашивал? — Слова, особенно имя «Брендон Рок», были практически выплюнуты. Будто Милтону дыхания не хватило на нормальную фразу, будто он запыхался неизвестно с чего.

— Еще нет, но он в списке.

Брендоновский «Мустанг» имел проблемы с системой зажигания. Пыхал выхлопами, чихал и громыхал, да так, что, когда это случилось впервые, половина соседей кинулась звонить в полицию. Брендон так ничего и не предпринял, и улица задыхалась.

— Я уже в курсе. Насчет Стар. Опять ее угораздило. — Кровавой тряпкой Милтон отер пот со лба. Поговаривали, что он питается исключительно мясом. Если так — понятно насчет волосатости.

— Стар в порядке. На этот раз ей просто стало нехорошо.

— Я все видел. Безобразие. Еще и при детях.

Милтон жил аккурат напротив Рэдли; Стар и детьми интересовался скорее от одиночества, а не по должности (возглавляемый им Соседский дозор давно уже не котировался на Айви-Ранч-роуд).

— А ты всегда все видишь, Милтон... Тебе бы в полиции работать.

Милтон только рукой махнул.

— Мне и Дозора хватает. Вон, «десять — пятьдесят один» передали на днях.

— «Необходим эвакуатор», — расшифровал Уок.

Тен-кодами^[7] Милтон швырялся направо и налево.

— Повезло ей, что ты ее опекаешь... — Милтон извлек из кармана зубочистку и занялся мясной ниткой, что застряла у него меж передних зубов. — Я тут про Винсента Кинга думал. Говорят, он сегодня выходит — это правда?

— Правда.

Уок нагнулся, подставив солнцу открытый участок шеи; поднял банку из-под пива, бросил в урну.

Милтон присвистнул.

— Тридцать лет, Уок.

Должно было быть десять, и то — в худшем случае. И было бы, если б не драка. Отчета о ней Уок не видел, знал только, что на его друге две смерти. Десять лет переросли в тридцать, непредумышленное убийство — в умышленное с особой жестокостью; пацан вырос в мужчину.

— Тот день из памяти не выкинешь. Так и вижу — идем мы все цепью, ищем... Слушай, а Винсент — он в Кейп-Хейвене будет жить?

— Да, насколько мне известно.

— Ты ему скажи: если что надо, пускай ко мне придет — ага, сюда, в лавку. Или даже вот как: оставлю-ка я для него пару свиных ножек. На гостинец.

Уок не нашелся с ответом.

— Житуха... — Милтон кашлянул, уставился себе под ноги. — Суперлуние нынче. Красотища. А я как раз выписал новый телескоп, и его уже доставили — видишь, как кстати? Короче, сейчас я малость занят, а вот вечером, если тебе интересно, ты, может, зайдешь...

— Нет, у меня дела. В другой раз.

— Ладно. После смены сюда загляни, я для тебя шмат шеи приберегу. — Милтон кивнул на вздернутого оленя.

— Вот этого не надо. — Уок попятился, спохватился, хлопнул себя по животу. — Куда мне лишнее мясо?

— Не волнуйся, оленина — она нежирная совсем. Если грамотно приготовить — потушить, — пальчики оближешь. Я бы тебе сердце

предложил, но в него как раз пуля угодила, а это значит, аромат уж не тот...

Уок прикрыл глаза. Подступала тошнота, руки тряслись. Милтон это заметил. По его физиономии стало ясно: сейчас будут вопросы и комментарии. Уок поспешил прочь.

Огляделся — никого. Проглотил две таблетки. Без них уже нельзя. Осознание факта зависимости в очередной раз отозвалось резкой болью.

Он шел мимо кафешек и магазинов, то и дело бросая лаконичные приветствия. Помог миссис Астор погрузить покупки в машину, терпеливо выслушал соображения Феликса Коука относительно трафика на Фуллертон-стрит.

Остановился под вывеской «Деликатесы Бранта». Витрина соблазняла горками печенья, слоек, пирожков, а также всевозможными сырами.

— Здравствуйте, инспектор Уокер.

Элис Оуэн. Волосы гладко причесаны, на лице боевая раскраска, даром что одета как на работу. В руках трясется собачонка непонятной породы; тощая — хоть ребрышки пересчитывай. Уок хотел ее погладить, но жалкое создание вдруг злобно ощерилось.

— Не подержите мою Леди, пока я в «Деликатесы» заскочу? Я на секундочку.

— Давайте. — Уок потянулся за поводком.

— Нет-нет, на землю не ставьте! Мы только что с педикюра, у нас повышенная чувствительность ногтей.

— В смысле, когтей?

Элис молча сунула ему свое сокровище и шмыгнула в магазин.

Через окно Уок наблюдал, как она, сделав заказ, треплется с приезжей бездельницей. Прошло десять минут. Десять минут собачьего влажного дыхания прямо в лицо.

Наконец появилась Элис. Поскольку обе руки у нее были заняты покупками, пришлось топтать за ней, нести собачонку к внедорожнику. Уложив покупки в багажник, Элис сказала «спасибо», полезла в бумажный пакет, извлекла и сунула Уоку вафельную трубочку-канноли с начинкой из рикотты. Уок устроил целое шоу — дескать, не надо, не возьму, — но слопал канноли в два укуса, едва только Мейн-стрит осталась позади.

Он прошелся по Кассиди-стрит — но не до конца, а до того места, откуда можно было срезать путь к Айви-Ранч-роуд. Постоял у Стар Рэдди на крыльце. Из дома слышалась музыка.

Стар открыла прежде, чем Уок успел постучать. Улыбнулась по-особенному — именно из-за этой улыбки Уок до сих пор с ней и нянчится. Опустошенная, но прелестная; конченная, но с этим невозможным сиянием в глазах — такова Стар. Уок удивился, увидев на ней розовый передник. Будто она печенья вздумала напечь. При том что в кухонном шкафу мышь повесилась.

— Добрый день, инспектор Уокер.

Против воли он улыбнулся.

В небыстром темпе крутился потолочный вентилятор. На гипсокартонных стенах местами отошли обои. Шторы держались всего на нескольких кольцах, будто Стар, отчаянно отгораживаясь от дневного света, оборвала их судорожными движениями. Радио было включено на полную громкость, «Линэрд скинэрд» пели о милой Алабаме, и Стар подергивалась в такт, пританцовывая, собирала по кухне пивные банки и коробки из-под «Лаки страйк», набивала мусорный пакет. Успевала еще и улыбаться Уоку — широко и открыто, по-девчоночьи. Годы не изменили ее сути. В юности беззащитная, отчаянная — из «трудных», — она такой и осталась.

Изящный поворот — и в мешок отправилась пепельница из фольги.

Над камином висела фотография — они двое, обоим по четырнадцать. Полная готовность к будущему. Предвкушение будущего.

— Голова болит?

— С головой всё супер. Мысли, знаешь, как-то упорядочились. О вчерашнем думаю. Спасибо тебе. Только вот что мне кажется: я в этом — ну ты понимаешь — нуждалась. Напоследок. Наверное. Зато теперь все прояснилось. — Стар щелкнула себя по виску и продолжила уборку, по-прежнему пританцовывая. — Дети — они ведь ничего не видели, правда?

— Нам обязательно обсуждать это именно сегодня?

Песня про милую Алабаму кончилась. Стар перестала подергиваться, отерла пот со лба, собрала волосы в тугий хвост.

— Было, да сплыло. Дачесс в курсе?

Нормально. Стар спрашивает Уока про собственную дочь.

— Весь город в курсе.

— Как думаешь, он изменился?

— Мы все изменились, Стар.

— Ты — нет.

Стар имела в виду выразить восхищение — Уок уловил одну гадливость.

Винсента он не видел пять лет. Пытался пробиться к нему, только напрасно. В первое время ездил на свидания с Грейси Кинг, в старом «Бьюике». Судья упек его друга — пятнадцатилетнего мальчишку — в тюрьму, где мотали срок взрослые дядьки. А потому что на суде слово взял отец погибшей. Говорил о Сисси — какая она была, какое чудо из нее выросло бы. Присяжным продемонстрировали фотографии с места трагедии — маленькие ножки, окровавленная ладошка. Звонили директору школы, Хатчу, — спрашивали о Винсенте. В ответ слышали: проблемный юноша.

Для дачи показаний вызвали Уока. Отец не спускал с него глаз. Коричневая рубашка, честное лицо; Уокер-старший — прораб из «Тэллоу констракшн». Компания владела фабрикой, в дыму которой задохнулись мечты соседнего городка стать, как и Кейп-Хейвен, курортным. Тем летом Уок начал ездить с отцом на стройку. Всерьез думал о работе в «Тэллоу констракшн». Напяливал комбинезон, стоял, смотрел на серый грунт в котловане, на трубы. Недра земные завораживали, строительные леса возвышались подобно собору.

В зале суда Уок встретил отцовский взгляд, прочел в нем гордость и правдивыми, исчерпывающими своими показаниями предрешил судьбу Винсента.

— Я не обязана и дальше жить одним прошлым, — сказала Стар.

Уок сварил кофе и вышел с чашками на террасу. Птицы, отнюдь не паникуя, спорхнули с качелей. Уок уселся на старом стуле.

Стар стала обмахивать разгоряченное лицо.

— Сам его заберешь?

— Он написал, чтобы я не утруждался.

— Но ты все равно поедешь?

— Да.

— Не рассказывай ему... про меня. Ну и про все про это.

Коленка у Стар подрагивала, палец выбивал дробь на ножке стула — куда только девалась недавняя оживленность?

— Он же будет спрашивать.

— Мне его не надо. Ни в этом доме, ни вообще.

— О'кей.

Она прикурила и закрыла глаза.

— Я слышал о новой программе, которая...

— Стоп. — Стар вскинула руку. — Сказала ведь уже. Покончено с этим. Точка.

Много лет Уок возил ее в Блейр-Пик. Ежемесячно. Психиатр попался толковый, прогресс был налицо. Уок переживал сеансы в забегаловке — они длились по три часа, а порой и больше. По окончании Стар ему звонила. Иногда с ними ездили Дачесс и Робин. Устраивались на заднем сиденье, молча смотрели в окно — словно видели позади блаженное неведение, от которого их уносил автомобиль.

— Так не может продолжаться.

— А ты сам что — разве «колеса» больше не глотаешь?

Уок хотел объяснить, что нынешние его «колеса» — совсем не те и не для того, что прежние. Задался вопросом — а в чем, собственно, отличие? У них со Стар у обоих — зависимость, если называть вещи своими именами.

Стар стиснула его руку, плохо рассчитав силы.

— У тебя рубашка кремом заляпана.

Уок скосил глаза. Стар засмеялась.

— Хороша парочка... Знаешь, порой я это прямо чувствую.

— Что?

— Что нам по пятнадцать, глупыш.

— Мы повзрослели.

Стар выпустила идеально круглое колечко дыма.

— Я — нет. Ты, Уок, стареешь, а я... для меня все только начинается.

Он расхохотался, она подхватила. И впрямь, хороша парочка. Тридцати лет как не бывало, клубок размотался, в остатке — двое подростков с подначками и пустой болтовней.

Они просидели вместе еще час. Молчали, но молчание не было напряженным. Каждый без слов знал, что на уме у другого —

единственная мысль, единственная фраза: «Винсент Кинг
возвращается домой».

Уок не столько смотрел на дорогу, сколько косился на горизонт, откуда, набирая скорость, разворачивался рулон золотого шелка, катился к побережью, чтобы, ударившись о скалы, подать назад с тугим, упругим гулом.

Исправительное учреждение находилось в графстве Фейрмонт, в ста милях к востоку от Кейп-Хейвена.

Тучи громоздились, как проступки, ошибки, стечения обстоятельств. Все, кого в этот час вывели на прогулку, разом застыли, запрокинув головы к небесам.

Уок вырулил на пустырь, заглушил двигатель. Вой сирен, окрики конвойных, вопли заключенных. Их души — тоже вроде океанского вала, которому еще катить и катить, глотать мили прерий, в которые Бог и не заглядывал.

Место не для пятнадцатилетнего пацана — неважно, что за ним числится. Судья в Лас-Ломасе бровью не повел, объявляя, куда конкретно упекают Винсента; вогнал в ступор всех присутствовавших. Мир тогда пошатнулся. После Уок думал о том злосчастном вечере; ущерб не свелся к одной только детской смерти. Он расползся паутиной, которая затянула слишком многих так или иначе причастных. Беда пошла по второму кругу, свежесть и новизну жизни испакостил распад. Уок помнил, как это сказалось на отце Стар, и ежедневно наблюдал в ней самой; однако знал, что хуже всех приходится Дачесс, ибо ночь тридцатилетней давности громоздится на хрупких ее плечах.

Уок вышел из машины, кивнул охраннику Кадди — высокому, худощавому, улыбчивому. Вот тоже — персонаж... По обстоятельствам службы должен был ожесточиться — но остается приветливым и добрым.

— Что, Винсента Кинга забирать? Присматривай за ним в Кейп-Хейвене; и за остальными тоже. — Кадди заулыбался шире, добавил: — Как там у вас вообще? По-прежнему райское местечко?

— Да.

— Эх, сюда бы сотню таких, как Винсент... Тихий — не видно его и не слышно, хоть любого из наших спроси.

Кадди двинулся к воротам, Уок подладился под его шаг.

За первыми воротами были вторые. Лишь после них открылось здание тюрьмы, выкрашенное в зеленый цвет. Кадди утверждал, что краска обновляется каждую весну.

— Нет цвета полезнее для глаз, чем зеленый. Успокаивает, о прощении говорит и о личностной трансформации.

Двое мужчин, сжав от старания рты, возили кистями по бордюру.

Кадди приобнял Уока за плечи.

— Винсент Кинг положенное отсидел, но сам еще этого факта не осознаёт. Ему время потребуется. Если что — сразу звони мне, договорились?

Уок остался ждать в приемной. Окно выходило во двор, заключенные наматывали круги. Головы у всех высоко подняты, будто Кадди объяснил им про грех стыда. Если б не шрам колючей проволоки, от пейзажа дух захватывало бы. Поистине, из окна открывалась земля обетованная. Люди в оранжевых робах были собой прежними — то есть группкой потерявшихся детей.

Пять лет назад Винсент полностью отказался от свиданий. Если б не глаза, Уок мог бы его и не узнать — к нему вышел высокий, очень худой, почти истощенный мужчина со впалыми щеками, и ничего общего не было у него с самоуверенным юнцом, которого некогда поглотили эти стены. Ничего, кроме синевы глаз, — да и та поблекла.

А потом Винсент улыбнулся. О, эта улыбка, причина подростковых передраг и способ выпутаться! Не счесть, сколько раз Уок влипал из-за Винсента и вместе с Винсентом, и сколько раз улыбка улаживала дело. И ввали, всё ввали Уоку: дескать, тюрьма — она людей меняет. Вот его друг — такой, как прежде.

Уок шагнул к Винсенту, распростер объятия, но смутился и ограничился тем, что несмело протянул руку.

Винсент будто не понял. Будто забыл, что руку можно протягивать для простого пожатия. Опомился, взял, легонько тряхнул.

— Я ж говорил — не стоит за мной ехать. — Произнесено было вообще без интонации, очень тихо. — Но все равно спасибо.

Его жесты были скованны, как на церковной службе.

— Рад тебя видеть, Вин.

Винсент принялся заполнять бумаги. Охранник молча наблюдал. Ничего особенного: очередной преступник отсидел тридцатник и вот

выходит. Какие тут комментарии? Калифорнийская рутина.

Через полчаса они были у внешних ворот. Не спешили уехать — к ним направлялся Кадди.

— На воле не просто придется, Винсент.

Кадди обнял его — коротко и крепко; обрушил субординацию длиной в тридцать лет.

— Более половины, — заговорил он, удерживая Винсента в объятиях, — именно столько ребят сюда возвращается. Смотри, не стань одним из них.

Сколько раз за годы службы ронял Кадди эту вескую фразу — вот о чем думал Уок, когда они с Винсентом, плечом к плечу, шли к машине.

Винсент хлопнул по капоту, поднял взгляд на Уока.

— Никогда не видел тебя в полицейской форме. Правда фотографию одну мне показывали... Только это не то. Не так воспринимается. Теперь ясно: ты настоящий коп.

Уок улыбнулся.

— Ну да.

— Не уверен, что мне можно и нужно водиться с копом.

Уок рассмеялся. Не ожидал, что облегчение от шутки будет столь ошеломительным.

Поначалу он вел на низкой скорости. Заметил жадный Винсентов взгляд — опустил стекла. Пусть Винсент вбирает каждую деталь, пусть дышит свежим ветром. Уоку хотелось поговорить, но он не нарушил словами полусна первых нескольких миль.

— Я тут вспоминал, как мы пробрались на «Святую Розу», — начал он максимально обыденным тоном. Не надо Винсенту знать, что всю дорогу к тюрьме Уок сочинял и оттачивал фразы, подходящие, чтобы запустить разговор.

Винсент поднял глаза, чуть улыбнулся. Он тоже помнил.

Был первый летний день, им — по десять лет. Рано утром они примчались на великах к условленному месту. Скатились по склону к воде, велики спрятали, а сами залезли в траулер, под брезент. Чуть не задохнулись, когда солнце поднялось выше и начало припекать. Тарахтел, пульсировал мотор, шкипер Дуглас и его парни правили в океанскую бесконечность — в Уоке до сих пор живы те, давние ощущения. Дуглас даже не рассердился, даже не выбранил их с

Винсентом, когда они выползли из своего укрытия. Связался по рации с берегом, заявил, что найдет чем занять пацанов. И правда — Уок никогда так не вкалывал. Он и палубу драил, и ящики чистил. Запах рыбьей крови казался ерундой — главное, они плыли, главное, в непосредственной близости, за бортом, кипела жизнь.

— Кстати, шкипер Дуглас до сих пор работает. Фрахтованием ведаёт один парень, Эндрю Уилер. Дугласу, наверное, уже восемьдесят стукнуло.

— Ох и попало мне в тот вечер от матери... — Винсент кашлянул. — Спасибо, что похороны организовал.

Уок потянулся к щитку от солнца, опустил его.

— Может, расскажешь о ней? — Винсент дернулся, поменял положение — сел с ногами. Лодыжки оголились на дюйм.

Уок затормозил перед железнодорожным переездом, перед товарняком: стальные коробки вагонов, ржаво-красная краска, зубодробительный лязг.

Проехали, свернули к городку, который жил, покуда велись работы в шахтах. Только тут Уок выдавил:

— Она в порядке.

— У нее дети.

— Дачесс и Робин. А помнишь, как мы впервые увидели Стар?

— Помню.

— Взглянешь на Дачесс — в тот самый день и вернешься.

Впрочем, Винсент, судя по выражению лица, уже и так вернулся в тот день, когда отец Стар прикатил в Кейп-Хейвен на своей «Ривьере». Уок с Винсентом гоняли на великах. Заметили сквозь заднее стекло, что незнакомый «Бьюик» набит под завязку свертками, коробками, чемоданами. Чужая, новая жизнь. Уок и Винсент стояли плечом к плечу, вцепившись в рули своих «Стелберов»; солнце жарило им загривки. Мужчина — крупный, широкоплечий — первым выбрался из автомобиля. Смерил их оценивающим взглядом, будто насквозь видел, что они собой представляют. Два пацана, у которых предел мечтаний — найти бейсбольную карточку Уилли Мэйса^[8], да и помышлять о таком они дерзнули только потому (Уок это крепко помнил), что Винсентов магический шар-восьмерка^[9] предрек им удачу в скором будущем. Мужчина нырнул в автомобиль и снова появился с маленькой девочкой на руках. Девочка — Сисси Рэдди — видимо,

спала всю дорогу. Не проснулась она и сейчас. Отец держал ее, прижимая к себе, ощупывая взглядом улицу, на которой ему с семьей предстояло поселиться. Ребята хотели уже ехать к Уоку (в разгаре было сооружение древесного дома), но тут задняя дверь «Ривьеры» открылась, чтобы явить пару ног, длиннее которых Уок и не видывал. Винсент тихо выругался и, разинув рот, уставился на девчонку — их ровесницу, ошеломительную, как Джули Ньюмар^[10]. «Охренеть!» — повторил Винсент. Но тут подоспел отец девчонки, погнал ее к дому, который еще недавно принадлежал Клейману. Девчонка, однако, прежде чем скрыться, остановилась на подъездной дорожке и обернулась к ребятам: голова склонена набок, ни тени улыбки, взгляд пристальный, жгучий. Под этим-то взглядом Винсент и спёкся.

— Я скучал по тебе. Я бы приезжал, если б не твой запрет. Каждую неделю приезжал бы на свидания — сам знаешь.

Винсент продолжал глядеть по сторонам с жадностью человека, для которого единственным окном в мир целую жизнь являлся телевизор.

Они остановились не доезжая Хэнфорда, у закусочной на Централ-Велли-хайвей. Заказали бургеры. Винсент едва осилил половину. Он и там, сидя за столом, не отрывался от окна. Вот прошла женщина с ребенком, вот проковылял старик — сторбленный, словно тащил на плечах все свои годы до единого. Что он видит, Винсент? Автомобили неизвестных марок? Сетевики, которые по телику мелькают? Для Винсента жизнь закончилась в семьдесят пятом, а ведь уже с миллениума целых пять лет миновало. Они, пацаны, как две тыщи пятый воображали? Всюду летательные аппараты и роботы вместо облуги. А имеют — то, что имеют.

— Мой дом...

— Я за ним слежу. Крыша прохудилась, крыльцо подгнило. Нужен ремонт.

— Само собой.

— Дикки Дарк — ну, этот, из строительной компании — очень заинтересован. Всю весну, каждый месяц появлялся. Если, говорит, ты захочешь дом продать...

— Не захочу.

— Ясно.

Уок замолчал. Он передал, что просили. Если Винсенту нужны деньги, покупатель на его дом — последний в ряду на Сансет-роуд — имеется.

— Готов ехать домой, Вин?

— Я только что из дому.

— Нет, Вин. Нет.

В Кейп-Хейвене, понятно, их с оркестром не встречали. Ни пикника по случаю возвращения, ни дружелюбных лиц, ни даже обычных зевак. Уок заметил: перед подъемом на утес Винсент вдохнул поглубже. Несколько мгновений — и под ними простерся Тихий океан. До самой воды теснились среди сосен новенькие виллы.

— Понастроили, — буркнул Винсент.

— Понастроили, — отозвался Уок.

Сначала, конечно, горожане сопротивлялись. Но несильно, потому что каждому было выплачено обещанное — цент в цент. Мелкие предприниматели, такие как Милтон, говорили за всех, упирали на усталость от борьбы. Эд Тэллоу твердил, что его строительная компания едва сводит концы с концами.

Кейп-Хейвен, разбросанный по утесам; безмятежный и словно законсервированный во времени бывший пригород Анахайма. Каждый новый кирпич ложился на детство Уока, крушил воспоминания, которые одни только и служили ему пресловутой соломинкой.

Уок покосился на руки Винсента. Костяшки пальцев испещрены шрамами. Ну правильно. Винсент и пацаном никому спуску не давал.

Наконец дорога стала забирать вниз, и открылась Сансет-роуд, где кинговский дом торчал в одиночестве — наводил тень на белый день.

— Соседи съехали, что ли?

— Съехали. В смысле, сползли. В океан. Утесы рушатся, совсем как Пойнт-Дьюм. Дольше всех держался дом Фейрлона, но вчера и его не стало. Твой дом стоит поодаль, и вдобавок пару лет назад здесь построили волнорез.

Винсент взглянул на остатки фейрлоновского двора, на полицейскую ленту, которая отнюдь не казалась неуместной. Дома, расположенные поодаль, нейтрализовали ощущение, будто Кингу жить теперь на отшибе, но расстояние до этих домов было все же достаточным, чтобы каждый понимал, с какой конкретно точки открывается самый потрясающий вид.

Винсент выбрался из машины, прищурился на гнилой конек крыши, на упавшие ставни.

— Я тут траву косил, — сказал Уок.

— Спасибо.

Уок прошел за Винсентом по извилистой дорожке, поднялся на крыльцо, очутился в прохладном полутемном холле. Бумажные обои с цветочками — привет из семидесятых; миллион бархатных воспоминаний.

— Я постель перестелил.

— Спасибо.

— И продуктов привез — они в холодильнике. Курица и еще...

— Спасибо.

— Не обязательно благодарить за каждую мелочь.

Над камином висело зеркало; Винсент прошел мимо даже не подняв глаз. Он теперь двигался иначе — каждый жест был продуман и выверен. Уок знал, что в первое время — целых несколько лет — Винсенту приходилось очень тяжело, и речь шла не о слезах в подушку, а об участии симпатичного юноши, помещенного к законченным выродкам. Уок и Грейси Кинг писали письма — и судье, и в Верховный суд, и даже в Белый дом. Умоляли хотя бы перевести Винсента в одиночную камеру. Ни черта не добились.

— Посидеть с тобой?

— Не надо. Езжай, занимайся своими делами.

— Хорошо. Попозже загляну.

Винсент проводил Уока до двери и протянул руку для пожатия.

Уок же обнял его — друга, который наконец-то вернулся. И не позволил себе задержать мысль на том факте, что Винсент вздрогнул, что напрягся в его объятиях.

Оба повернули головы на шум двигателя. По Сансет-роуд ехал знакомый внедорожник «Эскалейд».

Дикки Дарк остановил машину, вылез. В громоздком своем теле ему было неловко, как в костюме не по росту. Он держался ссутулившись, не поднимал глаз. Пиджак, рубашка, брюки — всё черного цвета. И он всегда так одевался. Будто напоказ траур носил.

— Винсент Кинг, меня зовут Дикки Дарк. — Голос глубокий, серьезный. Ни намека на улыбку. Улыбки Дарка вообще никто не видел.

— Я получал ваши письма, — сказал Винсент.

— Город изменился, не так ли?

— Так. Кроме дерева желаний, я здесь ничего не узнаю. Помнишь, Уок, под корнями у нас была сигаретная заначка?

Уок рассмеялся.

— Помню. А еще мы там держали упаковку «Сэма Адамса»^[11].

Помедлив, Дарк обдал Уока парализующим холодом глаз, после чего переключил внимание на Винсентову собственность.

— Последний на улице дом ваш. И участком владеете вы, Кинг.

Винсент взглянул на Уока.

— Миллион плачу. Нынешняя стоимость — восемьсот пятьдесят тысяч, учитывая, в каком состоянии находится дом. А рынок — он изменчивый.

— Дом не продается.

— Я даю хорошую цену.

Уок улыбнулся.

— Отстань, Дарк. Человек наконец-то дома, а ты...

Дарк еще некоторое время сверлил Винсента глазами, потом развернулся и не спеша зашагал прочь — такой огромный, что даже протяженность его тени казалась неестественной.

Винсент неотрывно смотрел ему вслед, будто видел нечто не доступное Уоку.

* * *

Робину разрешалось оставаться в классе на три часа дольше, чем остальным детям. Под присмотром мисс Долорес он ждал, пока у сестры закончатся занятия в школе. Мисс Долорес согласилась сравнительно легко — во-первых, потому, что за Робина просил Уок, а во-вторых, потому, что сам Робин не доставлял ни малейших хлопот.

Увидев сестру, он живо собрал вещи, подхватил рюкзачок и бросился навстречу. Дачесс присела перед ним на корточки, обняла его, помахала мисс Долорес, и они пошли домой.

Дачесс помогла брату с ремешками рюкзачка. Убедилась, что он не забыл в садике ни хрестоматию, ни бутылочку воды. Округлила

глаза, увидев нетронутый сэндвич.

— Ты почему не поел?

— Прости.

Они вышли на стоянку, миновали припаркованный школьный автобус и несколько родительских внедорожников. Поодаль, на лужайке, разговаривали учителя. Чуть дальше ребята гоняли футбольный мяч.

— Нужно кушать, Робин.

— Да, только...

— Что?

— Ты дала мне один хлеб. В серединке, между ломтиками, пусто, — с неохотой сообщил Робин.

— Не выдумывай.

Робин глядел себе под ноги.

Дачесс развернула пакетик с завтраком.

— Вот чёрт...

— Все нормально.

— Нет, не нормально. — Она положила ладонь ему на плечико. — Дома хот-доги приготовлю.

Робин улыбнулся, довольный.

Они принялись по очереди пинать камушек. По всей Ист-Харни-стрит прогнали, до самого последнего дома, до канализационного стока, куда, с Робиновой подачи, камушек и отправился.

— У тебя в классе ребята про маму не болтали? — спросил Робин, когда на переходе Дачесс взяла его за руку.

— Нет.

— А у меня болтали. Рикки Тэллоу мама кое-что сказала про нашу маму.

— И что же?

Они нырнули под плакучую иву — там пряталась тропка, по которой можно было с Фордхем-стрит попасть прямо на Дюпон-стрит.

— Что ему к нам больше ходить нельзя, потому что наша мама плохо за нами смотрит.

— Тогда ты к ним ходи.

— Нет, у него папа и мама все время ругаются между собой.

Дачесс потрепала брата по волосам.

— Хочешь, я поговорю с миссис Тэллоу? Может, что и придумаем.

— Ага.

Дачесс знала Лию Тэллоу. С Уоком работает; их в полицейском участке только двое, да еще Лу-Энн — старая, столько не живут. Вот случись в Кейп-Хейвене настоящее преступление — разве они его раскроют? Да никогда.

— Еще Рикки говорит, скоро его брат в колледж поступит, и тогда он займет его комнату. А в той комнате — аквариум... Дачесс, я тоже хочу аквариум.

— У тебя есть маска для ныряния. Любуйся рыбами в океане.

На Мейн-стрит, у закусочной Розы, тусовались девчонки. Знакомая компашка с неизбежными молочными коктейлями. И занимают всегда конкретные два столика, на самом солнце. Дачесс и Робин прошагали мимо, за ними потянулся шлейф смешков и шепотков.

Они вошли в бакалею, увидели за прилавком миссис Адамс.

Дачесс выбрала банку сосисок, Робин притащил упаковку булочек. В кошельке было три бумажки по одному доллару. Всё, чем располагала Дачесс.

— Может, еще картошку возьмем — соломкой, чтоб жарить?

Она взглянула на запрокинутое личико Робина.

— Не получится.

— Ну тогда хотя бы кетчуп... Без него хот-доги сухие.

Дачесс поставила банку с сосисками на прилавок, положила булочки.

— Как дела у твоей мамы? — Миссис Адамс глядела поверх очков.

— Хорошо.

— А люди другое говорят...

— На кой хрен вы тогда спрашиваете?

Робин повис у Дачесс на руке. Миссис Адамс могла сказать «Убирайся отсюда», но Дачесс вовремя шлепнула на прилавок три доллара.

— Тебе нельзя так ругаться, — упрекнул Робин уже на улице.

— Как мама, ребятки?

Дачесс обернулась. Возле мясной лавки, вытирая о передник окровавленные лапищи, стоял Милтон.

Робин шагнул к витрине, вытаращился на кроликов, подвешенных за горлышки.

— С ней все нормально, — ответила Дачесс.

Милтон приблизился. От него разлило кровью и смертью. Дачесс почувствовала тошноту.

— Ты вылитая мать; тебе это известно?

— Известно. Вы же сами и говорили.

В шерсти на предплечьях Милтона застряли крохотные кусочки сырого мяса. Милтон еще некоторое время таращился на Дачесс, будто не помня, кто он и что он; затем перевел глаза на прозрачный пакет, разглядел содержимое и скривился.

— Это у тебя не то что не мясо — это даже не сосиски. Такое в лабораториях растят. Подожди-ка здесь...

Дачесс послушалась. Милтон, пыхтя и отдуваясь, направился в свою лавку.

Через пару минут он появился с пакетом из коричневой бумаги, туго свернутым и запечатанным, вместо сургуча, кровавым пятном.

— Это морсилья. Кровяная колбаса. Маме скажи, что я дал. Пусть зайдет, я ей объясню, как правильно готовить.

— Я думал, ее просто жарят, — вмешался Робин.

— Ну это разве что в тюрьме. Нет, если хочешь аромата этого особенного добиться, нужна гусятница с тяжелой крышкой и толстым дном. Тут всё дело в давлении и...

Дачесс выхватила пакет, нашарила ладошку Робина и поспешила прочь, ощущая меж лопаток пристальный взгляд мясника.

Перед закусочной Розы она остановилась, вдохнула поглубже и повлекла брата внутрь. Не прислушиваться к шепоткам этих девчонок, игнорировать взгляды! В закусочной былолюдно, шумно, оживленно. Воздух пропитался запахом кофе. Обсуждаливиллы — свои и соседские; строили планы на лето.

Дачесс остановилась у прилавка, выхватила взглядом пиалу с порционными пакетиками кетчупа. Можно брать бесплатно, если что-нибудь купишь — это ей было известно. Она покосилась на Розы — та что-то строчила в гроссбухе.

Дачесс взяла один-единственный пакетик — для Робина — и хотела уже развернуться, уйти.

Не успела.

— А по-моему, надо что-нибудь купить — только тогда кетчуп получаешь задаром.

Дачесс подняла глаза. Кэссиди Эванс, ее одноклассница. Робин встревожился, стал переминаться с ноги на ногу.

Сморщенный в презрении нос, надувание блестящих карамельных губ, встряхивание ухоженными волосами — именно такие мимика и жесты свойственны сукам.

— Я взяла всего один пакетик.

— Мисс Рози, у вас ведь кетчуп бесплатный только для тех, кто уже что-нибудь купил?

И сказала нарочно громко, тварь; а уж невинности в голосок подпустила — через край.

Разговоры мигом стихли. Незнакомые люди уставились на Дачесс, жгли взглядами, как огнем.

Рози поставила чашку и шагнула за прилавок. Дачесс сунула кетчуп обратно в пиалу. Не рассчитала. Пиала брякнулась на пол, звон разбитого стекла вызвал жестокую судорогу.

Дачесс схватила Робина за руку и бросилась вон. Кэссиди спешила за ней, Рози кричала.

Потом они молча шли по тихим улицам.

Наконец Робин выдал:

— Вовсе и не нужен нам никакой соус. Хот-доги и без него вкусные.

На Сансет-роуд два мальчика перебрасывались мячом. Робин на них так и уставился. Дачесс часто с ним играла. Задействовала плюшевые игрушки, солдатики, машинки, даже прутик, который казался Робину похожим на волшебную палочку. Иногда у Робина получалось привлечь Стар, но по большей части она проводила дни в гостиной. Лежала на диване — шторы задернуты, свет выключен, звук в телевизоре — тоже. Дачесс слышала термины вроде «биполярное расстройство», «повышенная тревожность» и «зависимость».

— Что там такое? — спросил Робин.

Им навстречу бежали трое ребят. Промчались мимо, обдав жарким ветром.

— От кинговского дома драпают, — сказала Дачесс.

Они с Робинем дошли до конца улицы, остановились напротив. Окно в доме Винсента Кинга было выбито — камнем, судя по дырке в

стекле.

— Уоку скажем?

За окном мелькнула тень, и Дачесс отрицательно покачала головой. Затем взяла Робина за руку и повела прочь.

С последнего ряда трибуны Уок видел, как овальный мяч, вращаясь, преодолел футов пятьдесят по воздуху и влетел в зачетную зону, где был выронен ресивером. Квотербек поднял руку, ресивер улыбнулся и отбросил мяч. Они его снова разыграют.

Всю сознательную жизнь Уок болел за «Кугуаров». Винсент одно время играл ресивером. Его имя на весь штат гремело — как же, прирожденный талант. С тех пор «Кугуары» не особенно отличались. В играх навывлет пару раз только выиграли, и то со скрипом. Однако каждую пятницу Уок появлялся на матче, занимал место. С обеих сторон от него неизменно устраивались группки размалеванных девчонок, глотки драли. После матча всей толпой вламывались к Розе. В закуской становилось тесно от счастливых победителей и чирлидеров; общая атмосфера вызывала улыбку Уока.

— Бросок у парня что надо, — прокомментировал Винсент.

— Точно, — согласился Уок.

Он притащил упаковку пива «Роллинг Рок», но Винсент не выпил ни капли. Уок заехал за ним после дежурства, застал за работой, даром что уже смеркалось. Винсент успел набить мозоли, лицо у него было напряженное. За день он почти закончил замену половиц на террасе.

— Пожалуй, из него выйдет профессионал, — уронил Винсент. Парень на поле подал, и на сей раз ресивер поймал мяч с ликующим воплем.

— Из тебя тоже мог бы выйти.

— Ты разве меня не спрашиваешь?

— О чем?

— Обо всем.

— Не могу представить, каково там было.

— Можешь. Не хочешь просто. Ну и правильно. И то, что я это пережил, тоже правильно. По заслугам получил.

— Нет. Вышло несоразмерно содеянному.

— Я был у нее на могилке. Только без цветов. Не знал, надо приносить или нет.

Пас следовал за пасом. Несколькими рядами ниже, с краю, в бейсболке задом наперед, сидел Брендон Рок. Уок давно уже замечал

его на каждом матче.

Винсент проследил взгляд Уока.

— Это Брендон там, что ли?

— Он самый.

— Я думал, он в команде будет. Он отлично играл.

— У него с коленом проблемы. Один раз сустав выскочил, да так с тех пор и пляшет. Брендон работает в «Тэллоу констракшн»; продажами занимается. Хромает. Ему бы с тростью ходить, но ты же знаешь, каков он.

— Раньше знал. Теперь — нет.

— Все еще ездит на отцовском «Мустанге».

— Помню, как Рок-старший его купил. Пол-улицы тогда собралось. Еще бы. Машина — зверь.

— Ты еще мечтал угнать его.

Винсент усмехнулся.

— Не угнать, а позаимствовать. Покататься и вернуть.

— Брендон обожает свой «Мустанг». Наверное, видит в нем былые времена. Да ты взгляни на него. Прическа, прикид — он будто в семьдесят восьмом жить остался. Нисколько не изменился. Да и мы — прежние, если по большому счету.

Винсент откупорил пивную банку, но медлил сделать глоток.

— А Марта Мэй — она тоже почти прежняя?

Уок ответил не сразу. Имя «Марта Мэй» из уст Винсента вогнало его в секундный ступор.

— Она адвокат, занимается в основном семейными делами. Живет в Биттеруотере.

— Мне всегда казалось, что вы предназначены друг другу. Знаю, знаю — юность зеленая и все такое; да только ты так на нее смотрел, Уок...

— Примерно так же, как ты смотрел на Стар.

Ресивер зазевался, мяч упал и запрыгал к воротам. Брендон Рок вскочил и со скоростью, удивительной для хромого, ринулся на поле. Сгрел мяч, но не ресиверу бросил, а квотербеку. Тот поймал его на лету.

— Мастерства не растерял — по крайней мере, в плане бросков, — констатировал Уок.

— По-моему, для него это только в минус.

— К Стар пойдешь?

— Она ведь сказала тебе, что видеть меня не хочет.

Уок нахмурился, Винсент улыбнулся.

— Я ж по тебе как по книге читаю, Уок. И всегда так было. Ты вот выдал, что Стар нужно время; ну не бредятина ли, думаю. Тридцать лет — куда еще-то? Потом рассудил: она права. Иногда за событием стоит слишком много. А у тебя-то с Мартой как?

— Марта... мы больше не общаемся.

— А подробнее?

Уок откупорил вторую банку.

— Ночь после приговора мы провели вместе. Она забеременела.

Винсент пристально смотрел на футбольное поле.

— Отец у нее священник. Да ты знаешь. И про должность его, и про характер.

— Вот же дерьмо.

— Полнейшее.

— Марта мечтала о рукоположении. Хотела пойти по святым отцовским стопам.

Уок откашлялся.

— Короче, он ее заставил... сделать аборт. Для ее же блага. Мы, типа, сосунки, куда нам... Только, знаешь, некоторые вещи — они... через них не перешагнуть. Ладно бы сам преподобный Мэй; его взгляды я еще стерпел бы. Но Марта! Она смотрела на меня, а видела собственную ошибку.

— А ты что в ней видел?

— Я-то? Я видел в ней всё. Целую жизнь — такую, как у моих родителей: пятьдесят три года душа в душу, сын, дом, общая судьба...

— Марта замужем?

Уок пожал плечами.

— Шесть лет назад я отправил ей письмо. Перед Рождеством. Вытащил, знаешь, старые снимки; раскис. Она не ответила.

— Еще есть время все уладить.

— То же самое касается тебя.

Винсент поднялся.

— Я, Уок, на тридцать лет с улаживанием опоздал.

Бар находился в Сан-Луисе: проехать немножко по хайвею, мимо непаханных равнин, и свернуть к Алтанон-Вэлли.

Автомобиль — старый «Джип Команч» — Стар одолжила у Милтона. Климат-контроль не работал, и Дачесс и Робин высунулись в открытые окна, словно пара щенят. Им совсем не улыбалось тащиться поздно вечером с матерью, но делать было нечего. В последнее время такие поездки случались каждый месяц.

Дачесс взяла с собой домашнее задание — проект с семейным деревом; все боялась растерять листы, прижимала их к груди как могла крепко, идя парковкой вслед за Стар. Мать проскользнула между двумя пикапами, открыла дверь. Она несла футляр с гитарой. Джинсовые шорты-обрезки оголяли ползадницы, топ был с большим декольте.

— Зря ты это напялила.

— Ничего ты не понимаешь.

Дачесс выругалась вполголоса, но мать услышала, обернулась.

— Очень тебя прошу: не вмешивайся. Следи за братом и не создавай мне проблем.

Дачесс повела Робина к самой дальней кабинке. Подтолкнула на диванчик, сама уселась с краю: она будет защитой, стеной. Потому что в подобных заведениях ее брату не место. Стар принесла им по стакану содовой. Дачесс разложила на столе свои бумаги. Для Робина был припасен чистый лист. Дачесс не забыла и его пенал, и теперь достала оттуда карандаши.

— А мама будет петь песню про мост? — спросил Робин.

— Она всегда ее поет.

— Мне эта песня очень нравится. А ты будешь петь с мамой?

— Нет.

— Хорошо. Потому что мама тогда расплачется, а я на это смотреть не могу.

Дым над переполненными пепельницами, панели и мебель из темной древесины, над барной стойкой гирлянда треугольных флажков. В меру темно. Дачесс расслышала смех. Понятно. Мать пьет с какими-то двумя типами. Не может настроиться, пока не употребит пару опрокидышей.

На столе стояла пиала с орешками. Робин потянулся к ней, Дачесс перехватила его ручонку.

— Не трогай. Знаешь, какими лапами сюда лазают? Прямо после сортира.

Она уставилась в свой проект. Для отца было оставлено место — слишком много места, несколько длинных незаполненных «веток». Накануне отвечала Кэссиди Эванс. Изложила свою родословную, показала плакат. Извилистая, вся из себя благородная ветвь тянулась к Кэссиди аж от самого Дюпона^[12]; подача же была столь уверенной, что Дачесс почти чувствовала запах пороха.

— Я тебя зобразил.

— И-зобразил.

Дачесс взглянула на рисунок, улыбнулась.

— Неужели у меня такие здоровенные зубищи?

Она принялась легонько щипать Робина за бока. Он залился смехом столь звонким, что Стар погрозила им обоим: не шумите.

— Расскажи про Билли Блю Рэдли, — попросил Робин.

— Написано, что он не ведал страха. Однажды ограбил банк и скрылся, причем так подстроил, что шериф искал его за тысячу миль.

— Значит, он был плохой.

— Нет, он заботился о своих. Грабил ради друзей, а они всё равно что семья. — Дачесс прижала ладонь к груди Робина. — Чувствуешь? В тебе пульсирует кровь Билли Блю Рэдли. И во мне тоже. Мы с тобой — вне закона.

— Ты — наверное. А я — вряд ли.

— Нет, мы оба.

— Как же так? Твой папа и мой папа — они разные люди.

— Ну и что? — Дачесс, едва касаясь, взяла Робина за подбородок, приподняла его мордашку. — Рэдли-то мы с маминой стороны. Если наши отцы ни на что не годились, это ерунда. Мы с тобой одинаковые. Повтори.

— Мы одинаковые.

Когда настало время, свет пригасили, для Стар вынесли стул. Она уселась перед посетителями и спела несколько чужих песен и парочку собственных. Один тип — из тех, с кем она выпивала, — после каждой песни свистел, и вопил, и всячески выражал восторг.

— Скоты, — констатировала Дачесс.

— Скоты, — согласился Робин.

— Не произноси это слово.

Вопивший резко встал, махнул в сторону Стар и сгреб пятерней свои яйца. Еще и вякнул что-то, урод, — словно намекнул: могу всякого порассказать. Обозвал их мать недавалкой. Выдвинул предположение, что она — лесба.

Дачесс вскочила, схватила стакан и швырнула обидчику под ноги. Стакан, понятно, разбился, у выродка челюсть отвисла. Дачесс раскинула руки: мол, так и буду стоять, так и буду.

Робин дотянулся до ее ладони, взмолился:

— Садись, Дачесс. Пожалуйста, садись.

Она опустила глаза, прочла страх на мордашке брата. Взглянула на мать, которая одними губами произносила то же самое: садись, пожалуйста.

Козлище продолжал тарашиться. Дачесс показала ему средний палец и наконец-то села.

Робин как раз допил содовую, когда Стар позвала Дачесс, заворковала: моя деточка, мол, поет куда лучше своей мамочки.

Дачесс вжалась в спинку диванчика. Пускай Стар сколько угодно просит, пускай эти, в баре, оглядываются на нее, манят авансовыми аплодисментами. Раньше — да, раньше она пела — и в комнате, и под душем, и во дворе. Маленькая была, ни фи́га не смыслила насчет жизни.

Стар заявила, что дочь у нее сегодня не в духе, ну а она сейчас еще споет — под занавес. Робин оставил карандаши, глядел на мать как на последнюю из благословенных.

— Моя любимая песня.

— Знаю, — сказала Дачесс.

Допев, Стар сошла с подиума, взяла предназначенный ей конверт и спрятала в сумочку. Баксов пятьдесят там было, наверное. Тот ублюдок вырос перед ней и хватать за задницу своей лапой.

Дачесс выскочила из кабинки прежде, чем Робин успел пискнуть «не надо». Миг — и она возле матери; быстрый наклон — и в руке у нее осколок стекла.

Стар оттолкнула мужчину; он качнулся, но легко восстановил равновесие. Сжал кулак, хотел замахнуться и вдруг заметил: смотрят почему-то не на него, от взглядов будто ниточки тянутся, а ведут —

вниз. Он опустил глаза. Вот она, перед ним — хрупкая, готовая на всё, с зазубренным осколком, нацеленным ему в горло.

— Я — Дачесс Дэй Рэдли, и я вне закона. А ты — пидор, тебя на барном табурете имеют. Сейчас я тебе башку отрежу.

Из кабинки донеслись крики Робина — слабые, жалкие. Стар схватила дочь за запястье и трясла ее руку до тех пор, пока пальцы не разжались, не выпустили осколок. Несколько человек бросились между Дачесс и этим уродом, принялись увещевать. Бармен налил всем за счет заведения.

Стар погнала Дачесс к двери, на ходу сгребла Робина в охапку.

На парковке было темно. Они отыскали «Джип», уселись.

Тут-то Стар на нее и набросилась. Орать стала: Дачесс — глупая, тот человек ей вреда не причинил бы, у нее все было под контролем, она не нуждалась в защите тринадцатилетней девчонки. Дачесс слушала молча. Ждала, когда мать выпустит пар.

Наконец Стар выдохлась. Протянула руку к ключу зажигания.

— Тебе сейчас ехать нельзя.

— Я в порядке.

Стар посмотрелась в зеркало, поправила волосы.

— А я тебе не дам везти моего брата, когда ты в таком состоянии.

— Сказала же: со мной порядок.

— Тогда, значит, и с Винсентом Кингом тоже был порядок.

Дачесс видела, что мать заносит руку, но не отвернулась. Приняла пощечину — типа, подумаешь, мелочь какая.

На заднем сиденье заплакал Робин.

Дачесс вытащила ключ зажигания, перелезла к брату. Пригладила ему волосы, утерла слёзы, помогла натянуть прихваченную из дома пижаму.

Часок она подремала, затем перебралась на переднее сиденье и отдала матери ключ. Стар вырулила с парковки, покатила домой. Дачесс сидела рядом, их плечи соприкасались.

— Ты помнишь — у Робина в эти выходные день рождения? — тихо произнесла Дачесс.

Секундное замешательство, и лишь потом ответ Стар:

— Конечно, помню. Он же мой принц.

Заныл живот. Своих денег Дачесс не имела, развозила по выходным почту, потела за гроши.

— Дай мне денег, я всё организую.

— Нет уж, я и сама могу.

— Но...

— Дачесс, блин, я же сказала, что разберусь. Вера твоя где, а?

Она могла бы ответить, что веры у нее убывает с каждым собственным днем рождения, игнорируемым матерью.

Машину трясло на ухабах, пока не выехали на хайвей.

— Есть хочешь? — спросила Стар.

— Я готовила хот-доги.

— А соус купить не забыла? Робин любит с соусом.

Дачесс устало взглянула на мать. Стар погладила ее по щеке.

— Надо было тебе сегодня выйти, спеть со мной.

— Для кучки пьяных козлов? Нет уж, пусть этим профессионалы занимаются.

Стар вытащила сигарету, сунула в рот, завозилась с зажигалкой.

— А сейчас споешь для меня, если я радио включу?

— Робин спит.

Стар обняла дочь за плечи, привлекла к себе, поцеловала в темечко. На минимальной скорости они ехали по пустынному хайвею.

— Сегодня в баре был один парень... у него своя студия. Ну в долине. Так вот, он мне визитку дал и сказал, чтобы обязательно позвонила. Я думаю: это оно самое.

Дачесс зевнула. Веки у нее отяжелели, огни на обочинах слились в одну мутную полоску.

— А знаешь ли ты, Герцогиня Кейпхейвенская, что я всегда мечтала о дочери? Кстати — очаровательный бантик.

Дачесс об этом знала.

— А ты, мама, знаешь про Билли Блю Рэдди?

Стар улыбнулась.

— Твой дедушка о нем рассказывал. Я думала: сочиняет.

— Нет, Билли был на самом деле. И мы — его потомки.

Дачесс хотела снова спросить про отца. Передумала. Слишком устала сегодня для таких разговоров.

— Тебе ведь известно, что я тебя люблю?

— Еще бы.

— Нет, Дачесс, серьезно. Все, что я делаю... в смысле, все, что я имею... короче, это для вас с Робинком.

Дачесс тарашилась во тьму.

— Лучше бы...

— Что?

— Лучше бы была середина, мам. Люди иначе живут. Не надо вот этого — или все, или ничего, или ты тонешь, или по волнам отсекаешь. А ты просто на плаву держись — так ведь почти все делают. Потому что, когда начинаешь тонуть, ты и нас с собой на дно тянешь.

Стар вытирала слёзы.

— Я же пытаюсь. Я исправлюсь, правда. Сегодня утром уже клялась, и завтра поклянусь. Могу хоть каждый день клясться. Хочу ради тебя это сделать.

— Что именно?

— С эгоизмом распрощаться. Самопожертвование, Дачесс; в нем весь смысл. Кто собой жертвует — тот хороший.

Была почти полночь, когда они добрались до Кейп-Хейвена. Дачесс вздрогнула, увидев на подъездной дорожке «Эскалейд» Дикки Дарка.

Стар подрулила к дому. Ворота стояли открытые — значит, Дарк у них во дворе; наверное, на крыльце. Ждет. Вглядывается в пустоту, словно видит что-то среди теней. Брр, мороз по коже... Дачесс его терпеть не могла, Дарка этого. Слишком он вкрадчивый, слишком большой, и всё на нее пялится, чтоб ему. Подъедет к школьной ограде, мотор заглушит, а сам из машины не выходит. Пасет ее, словом.

— А ты сегодня разве не в ночной смене, мама?

Стар убирала офисы в Биттеруотере.

— Я... я вчера пропустила, и они сказали: можете вообще больше не появляться. Не волнуйся. Если что, устраюсь к Дарку в бар. Может, он из-за этого и приехал.

— Не хочу, чтобы ты у него работала.

Стар улыбнулась, снова достала визитку — словно некое доказательство.

— Удача решила повернуться к нам лицом.

Дачесс сгрэбла Робина в охалку. Какой он легонький, ее брат; ручки-ножки тоненькие... Волосы отросли, но вести его в парикмахерскую Джо Роджерса на Мейн-стрит Дачесс не может — не на что. Хорошо, что Робин слишком мал, не понимает еще насчет

своей внешности, и другие дети в садике не понимают. Скоро всё изменится, и вот что она тогда станет делать?

Их общая спальня; постеры на стенах. Дачесс сама выбирала и сама клеила. Не ерунда, а всё научное — растения, животные, планеты и звезды. Робин способный, ему надо развиваться. На полке единственная книжка — про вечно голодного Макса. Робину нравится последняя глава, про ужин — из нее понятно, что о Максе есть кому позаботиться. Ради концовки Дачесс регулярно ездит на велике в Салинос, в библиотеку, продлять книжку на очередные две недели. Пара миль туда, пара миль обратно.

Из гостиной донеслись голоса. Дарк — владелец дома, у Стар нет денег на арендную плату. Дачесс достаточно взрослая, чтобы знать, чем это грозит; но и слишком юная, у нее все еще получается по-страусиному прятать голову в песок.

Мысли перекинулись на домашнее задание. В полном дерьме она окажется, если не закончит проект. Ее после уроков оставят, а этого она допустить не может. Кто тогда заберет брата? На Стар полагаться нельзя.

Дачесс решила лечь спать. Она встанет пораньше, с рассветом, и дорисует семейное древо. Подошла к окну, чуть раздвинула шторы, выглянула. Пустынная, сонная улица. Напротив — дом Милтона, крыльцо ярко освещено. Всегда Милтон оставляет фонарь, мошкара слетается, трепещут хрупкие крылышки. А вот лисица — гибкая, изящная. Миг — и пропала, пересекла грань между светом и тьмой. Взгляд скользнул чуть в сторону, к дому Брендона Рока. На тротуаре — мужчина. Смотрит на ее окно. Дачесс ему не видна — она ведь стоит за шторой. Он высокого роста; не такой громила, как Дарк, но все равно. Волосы коротко острижены, плечи сутулые — будто гордость сползла с них, съехала, как с откоса.

Дачесс легла в постель.

У нее уже и веки отяжелели, и вдруг раздался крик.

Крик ее матери.

Дачесс выскользнула из спальни с отработанной осторожностью — как и положено девочке, для которой ночные ужасы не в новинку, у которой мать крутит с самыми отпетыми из мужчин. Заперла дверь: Робин будет спать, а если даже и проснется — к утру все позабудет. Про ночь он никогда ничего не помнит.

Послышался голос Дарка — как обычно, ровный, твердый.
— Успокойся, — произнес Дарк.

Дверь они как следует не закрыли. Из щели резануло по глазам — гостиная показалась преисподней. Торшер — как прожектор, и в круге света, на ковре, распростерта Стар. Дарк сидит на стуле, прямо над ней. Смотрит сверху вниз, будто Стар — дикая, опасная тварь, только что успешно им усыпленная. Дарк — слишком крупный и для этого стула, и для их домишки в целом. И для того, чтобы Дачесс лично с ним по квитаться.

Впрочем, она знала, какие действия сейчас будут правильными. И какие из половиц скрипят, а какие — нет. Дачесс прокралась в кухню. 911 она звонить не станет — оттуда сразу пойдут данные в соцзащиту. Она набрала сотовый номер Уока, услышала шум, но обернулась слишком поздно — Дарк успел выхватить у нее телефонную трубку.

Дачесс вцепилась ему в запястье — прямо ногтями. Давила, куда не увидела кровь. Свободной рукой Дарк взял ее за плечо, потащил из кухни. Она сопротивлялась, по дороге опрокинула столик. Словно в замедленном кино, полетели на пол фотографии, в их числе и та, где Робин был запечатлен совсем маленьким, когда его впервые отвели в садик.

Дарк возвышался над ней, нависал.

— Я тебе ничего не сделаю, а ты копов не вызывай.

Голос глухой, будто и не человеческий. Дачесс кое-что слышала о Дарке — обрывки всяких историй. Говорили, однажды на Пенсакола-стрит его один тип подрезал; Дарк беднягу из машины выволок и шарах об капот. Всмятку лицо разбил, а у самого ни единый мускул не дрогнул. Люди останавливались, загипнотизированные этой невозмутимостью.

Дарк уставился на Дачесс в обычной своей манере. Вперил взгляд в лицо, перевел на волосы, вернулся к глазам, скользнул ко рту. Смаковал, усваивал каждую деталь; дрожать хотел заставить.

Только Дачесс не поддалась. Запрокинула голову — маленький нос сморщился, как у свирепого зверька, — и отчеканила:

— Я — Дачесс Дэй Рэдли, и я вне закона. А ты, Дикки Дарк, только против слабой женщины герой.

Она вырвалась, побежала к парадной двери. Сквозь стекло лился оранжевый свет уличного фонаря, на мгновение Дачесс оказалась в

нем, как в купели. Мать с визгом, с воем бросилась на Дарка.

Нет, Дачесс не поспешит на помощь. Толку от этого не будет. Разумнее переждать здесь, под дверью. И Дачесс ждала, пока не увидела человека во дворе.

За ее спиной размахивала кулачками Стар. Дарк схватил ее за запястья, зафиксировал, точно в тисках.

Решение созрело быстро. Что бы ни происходило на улице, едва ли там будет страшнее, чем тут, в доме. Дачесс отомкнула замок, и глянула мужчине в лицо, и посторонилась, пропуская его в прихожую. Незнакомец схватился с Дарком, размахнулся, засветил ему по скуле.

Дарк не дрогнул. Он узнал соперника, это было видно. Застыл, вытаращился и принялся, судя по лицу, взвешивать свои шансы. Конечно, он гораздо крупнее, шире в плечах; но этот — соперник — изнутри пылает жаждой схватки.

Дарк сунул руку в карман, извлек связку ключей. Покинул дом без суеты, без паники и спешки. Незнакомец вышел вслед за ним, Дачесс — тоже.

Она смотрела на дорогу, пока не исчезли из виду хвостовые огни «Эскалейда» Дарка.

Незнакомец повернулся к ней, но взгляд почти сразу переместился на заднее крыльцо, где, прерывисто дыша, стояла Стар.

— Дачесс, иди в дом.

Дачесс ничего не сказала. Молча последовала за матерью, оглянулась один раз на этого, чужого, будто посланного охранять ее.

Рубаха, порванная в драке; внезапность лунного света. Грудь как рельефная карта с перекрестьями шрамов — старых и сравнительно свежих.

Обуреваемая усталостью, Дачесс даже не пыталась бодриться. Плелась еле-еле — стоило ускорить шаги, как становилось тяжело дышать. Все равно воспаленные, красные веки никуда не денешь, не скроешь. А шум в ушах — эхо давних скандалов — вообще неистребим, по этому поводу и заморачиваться не стоит.

Робин дернул ее за руку, она опустила взгляд. Ясные глазки, свеженькая мордашка — определенно, Робин спокойно проспал всю ночь.

— Ты в порядке, Дачесс?

Ишь, волнуется.

Она несла и его рюкзак, и свой. Предплечье щеголяло синяком — Дачесс ночью ударилась, при падении. Проект с семейным деревом был готов лишь наполовину. Училась Дачесс сносно, перебивалась с тройки на четверку; съехать — себе дороже. Держаться старалась тише воды ниже травы. Нельзя ей вляпаться, иначе Стар вызовут в школу. С родительскими собраниями Дачесс выкручивалась: «Понимаете, у мамы вечерняя смена, она не может прийти»; пока что прокатывало. На большой перемене уединялась — незачем ребятам видеть, что там у нее в пакетике для завтрака. Порой — только хлеб с маслом, причем нередко черствый до громкого хруста. Она такая не одна, у некоторых дела еще хуже; Дачесс это знала, просто не хотела примыкать к лагерю вовсе заброшенных.

— Я спала рядом с тобой, а ты всю ночь лягался, — сказала она брату.

— Прости. Ночью кто-то шумел. А может, мне приснилось.

Робин пробежал чуть вперед, нырнул в соседний двор, нашел там длинную палку. С ней и вернулся — будто щенок. Стал представлять старика — опирался на палку, кряхтел, пока Дачесс не рассмеялась.

Открылась парадная дверь, и на крыльце возник Брендон Рок, известный трепетным отношением к своему «Мустангу». Стар говорила, лучше бы он так о жене заботился — глядишь, она бы до сих пор с ним жила.

На Брендоне была куртка-университетка^[13], линялая и тесная — рукава с трудом дотягивали до середины предплечий. Брендон зыркнул

на Робина.

— Не смей приближаться к моей машине.

— Сдалась она ему!

Брендон пересек лужайку, остановился почти вплотную к Дачесс.

— Тебе известно, что там спрятано?

Он мотнул головой в сторону «Мустанга», заботливо покрытого синим брезентовым чехлом. Ритуал Дачесс наблюдала ежевечерне: Брендон укутывал свою тачку, словно бесценного первенца.

— Мама говорит — насадка на пенис.

К удовлетворению Дачесс, Брендонны щеки вспыхнули.

— Это «Мустанг» шестьдесят седьмого года.

— Ага. И куртка тоже в шестьдесят седьмом сшита.

— Потому что это мой номер. Ты у мамы поспрашивай обо мне. Я был чемпионом штата. Говорили, что у меня напор тореадора.

— Как-как? Запор пидора?

Робин шагнул к Дачесс, взял ее за руку. Брендон сверлил ей спину взглядом, пока они с Робинем не свернули с Айви-Ранч-роуд.

— Чего он разозлился, Дачесс? Я к его «Мустангу» даже не подходил.

— Брендон хочет с нашей мамой встречаться, а она ему каждый раз — от ворот поворот. В этом все дело.

— Вчера Дарк приезжал, да?

Они шли навстречу солнцу. Владельцы магазинчиков поднимали рольставни — готовились торговать.

— Я лично ничего не слышала.

Зимой, без курортного лоска, Кейп-Хейвен куда милее, куда честнее, считала Дачесс; зимой он — как все города. Лето — долгое, дивное, дрянное — ее изматывало.

Возле закуской Розы, под тентом, как всегда, расселась компашка Кэссиди Эванс. Мини-юбки, длинные загорелые ноги напоказ. Патлами трясут, губки надувают — чмоки-чмоки, подружка.

— Пойдем лучше по Вермонт-стрит, — сказал Робин и, не дожидаясь ответа, потащил Дачесс вперед. Мейн-стрит с заведением Розы, с гарантированными смешками и шепотками осталась сбоку. — Дачесс, а что мы летом будем делать?

— Что всегда. Гулять. Загорать. Купаться.

— А. — Робин шел, глядя себе под ноги. — Ноя везут в Диснейленд. А Мейсона — вообще на Гавайи.

Дачесс стиснула ему плечико.

— Ладно, придумаю что-нибудь интересное.

Впереди показалась плакучая ива, тропка от которой вела напрямиком на Фордхем-стрит. Робин бросился к иве, стал карабкаться на нижнюю ветку. Может, сегодня у него получится.

— Доброе утро.

Дачесс обернулась. Здорово она устала, далеко улетела в мыслях — даже не слышала, как подъехал и притормозил знакомый автомобиль.

Она остановилась. Уок заглушил мотор, снял солнечные очки. Взгляд у него был пронизательный.

— Всё в порядке?

— Конечно.

Дачесс моргнула — как стряхнула и пальцы-щупальца Дарка, и вопль матери.

Уок явно не верил. Терял свою рацию, потом стал отбивать ритм на двери автомобиля.

— Сегодня ночью было тихо?

Вот откуда, блин, он всегда все знает?

— Я ведь уже ответила.

Уок улыбнулся. Занудой он не был, что да, то да. По крайней мере, с Дачесс. Он за ней присматривал, хотя Дачесс знала: для отдельных взрослых «присматривать» равняется «заваривать кашу», которую потом расхлебывает отнюдь не «кашевар».

— Вот и хорошо, — сказал Уок.

Рука у него дрожала, большой и указательный пальцы почему-то все время соприкасались и размыкались.

Он просёк, что Дачесс это заметила, и убрал руку из поля ее зрения. Пьет, небось, думала Дачесс; интересно, по сколько в день?

— Мне ты можешь довериться, Дачесс, — не забыла?

Для доверительных разговоров она была слишком измотана. И вообще, на кой он ей сдался, этот Уок — жирный, с добродушным лицом и похмельными глазами; весь мягкий, как желе или пудинг... Тело у него мягкое, улыбка мягкая, и взгляд на то, чем живет Дачесс, тоже мягкий, снисходительный.

Она проводила Робина до калитки, помахала мисс Долорес и направилась к школе. Остались считанные учебные дни, потом — каникулы. Совсем недолго потерпеть. Все бы ничего, если б не проект. Дачесс точно опозорится. Тестов она не пропускала, с ними порядок; не то что с семейным деревом. От гадкого предчувствия свело живот, Дачесс даже схватилась за больное место. Будто на узел кишки завязаны. Выйти к доске, открыться перед всем классом — мол, не знаю, кто мой отец — выше ее сил.

В холле она нашла свой шкафчик, попробовала улыбнуться девчонке, что околачивалась рядом. Наткнулась на полное безразличие. Не удивилась. Это уже давно так: ребята будто знают, что денег у нее нет, а есть вечный недосып и ответственность, со всеми вытекающими. Ну и кому нужна подружка, с которой ни поиграть, ни потусить?

Дачесс уселась на свое место — ряд у окна, стол — не самый ближний к доске, но и не галерка. Стала глядеть на поле. Птицы — целая стая — копошились в земле, искали, клевали что-то.

Если Дачесс оставят после уроков, кто Робина из сада заберет? Никто. Ни-кто. Она сглотнула комок. Глазам стало горячо, но Дачесс не заплакала.

Открылась дверь, но впустила совсем не мистера Льюиса. Бочком вошла пожилая женщина: в руке дымящийся пластиковый стаканчик, очки на шнурке. По классу поплыл запах кофе. Понятно: учительница на замену.

Всем было сказано открыть учебники, читать очередной параграф и не шуметь. Вот и хорошо. Очень кстати. Дачесс положила локти на стол и уткнулась в них лицом.

* * *

Дарк обнаружился, как и предполагал Уок, на фейрлоновском участке. От дома остался фундамент с кучей шифера; рабочие разгребали завалы. Два грузовика были готовы увезти прочь саму память о семье Фейрлон, о доме, о целой жизни.

Дарк следил за работами. Одного его присутствия было достаточно, чтобы парни и не помышляли об отлынивании. Заметив

Уока, Дарк чуть распрямил плечи — и тот невольно попятился.

— Хорошая погода. Лия сказала, ты звонил в участок. Снова проблемы в клубе?

— Нет.

Слова из него лишнего не вытянешь, из этого Дарка. Сколько Уок ни пытается — Дарк отвечает односложно и точно; в такой манере впору дротики метать.

Рука дрожала, Уок спрятал ее в карман.

— Что происходит?

Дарк указал на дом позади себя.

— Моя собственность.

Дом, совсем маленький; ставни облуплены, крыльцо прогнило; налицо усилия содержать всё в пристойном виде, а впечатление такое, что не сегодня завтра дом будет снесен, заменен куда более прибыльной недвижимостью.

— Здесь живет Ди Лейн, — возразил Уок.

Сама Ди Лейн стояла у окна; он помахал ей, она будто не заметила. Смотрела мимо. Океанский простор, вид на миллион долларов; роскошное равнодушие пейзажа.

— Ди Лейн арендует дом с участком. Не желает съезжать. Но у меня все бумаги готовы.

— Я с ней поговорю. Она здесь давным-давно поселилась.

Молчание.

— И у нее дети, две девочки.

Дарк отвернулся, вперил взор в небо. Похоже, упоминание о девочках разбудило в нем нечто человеческое.

Уок воспользовался шансом рассмотреть его. Черный костюм. Часы самые обыкновенные — ремешок охватывает запястье толщиной с лодыжку. Интересно, думал Уок, с чего он начинал как бизнесмен? Наверное, машину продал, седан какой-нибудь...

— Зачем тебе этот дом?

— Снесу его. Участок пойдет под застройку.

— А за разрешением обращался?

Уок отслеживал такие заявки. Каждый раз все в нем восставало против сноса старого и насаждения нового.

— Говорят, ночью было беспокойно, Дарк; я имею в виду дом Рэдли.

Дарк молчал.

Уок улыбнулся, констатировал:

— Маленький городок у нас.

— Скоро увеличится. Ты переговорил с Винсентом Кингом?

— Он... Он ведь только что вернулся, поэтому в ближайшее время едва ли...

— Давай напрямик.

Уок откашлялся.

— Винсент велел передать, чтобы ты шел сам знаешь куда.

Физиономия Дарка подвигалась и застыла, трансформировалась в грубо слепленную маску, которой надлежит изображать печаль. А может, простое недовольство. Он хрустнул костяшками пальцев — звук был как ружейный выстрел. Уок покосился на его ботинки сорок последнего размера, живо представил, как они топчут, крушат, гребят...

Он пошел к дому Ди Лейн, мимо искореженного фейрлоновского участка. Рабочие перекуривали возле бульдозеров, ждали сигнала, щурясь на солнце.

— Инспектор Уокер.

Он оглянулся.

— Мисс Лейн может оставаться в доме еще неделю. Может держать свои вещи у меня на складе. Пусть выставит их из дому, мои люди приедут, заберут. Это бесплатно.

— Широкий жест, Дарк.

Узенькая терраска с клумбой по краю — как свидетельство: да, домик почти игрушечный, но хозяйка украшает его не менее заботливо, чем украшала бы внушительную виллу. Уок знал Ди Лейн уже двадцать лет, и все эти годы она здесь, на Фортуна-авеню, и прожила. Ди была замужем, но беспутный муж бросил ее, оставив гору счетов и двух дочек.

Ди вышла навстречу, отодвинула экранную дверь.

— Рука бы не дрогнула убить этого выродка!

Ди была миниатюрна — пять футов с дюймом росту — и шокирующе хороша собой. Казалось, она прежняя в упор расстреляна взводом последних лет. Непредставимо, чтобы такая кроха действительно напала на огромного Дарка.

— Ди, я мог бы подыскать для вас...

— Пошел на фиг.

— Дарк прав? Это именно сегодня?

— Сегодня, только Дарк ни разу не прав. Три года он деньги за аренду от меня лично получал — с тех пор, как этот дом у банка перекупил. Но обрушился участок Фейрлонов, и теперь лучший вид — не из их бывшего дома, а из моего. Дарковского, в смысле. А мне письмо счастья пришло — прочти.

Она выудила конверт из стопки корреспонденции и вручила Уоку. Тот прочел с максимальным вниманием.

— Вот беда... Я очень сочувствую вам с девочками. Тебе есть с кем поговорить?

— С тобой вот говорю.

— Я имел в виду юристов.

— Дарк утверждал, что я и дальше смогу тут жить.

Уок перечитал письмо, просмотрел собственно документы.

— Хочешь, я укладываться помогу? А девочки... они уже знают?

Ди зажмурилась — напрасно. Вновь распахнутые глаза были полны слёз. Она покачала головой — дескать, нет, ни шестнадцатилетней Оливии, ни восьмилетней Молли пока ничего не известно.

— Дарк говорит, вы можете задержаться на неделю.

Ди вдохнула поглубже.

— Ты в курсе, что мы одно время встречались? После того... после Джека.

Уок был в курсе.

— Я тогда думала... Дарк — он ведь объективно красивый... Только он будто не из нашего теста. Посмотреть — вроде все с ним нормально; но от него холодом веет. Будто он и не человек, а робот. Ко мне ни разу не прикоснулся.

Уок нахмурился.

— Понятно же, что это означает.

Уок покраснел.

— Я не из тех, кому невтерпеж, у кого свербит. Но сам посуди: пятое свидание, потом шестое — да любой мужчина уже давно начал бы всерьез подкатывать. Но только не Дарк. Потому что нормальность — это не про Дикки Дарка.

Во дворе стояло несколько больших коробок, и Уок хотел внести их в дом. Ди остановила его.

— Это на выброс. Сегодня утром начала паковаться — будто всю жизнь свою по коробкам распихивала. И знаешь, что мне стало ясно?

Ди теперь плакала в открытую. Не всхлипывала, не шмыгала носом. Слезы просто катились по щекам, не производя никаких звуков.

— Я их подвела, Уок.

Он хотел возразить, но Ди резко вскинула руку.

— Я подвела моих девочек. Из-за меня они теперь бездомные. Я ничего для них не сохранила; ни-че-го.

* * *

В тот вечер, когда мать и Робин уснули, Дачесс выбралась из дома через окно спальни и вскочила на велосипед.

Сумерки уже сгустились. Конец пронзительно-синему дню, атрибуты его — мусорные контейнеры, выставленные за ворота, и запах остывающих, закапанных жиром углей. Чуть ли не в каждом дворе днем готовили барбекю. Под ложечкой ныло — Дачесс была вечно голодна. Зато Робин, ее стараниями, ел досыта.

Она свернула на Мейер-стрит. Здесь начинался крутой склон. Дачесс сняла ступни с педалей; велик несся мимо билбордов, что от скорости слились в мутную полосу. Шлема у Дачесс не было. Шорты, кофта на молнии, сандалии — вся ее экипировка.

У поворота на Сансет-роуд она затормозила.

Дом Кингов импонировал ей и упадком, и местоположением. Он словно дистанцировался от целой улицы, словно посылал всех куда подальше.

Хозяина Дачесс увидела сразу.

Гаражные ворота были подняты, Кинг, стоя на приставной лестнице, отдирал шиферные листы. Полкрыши успел обработать. На земле лежали рулон рубероида и всякие инструменты — молотки, отвертки; стояла тачка, груженная строительным мусором. Фонарь давал ровно столько света, сколько нужно.

Дачесс знала Сисси по фотографиям. Ассоциировала себя с ней. Они похожи почти как близняшки: белокурые, светлоглазые, с

веснушками на одинаковых точеных носиках.

Медленно она стала подруливать к дому. С усилием давила на педали, удерживала равновесие; чувствовала, как трет сиденье. Затормозила ногой.

— Ты был возле моего дома.

Мужчина обернулся.

— Меня зовут Винсент.

— Знаю.

— Когда-то я дружил с твоей мамой.

— И про это знаю.

Он улыбнулся. Вышло неестественно. Будто он не хотел, но считал, что так положено. Будто заново осваивал человеческие навыки. Дачесс не улыбнулась в ответ.

— С твоей мамой всё в порядке?

— С ней всегда всё в порядке.

— А с тобой?

— Нашел у кого про порядок спросить! Я — вне закона.

— Вон оно что... Те, которые вне закона, — плохие, верно?

— Буйный Билл Хиккок убил двоих, прежде чем стал шерифом. Может, когда-нибудь я исправлюсь. А может, и нет.

Дачесс подрулила чуть ближе. Заметила: футболка у него темная от пота — под мышками и на груди. К гаражной стенке крепилось баскетбольное кольцо; сетка отсутствовала. Дачесс задумалась: помнит Винсент Кинг, как мяч бросают? Вообще что-нибудь из прежней жизни помнит?

— Из всего, что можно отнять, свобода — самое ценное? — спросила она и сама себе ответила: — Да, наверняка.

Винсент стал спускаться.

— У тебя шрам. Вон, на руке.

Он покосился на свое предплечье. Ну шрам. Ну длинный. Он к нему привык.

— И по всему телу шрамы, — продолжала Дачесс. — Тебя там били?

— Ты очень похожа на мать.

— Только внешне.

Она чуть подала назад, подергала бантик в волосах.

— Это для отвода глаз. Люди смотрят и думают: обычная девчонка.

Дачесс стала кататься перед ним — взад-вперед, взад-вперед.

Винсент взял отвертку и медленно приблизился.

— Тормоз заедает, потому и педали туго ходят.

Она не отвечала, только смотрела в упор.

Винсент опустил на колени — осторожно, чтобы не прикоснуться к ее голой лодыжке. Прodelал несколько манипуляций с тормозом, встал, отошел.

Дачесс крунула педали. И впрямь, теперь колесо вращалось куда легче. Луна скрылась. Винсент Кинг и запущенный его дом стояли будто на краю земли — за ними было только звездное небо.

— Чтоб я тебя возле нашего дома больше не видела. Нам никто не нужен.

— Как скажешь.

— Не хотелось бы добавлять тебе шрамов.

— Да, я тоже против.

— Пацана, который твоё окно разбил, зовут Нейт Дормен.

— Полезная информация.

Дачесс развернулась и не спеша покатила домой.

На Айви-Ранч-роуд, у ее дома — она еще издали увидела — ворота были нараспашку. К ним зарулил автомобиль такой огромный, что по длине едва вписался в габариты двора. Понятно: Дарка принесло.

Дачесс прибавила скорости. Отчаянно крутила педали. Зачем, зачем только она уехала? Ворвалась во двор, спрыгнула с велика, рухнувшего прямо на траву. Она не пойдет через холл — проникнет в дом через кухню. Короткая перебежка, пот ручьем по спине. Крыльцо и задняя дверь, и телефонная трубка, ловко легшая в ладонь. И — смех из гостиной. Материнский смех.

Невидимая для этих двоих, Дачесс наблюдала. Бутылка на журнальном столике — ее успели ополовинить. Букет красных цветов — такие продаются в Пенсаколе, в магазинчике при автозаправке.

Ладно, пусть их. Дачесс выбралась во двор, обошла дом и через окно залезла в спальню. Удостоверилась, что дверь заперта изнутри. Сняла шорты, поцеловала брата в темечко, раздвинула занавески и

устроилась в изножье Робиновой кровати. Пока в доме этот громила, она не позволит себе уснуть.

— Расскажи про девочку, — попросил Винсент.

Они с Уоком сидели на задней скамье в церкви. В окно виднелся угол кладбища и дальше — океан. Стёкла были пыльные, и пейзаж тоже казался несвежим. Сначала ходили на могилку Сисси. Уок дал Винсенту побыть одному. Винсент принес цветы, преклонил колени, прочел надпись на могильном камне. Позы не менял целый час, пока не вернулся Уок, пока не положил ладонь ему на плечо.

— У Дачесс детства нет, да толком и не было.

Уок полагал, что осведомлен лучше остальных.

— А Робин?

— О нем заботится Дачесс. Делает то, что должна бы делать ее мать.

— Про отца известно?

Уок глядел на ряды скамей. Их красили в белый цвет, а каменный пол прикрыть забыли. Теперь он усеян мелкими каплями. Уок поднял взгляд, оценил высоту сводчатого потолка, детали арок. Церковь дышит красотой — недаром же ее постоянно фотографируют курортники, а по воскресеньям на скамьях нет свободных мест.

— В обоих случаях — ничего серьезного. У Стар были отношения, свидания; в некий период она возвращалась домой только под утро — я видел.

— Путь стыда.

— Нет, стыда как раз не было. Ты ведь знаешь Стар — когда она чего стыдилась?

— Не знаю я ее. Похоже, не знал и раньше.

— Да ладно. Она прежняя девчонка. Та, что была твоей парой на выпускном — ну после девятого класса.

— Я писал Хэлу. Ее отцу.

— Он тебе отвечал?

— Да.

Минут десять прошло в молчании. Уок мучился вопросами, на которые не желал знать ответов. Отец Стар известен суровым нравом. В Монтане у него ранчо, многие акры земли. В Кейп-Хейвен не ездит — боль слишком сильна. Внучку и внука никогда не видел.

— Сначала он посоветовал мне покончить самоубийством.

Уок вперил взгляд в стену. Фреска: сонм святых, суд, прощение.

— Я бы послушался, да он передумал. Решил, что смерть — это слишком легко. Прислал мне фотографию... — Винсент сглотнул. — Фотографию Сисси.

Солнечный луч ощупью подобрался к кафедре, остро высветил грань. Уок закрыл глаза.

— Ты в город уже выходил?

— Это чужой город.

— Освоишься.

— Надо будет заглянуть к Дженнингсу. Купить краску. Вроде теперь Эрни владеет магазином?

— Тебя это смущает? Я поговорю с ним.

В ту ночь Эрни вместе со всеми участвовал в поисках. Был первым, кто заметил поднятую руку Уока. Первым, кто бросился к нему. При виде мертвой девочки Эрни попятился, согнулся пополам, и его вырвало.

Со скамьи они поднялись одновременно. Вышли на воздух. Дорожка к обрыву заросла травой, памятники покосились. Внизу, в двухстах футах от Винсента и Уока, неистовствовал прибой.

Превозмогая головокружение, Уок заговорил:

— Я часто думаю про нашу четверку. Смотрю на местных ребят, на Дачесс и Робина — а вижу нас с тобой, Марту и Стар. Она знаешь что на днях сказала? Что на пятнадцать себя ощущает. Нам надо держаться вместе — мне, тебе и Стар. Может, мы всё вернем. Ну почти. Раньше было проще, раньше было...

— Послушай, Уок. Тебе, я смотрю, много чего мерещится насчет прошлого; ты, наверное, навоображал всякого... Так вот: я теперь другой человек.

— Почему ты после смерти матери отказывался от свиданий со мной?

Винсент все глядел вниз, на скалы и пену. Будто не слышал.

— Он мне писал. В смысле, Хэл. Каждый год. В день рождения Сисси.

— Тебе не следовало...

— Иногда письма были короткие. Типа, вот, ей бы сегодня исполнилось... Будто я без него не помню. А иногда — страниц по

десять. Не одна брань, не думай. В нем — в старом Рэдли — что-то тоже менялось; он мне внушал, что делать, убеждал, чтобы я к людям не лез, не тянул за собой на дно.

Вон оно что. Уоку-то казалось, Винсентом движет инстинкт самосохранения... Теперь Винсент объяснил. Теперь понятно.

— Если исправить не можешь, если такого наворотил, что...

Они увидели траулер, «Путь Солнца». Уок знал и посудину, и команду. Синяя краска по ржавым бортам, обтекаемость линий, проволока и сталь. Идет без грохота и волну не поднимает, если не считать белых «усов» по обе стороны корпуса.

— Случается то, что должно случиться. На все свой резон, а болтовней ничего не изменишь.

Уоку хотелось знать, как Винсент провел эти тридцать лет, но шрамы на его запястьях предостерегали: не спрашивай, было еще хуже, чем тебе представляется.

На обратном пути молчали. Винсент норовил пройти переулками, глядел строго под ноги, ни разу головы не поднял.

— Стар... Она... она много с кем крутила?

Уок пожал плечами. Намек на ревность? Нет, пожалуй, только послышалось.

Винсент свернул на Сансет-роуд, дальше побрел один. Уок смотрел ему вслед, думал: вот сейчас придет — и будет латать свой старый пустой дом...

После ланча Уок поехал в клинику «Ванкур-Хилл».

В лифте поднялся на четвертый этаж, сел на кушетку в приемной, пролистал глянецовый архитектурный журнал. Особняки в минималистском стиле, естественный свет и белизна не опошленных деталями поверхностей — квадрат стекла на квадрат оштукатуренной стены, ни намека на устаревшую плавность, ни единой извилины — впрочем, как и в мозгах счастливых собственников. Уок втянул голову в плечи, стараясь скрыть лицо от соседки, хотя она, совсем молодая, так же, как и он, страдала от предательства собственного тела, так же, как и он, не понимала, за что ей это.

Услышав свою фамилию, Уок вскочил и бодро прошагал к кабинету — никаких внешних признаков, никто не догадается, что считанные часы назад его мучила боль почти невыносимая.

— Таблетки не помогают, — сказал он, усевшись перед врачом.

Безликий кабинет. Единственный намек, что прием ведется живым человеком, а именно доктором Кендрик — это фотография в рамке; да и та развернута от пациента.

— Снова рука беспокоит, мистер Уокер?

— Не только рука. Все тело. Утром по полчаса в кучку собираюсь, чтобы с постели встать.

— Но в других аспектах у вас ведь нет ухудшений? Вы по-прежнему легко ходите, можете улыбаться?

Против воли Уок улыбнулся. Доктор Кендрик улыбнулась в ответ.

— Пока только руки и плечи немеют, но ясно ведь, что скоро начнутся проблемы с ходьбой, мимикой и прочим.

— И вы до сих пор никому не говорили?

— Они всё спишут на алкоголь.

— А у вас проблем с алкоголем, конечно, нет?

— При моей работе злоупотребление спиртным невозможно.

— Вы ведь понимаете, что сообщить придется.

— Чего ради? Чтобы меня перевели бумажки разбирать?

— Почему сразу бумажки? Мало ли занятий.

— Бездельничать — это не по мне. Увидите, как я с удочкой расслабляюсь, — просто пристрелите меня сразу, и всё. Разрешаю. Потому что быть полицейским — это... короче, мне моя работа по душе. Жизнью я доволен. И не хочу расставаться ни с первым, ни со вторым.

Доктор Кендрик невесело улыбнулась.

— На что еще жалуетесь?

Уок уставился за окно. Хорошо, что вид такой красивый — можно прикинуться, будто им любуешься, а самому обдумать, какие подробности для докторских ушей, а какие — нет. Определенные проблемы при мочеиспускании и опорожнении кишечника. Гораздо более серьезные проблемы — со сном. Кендрик заверила, что это нормально, посоветовала сбросить вес, сесть на диету, увеличить дозу лекарств, начать принимать «Леводопу». Ничего принципиально нового. Уок не из тех, кто слепо следует наставлениям врачей. Свободное время он проводит в библиотеке. Проштудировал гипотезу Браака^[14], изучил все шесть стадий и даже прочел биографию самого Джеймса Паркинсона.

— Вот хрень! — Вырвалось само, и Уок тотчас вскинул руку. — Извините, доктор. Я обычно не сквернословлю.

— Хрень полнейшая, — согласилась доктор Кендрик.

— Нельзя мне работу терять. Нельзя, и точка. Я людям нужен. — (Ой ли? А не много ли он на себя берет?) — И вообще, пока проблемы только с правой стороной, — добавил Уок. Солгал, разумеется.

— Есть анонимная группа, — сказала доктор Кендрик.

Уок поднялся.

— Прошу вас, мистер Уокер.

Она протянула буклет, и Уок взял его.

* * *

Дачесс сидела на песке. Обняв колени, следила за братом. Робин бродил в полосе прибоя, по щиколотку в воде. Ракушки собирал. Оба кармана уже набил, да только в основном осколками, а не целыми ракушками.

Поодаль, слева, развлекались ребята из ее школы. Девчонки в купальниках; азартная игра в мяч. Воздух звенел, но ни смешки, ни выкрики не задевали Дачесс — они плыли мимо. Дачесс умела уходить в себя, и неважно где — на людном пляже или в классе. Талант привалил от матери, но прогрессировать Дачесс ему не давала, много сил на это тратила. Потому что Робину стабильность нужна, а не сестра-мизантропка, которая претя по дерьмовой своей жизни, кукусь, щерясь и толкаясь локтями.

— Еще одну нашел! — объявил Робин.

Дачесс встала, пошла к нему. В первое мгновение вода показалась ледяной. Бесконечный скалистый пляж — хоть вперед гляди, хоть назад. Дачесс поправила брату панамку, потрогала предплечья, уже нагретые солнцем. Денег на лосьон у них не было.

— Смотри не обгори.

— Не обгорю.

Дачесс включилась в поиски. Вода была прозрачная, Дачесс почти сразу заметила плоского морского ежа. Взяла, показала Робину. Мальчик расцвел улыбкой.

А потом он увидел Рикки Тэллоу и бросился навстречу, и они, двое чудиков, крепко обнялись.

— Здравствуй, Дачесс.

Лия Тэллоу.

Вот бы у Стар было такое лицо — простенькое, милое. Обыкновенное. С таким лицом не поют ночами в барах, не отключивают задницу, не трясут сиськами. Про такую женщину сразу все понимают: она — мать. И не пялятся на нее, даже когда она по пляжу идет.

— Нам пора домой, Робин, — сказала Дачесс.

Брат сник, но промолчал.

— Можешь оставить Робина с нами, Дачесс. Мы его потом привезем. Адрес напомним только.

— Айви-Ранч-роуд, — ответил вместо Дачесс отец Рикки.

Седые, сильно отросшие волосы, мешки под глазами. Дачесс нечасто видела мистера Тэллоу, но раз от разу мешки эти казались темнее и тяжелее.

Лия сверкнула взглядом на мужа.

Он отвернулся. Вывалил из мешка игрушки — целый пляжный набор. У Робина глазенки загорелись, однако он ни словечка не произнес. Дачесс знала: Робин не попросит купить ему лопатку или ведерко. Потому что уже догадывается. Лучше б просил, даже клянчил — маленький, стойкий ее братик. Лучше б он клянчил, чем глядеть вот так, молча.

— Правда, миссис Тэллоу? — спросила Дачесс, выдержав паузу.

— Конечно. Наш старший тоже остается. Поучит ребят какому-то особенному броску.

Робин глядел умоляюще.

— Мы привезем Робина к ужину, — заверила Лия.

Дачесс отвела брата в сторонку, опустила колени на песок. Взяла в ладони мордашку мальчика.

— Обещай, что будешь хорошо себя вести.

— Ага. — Робин косил назад, на Рикки, который уже взялся рыть тоннель в песке. — Я буду послушным. Клянусь.

— Держись рядом с ними. Не убегай. Говори «спасибо» и «пожалуйста». И ни слова про маму, понял?

Робин кивнул с максимально серьезным видом. Дачесс чмокнула его в лобик, махнула Лии Тэллоу и по раскаленному песку пошла к скале, у которой ждал велосипед.

К тому времени как Дачесс добралась до Сансет-роуд, пот струился с нее ручьями. Последние пятьдесят ярдов она проделала пешком, толкая велосипед перед собой. Остановилась возле кинговского дома.

Винсент Кинг работал наждачкой, пот капал с подбородка. Несколько минут Дачесс молча наблюдала за ним. Мускулы по всей длине рук, а сами руки худощавые, жилистые. Нет этой фальшивой бугристости, какую демонстрируют пляжные качки. Дачесс пересекла улицу и остановилась у подъездной дорожки.

— Помочь хочешь? — Винсент отвлекся от работы, уселся на крыльце в обнимку с недоошкуренной доской. Свободную руку он протянул Дачесс.

— Была охота тебе помогать.

Он снова занялся ошкуриванием. Дачесс прислонила велосипед к забору и сделала несколько шагов по дорожке.

— Может, попить тебе принести? Или еще что-то надо?

— Ты — чужой.

Она заметила: когда Винсент Кинг тянет руку, из рукава футболки выныривает татуировка. Текли минуты. Винсент работал, Дачесс наблюдала.

Минут через десять она подошла еще чуть ближе.

Винсент снова прервался.

— Ты его знаешь — в смысле, мужчину, который приезжал той ночью?

— Он так на меня смотрит, будто насквозь видит.

— Часто он бывает у вас?

— В последнее время что-то повадился. — Дачесс отерла пот со лба, да не ладонью, а всем предплечьем, с размаху.

— Хочешь, я Уоку скажу?

— От тебя мне ничего не надо.

— Тебе есть к кому обратиться, кроме Уока?

— Я — вне закона; у меня в предках сплошные бандиты.

— Я дам тебе свой телефон. Позвонишь, если этот тип снова заявится.

— Даллас Студенмайр за пять секунд уложил троих. Я — его наследница — уж как-нибудь справлюсь с одним.

Дачесс помялась с ноги на ногу, почувствовала, что сильно тянет бедро; подошла наконец к дому и села на нижнюю ступень крыльца. Винсент Кинг сидел пятью ступенями выше.

В очередной раз он вернулся к работе. Сгорбленная спина, размеренные движения, рука ходит вперед-назад, вкусно шуршит по дереву наждачная бумага. Дачесс взяла занозистый чурбачок и обрывок наждачки, тоже занялась ошкуриванием.

— Почему ты не продашь дом? Он же старый!

Винсент стоял на коленях, будто паломник перед святыней.

— Говорят... в смысле, я слышала в закускойной у Розы — что тебе за эту лачугу дают целый миллион. Ну или не знаю сколько — кучу денег, в общем. А ты упираешься.

Винсент глядел куда-то мимо дома, причем так долго, что Дачесс начала подозревать — а не видит ли он там нечто ей недоступное?

— Этот дом построил мой прадед. Когда Уок привез меня... ну оттуда... — я буквально выдохнул. Не весь Кейп-Хейвен перестроили, перекроили, думаю; кое-что знакомое осталось. Я сейчас не только о курортниках, от которых плюнуть некуда; нет, не только о них... — Винсент помолчал, будто у него иссякли слова и мысли. — Тогда... давно... я не был отпетым мерзавцем. Вспоминаю и вижу: тот парень — не законченный выродок.

— То тогда, а то теперь.

— Знаешь, тюрьма гасит любой свет. А этот дом... он будто костерок. Маленький такой, слабый — а все же горит и греет. У меня другого костерка не будет. Затопчу этот — останусь в полном мраке и не увижу больше...

— Чего ты не увидишь?

— Тебе никогда не казалось, что человек глядит вроде на тебя, а будто бы сквозь?

Дачесс не стала отвечать, раскрываться перед ним. Поправила бантик, перешнуровала кроссовки.

— Как погибла Сисси?

Винсент Кинг опешил, качнулся в тень — солнце жарило теперь только одну его руку. Он прищурился, уточнил:

— А мама тебе не рассказывала?

— Мне нужна твоя версия.

— Я взял машину брата.

— А брат где был?

— На войне. Про Вьетнам знаешь?

— Да.

— Я хотел произвести впечатление на девчонку, вот и взял машину брата.

Дачесс знала также, кто была та девчонка.

— Мы покатались, я отвез ее домой, а сам поехал в Кабрильо. Знаешь, наверное, указатель на хайвее, перед поворотом?

— Ну, знаю.

— Где мне было предвидеть, что я ее собью? — Винсент теперь говорил шепотом. — Я даже скорость не сбавил.

— Что она делала одна на хайвее?

— Искала свою сестру. Твой дедушка работал иногда в ночную смену. На этой фабрике, «Тэллоу констракшн» — она ведь никуда не делась, правда?

Дачесс пожала плечами.

— Вроде стоит пока.

— А днем он отсыпался. Следить за сестренкой должна была Стар.

— Но не следила.

— Я ей позвонил. Мы выпили по паре банок пива. Вчетвером — с нами были еще Уок и Марта Мэй. Ты знаешь Марту?

— Нет.

— Конечно, откуда тебе знать... Это я счет времени потерял. Короче, она оставила Сисси перед телевизором.

Никаких интонаций, будто Винсент Кинг повторял давно заученное, вызубренное, может, даже записанное на пленку. Ну вот и что от него осталось — как от человека?

— Как они тебя вычислили?

— Просто Уок — прирожденный коп. Чутье у него особое, что ли. В ту же ночь он ко мне явился. Увидел вмятину на машине.

Дальше они работали в молчании. Дачесс, стиснув зубы, возила наждачкой, пока не заныло плечо.

— Тебе надо быть максимально осторожной, — произнес Винсент. — Повидал я типов вроде этого Дарка. Глаза у них...

неживые. По глазам сразу все ясно.

— Я не боюсь. Я сильная.

— Знаю.

— Нет, не знаешь.

— На твоём попечении брат. Это огромная ответственность.

— Я спальню запираю, чтобы он ничего не увидел. Правда, ему многое слышно. Только он всё списывает на страшные сны.

— Разве запертому ему безопаснее?

— В спальне ничего плохого не случится. Не то что в гостиной.

Винсент Кинг не возразил. Он будто блуждал мыслями где-то далеко, будто взвешивал некое решение, отнюдь не легкое. Наконец глянул Дачесс в глаза.

— Вне закона, говоришь?

— Да.

— Подожди, я быстро. У меня для тебя кое-что есть.

Он исчез в доме, и Дачесс подумала: может, простить его? Впрочем, она и сама знала — это секундная слабость; когда Винсент Кинг вышел, Дачесс показалось, что прямо на нее движется мертвец.

— Порой такое впечатление, что она меня ненавидит.

Стар говорила, избегая смотреть Уоку в глаза. С утра она была сама умиротворенность; Уок знал, что это ненадолго.

— Ей тринадцать — этим все сказано.

Они шли как раз мимо брендоновского дома. Боковым зрением Уок уловил, как шевельнулись шторы. В следующую минуту с крыльца спустился Брендон Рок собственной персоной; плотно сжимая губы, изо всех сил стараясь не хромать, он пересек двор.

Уок поотстал. Стар вздохнула.

— Доброе утро, Стар! — Брендон расплылся в улыбке.

— Ты снова пол-улицы разбудил своей тарахтелкой. Почини уже ее, а то моя Дачесс не стерпит — сама разберется.

— Это «Мустанг» шестьдесят седьмого года выпуска...

— Да знаю я, знаю. Тачку еще твой отец купил, а ты последние двадцать лет с ней возишься. Даже в нашу газетенку пролезть умудрился со своим раритетом, чтоб его.

Действительно, на статью о раритете выделили полосу перед рубрикой «Частные объявления». Несколько абзацев было посвящено проблеме поршней, под текстом поместили фото: мелированный Брендон — губы уточкой — разлегся на капоте. Дачесс маркером зачеркала Брендонову физиономию, а газету приклеила ему на ворота.

— К Четвертому июля справлюсь, — заверил Брендон. — Кстати, не прокатишься со мной на Клируотер-Коув? Пикник бы устроили, а? «Твинкиз»^[15] будут обязательно — ты ведь их любишь? И курица с ананасами. У меня даже есть набор для фондю.

Соблазняя, Брендон не переставал работать гантелью. Вены на правой руке вздулись, как веревки.

— Да не хочу я с тобой встречаться! Со старшей школы меня окучиваешь — и как не надоест?

— Придет день, и я к тебе остыну, Стар.

— Это бы обещание — да в письменном виде.

Стар взяла Уока за руку, они пошли дальше.

— Нет, ну правда, Уок! Этот Брендон — он себя до сих пор старшеклассником воображает.

— И не может пережить, что ты предпочла ему Винсента.

Они дошагали до последнего дома на Айви-Ранч-роуд. Уок оглянулся — Брендон Рок всё стоял в воротах. Наверняка спины их глазами буравил.

Уок и Стар гуляли не просто так. Вот уже почти десять лет это был их ритуал. Уок приезжал в понедельник утром, выводил Стар из дому, говорил с ней. Не бог весть что; но порой ему казалось, что Стар без этих прогулок и бесед пропадет. Психотерапевт — сам по себе; ему всего не расскажешь. А Уоку — пожалуйста.

— Ну и как он?

— В порядке.

Стар прищурилась.

— И что, блин, это значит — в порядке? Давай выкладывай, не юли.

— Я слышал, что тут у тебя произошло. В смысле, ночью.

— А, ну да. Явился благородный рыцарь, мать его... Так вот: всё под контролем. Винсенту Кингу не обязательно меня пасти. И разруливать за мной тоже не обязательно. Не нуждаюсь.

— Раньше он разруливал. И за тобой, и за мной. Помнишь, Джонсон-младший меня обвинил — якобы я угнал его велик?

Стар засмеялась.

— Будто ты способен взять чужое!

— Джонсон-младший был тот еще верзила.

— Винсент верзил не боялся. Те, кто привык брать нахрапом, этого не видели — я говорю про внутренний стержень. О нем знали только мы. А как Сисси была к нему привязана! Сидим, например, мы с Винсентом на диване — а она придет, втиснется между нами — и рада. Винсент с ней играл. Она для него картинки рисовала, и он их домой забирал. Хранил, как что-то ценное.

— Да, я помню.

— Ты, Уок, все помнишь.

— Зачем ты водишься с Дарком? Он мутный тип.

— Это не то, что тебе кажется. И вообще, я сама виновата. Скандал закатила... Всё, проехали. Сегодня у меня вечерняя смена в клубе Дарка.

У поворота на Сансет-роуд Уок намеренно замедлил шаги. Стар стрельнула глазами на дом Винсента. Уок думал, она в ту сторону и

направится; ждал. Но Стар пошла прямо к пляжу. Мимо пронеслись автомобили. Показался внедорожник; за рулем сидел Эд Тэллоу. Уок замахал ему — никакой реакции. Взгляд Эда Тэллоу был прикован к Стар.

Уок ослабил узел галстука. Стар сбросила сандалии и побежала к воде. Уок двинулся за ней, сразу начерпав туфлями песка. Узкие пятки так и мелькали перед ним, Стар смешно подпрыгивала — песок был раскаленный. Вот она в полосе прибоя, стоит в воде по щиколотку, а Уок пробирается к ней, пыхтя и отдуваясь.

Они пошли берегом — Стар, босая, по воде, Уок, обутый, посуху.

— Я не справляюсь, Уок.

— Ну что ты! Вообще ты не...

— Оставь, не утешай. Все женщины заточены на материнство, а мне даже этого не дано — сама знаю.

— Дачесс любит тебя. С ней непросто — характер; но я же вижу, как она беспокоится о тебе. А Робин...

— С Робинем никаких проблем. Он... он лучшее, что я в жизни сумела. Мой принц.

Они уселись на песке.

— Тридцать лет, Уок. Тридцать лет отсидеть, а потом блямс — и ты снова в том же самом городе. Сколько я о нем думала, о Винсенте! Все эти годы он из моих мыслей не шел, честно. Тебе это по нраву, я знаю, — когда есть с кем поговорить о нем. Будто мы — прежние.

Спину жарило, меж лопаток струился пот.

— Легко живешь, Стар. Напиться, таблеток наглотаться, на пороге смерти постоять — с тебя как с гуся вода. Ведешь себя, словно ничего не изменилось — резвишься, болтаешь...

— Зато на тебе проклятие. Патологическая честность, вот я о чем. Взвалил на себя чужой груз и тащишь, будто так и надо. Дачесс меня в грош не ставит, а ты для нее — образец для подражания.

— Ничего подобного.

— Ты для моей дочери — символ добра. Герой, без которого и жизнь — не жизнь. Который не лжет, не юлит, не пакостит. Девочке без такого героя нельзя. Дачесс не говорит об этом, но я-то знаю: ты ей необходим. Смотри не подведи мою дочь, потому что тогда для нее свет погаснет.

— У тебя и у самой получится. Дачесс будет равняться на родную мать.

Стар провела ладонью по песку,хватила горсть, стала смотреть, как песчинки текут сквозь пальцы.

— Чушь. Как мне перестать быть собой? Нереально же.

— Поговори с ним.

— Простить его, что ли?

— Я этого не предлагал.

— Каждый раз, когда я оступалась или падала — именно его вспоминала. На то, чтобы принять его обратно в свою жизнь, у меня просто нет сил. Вдобавок речь идет не только о моей жизни.

— Винсент лучше, чем Дикки Дарк.

— Твою мать, Уок! Ты как дитя малое: этот лучше, тот хуже... Этот хороший, тот плохой... Будто люди — однородные. Каждый из нас — этакий набор, коллекция самых дрянных и самых добрых поступков. Винсент Кинг — убийца; он убил мою сестру. — В голосе слышались близкие слезы. — Марта вот взяла и уехала — молодец, не то что я.

— Ты под моей защитой. И твои дети тоже.

Стар сжала его ладонь.

— Потому-то я тебя и люблю. Ты мой самый-самый лучший друг. А вообще мы все — часть грандиозного замысла. У Вселенной свои планы, ничто просто так не происходит. Есть причина, есть следствие.

— Неужели ты в это веришь?

— Космические силы всегда в итоге уравнивают добро и зло. — Стар поднялась,отряхнулась от песка. — Передай ему, если спросит, что я его давным-давно из своей жизни вычеркнула. И больше о нем не упоминай, слышишь? Для меня сейчас главное — Дачесс и Робин. И я в лепешку расшибусь, а докажу им обоим, что так оно и есть.

Уок проводил Стар взглядом, перевел глаза на океан. Все это он уже слышал, и не раз. Оставалось уповать, что сегодня Стар не просто сыпала привычными фразами.

В полночь что-то грохотнуло снаружи; через несколько секунд по стене полоснули фары, выхватив из мрака шкаф без дверцы, туалетный столик с перекошенным ящичком.

Сами стены — голые; ни постеров, ни рисунков, ни единого признака, что здесь живет девочка тринадцати лет. Нейлоновой половик, затертый донельзя; под ним нет даже линолеума — просто доски. И узкая кровать рядом с кроватью Робина — место, где Дачесс мучают то сны, то боязнь уснуть.

Робин ни на шум, ни на свет не отреагировал. В ночной духоте он раскрылся, разметался. Волосы чуть взмокли. Дачесс заперла спальню, прокралась в прихожую, набросила дверную цепочку и выглянула.

Стар лежала ничком на пожухлой траве.

Дачесс открыла дверь, скользнула с крыльца.

Успела заметить, как в конце Айви-Ранч-роуд мигнули хвостовые огни «Эскалейда».

Перевернула мать с живота на спину, потянула задранную юбку вниз, позвала:

— Стар.

Увидела: глаз подбит, губа припухла — тонкая кожа вот-вот лопнет, кровь пойдет.

— Стар, очнись.

В доме напротив шевельнулись шторы, мелькнул мужской силуэт. Мясник. Вечно он подсматривает. Поодаль, у Брендона Рока, стал мигать сигнальный фонарь. По брезенту на бесценном «Мустанге» заметались световые пятна.

— Ну вставай же! — Дачесс хлопнула мать по щеке.

Долгих десять минут, пока Стар очнулась. Еще десять, чтобы довести ее до крыльца и перетащить через порог. В прихожей Стар начало рвать. Корячило, сотрясало, будто она выблевывала свою угольно-черную душу.

Дачесс довела ее до кровати, уложила на живот. Так надо — на случай повторной рвоты. Сняла с матери туфли на шпильках, распахнула окно, чтобы выгнать вонь — сигаретный дым и приторные алкогольные пары, усугубленные парфюмом. Случалось, мать будила Дачесс, возвращаясь после вечерней смены в клубе Дарка; не могла тихо войти. Но избивали ее впервые.

Дачесс вышла в кухню, набрала полное ведро воды. Подтерла блевотину, чтобы Робин утром не увидел. Вымылась. Надела джинсы и кроссовки.

Робин сидел на кровати столбиком, таращился в темноту. Дачесс уложила его, дождалась, пока он уснет, заперла спальню изнутри и через окно выбралась во двор.

Со всеми предосторожностями она катила по спящему городу. На Мейн-стрит вырुлить не решилась, на Сансет-роуд — тоже: там нередко дежурил Уок. Ехала переулками, думала про Уока и Стар — как они смягчают алкоголем острые углы бытия.

За полчаса Дачесс отмахала целую милю до поворота на Кабрильо. Мышцы бедер горели.

Впереди замаячил тот самый клуб, «Восьмерка». Про него всем ребятам было известно, ну и Дачесс тоже. Каждые несколько лет, во время праймериз, кандидаты в мэры сулили, по просьбам местных жителей, закрыть проклятую «Восьмерку».

Ночь на понедельник, предсказуемо пустая парковка. Само заведение тоже пустое, окна темные. Несколько фонарей льют мертвенный неоновый свет на выбоины в гравийном покрытии.

Городок Кабрильо растянулся над обрывом. Дачесс видела, как густо и масляно блестит ночной океан, как топорщатся скалы, как машет роща; казалось, именно деревья гонят в сторону Дачесс прохладный бриз, причем прямо от той грани, за которой ничего уже нет. Дачесс — одна в мире, ибо и хайвей, и океан — необитаемы. Она соскочила с велосипеда, не озаботившись придержать его, чтобы упал не так резко. Прошла по парковке, подергала тяжелую деревянную дверь. Разумеется, заперто. Оконные стекла затонированы, сбоку пленка облупилась. Реклама обещает «счастливые часы с двух до семи»; ну и кем надо быть, чтобы в грош не ставить утреннее солнце, выявляющее каждый грех?

Неоновая трубка, на вывеске — нижняя часть женского тела, задница и ноги в профиль. Сейчас их почти не различить, огни-то не горят. Дачесс нашарила камень, метнула. Трещина на стекле, второй камень вслед за первым. Стекло разбилось. Секундная глухота, отсроченный вдох. И ступор — ровно до того мгновения, когда завыла сигнализация. Вой заставил Дачесс ускориться. В рюкзаке у нее был блок спичек. Она шагнула в оконную раму. Не ойкнула, задев рукой

стеклянный клык; не обратила внимания на разодранную кожу. У нее была цель. Вот они, гримерки — зеркала, возвращающие парковочный свет, табуреты, пудра, помада, «сценические костюмы», о существовании которых Дачесс только догадывалась, да и то смутно. Запах пота, замаскированный санитайзером.

Два ряда шкафчиков, на каждом фотография. Одинаковая мимика — губы уточкой; одинаковые прически — волосы откинuty назад. Имена, ассоциирующиеся с невинностью и чистотой. Дачесс шагнула в сторону, угодила рукой в кучу тряпья — корсеты, перья какие-то...

Из гримерок она вышла собственно в зал, прямо к бару, где бокалы и бутылки множились в зеркальной стене. Взяла бутылку «Курвуазье», открыла, облила кожаный диванчик. Достала спички, подожгла сразу весь блок, швырнула в кабинку, уставилась на гипнотическое голубое пламя.

Дачесс очнулась, лишь когда ей сдавило грудную клетку. Пока жар пыхал в лицо, она, замороженная, его не ощущала; а тут закашлялась, отшатнулась, внезапно вспомнила, что рука рассечена до крови. Зажимая рану ладонью, Дачесс пятилась, натыкалась на столы и стулья, но взгляд оставался прикован к огню, к яростной его пляске.

Она спохватилась лишь у дверей.

Бросилась обратно, прямо в густой дым; натянула футболку на рот и нос. Распахивала двери одну за другой, пока не оказалась в кабинете. Стол красного дерева, отделанный зеленой кожей; бар, только поменьше того, в главном зале; хрустальные бокалы, коробка сигар. Экран видеонаблюдения, под ним дверца. Дачесс открыла ее, выдернула пленку, сунула в рюкзак.

Теперь — к выходу. Она пробиралась, согнувшись пополам; огонь дышал ей в спину.

Вырвалась. Долго хватала ртом ночной воздух. Отдышавшись, вскочила на велосипед. На ее футболке среди звезд улыбался полумесяц. Позади трещал, выгорая и рушась, мерзкий притон. Вскоре к этим звукам прибавился вой сирены — пожарные наконец-то отреагировали.

Дачесс изо всех сил крутила педали. Промчалась главной улицей Кабрильо — путь шел вниз по склону; а дальше пришлось подниматься в гору. Ей встретился случайный автомобиль; она втянула голову в плечи и при первой возможности свернула с хайвея. До Кейп-

Хейвена добиралась уже тропой, полускрытой в роще. По Сансет-роуд проехала совсем немного, почти сразу срезала, вырулила на Фортуна-авеню. Остановилась, увидев гору хлама. Ветхий приставной столик, коробки, пакеты — утром их заберет мусоровоз. Спрыгнула на землю — велик упал, звякнув, — бегом пересекла улицу и зачихнула пленку в полиэтиленовый мешок.

Замела следы. Потому что она не дура какая-нибудь.

Вот и ее улица, ее дом. Как могла тихо, Дачесс вкатила велосипед во двор, прислонила к стене, через окно забралась в спальню. Мать и брат ее не слышали. Она скользнула в ванную, разделась, даже не взглянув на свой порез. Голая прокралась к стиральной машине, загрузила вещи и села ждать. Лишь когда машина, покончив со стиркой, отключилась, Дачесс залезла в ванну и пустила воду, тщательно намылилась и окатилась из душа. Настало время заняться порезом. Перед зеркалом Дачесс извлекла осколок в полдюйма длиной. Потекла кровь — та же, что кипела в жилах ее необузданных предков.

Семья Рэдли была не из тех, где отводят под лекарства целый шкафчик или хотя бы держат аптечку; и всё-таки Дачесс отыскала набор детских пластырей с картинками (она сама их купила в прошлом году), выбрала самый большой, заклеила рану. На ее глазах пластырь окрасился алым.

Она легла в изножье Робиновой кровати; свернулась по-кошачьи и стала ждать, когда придет сон. Так и не дождалась.

Забрезжил рассвет. Огненная ночь позади, думала Дачесс; а дальше-то что?

Ничего хорошего — это ясно.

Она стала клясть себя — не выбирая слов, не ведая снисхождения.

Уок нашел его на краю обрыва.

Раньше там был забор, недавно обрушился целым пролетом. Винсент стоял так, что земли касались только пятки. От малейшего ветерка он мог рухнуть вниз, в этих своих джинсах и старой футболке. А высота, между прочим, футов сто. Усталость заволокла его глаза. Тоже, значит, ночь не спал — как и сам Уок. Его подняли по тревоге во втором часу. Сигнал поступил из клуба «Восьмерка». Уок живо влез в полицейскую форму и помчался на место происшествия. Пожар было видно за милю — все небо красное; ни дать ни взять салют в честь недавнего Дня независимости. Уок вел машину прямо на огонь и на шум, к самому пеклу. Припарковался за две улицы. Транспорт не скапливался — у людей хватало ума не загромождать себе пути к отступлению.

Дарк стоял поодаль от толпы любопытных. Дымовой столб взметнулся, окрасил небо серым. У Дарка в лице ни один мускул не дрогнул...

— Поддай-ка ты назад, Вин. А то на тебя глядеть как-то некомфортно.

Вместе они прошли к дому, в тень стены.

— Ты молился, что ли? Я думал, тебе взбрело с обрыва сигануть.

— А она есть вообще — разница между молитвой и желанием?

Уок снял фуражку.

— Желание загадываешь, когда чего-то хочешь. А молишься о том, что необходимо.

— В моем случае это одно и то же.

Они устроились на заднем крыльце. Свеженькие доски лежали штабелем. Жизни едва ли хватит, чтобы восстановить кинговский дом.

— Вин, ты знаешь этого парня — Дикки Дарка?

— Я здесь никого толком не знаю.

Уок молчал — не хотелось давить.

— Этот Дарк буянил в доме Рэдди. Я вступился за девочку и за Стар. Больше никому было.

Уоку в упрек, не иначе. Ладно.

— Стар говорит, они просто друзья. Заявлять в полицию отказалась.

— Друзья; ну-ну...

Опять эта нотка — и теперь она Уоку не мерещится. Винсент до сих пор не остыл к Стар.

— Сегодня ночью у Дикки Дарка сгорела недвижимость.

Винсент молчал.

— Клуб в Кабрильо. Золотое дно. Дарк упомянул тебя, вот мне и пришлось...

— Я все понимаю, Уок. Незачем оправдываться.

Уок погладил перила.

— Значит, сегодняшнюю ночь ты провел дома.

— Полагаю, у парня вроде Дарка хватает недоброжелателей.

— А я, кажется, знаю, с кем надо провести беседу.

Винсент отвернулся.

— Поступил звонок. Один автолюбитель видел ночью девочку-подростка. На велосипеде по хайвею ехала.

— А нельзя спустить дело на тормозах? В смысле, я понимаю, что говорю. Не мне вмешиваться, но ты сам подумай: она ведь ребенок. И не чей-нибудь, а Стар.

— Ты прав. Кстати, у поджигателя, кем бы он ни был, хватило мозгов забрать пленку с записью видеонаблюдения. Так что, если поджигатель затаится...

— Ясно.

Вот так вот. Винсент больше ничего не сказал, Уок не допытывался. Беседу он запротоколировал — так положено. Выполнил свою работу. И впредь будет выполнять.

Оставив Винсента, он занялся патрулированием улиц. Детей Рэдди обнаружил на Сэйер-стрит. Смекнул, что Дачесс выбрала путь, максимально удаленный от центра; кружной. Робин шел впереди, почти бежал вприпрыжку, но поминутно оглядывался — не остался ли он в одиночестве? Дачесс, по своему обыкновению, двигалась, наострив ушки, будто каждую секунду ждала подвоха. Тем удивительнее, что, обернувшись на шум двигателя, она явила Уоку ровно ту же невозмутимость, какую он недавно наблюдал в Винсенте.

Уок заглушил двигатель, выбрался из машины. Солнце сверкнуло на сайдинговой отделке ближайшего к нему коттеджа. Сегодня руки не

тряслись — еще бы, такая доза допамина, вдобавок «на новенького». Передышка, он знал, продлится недолго.

— Доброе утро, Дачесс.

И у нее тоже красные глаза, тяжелые веки. Два рюкзака — собственный и Робина. Джинсы, старые кроссовки, футболка с дырочкой на рукаве. Волосы, белокурые, как у матери, растрепаны, а бантик на месте. До чего же она хорошенькая... Ребята ходили бы за ней целой свитой — если б им (как, впрочем, и всему городу) не было известно про ее семью.

— Уже знаешь о клубе Дикки Дарка?

Уок вглядывался Дачесс в лицо — не выдаст ли она себя? Слава богу, не выдала. Пусть и дальше держится, пусть отвечает так, как ему, Уоку, надо.

— Сегодня ночью клуб сгорел. Примерно в это же время какая-то девочка ехала по хайвею на велосипеде; есть свидетель. Слышала об этом?

— Нет.

— Это ведь не ты была?

— Ночь я провела дома. Хоть маму мою спроси.

Ладони Уока сами легли на тугой живот.

— В последние годы я не раз тебя прикрывал. Все время думал: а правильно ли поступаю? Когда тебя ловили на кражах...

Дачесс сникла.

— Я только еду таскала. Это мелочи.

— Зато пожар — не мелочь. Во-первых, речь идет о больших деньгах. Во-вторых, будь внутри люди, они бы погибли. Тут мне тебя не отмазать, Дачесс.

Мимо проехала машина. Старик-сосед; быстрый взгляд на эту парочку, потеря интереса. Ничего особенного: девчонка Рэдли снова вляпалась.

— Я знаю, Дачесс, что за тип этот Дарк.

Обеими ладонями она потеряла глаза. Ясно: не просто устала — измождена. И нервное напряжение не скрыть.

— Ни хрена ты не знаешь, Уок.

Произнесено это было тихо и даже спокойно — а по сердцу резануло.

— Давай дуй на Мейн-стрит. Карауль одних сучек, пока другие шопингом занимаются.

Уок не нашелся с ответом. Опустил глаза, принялся тереть полицейский жетон. Уволят — и пусть. Переживет.

Дачесс резко развернулась и зашагала прочь. Ни разу назад не глянула. Только страх разлуки с братом ее в рамках и удерживает, думал Уок; не будь у Дачесс Робина, он, Уок, разрывался бы между профессиональным долгом и жалостью к этой девочке.

* * *

«Эскалейд» стоит возле школы; тонированные стекла отграничивают тот мир от этого, двигатель работает вхолостую — просеивает версии. Глазам больно от желтых, как подсолнухи, школьных автобусов.

Дачесс не удивилась. Наслушалась от матери про космическое равновесие, причины и следствия. Помахала Робину, проводила его взглядом. Брат скрылся за красными дверьми.

Для Дачесс пожар не кончился: вспархивали клочья сажи, чиркали ее по голым рукам, марая кожу; в носу держался запах гари. Какого, блин, свидетеля вынесло на хайвей ночью, когда добропорядочным, не запятанным правонарушителями гражданам полагается сладко спать в своих постельках? Западло, вот это что. С другой стороны — и фиг с ним. Главное, Дикки Дарк получил по заслугам.

Дачесс пересекла улицу и направилась к школе. Там безопасно, учителя и охранник не пропустят посторонних. Ей не страшно, она пройдет рядом с «Эскалейдом», мимо темного окна.

Стекло поползло вниз. Физиономия Дарка, красные глаза, набрякшие веки — ни дать ни взять утопленник. Только плоть утопленников набухает водой, а у Дарка набухла алчностью.

Дачесс застыла на месте. Коленки колотились одна о другую — наверное, заметно, хоть она и в джинсах; зато взгляд твердый. Дачесс этим взглядом буквально пронзила Дарка.

— Садись в машину, — велел Дарк, без злобы, не повысив голоса.

— Пошел ты.

Пробежала мимо стайка одноклассников. Не заметили Дачесс — до нее ли им в последнюю школьную неделю? Они уже всеми мыслями на каникулах. Может, и неплохо было бы меньше выделяться, иногда думала Дачесс. Индивидуальность у нее? Допустим; а велика ли польза?

— Заглуши двигатель и вынь ключ зажигания.

Дарк повиновался.

Дачесс обошла машину.

— Дверь пусть будет открыта.

Он вцепился в руль толстыми своими пальцами. Ишь, костяшки какие — и кастет не нужен.

— Отпираться бесполезно, Дачесс.

Она глядела в небо.

— Я не отпираюсь.

— Ты слышала о причинно-следственных связях?

Дачесс покосилась на него. Печальный гигант-броненосец, существо из другого мира.

— Только сунься.

— Ты сама не представляешь, что натворила.

В пепельнице был единственный бычок — смятый, докуренный до самого фильтра. И той марки, которую всегда покупала Стар.

— А ты на свою мать не похожа.

Дачесс глядела в небо. Там, раскинув крылья, замерла птица.

Дарк почесал ладонь о руль.

— Стар задолжала арендную плату. Для нее есть решение. Я прощу долг за услугу.

— Моя мать — не проститутка.

— А я, по-твоему, сутенер?

— Нет. Ты, по-моему, просто сука.

Слово повисло между ними.

— Вот как. Ладно. Только имей в виду: может, я и не похож на мужчину — но я мужчина.

Фраза получилась как будто сплюснутая, но Дачесс холодом обдало.

— Сегодня ночью ты кое-что у меня отняла.

— Еще достаточно осталось.

— Достаточно — понятие относительное. Смотря для чего.

Дачесс сверкнула глазами.

— Твоя мать, если б согласилась, отчасти компенсировала бы ущерб. Поговори с ней.

— Пошел ты, Дарк.

— Дачесс, мне нужна пленка с записью видеонаблюдения.

— Зачем?

— Знаешь, что такое «Трентон Севен»?

— Страховая контора. Я рекламу видела.

— Клуб был застрахован, но они отказываются платить, пока не изучат видеозапись. Думают, я имею отношение к пожару.

— Так и есть.

Дарк глубоко вдохнул.

Дачесс стиснула зубы.

— Не надейся, что я про это забуду.

Дачесс встретила его взгляд и не опустила глаз.

— На то и расчет, чтоб ты помнил.

— Не хочется, ох как не хочется применять к тебе особые методы...

Прозвучало это так, что Дачесс поверила в его нежелание.

— Но ты все равно применишь.

— Да.

Он вытянул ручищу, едва не коснувшись Дачесс, порылся в бардачке, извлек солнечные очки. Захлопнул крышку не прежде, чем на Дачесс зыркнуло пистолетное дуло.

— Даю тебе один день. Расскажи матери, что натворила. Расклад такой: или она соглашается на мои условия, или вам с ней пенять на себя. И еще ты вернешь мне пленку.

— Ты ж ее Уоку отдашь.

— Нет.

— Страховые компании всегда сотрудничают с полицией.

— Верно. Только ты должна решить для себя кое-что, Дачесс.

— Что именно, Дик?

Теперь он наверняка уловил дрожь в ее голосе.

— Что, по-твоему, хуже — с полицией дело иметь или со мной?

— Говорят, ты одного человека насмерть затоптал.

— Врут. Он жив.

— За что ты его?

— Просто бизнес.

— Пленку я пока у себя подержу.

Дарк уставился на нее этими своими бездонными, как два провала, глазами.

— Не суйся к моей матери, понял? Тогда, может, и пленку обратно получишь.

Дачесс вылезла из машины, но не ушла сразу. Дарк смотрел на нее, вбирал взглядом каждую подробность. Впечатывал в память ее облик. Уже поднимаясь на школьное крыльцо, Дачесс пыталась угадать, что конкретно он увидел. Мимо спешили ребята — их беззаботность вызывала головокружение.

Время еле ползло. Дачесс то косилась на часы, то отворачивалась к окну. Объяснения учителя не достигали ее ушей. Сэндвич она съела в одиночестве. Наблюдала за Робинсом, почти слыша легкий шорох песчинок — это утекал сквозь пальцы ее мнимый контроль над ситуацией. Страшно представить, на что способен Дарк. Нужно добыть пленку. Дарк не отдаст ее Уоку; он обещал, и у Дачесс все причины верить ему. Люди делятся на две категории — те, кто обращается в полицию, и те, кто этого не делает.

Прозвенел звонок, ребята заторопились вон из класса. Мальчишки вздумали сыграть в мяч, определить перед каникулами, за кем же первенство. В компании своих подлипал продефилировала Кэссиди Эванс.

Дачесс обогнула главный корпус, бегом бросилась к парковке, затерялась среди «Фордов», «Вольво» и «Ниссанов». Ее заметят, это как пить дать. Она выкрутится — скажет матери, что живот заболел — ничего страшного, «критические дни». Школьная администрация спустит прогул на тормозах.

Она удалялась от школы — ей смотрели вслед, буравя спину взглядами. Дачесс выбрала круглой путь — на Мейн-стрит нельзя, там полицейский участок, там Уок. Проклятая жара, просто нечем дышать. Руки-ноги липкие от пота, футболку хоть выжимай.

Фортуна-авеню, старый дом. Вот когда порадуешься, что не хватило времени уничтожить пленку.

Хлама во дворе уже нет — мусоровоз приезжал.

Значит, на пленке можно ставить жирный крест.

Тяжело дыша, Дачесс озиралась, будто на Фортуна-авеню еще мог мелькнуть хвост предательницы-надежды.

Выдохнула и побрела на пляж. До вечера сидела на песке, не отрывая взгляда от океанских волн. Хваталась за живот — взаправду разболелся, начались спазмы, Дачесс еле доплелась до садика Робина.

На обратном пути брат болтал без умолку: завтра у него день рождения, целых шесть лет — он теперь совсем большой, ему полагается ключ от дома. Дачесс улыбнулась, потрепала его по волосам. Мыслями она блуждала далеко — в таких краях, куда Робину не дай бог за ней последовать. Матери дома не было. Дачесс поджарила яичницу, и они поели, усевшись перед телевизором. Спустились сумерки. Она уложила брата в постель и почитала ему на сон грядущий.

— А зеленую яичницу^[16] ты приготовишь, Дачесс?

— Обязательно.

— С ветчиной?

Дачесс поцеловала его и щелкнула выключателем. Закрыла глаза — вроде всего на секундочку. Очнулась в полной темноте. Вышла из спальни, зажгла лампу. Снаружи доносилось пение.

Стар обнаружилась на террасе, на облупленной скамейке; вся залитая лунным светом, она играла на выдавшей виды гитаре и пела любимую песню Дачесс. Прикрыв глаза, та слушала. Каждое слово было как алмаз с острыми гранями.

Надо сознаться матери. Рассказать, что наделала. Сожгла единственный мост, на котором они спасались от бушующих волн. Пока — штиль и воды по колено; однако вал неминуемо нахлынет, утащит их в пучину, куда и лунным лучам не проникнуть, не нашарить их, обреченных.

Босиком, не боясь занозить пятки, Дачесс приблизилась к матери.

Ручеек аккордов все струился.

— Спой со мной.

— Нет.

Дачесс села рядом, долго возилась, устраивая голову на материнском плече. Мало ли, что она натворила; без мамы каждому плохо — даже тому, кто вне закона.

— Почему ты плачешь, когда поёшь?

— Прости.

— За что? За слезы?

— Я звонила этому, у которого студия звукозаписи. Оказалось, он хотел со мной выпить.

— И ты пошла?

Стар, помедлив, кивнула.

— Таковы мужчины.

— Что было вчера вечером?

Обычно Дачесс не спрашивала, но в этот раз ей требовалась ясность.

— Некоторые люди от алкоголя звереют. — Стар покосилась на соседний дом.

— Это Брендон Рок тебя избил?

— Все вышло случайно.

— Для него твое «нет» — пустой звук, да?

Стар качнула головой.

Дачесс этого не видела — она смотрела вверх, на древесные кроны, царапавшие небо.

— Выходит, на этот раз Дарк не виноват?

— Последнее, что я помню, — это как он помогал мне сесть в машину.

Осознание было как ледяной душ. На несколько минут Дачесс лишилась дара речи. И вдруг представила, как Дарк лапает ее мать. Упрямо стиснула зубы. Все равно — поделом Дарку.

— Завтра у Робина день рождения — помнишь?

Стар сникла. Вид у нее был прежалкий: припухлость на губе нисколько не сдулась, фингал не побледнел. С таким лицом, если в зеркало посмотреться, еще большее станет. А подарка Робину она не приготовила. Забыла.

— Мама, я сделала кое-что плохое.

— С каждым случается.

— В смысле, непоправимое.

Стар закрыла глаза, снова запела. Дачесс прильнула к ней, стараясь не наваливаться всем весом, не мешать.

Она бы с радостью подхватила песню, если бы была уверена, что голос не дрогнет.

— Не бойся, я сумею тебя защитить. Для этого матери и существуют.

Дачесс не заплакала, хотя слезы были как никогда близко.

Бесчестье падения Уок пережил без свидетелей.

И на том спасибо. Шагал себе, все было нормально — и вдруг опрокинулся на спину, будто жук. Левая нога подвела. Просто взяла и отказала.

И вот он сидит в машине на больничной парковке. Приехал еще днем, но в «Ванкур-Хилл» так и не вошел. Кендрик предупреждала о проблемах с равновесием, но чтобы совсем потерять контроль, брякнуться всем прикладом? Это страшно.

Мурлычет рация. Сигналы несерьезные: «Бронсон: 2–11», «Сан-Луис: 11–45»^[17]. В руке стаканчик кофе из закусочной Розы, на сиденье — обертка от бургера. Рубашка расходится на животе — прикрыть живот рукой. Вялое дежурство выдалось. Вечером, пока было еще светло, Уок проехал мимо кинговского дома. Винсент, похоже, весь в работе. Ставни снял — видно, будет ошкуривать и заново красить.

Уок обшаривал взглядом ночное небо, но мысли возвращались к болезни. Она оккупировала тело, проникла в кости, в кровь, в мозг. Синапсы вялые — информацию вроде и не теряют, но доставляют с изрядной задержкой.

Он задремал, чтобы за несколько минут до полуночи быть разбуженным очередным сигналом.

Сигнал поступил с Айви-Ранч-роуд.

Уок облизнул пересохшие губы.

Сигнал повторился.

Уок завел двигатель, прорезал фарами ночную тьму. Помчался в Кейп-Хейвен. Звонивший не сообщил никаких подробностей, просил только приехать без промедления. Оставалось молить судьбу, чтобы закончилось пустяками. Может, так и будет. Может, просто Стар опять напилась.

С Эддисон-стрит он вырулил на тихую, сонную Мейн-стрит. В этой ее части даже фонари не горели.

Выезжая на Айви-Ранч-роуд, сбавил скорость. Выдохнул, не заметив ничего подозрительного — ни скопления людей и машин, ни света в окнах.

Припарковался, все еще сравнительно спокойный, у дома Рэдли. И вдруг увидел: парадная дверь распахнута. Заныло под ложечкой, в легких иссяк воздух. Уок выбрался из машины, расстегнул кобуру. Применять табельное оружие ему еще не доводилось.

Он взглянул на дом Брендона Рока, затем — на дом Милтона. Никаких признаков жизни. Истошно крикнул сыч. Урна опрокинута — не иначе, еноты нашкодили. Одним прыжком преодолев ступени крыльца, Уок ворвался в дом.

Прихожая; тумбочка с телефонным справочником. Несколько пар кроссовок; поставлены не в ряд, а как попало. На стенах рисунки Робина — Дачесс заботу проявляет.

Зеркало со знакомой трещиной отразило его глаза, полубезумные от ужаса. Уок крепче стиснул револьвер, мысленно плюнув на безопасность. Хотел крикнуть — и передумал.

Двинулся коридором, миновал две спальни. В обеих двери открыты, валяется неприбранная одежда. В одной спальне к тому же опрокинут туалетный столик.

Ванная. Кран не прикручен, вода уже переполнила раковину и льется на пол. Уок шагнул в лужу, закрыл кран.

Кухня. Ничего подозрительного. Стрелка часов, будто вспоровшая тишину. Тем не менее Уок не прошел мимо, все осмотрел. Привычный беспорядок. Столовый нож, горка грязных тарелок в раковине. Дачесс утром обязательно вымоет.

Странно, что Уок не сразу его заметил. Он сидел, вытянув руки на узкой столешнице ладонями вверх, как бы говоря: вот, я безоружен, я не опасен.

— Иди в гостиную, Уок, — произнес Винсент.

Горячий, липкий от пота лоб; ствол, нацеленный на друга детства. Осознание ситуации не заставило Уока опустить оружие. Им управлял адреналин.

— Что ты наделал?

— Поздно, Уок. Уже ничего не исправишь. Иди в гостиную, позвони кому следует. Я буду здесь, с места не сдвинусь.

Рука с револьвером дрогнула.

— Следует надеть на меня наручники — или забыл? Действуй по протоколу. Брось их мне — я сам застегну.

Во рту пересохло, язык не ворочался.

— Я не...

— Давайте наручники, инспектор Уокер.

Инспектор. Ну правильно, он же коп. Уок нашарил наручники, прикрепленные к ремню, отцепил, бросил на кухонный стол.

Шаг — из кухни, другой — через прихожую.

Глаза щиплет от пота.

Сцена открылась с порога — сразу вся, в деталях.

— Твою мать, Стар. — Сделать еще несколько шагов, бухнуться на колени. — Господи боже, Стар...

Она была распростерта на полу. Целую минуту он надеялся, что это — последствия очередного эксперимента на себе. А потом заметил главное — и отшатнулся, едва удержавшись в вертикальном положении, и опять выругался.

Кровь. Всюду и в таком количестве, что пальцы сначала скользили по кнопкам рации, а потом стали к ним липнуть.

— Господи...

Уок ощупывал ее тело — куда она ранена? Наконец нашел — не рану даже, а дыру, взорванную плоть точнехонько над сердцем.

Откинул ей волосы со лба. Лицо было бледное, потустороннее. Стал щупать пульс; понятно, не нашупал, но все равно взялся реанимировать Стар. Ритмично надавливая на грудную клетку, косился по сторонам: сбитый со стены светильник, фотография на полу, опрокинутая этажерка.

Брызги крови на обоях.

— Дачесс! — позвал Уок.

Обливаясь потом, продолжил делать непрямой массаж сердца. Руки и плечи ныли от усилий.

Примчались полицейские и «Скорая». Уока оттащили от Стар. Ясно было, что она мертва.

Крик из кухни: «Лечь! Руки за голову!». Через минуту вывели Винсента.

Сама Земля, казалось, вращается теперь в другую сторону. Спотыкаясь, Уок вышел на крыльцо. К дому спешили соседи. Сидя на ступенях, Уок делал судорожные глотки воздуха, красно-синего от мигалок, тер темя и глаза, несколько раз ударил себя в грудь кулаком — не мог поверить, что все происходит наяву.

Винсента повели к фургону. Уок рванулся следом, но сразу запыхался. Колени подкосились, он упал. Цепочка прожитых лет рассыпалась на звенья.

Полицейское подразделение, вызванное Уоком, работало слаженно. Появилась черно-желтая оградительная лента, зеваки были оттеснены, да и сам Уок — тоже. Автомобиль местного телеканала, прожекторы, репортеры. Подкатил фургон с техническим оснащением — чуть ли не на тротуар въехал. Ну правильно. Здесь — место преступления, у копов всё под контролем.

Всё, да не всё. В доме какой-то шум.

Уок с усилием встал, поднырнул под оградительную ленту, шагнул через порог. Увидел Бойда — главного по делам штата — и двух парней из округа Сатлер.

— Что здесь происходит?

Один из этих, сатлерских, смерил Уока тяжелым взглядом.

— Ребенка обнаружили.

Снова эффект ватных коленей. Уок прислонился к стене. От предчувствия потемнело в глазах.

Бойд жестом велел сатлерским расступиться.

Робин, закутанный в одеяло, переминался на полу, шурясь на чужих.

— Он не ранен? — спросил Уок.

Ему достался пронзительный взгляд Бойда.

— Дверь в детскую была заперта. Вероятнее всего, он спал.

Уок опустил на колени перед Робиним. Еще подумал: «Почему он глазами блуждает, не смотрит на меня?»

— Робин, ответь, где твоя сестра?

* * *

Дачесс крутила педали. Ехала задворками по темным улицам, что вели прочь из города. Каждый раз при появлении автомобиля у нее дыхание перехватывало. Водители включали ближний свет, ощупывали Дачесс фарами, сигналили: мол, куда тебя нелегкая несет? Можно было выбрать более безопасный путь, через центр Кейп-

Хейвена — но это означало четыре мили вместо трех. На лишнюю милю Дачесс не имела сил.

Автозаправка на подступах к Пенсаколе, серую стелу с расценками на горючее венчает сине-красная эмблема «Шеврон корпорейшн». Дачесс спрыгнула с велосипеда, направилась к магазину. Успела отметить, что владелец древнего седана загородил проезд своей железякой. Пользуется тем, что ночь на дворе, не заморочился правилами парковки. Заливает бензин как ни в чем не бывало.

Завтра — точнее, уже сегодня — Робину исполняется шесть лет. Дачесс не допустит, чтобы, проснувшись, он не нашел подарка.

У нее одиннадцать долларов — стащила у Стар. По большей части Дачесс ненавидела мать, время от времени любила, а нуждалась в ней каждую секунду.

Возле кофемашины стоял коп — темный галстук, отутюженные брюки, холеные усы, грудь украшена полицейским значком. Подозрительный взгляд Дачесс проигнорировала, ну а в следующую секунду у копа затрещала рация, он бросил два доллара на прилавок и поспешил к выходу.

Дачесс бродила между стендов, косилась на высоченные холодильники с надписями «Пиво», «Содовая», «Энергетические напитки».

Настоящих тортов, какие покупают именинникам, не было. Дачесс попались капкейки бренда «Энтенманн»: упаковка из шести штук, розовая глазурь. Робин будет разочарован, хоть виду и не подаст; выказывать неблагодарность — это не про него... Ладно хоть нарядные свечи есть в наличии. Всё вместе — пять баксов. Остается шесть.

За прилавком стоял парень лет девятнадцати, прыщавый и весь в пирсинге.

— А игрушки у вас есть?

Он указал на полку. Только пластик, каждая игрушка убога сама по себе, ассортимент скуден и жалок — хуже Дачесс и не видела. Набор волшебника, плюшевый кролик, коллекция разноцветных головных повязок и наконец кукла, при условном сходстве с Капитаном Америкой на него же и клеветущая. Дачесс в этого уродца буквально вцепилась. А стоил он семь баксов.

Она потащила Капитана Америку к полкам со сладостями. В очередной раз мысленно выругала Стар. По ее милости Дачесс не из чего выбирать. Капкейки не тянули на особенное угощение для именинника. Желтая потолочная лампа был настолько тусклой, что не давала свет, а, наоборот, высасывала волю и злость. Дачесс стояла и прикидывала, не сунуть ли свечки в карман, однако прыщавый юнец глаз с нее не сводил, будто в разуме ее измученном читал. Тогда она стиснула упаковку с капкейками ровно настолько, чтобы та потеряла товарный вид.

У прилавка пришлось спорить, демонстрировать помятость, требовать уценки. Юнец упирался, пока не скопилась очередь. Тогда он уступил один доллар; деньги от Дачесс принял, кривясь и хмурясь.

Она повесила сумку на велосипедный руль. Не успела отъехать от заправки, как пришлось снижать скорость — мимо промчалась полицейская машина, ошпарила Дачесс дальним светом, оглушительной сиреной раздвинула границы теплой ночи.

Позднее, уже зная обо всем, Дачесс жалела, что не растянула ту поездку, не вобрала в себя по каплям ту пограничную ночь. Нет чтобы прокатиться по пляжу, напиться звездным блеском, гулким шумом океана, запомнить накрепко каждый уличный фонарь на Мейн-стрит; вдохнуть и удержать в легких, в крови последний миг относительно нормального существования! Потому что да — было в основном плохо; но, едва Дачесс вырулила на Айви-Ранч-роуд, едва перед велосипедом расступились соседи, словно она здесь главная — ей открылась разница, пропасть между до и после.

Первым порывом при виде полицейского фургона было свалить. Потому что, собираясь за подарком Робину, Дачесс задержалась на Айви-Ранч-роуд. Отыскала камень с острыми гранями, проникла во двор Брендона Рока, приподняла брезент на бесценном «Мустанге» и оставила царапину — по всей двери и всему крылу; давила сильно, так что под краской серебристо блеснул металл. Брендон Рок избил ее мать — так вот же ему, выродку.

Но машин было несоразмерно много, и шуму тоже; и во взгляде Уока Дачесс прочла, что дело куда серьезнее порчи имущества.

Велосипед звякнул, уроненный Дачесс; глухо шлепнулась сумка. Один из копов заступил дорогу. Дачесс его лягнула, а он ничего, просто попятился. Где это видано?

Дачесс поднырнула под ограничительную ленту, затем — под руку другого копа, который хотел остановить ее. Ругательства в адрес этих конкретных и всех остальных копов так и сыпались с ее губ — все грязные слова, какие она только знала.

Слава богу, вот он, Робин — живой и невредимый. Уок играл желваками, стискивал губы — но по его глазам Дачесс поняла всё. Всё. Потому ее и в гостиную не пускают, и напрасно она бьется в руках Уока, и даже пытается обезвредить его, тыча пальцем ему в глаз. Напрасно сквернословит, грозит и визжит — все ясно и по отчаянному сопротивлению Уока, и по нечеловеческому вою Робина.

С Дачесс, повисшей у него на плечах, Уок вышел через заднюю дверь, во двор, где ее не могли видеть зеваки. Здесь он усадил Дачесс на землю и обнял, здесь она обозвала его ублюдком, здесь, чуть поодаль, бился в рыданиях Робин — словно миру конец.

Мимо сновали чужие — кто в полицейской форме, кто в штатском.

Все уже надеялись, что Дачесс затихла, — тогда-то она и высвободилась, и, согнувшись пополам, бросилась обратно в дом. Ей, ловкой и юркой, удалось проскочить, ворваться в дверь, да только за дверью открылась не кухня — потому что целый дом скукожился до одной плоскости, до одной-единственной сцены.

Дачесс увидела маму.

Больше она не билась, не лягалась, не исторгала ругательств. Позволила Уоку обнять себя, взять на руки и вынести из дома, как ребенка — которым и была.

— Вы с Робинсом сегодня переночуете у меня, — сказал Уок.

Считанные ярды к автомобилю показались бесконечными — их троих буравили взглядами, слепили видеокамерой. Робин накрепко вцепился Дачесс в ладонь; сама она не имела сил даже зыркнуть на какого-нибудь зеваку, не то что огрызнуться вслух. Шевельнулась штора в доме Милтона, и на мгновение их взгляды скрестились, после чего Милтона поглотила тень.

Дачесс наклонилась за своей сумкой. Чуть ли не с удивлением увидела внутри капкейки, куклу, свечи.

Потом пришлось долго ждать в машине. Робин не выдержал — ночные часы подмяли наконец его маленькое тело. Он заснул подле

Дачесс, но метался и стонал во сне, и при каждом вскрике Дачесс гладила его вихрастую макушку.

Наконец Уок сел за руль и медленно поехал с Айви-Ранч-роуд. Дачесс глядела в окно. Вот этот квадрат, вырезанный из ночи прожекторами, — ее дом; вот эта размытая тьма — ее жизнь.

Часть II. Большое небо

Уок вел машину, до упора опустив оконное стекло, поджаривая локоть на солнце. Равнины были как просторная грудная клетка, что ходит ходуном — на вдохе прерия, на выдохе степь, в промежутке пастбище. С восточной стороны поблескивала река, змеилась по территории четырех штатов, прежде чем влиться в Тихий океан.

Радио было выключено; мили полной тишины, оттененной стрекотом сверчков; да еще изредка прогрохочет добитый встречный грузовик. Водитель, непременно до пояса голый, либо опустит голову, либо уставится строго вперед — словно ему есть что скрывать. Сам Уок ехал на низкой скорости. Он уже давно толком не спал. Последнюю ночь они провели в мотеле, в двухкомнатном номере; дверь между комнатами Уок прикрыл неплотно, оставил щель. Еще в Кейп-Хейвене он предложил добираться до Монтаны самолетом, но мальчик заробел, и Уок вздохнул с облегчением — он и сам терпеть не мог летать.

Теперь Робин и Дачесс ехали на заднем сиденье, отвернувшись друг от друга. Казалось, каждый из них видит за окном пейзаж чужой и враждебной страны. О той ночи Робин молчал. Ни Уок, ни сестра не дождались от него ни словечка. Равно как и полицейские, специально подготовленные для таких случаев. Вооруженные состраданием, они определили Робина в комнату, где со стен по-человечьи улыбались добрые звери (притом никаких режущих глаз красок, сплошные пастельные тона); дали ему карандаши и бумагу. В их интонациях и взглядах читалась безнадежность, будто Робин — хрупкий стеклянный сосуд — уже разбился вдребезги, и дело приходится иметь с кучкой осколков. Дачесс сохраняла презрительное выражение лица, руки скрещивала на груди, морщила нос, всем своим видом как бы говоря: знаю я ваши дешевые уловки, ничего у вас не выйдет.

— Как вы там, дети?

Ответа Уок не получил.

Позади оставались городишки в строительных лесах, водонапорные башни. Миль пятьдесят параллельно с хайвеем бежала железная дорога — обугленные откосы заросли ржавым бурьяном,

словно с последнего поезда, здесь пропыхтевшего, миновала целая жизнь.

Уок снизил скорость у методистской церкви — беленые стены, кровля из светло-зеленого шифера и стрельчатый шпиль — будто указатель единственной достойной цели.

— Проголодались?

Уок знал, что Дачесс и Робин не ответят. Долгое путешествие — тысяча миль; трасса 80, тот отрезок, что пролег по опаленным просторам Невады, где земля и воздух одинаково сухие, одинаково пыльные. Целая вечность понадобилась, чтобы охре смениться на зелень; позади был штат Айдахо, впереди — Вайоминг; ехать предстояло как раз через Йеллоустонский национальный парк. В Дачесс ненадолго проснулся интерес к пейзажу.

Поесть остановились, не доезжая Твин-Ривер-Миллз.

Сели в обшарпанной кабинке, Уок заказал бургеры и молочные коктейли. В окно была видна заправка. Из арендованного трейлера выбрались молодые супруги с малюткой-дочерью, направились к закуской. Девочка была до ушей перемазана шоколадом; мать хлопотала вокруг нее, на ходу вытирала ладошки и мордашку влажными салфетками, умиленно улыбаясь.

Робин даже про еду забыл, так на них и уставился. Уок накрыл ладонью узкое плечико, и Робин перевел глаза на свой коктейль.

— Всё будет хорошо, — вымучил Уок.

— А ты что — ясновидящий? — вскинулась Дачесс, будто только и ждала подобной реплики.

— Нет, но я с детства помню вашего дедушку. Он хороший человек. У него свое ранчо — огромное просто. Может, вам с Робинном там понравится. Свежий воздух и всё такое...

Уок сам понимал, что порет чушь, только не знал, как остановиться.

— Земли в Монтане плодородные...

Ну вот, только хуже сделал.

Дачесс закатила глаза.

— Ты говорил с Винсентом Кингом? — спрашивая, она не поднимала взгляда.

Уок промокнул губы салфеткой.

— Я... меня назначили помогать полиции штата.

Уока задвинули тем же утром. Единственное, на что его уполномочили, — это охранять место преступления, пока там работают криминалисты. Они уложились в двое суток. Перекрытие половины улицы организовал Уок, соседей опрашивал он же. Парни из полиции штата возились в доме Рэдли, во дворе торчал спецфургон. Затем они переместились в дом Винсента Кинга. И снова Уок обеспечивал охрану. Потому что всю жизнь служил в маленьком городке и не имеет опыта в столь серьезных расследованиях. Потому что кейп-хейвенский полицейский участок не справится. Так ему объяснили, а спорить он не стал.

— Его приговорят к смертной казни.

Робин обернулся — глаза были усталые, но взгляд пристальный, словно он усилием воли удерживал жизнь в тлеющих, почти догоревших угольях.

— Дачесс...

— Для преступников вроде Кинга обратной дороги нет. Убить безоружную женщину, застрелить в упор — конечно, он достоин смерти. Глаз за глаз — верно, Уок?

— Не знаю.

Дачесс макнула в кетчуп ломтик картошки и покачала головой, выражая разочарование в убеждениях Уока. О Винсенте она то и дело заговаривала, повторяла затверженное: Кинг убил мою мать, напугал моего брата, так что тот, бедный, в шкафу был вынужден спрятаться.

— Ешь бургер, — распорядилась Дачесс.

Робин повиновался.

— А салат кому оставляешь?

— Но...

Под ее неумолимым взглядом Робин надгрыз сбоку салатный листок.

* * *

Еще час пути, указатель «Исправительное учреждение Диармен». Колючая проволока по периметру квадратной мили — чтобы те, чья жизнь пока не искорежена, не проникли к тем, для кого все уже решено. И чтобы эти последние не вырвались к благополучным.

Вышка, на ней охранник — глаза скрывает широкий козырек, ладонь на стволе автоматической винтовки. Пыльный шлейф в зеркале заднего вида, словно автомобиль Уока вторгся в пределы безмятежности.

Робин лежал на заднем сиденье, гримасничал во сне — жмурился, сжимал челюсти. Видения шли ноздря в ноздю с дневными событиями.

— Это тюрьма, — констатировала Дачесс.

— Да, — отозвался Уок.

— Вроде той, где держат Винсента Кинга.

— Да.

— Интересно, его там бьют?

— В тюрьмах всякое бывает.

— Надеюсь, его там по кругу пустят.

— Не говори так, это нехорошо.

— Пошел ты.

Чувства Дачесс, ее ненависть были понятны; Уок лишь боялся за ее психику. Ибо зола не остыла, и легчайшего ветерка было бы довольно, чтобы вновь раздуть еле живой огонь.

— Хоть бы Кинга всей камерой отмутузили, — продолжала Дачесс. — Я это перед сном представляю, морду его вижу — кровища, челюсть сворочена... Хоть бы от него куча дерьма осталась.

Уок откинулся в водительском кресле. Кости ныли, руки дрожали. Утром, в постели, он думал: сегодня точно не встану. Боялся, что девочке придется звать на помощь. Господи, все ведь начиналось с обычной, пустячной боли в плече!

— Наверное, я забуду Кейп-Хейвен — а я помнить хочу, — заговорила Дачесс, обращаясь словно к пейзажу за окном.

— Я буду писать тебе письма и слать фотографии, — предложил Уок.

— Мой дом больше не в Кейп-Хейвене. Но и там, куда мы едем, мне тоже не прижиться. Кинг всё отнял; вообще всё.

— Погоди, оно наладится... — Уок осекся, потому что не сумел сглотнуть ком.

Дачесс повернулась к заднему стеклу. Смотрела долго, пока тюрьма не слилась с горизонтом. Тогда она закрыла глаза, отгородилась и от Уока, и от перемен — как законных, так и личных.

* * *

Самый изнурительный час суток, духота колыхается, поднимается волнами над равниной. Уок за рулем, дети — оба — спят. Дачесс до последнего терзала собственные глаза, воспаленные от непролитых слёз, но зной одолел и ее. Уоку в зеркале видны мятые шорты, коленки в ссадинах, бедра, не успевшие загореть.

Поразительно: сотни миль кряду земля была мертва — и вдруг на смену лиловым трещинам и рыжей пылище пришла хвойная зелень. Жажда утолена влажными ветрами, что с запада, с излучины Миссури, несут блаженную прохладу. Тем страннее, что граница между пеклом и роскошными лесами обозначена скромным сине-красно-желтым дорожным щитом: мол, добро пожаловать в Монтану. Уок помассировал себе шею, зевнул, провел пальцами по небритым щекам. За время пути он ел мало и сбросил, навскидку, фунтов пять.

Еще через час показалась и сама Миссури. Хайвей изогнулся; столица штата, Хелена, теперь позади. Небо стало столь огромным, что выгляни хоть сам Господь Бог — и то не потряс бы сильнее, чем размеры лазурного холста. Поворот на проселок — и вот оно, ранчо, этакая деталь равнины, вписанная в пейзаж деликатнейшими мазками; амбары под цвет краснозема (всего три штуки), предзакатное солнце выбелило крыши; два зернохранилища в кедровой роще. Дом, крепкий, приземистый, расселся широко и прочно; по всему периметру идет терраса, на ней стулья и качели, древесина грубой обработки — и это восхитительно. Уок заметил: у Дачесс глаз горит, язык так и чешется что-то спросить — но тем упрямее она сжимает губы.

— Вот мы и приехали, — сказал Уок.

— Тут люди вообще живут?

— В нескольких милях от ранчо есть город, называется Коппер-Фоллз. Там даже кинотеатр имеется. — Информация была добыта Уоком накануне, когда дети легли спать.

Подъездная аллея затенена амбровыми деревьями, забор из штaketника нуждается в побелке. За поворотом — сам хозяин, Хэл. Стоит неподвижно — ни жестом, ни взглядом не выдает эмоций. Просто смотрит.

Дачесс расстегнула ремень безопасности, привстала. Ее белокурая голова всплыла в зеркале над плечом Уока.

Уок заглушил двигатель и вылез из машины. Дачесс осталась внутри.

— Здравствуйте, Хэл. — Уок шагнул вперед, протянул руку для пожатия.

Рука Хэла Рэдли была грубая, мозолистая; глаза — не по возрасту ярко-голубые. Но улыбнулся Хэл не прежде, чем из автомобиля выбралась его внучка — копия матери.

Однако к деду Дачесс не шагнула. Замерла на месте, глядела оценивающе. Хэл тоже к ней не спешил. Уок думал поманить девочку, но Хэл легким качанием головы распорядился: не надо. Сама подойдет, когда захочет.

— Робин спит — умаялся. Долгая дорога получилась. Разбудить его?

— Пускай сил набирается. Завтра вставать ни свет ни заря. Закон ранчо.

Уок прошел в дом следом за Хэлом.

Рослый, поджарый, даром что старик. А ступает как — непримиримость в каждом шаге. Голову несет высоко: вот, дескать, это моя земля, я ее обрабатываю и тем горжусь.

Дачесс шла последней, озиравшись по сторонам. Перед ней простерся новый мир; новый, впрочем, лишь для нее — на самом деле всё здесь как в позапрошлом веке. Дачесс наклонилась, провела рукой по траве. Шагнула к амбарной двери, за которой были прохлада и сумрак. Резко пахло животными и навозом. Запах ошарашил, но не вызвал отвращения.

Хэл принес пиво столь холодное, что Уок не нашел в себе сил отказаться. Ну да, он в полицейской форме — и что? Они с Хэлом уселись на жестких деревянных стульях.

— Сколько воды утекло, — бросил Уок.

— Немало.

Одухотворенностью, детальностью монтанский пейзаж вполне тянул на портрет. Простора казалось в избытке. Такое количество не утоляет кислородный голод — таким количеством захлебываешься.

— Ну дела, — произнес Хэл.

Рукава его клетчатой рубашки были закатаны по локоть, открывая мускулистые предплечья.

Слово «дела» не раскрывало сути произошедшего — как, впрочем, не раскрыло бы ее и любое другое слово.

— Она видела?

Уок покосился на старика — но тот глядел прямо перед собой, на просторное поле.

— Видела. Полицейские не уследили, она шмыгнула мимо — и прямо в гостиную.

Хэл хрустнул костяшками пальцев в мелких шрамиках, спросил снова, гораздо глуше:

— А мальчик?

— Робин не видел. Вероятно, слышал крики или выстрел. Не знаю. Он об этом не говорит. Он был заперт в спальне. С ним врач беседовал, психиатр. И здесь ему тоже надо будет посещать психиатра. Я все устрою. Может, он вспомнит. Может, нет. Как знать, не лучше ли для него второй вариант...

В один долгий глоток Хэл ополовинил бутылку. Рука у него была коричневая от многих лет работы под открытым небом; запястье казалось слишком широким для ремешка недорогих часов.

— Я ведь их впервые вижу. Дачесс в пеленках помню — дочь в последний раз навещал, когда она только-только родилась. А Робин... — У Хэла сорвался голос.

— Дети хорошие, оба.

Прозвучало плоско, хотя по сути фраза была правдивей некуда: все дети в мире — хорошие, какие тут могут быть разночтения?

— На похороны приехать хотел. Не приехал, потому что зарекся. — Когда и от чего он зарекся, Хэл не объяснил.

— Церемония была короткая. Как только выдали заключение о... о смерти, так сразу и отпели. Стар покоится на приходском кладбище Литтл-Брук, рядом с Сисси.

Во время похорон Дачесс крепко сжимала ручонку Робина. Не плакала, на гроб смотрела как на вселенский уравниватель — которым, собственно, гроб и является.

Дачесс вышла из курятника. За ней увязался подрощенный цыпленок. Дачесс остановилась, сверкнула на цыпленка взглядом, словно он мог представлять опасность.

— Вылитая мать, — обронил Хэл.

— Верно.

— Я для них комнату подготовил. Вместе будут жить. Робин в бейсбол играет?

Уок улыбнулся. Он не знал насчет бейсбола.

— Я купил ему мяч и перчатку.

Дачесс между тем успела заглянуть в автомобиль, убедиться, что Робин спокойно спит. Теперь она шла обратно к амбару, по-прежнему с подозрением косясь на цыпленка.

Хэл кашлянул.

— Винсент Кинг. Много лет я этого имени вслух не произносил... Надеялся, что больше не придется.

— До сих пор он не сказал ни слова. В ту ночь я обнаружил его в кухне у Стар. Он сам вызвал полицию. Сильно сомневаюсь насчет его виновности.

Уок старался говорить убедительно — чтобы Хэл не почувал, что он, Уок, отстранен от следствия, что парни из полиции штата не обязаны — и не станут — хотя бы держать его в курсе.

— Он под стражей, — сказал Хэл.

— Официальное обвинение еще не предъявлено. Винсента можно освободить под залог. Пока ему вменяют только нарушение комендантского часа.

— Но это ж Винсент Кинг.

— Неизвестно, виновен ли он в смерти Стар.

— Я вот в церковь хожу, а в Бога не верю. По твоей логике, Уок, Кинга в тюрьму просто так посадили, а не потому, что он убийца.

Чеканное лицо, на котором вытравлена история тридцатилетней давности, трагедия с продолжением.

Хэл снова хрустнул пальцами.

— Священник говорит, мы до исходной точки добираемся — и всё по новой начинаем. Если б я хоть на секунду поверил, что Сисси не в деревянном ящике под землей лежит, а где-то в другом месте находится, пусть даже и не в раю, мне бы легче стало. А я не верю, и всё тут. Но стараюсь. Каждое воскресенье с неверием борюсь.

— Мне очень жаль.

— Ты ни при чем...

— Я не только о Сисси — я о вашей жене. Я ведь вам тогда соболезнования так и не выразил.

Про это писали в местной газете. Мать Стар они увидели не ранее, чем в первый день суда. Мэгги Дэй вошла в зал, ошарашила, потрясла. Эти ее белокурые волосы, эти глаза; это ощущение, что совсем недавно она была бесподобна, что внезапное горе сшибло с нее красоту.

— Она Винсента жалела. Сказала: нельзя, чтобы мальчишке впаяли срок как отпетому злодею; и что раздавлена приговором. — Хэл допил пиво. — А потом Стар ее... обнаружила. У нас репродукция висела на стене — помнишь?

— Помню. Линкор «Отважный»^[18].

— Небо там какое — пожар сплошной. Так вот она — Мэгги — сидела прямо под картиной; получалось, будто у нее нимб.

— Бедная ваша жена.

— Она хотела быть с младшенькой, — просто сказал Хэл. Как будто у жены и матери не было и быть не могло никаких дополнительных мотивов для суицида. — Винсент Кинг — раковая опухоль моей семьи.

Уок приложил ко лбу холодную бутылку.

— Послушайте, Хэл. Там, в Кейп-Хейвене, остался один тип... его имя Дикки Дарк. Он и Стар... в общем, вы поняли. Так вот: Дарк был груб с вашей дочерью. — Уок взглянул на старика, но тот, чтобы не выдать эмоций, лишь плотнее сжал губы. — Не знаю, при чем тут Дачесс. Только за несколько дней до трагедии со Стар кто-то поджег клуб, принадлежавший этому самому Дарку. Сгорело все дотла.

Хэл перевел глаза на внучку. Дачесс, хрупкая, миниатюрная, терялась среди бесконечных акров.

— Едва ли Дикки Дарк теперь, после случившегося, рискнет искать детей.

— Думаешь, он нагрянет сюда?

— По-моему, нет. А Дачесс считает иначе.

— Она так сказала?

— Не напрямую. Из нее вообще слова не вытянешь. Однако Дачесс задала вопрос: сможет ли Дарк найти их с Робинотом здесь, в Монтане? Откуда у нее такие мысли — не объяснила. Вот поэтому я и не исключаю, что Дарк причастен к убийству.

— Допустим; что тогда?

Уок вдохнул поглубже. Вон его автомобиль, а в нем спит шестилетний мальчик — возможно, единственный свидетель.

— Ему нас не найти. Я тут сам по себе, а земля... она заложена, ну да ладно. Самые тяжелые годы позади. Словом, я их сберегу — и девочку, и мальчика. На это меня хватит.

Уок решил пройтись. Обогнул дом, выбрался в поле через заднюю калитку. Обнаружил водоем, слишком просторный для пруда, слишком маленький для озера; опрокинутые облака и деревья, и собственная его физиономия, дополнительно помятая водной рябью.

— Не хочу здесь оставаться.

Уок обернулся к Дачесс.

— Не хочу жить у этого старика. Кто он вообще — может, самозванец?

— Больше вам некуда деваться. Или дедушкино ранчо, или приют. Потерпи, Дачесс. Ради Робина, хорошо?

Он подавил порыв взять Дачесс за руку, наобещать несбыточного.

— Ты, Уок, сюда не звони. Пиши, если хочешь. Психиатр Робина сказал, ему забыть надо — хотя бы на время. Потому что это слишком тяжело для ребенка.

Хотелось напомнить ей: она сама — ребенок.

Позднее Уок опустился перед Робинем на колени — прямо на землю; взъерошил ему волосы, заглянул в испуганные глаза. Робин сразу перевел взгляд на деда и дом.

Уок поднялся. Надо как-то ободрить Дачесс — только слова все куда-то подевались.

— Я вне закона, — напомнила она.

Уок трудно вдохнул, будто вынырнув из омута тоски, в который ввергла его Дачесс.

— А ты — блюститель порядка.

— Верно. — Уок кивнул.

— Ну вот и катись отсюда.

Он послушно сел за руль, завел двигатель.

Солнце висело уже совсем низко. Уок затормозил у воды и оттуда, из-под амбрового дерева, наблюдал. Дети — ладонь Дачесс на плечике Робина — приближались к старику бочком, с опаской.

В тот первый вечер на рачно Дачесс не съела ни крошки.

Зато проследила, чтобы Робин поужинал как следует. Хэл приготовил рагу; Робин как увидел, что у него в тарелке, — чуть не расплакался. Сначала, под пристальным взглядом сестры, ел сам, а остатки Дачесс уже выскребала ложкой и кормила брата, как маленького.

Хэл стоял над внуками, явно смущенный, переминался с ноги на ногу; потом не выдержал и отошел к кухонной раковине. Над ней было окно — глядело как раз на поле. Рослый, широкоплечий, крепкий старик, думала Дачесс; представительный даже. Робину, должно быть, великаном кажется.

Дачесс взяла обе тарелки, шагнула к раковине.

— Тебе нужно поесть, — сказал Хэл.

— Ты-то откуда знаешь, что мне нужно?

Она вывалила свою нетронутую порцию в мусорное ведро и повела Робина из кухни на террасу.

Закат над равниной. Валы акров, внутренний ритм движения к горизонту, подсвеченная охристая дымка над водой. В роще собрались лоси, глядят на солнце пристально, впитывают последний свет.

— Давай-ка разомнись, Робин. — Дачесс подтолкнула его, и он послушно сбежал с террасы, взобрался на пологий холм, нашел палку, поволок по земле, оставляя четкую черту. Под мышкой у Робина был Капитан Америка. С того утра, когда мальчик проснулся в доме Уока, он ни на миг не выпускал Капитана Америку из виду.

Дачесс его уже спрашивала — тогда, ночью, дождавшись, чтобы уснул Уок. Объяснила: если он, Робин, что-то слышал, он должен рассказать, это будет правильно. Она ничего не добилась. В отделе памяти, ответственном за трагедию, у брата была одна только тьма.

Дачесс еще не осознала, что мамы больше нет. Похороны, свежая могила на краю приходского кладбища Литтл-Брук, рядом с маленькой Сисси — от этого она мысленно дистанцировалась. Не плакала, держалась; слезы открыли бы ее сердце, и скорбь не замедлила бы вползти, угнездиться в груди; дышать не дала бы, не говоря о большем, — и это когда силы особенно нужны. Потому что теперь у

Робина осталась одна только Дачесс. А у Дачесс — один только Робин. Их двое на свете — та, что вне закона, и ее брат.

— Я для него мяч купил.

Дачесс не оглянулась, словно не слышала. Пускай Хэл не воображает, что она его признала. Родной дедушка, блин... Почему он раньше не появился, когда в нем нуждались? Где был все это время? Дачесс сплюнула на землю.

— Я понимаю, как это тяжело...

— Ни хрена ты не понимаешь.

Фраза повисла в воздухе. Казалось, мрак — это спринтер; вот только что Дачесс видела мир в красках, а сморгнула — и всюду темно. Финишировал, значит.

— Не люблю, когда на моем ранчо сквернословят.

— Ах, на *твоем* ранчо... Зачем тогда Уок пел, что домой нас с Робинком привез?

Хэл изменился в лице, будто от физической боли. Так ему и надо.

— Завтра все будет иначе. Во всех отношениях. Что-то тебе наверняка по вкусу придется, а что-то, может, и нет.

— Ты понятия не имеешь, что я люблю, а чего не терплю. И насчет моего брата тоже себе не воображай.

Хэл уселся на качели, поманил Дачесс. Она с места не двинулась. Под Хэловым весом цепи натянулись, впились в кедровую балку — того и гляди, душу из старого дома выдернут. Мама рассказывала Дачесс о душах — что они бывают вегетативные, еще какие-то и рациональные. Ну и где тут рациональное, в этой примитивнейшей форме жизни?

Хэл курил сигару, дым несло на Дачесс. Надо бы отсесть подальше, но подошвы сандалий будто укоренились. Поспрашивать бы Хэла — о маме, о тете Сисси, о Винсенте Кинге. О Монтане этой непонятной, где земля совсем другая и неба слишком много. Хэл будет рад — еще бы, внучку первый день знает, а уже подход к ней нашел... Ну так хрен ему. Она снова сплюнула.

Хэл отправил их спать куда раньше привычного часа. Хотел отнести чемодан — Дачесс не позволила, сама тащила по лестнице на второй этаж.

Спальня оказалась скудно обставленная, но к ней хотя бы примыкала ванная — маленькая, зато отдельная. Дачесс передела

Робина в пижамку и почистила ему зубки.

— Я хочу домой, — почти всхлипнул Робин.

— Знаю.

— Мне страшно.

— Ты же принц.

Кровати разделяла тумбочка. Дачесс оттащила ее, царапая пол, и без того нуждавшийся в покраске, и приложила немало труда, чтобы сдвинуть кровати вместе.

— Не забудьте помолиться перед сном, — сказал Хэл уже с порога.

— Чёрта с два, — огрызнулась Дачесс.

Проследила за реакцией. Рассчитывала, что Хэл вздрогнет; ошиблась. Он только губы плотнее сжал. И не ушел. Дачесс буравила его взглядом, искала в непроницаемом лице семейные черты. Не могла определиться, нашла или нет. То ей казалось, что сходство определено есть, причем и с ней самой, и с Робинем, и с мамой. В следующую секунду Хэл оборачивался в ее глазах обычным посторонним стариком.

Прошло несколько минут, прежде чем Робин, до этого возившийся, выпрастывавший то руку, то ногу, наконец полностью перебрался на ее кровать. Сам себя накрыл рукой Дачесс и уснул, как под крылышком.

И почти тотчас в ее собственные сны вторглось настырное жужжание. Дачесс на ощупь отключила будильник, резко села в постели и несколько жутких мгновений думала, не позвать ли маму.

Робин спал. Дачесс укутала его потеплее и тут услышала, как на первом этаже тяжело топает Хэл, как свистит чайник.

Она снова легла, хотела уснуть, но дверь приоткрылась, свет из коридора просочился в комнату.

— Робин.

От Хэлова голоса брат так и подпрыгнул.

— Животным завтракать пора. Пойдешь со мной, поможешь?

По лицу Робина Дачесс как по книге читала. Вчера брата все тянуло к амбарам, а сейчас его зовут к курочкам, коровкам и лошадам — разве ж он такое упустит? Робин живо выбрался из постели и умоляюще смотрел на Дачесс до тех пор, пока она не дала ему зубную щетку.

В кухне их ждали тарелки с овсянкой. Свою порцию Дачесс сразу отправила в мусорное ведро. Нашла сахарницу, положила Робину в кашу несколько ложек. Без всяких возражений тот принялся за еду.

В дверях возник Хэл. За его спиной будто не туман был подсвечен, а земля горела и золотой дым клубился.

— Готовы к работе, — выдал Хэл с однозначно утвердительной интонацией.

Робин допил сок и спрыгнул со стула. Хэл протянул ему руку — тот уцепился за нее. В окно Дачесс было видно, как эти двое идут к амбару: старик болтает о пустяках, Робин ему в рот смотрит — словно последние шесть лет вообще не считаются.

Дачесс надела пальто, зашнуровала кроссовки и вышла в рассветную прохладу.

За ее спиной поднималось солнце — другое, горное. Предчувствие перемен стесняло грудь.

* * *

В мотелях Уок не останавливался — ехал и ехал, день и ночь. От штата к штату пейзаж все тот же; возможно, причиной тому — темнота. Мелькают указатели с цифрами — сколько миль осталось; билборды убеждают отдохнуть, ибо утомление для водителя чревато гибелью. Ввалившись к себе в дом, Уок отключил стационарный телефон, задернул шторы и рухнул на кровать. Не спал — просто лежал и думал о Стар, Дачесс и Робине.

Две таблетки адвила плюс стакан воды — это вместо завтрака. Уок принял душ, но бриться не стал.

В восемь он подъехал к полицейскому участку. На парковке караулил Кип Дэниелз из «Сатлер Каунти трибьюн», и там же околачивались любопытные — пара местных и пара отдыхающих. По радио передавали, что власти Калифорнии намерены вынести смертный приговор Винсенту Кингу, застрелившему Стар Рэдди. Уок не повелся. Очередная скороспелая сенсация, цель — поднять рейтинги.

— Извините, новостей для вас у меня нет, — сказал он Кипу Дэниелзу.

- Оружие нашли? — не унимался тот.
- Не нашли.
- Объявлено о смертном приговоре.
- Я бы посоветовал вам фильтровать информацию.

Винсента отправили обратно в «Фейрмонт». До сих пор он ни слова в свое оправдание не сказал; был взят на месте убийства — все с ним ясно. Пустяковая задачка. Других неизвестных в этом уравнении вообще нет. Парни из полиции штата набились в кейп-хейвенский участок, допрашивали местных, шумели — не церемонились. Атмосфера, характерная для почти раскрытого дела.

Лия Тэллоу была на своем рабочем месте. Стационарный телефон отчаянно мигал, чуть ли не дымился.

— Безумное утро, — пожаловалась Лия. — Новость уже слышал?

Очередной звонок, на который Лия была вынуждена ответить, избавил Уока от комментариев.

Лу-Энн Миллер, по случаю чрезвычайной ситуации вызванная в участок, сидела за своим столом. Возможно, в силу возраста (Лу-Энн давно перевалило за пятьдесят) она оставалась равнодушна к ажиотажу — невозмутимо грызла орехи, складывая скорлупки аккуратной кучкой.

— Доброе утро, — поздоровалась Лу-Энн. — Тесновато нынче в участке. Мясник здесь.

Уок застыл. Поскреб щетинистую щеку.

— Где он?

— В комнате для допросов.

— Зачем он им понадобился?

— Станут они мне докладывать... — Лу-Энн прожевала очередной орех, но поперхнулась и глотнула кофе. — Тебе отоспаться не помешало бы, Уок. Да и побриться тоже.

Уок огляделся: чисто внешне всё как всегда. Сестра Лии Тэллоу держала на Мейн-стрит цветочный магазинчик; каждую неделю оттуда доставляли «милый сюрприз». Нынче это была композиция из синих гортензий, альстрёмерий и веток эвкалипта. Порой складывалось впечатление, что Уок не в полиции работает, а в сериале про полицейских снимается: универсальный интерьер, предсказуемые реплики, он и Лия Тэллоу — пара шаблонных персонажей.

— А где сам Бойд?

Лу-Энн пожала плечами.

— Уехал куда-то. Сказал: вот вернусь — тогда лично его и допрошу, мясника то есть. А без него — без Бойда, — чтоб никто к мяснику не подходил.

Милтон обнаружился в дальней комнатенке; подвернись кейп-хейвенскому полицейскому участку серьезное дело, комнатенка сгодилась бы в качестве помещения для допросов. Милтон томился, отчаянно массировал грудную клетку, словно хотел вновь запустить собственное сердце. В участок он пришел, понятно, без фартука, но Уоку все равно чудилось, что от него разит кровью — вероятно, запахом пропиталась каждая шерстинка толстого, как ковер, волосяного покрова Милтона.

Уок сунул руки в карманы. В последнее время это стало необходимостью — лекарства не действовали, требовалось скрывать тремор.

Милтон поднялся ему навстречу.

— Не знаю, зачем меня здесь маринуют. В лавке полно дел. Что я — сбегу, что ли? Я ведь сам обратился.

— По какому поводу?

Милтон опустил взгляд, чуть ослабил галстук, поправил манжеты рубашки. Одедся по случаю, ничего не скажешь.

— Я кое-что вспомнил.

— Что конкретно?

— Ты ж знаешь — мне нравится глядеть на океан и на небо. Телескоп вот купил, к компу подключил... В самом деле, загляни как-нибудь ко мне. Вместе звездами полюбуемся, и...

Уок остановил его жестом. Он устал, ему было не до лирики.

— Той ночью, еще прежде, чем раздался выстрел, я, кажется, слышал крики. У меня окно было открыто, потому что я кролика готовил. Косточки у него нежные, но я решил мультиварку оставить на ночь в щадящем режиме, чтобы они совсем размягчились...

— Так ты слышал крики — или тебе это только кажется?

Милтон поднял взор к потолочному светильнику.

— Слышал. В доме Рэдли определенно была ссора.

— А вспомнил ты об этом почему-то только сейчас.

— Думаю, это из-за шока. Успокаиваться начал понемногу, вот и всплыло в памяти.

Уок буравил его взглядом.

— В ту ночь ты видел Дарка?

Милтон отрицательно качнул головой — но не тотчас. Секунду колебался, от силы две, да только Уоку этого хватило; он заметил, что Милтон не уверен. Имя «Дикки Дарк» промелькнуло в связи с убийством Стар; но обронил его сам Уок. Дачесс о Дарке не упоминала. Возможно, из страха.

— Брендон Рок, — Милтон выпятил грудь, — нынче снова за полночь на своей тарахтелке пригремел. Где только его носит? Мне вставать приходится чуть свет; я не высыпаюсь, хронически не высыпаюсь, Уок.

— Я поговорю с Бренденом Роком.

— От нашего Дозора еще один человек откололся, представляешь? Всем плевать на порядок в районе — такое впечатление складывается.

— И сколько вас теперь дежурит?

Милтон засопел.

— Двое. Этга Констанс и я. Этга — она ведь на один глаз слепая; периферическое зрение у нее не работает. — Для наглядности Милтон, взмахнув рукой, изобразил в воздухе окружность.

— Благодаря вам с Этгой Констанс мне спокойнее спится.

— Я все происшествия отмечаю. Под кроватью у меня чемодан, в нем отчеты и хранятся, если что.

Уок примерно представлял, какого рода эти «отчеты». Чего он там мог понаписать.

— Я кино смотрел, как один полицейский штатского с собой взял на дежурство. Что, если и нам с тобой вместе, а? Я бы прихватил шматочек котечино^[19]... для драйва, так сказать. А после мы могли бы...

Послышались шаги. Когда Уок обернулся, Бойд уже успел заполнить собой практически весь дверной проем. Этакий шкаф — плечищи, грудная клетка мощная. Подстрижен почти под ноль. Не полицейский, а солдат, честное слово.

Уок последовал за Бойдом.

Оказалось, они идут в кабинет Уока. Бойд тяжело опустился в кресло.

— Не хотите рассказать, что вообще происходит, инспектор?

Бойд откинулся на спинку кресла, смачно потянулся, поиграл плечами, сцепил пальцы под толстым затылком.

— Я только что от окружного прокурора. Мы намерены привлечь Винсента Кинга к ответственности за убийство Стар Рэдли.

Уок знал, что к этому идет, однако собственное подозрение, озвученное Бойдом, потрясло его.

— Мясник свидетельствовал, что недавно, и тоже ночью, Винсент Кинг подрался с Дикки Дарком во дворе у жертвы. Говорит, у него сложилось впечатление, что Кинг грозил Дарку расправой, если тот не отстанет от Стар Рэдли. Конфликт на почве ревности.

— А что по этому поводу имеет сообщить сам Дарк?

— Дарк подтвердил слова мясника. Явился с адвокатом. Тот еще ублюдок, сразу видно. Вероятнее всего, имел связь с жертвой, а нам впаривает насчет приятельских отношений.

— Мясник Милтон... он... сильно с приветом. Играет в блюстителя порядка и частенько заигрывается. Соседским дозором руководит. От него за последние годы знаете сколько «сигналов» поступало? Ему и примерещиться могло, и послышаться. Неуравновешенный тип.

Бойд провел языком по зубам и поджал губы. Весь он был как на шарнирах — ерзал, гримасничал, подергивался, словно, угомонись он хоть на полминуты, окружающие заметят, что у него брюхо за ремень свисает и плешь намечается. Одеколоном же от Бойда просто разило. Уок покосился на окно. Вот бы открыть его, да пошире...

— Винсент Кинг задержан на месте преступления. Кругом его отпечатки. На теле жертвы обнаружены следы его ДНК. У нее три ребра сломаны — у него левая рука повреждена. Он ничего не отрицает; вообще молчит. Всё просто, Уокер.

— А как насчет следов пороха у него на руках и одежде? Их нет. Оружие не найдено.

Бойд потер подбородок.

— Вы свидетельствовали, что кран в ванной был открыт. Следы пороха Кинг смыл. Что касается оружия, мои люди уже занимаются поисками. Все окрестности обшарят. Найдут, не сомневайтесь. Короче, картина следующая: Винсент Кинг стреляет в Стар Рэдли, забрасывает пушку куда подальше, возвращается, моет руки и вызывает полицию.

— И где тут логика?

— Нами уже получены результаты баллистической экспертизы. Из тела извлечена пуля от револьверного патрона «магнум — триста пятьдесят семь». Такая убивает наповал. Мы сделали запрос, не зарегистрировано ли оружие на кого-нибудь из семьи Кинг. И что же? В середине семидесятых на имя Кинга-старшего действительно был зарегистрирован револьвер.

Уок уже сообразил, куда клонит Бойд. Теперь ему вспомнилось: Кингам угрожали, и достаточно серьезно, чтобы отец Винсента купил огнестрельное оружие.

— А теперь, Уокер, попробуйте угадать калибр этого револьвера.

Уок не изменился в лице, не шелохнулся, даром что внутри у него все оборвалось.

— Окружному прокурору, впрочем, этих улик недостаточно. Но мы уже имеем мотив и доказательства доступа к огнестрельному оружию. Мы добьемся смертного приговора.

Уок покачал головой.

— Надо еще кое-кого допросить. Я лично займусь алиби Дикки Дарка — оно внушает подозрения. Затем, у нас есть показания Милтона, и я отнюдь не уверен...

— Не надо суетиться, Уокер. Считайте, дело уже закрыто. К концу текущей недели оно готовеньким ляжет на прокурорский стол. Нам и без Винсента Кинга есть чем заняться. Мы быстренько разберемся и не будем больше вам надоедать.

— Тем не менее я считаю...

— Послушайте, Уокер. У вас тут, можно сказать, ничего не происходит; серьезное дело подвернулось, вот вы и пыжитесь. А этого не надо. Вот у меня есть кузен, так он служит в Элсон-Коув — тоже тихий городишко, вроде вашего Кейп-Хейвена. Кузен мой на работе не горит — и доволен. Это нормально, Уокер. Вы, чем землю рыть, лучше скажите-ка мне, давно ли — и когда конкретно — расследовали настоящее дело. Я сейчас не об уличной драке и не о краже со взломом говорю.

Уок, если по правде, не занимался ничем серьезнее нарушений правил дорожного движения.

Бойд вытянул ручищу, стиснул ему плечо.

— То-то же, Уокер. Не портите нам статистику раскрываемости, ладно?

Уок сглотнул. Мысли завертелись.

— А если он признает себя виновным? Если я добьюсь от него признания?

Бойд встретил его взгляд. Решение свое не озвучил, да этого и не требовалось.

Винсент Кинг умрет за то, что совершил.

Гору — фон для ранчо — окутывали облака, спускались каскадом, будто на ожившем постере.

Дачесс устала. С утра на ногах, они ее уже еле держат. Ладони в мозолях — и рабочие перчатки не спасают.

Хэл поручал разное — то навоз убрать, то обрезать слишком длинные плети плюща, то подмести петляющую подъездную дорожку. Дачесс работала с тихим ожесточением. Мама в земле лежит, а он тут любящего дедулю разыгрывает...

Похороны были оскорбительно скромные. Уок отыскал в шкафу черный галстук-бабочку для Робина — тот самый, в котором хоронил собственную мать. Робин как вцепился Дачесс в ладонь, так до самого конца и не выпустил. Священник хотел смягчить удар для них, сироток, говорил, что Господу новый ангел понадобился — будто не знал, что за искореженная душа покинула земную юдоль...

— Давайте-ка прервемся, перекусим.

Старик словно кнутом хлестнул — вырвал Дачесс из воспоминаний.

— Я не голодна.

— Тебе надо поесть.

Дачесс повернулась к нему спиной, схватила метлу и стала подметать выщербленную дорожку — вот так, резче, еще резче, еще, еще...

Десять минут яростных взмахов. Теперь бросить метлу и нарочито медленно идти к дому. На заднем крыльце Дачесс заглянула в окно кухни. Хэл сидит к ней спиной. Робин — головенка едва виднеется над высокой столешницей — ест сэндвич. А в чашке у него молоко.

Дачесс вспыхнула, шагнула в кухню. Выхватила у Робина чашку, выплеснула молоко в раковину, чашку помыла, распахнула холодильник, достала картонный пакет с соком.

— Мне нравится молоко, — пискнул Робин.

— Нравится, как же! Сок будешь пить, как раньше, когда мы...

— Дачесс... — начал Хэл.

— Заткнись! — Резкий разворот к старику, щекам еще жарче. — Не смей произносить мое имя! Ты обо мне ни хрена не знаешь и о моем брате тоже!

Робин заплакал.

— Хватит, не надо, — мягко сказал Хэл.

— Не смей говорить мне «хватит»! — Дачесс затрясло. Бешенство мешало дышать, горячие волны накатывали одна за другой, не давали опомниться.

— Я сказал...

— Пошел на хрен!

Старик поднялся во весь рост и жажнул кулаком по столу. Его тарелка подскочила, грохнулась на каменный пол, разбилась вдребезги. Дачесс отпрянула. В следующий миг она была уже во дворе. Бежала, работая локтями. Позади остались водоем, подъездная дорожка, выпас. Ноги заплетались на пахоте, впереди маячила роща.

Бег закончился, лишь когда Дачесс споткнулась и ушибла колено. Она долго хватала ртом теплый, тяжелый воздух. Вслух проклинала старика, в ярости пнула дуб. Пронзенная болью, на мгновение опешила, замолчала. А потом, запрокинув голову, исторгла такой вопль, что птицы — целая стая — сорвались, взмыли, испещрили облака оспинами своих тел.

Кейп-хейвенский дом так и стоял перед глазами. Назавтра после похорон Уок собрал их пожитки. На банковском счете Стар не оказалось ни цента. В сумочке нашли тридцать баксов наличными. Стар ничего не скопила для своих детей.

Примерно через милю дугласовы пихты поредели, и Дачесс, потная, с всклокоченными волосами, вышла на шоссе и двинулась дальше по сплошной линии, считая полосы белого дорожного пунктира.

По одной стороне раскинулся луг, обрамленный зубчатым лесом. По другую сторону поблескивала, змеилась река. А небосклон был всюду — синь, бездонная и далекая, как прощение. Дачесс хотела увидеть знак — сухое дерево или серую тучку, — любой намек на распад или хоть на увядание, потому что не может земля оставаться столь прекрасной, когда мамы больше нет.

Знак появился, только не тот, которого ждала Дачесс. «Коппер-Фоллз, штат Монтана» — было написано на дорожной стеле. Ряд

магазинов — относительно новые, судя по яркой свежести оранжевого кирпича. Крыши плоские, тенты линялые, флажки повисли, будто тряпки. Билборд с последней выборной гонки, фото Буша и Керри, оба выцветшие, на фоне звезд и полос. Закусочная «Привал охотника»; супермаркет, аптека, общественная прачечная. Кафе-кондитерская. У Дачесс потекли слюнки. Она шагнула к витрине. Там, внутри, за каждым столиком по паре стариков — едят пирожные и слойки, пьют кофе. Снаружи, под тентом, еще один старик уткнулся в газету. Дачесс пошла дальше. Миновала мужскую парикмахерскую, по старинке обозначенную трехцветным цилиндром в стеклянной колбе; вывеска гласила, что здесь можно и побриться. Далее был салон красоты. В раскрытую дверь вырывался горячий воздух, внутри изнывали клиентки.

Улица почти упиралась в гору, внушительную, как вызов или напоминание — мол, дальше наших больше, а я тут горизонт в равновесии удерживаю.

Чернокожий мальчик, мелкий и тощий, стоял на тротуаре; через руку его было перекинута пальто — даром что солнце жарило на все восемьдесят градусов^[20]. Едва Дачесс возникла в его поле зрения, как он упер в нее взгляд и уже не отпускал. Одет он был в брючки на подтяжках, достаточно тугих, чтобы из-под штанин выглянуть, сверкнуть белоснежным носкам; на шее имел галстук-бабочку.

И не отворачивался, нахал, как Дачесс ни буравила его глазами.

— Чего вылупился?

— Не каждый день ангела увидишь.

Движением подбородка Дачесс выразила все, что думала про галстук-бабочку.

— Меня зовут Томас Ноубл.

Представился — и дальше пялится, даже рот приоткрыл.

— Хватит меня разглядывать, извращенец!

Дачесс толкнула его, он упал — на задницу шлепнулся. Сидел в пыли, а все равно тарачился на Дачесс — снизу вверх, сквозь толстенные стекла очков.

— Оно того стоило — падение, в смысле. Потому что ты меня коснулась.

— В этом городе что, все умственно отсталые или только ты?

Всю дорогу к дальней скамейке Дачесс лопатками чувствовала взгляд Томаса Ноубла.

Она уселась и стала наблюдать. Вялое копошенье, а не жизнь в этом Коппер-Фоллз; дремоту нагоняет.

К скамейке подошла женщина лет шестидесяти, до того расфуфыренная, что Дачесс очнулась от полусна. Туфли на высоченных каблуках, яркая помада, парфюмом на всю улицу пахнет, волосы уложены волнами, будто она только-только из салона красоты.

Женщина поставила рядом с Дачесс сумочку от Шанель, сама устроилась на краешке скамейки.

— Ну и жара.

Акцент был незнаком Дачесс.

— Я своему Биллу всю плешь проела: установи, говорю, кондиционер уже наконец-то. И что ты думаешь, он меня слушает?

— Я думаю, что мне пофиг. И Биллу, наверное, тоже.

Женщина рассмеялась, вставила сигарету в мундштук и прикурила.

— Говоришь так, будто знакома с моим Биллом. Или будто у тебя папа из того же теста — возьмется за дело, а на середине бросит... Впрочем, деточка, все мужчины таковы.

Дачесс нарочито громко вздохнула — может, удастся отвадить ее одним скучающим видом, без грубостей.

Женщина извлекла из сумки бумажный пакетик, а из пакетика — два пончика, один из которых протянула Дачесс.

Та пыталась делать вид, что пончик ее не волнует, но женщина тряхнула пакетиком у нее перед носом, будто приманивая пугливого зверька.

— Пробовала пончики от Черри?

Дачесс не выдержала. Постаралась хотя бы откусить поделикатнее; просыпала сахарную крошку на джинсы.

— Ну как? Лучший пончик в твоей жизни, верно?

— Ничего, съедобный.

Взрыв смеха — словно Дачесс отпустила удачную шутку.

— Знаешь, я бы, наверное, дюжину в один присест умяла. Пыталась ты когда-нибудь съесть целый пончик и ни разу не облизнуться?

— Зачем это?

— А давай на спор — кто первый губы облизнет? Увидишь: это труднее, чем кажется.

— В вашем возрасте — наверное, да.

— Женщине столько лет, на сколько при ней себя ощущает мужчина.

— А Биллу сколько?

— Семьдесят пять.

Последовала горькая усмешка.

Дачесс занялась пончиком. Глазурь щекотала губы, однако Дачесс терпела, не облизывалась. Женщина тоже держалась, но хватило ее ненадолго. Сахарная щекотка сделалась невыносимой, и женщина быстро провела языком по губам. Дачесс ей на это указала. Реакцией стал хохот, столь громкий, что Дачесс еле подавила улыбку.

— Кстати, меня зовут Долли. Как Долли Партон^[21], только без бюста.

Дачесс не отвечала, держала паузу. Чувствовала на себе вопросительный взгляд. Наконец Долли, смутившись, отвернулась.

— Я — вне закона. Незачем вам светиться рядом со мной.

— У тебя есть кураж, а он мало кому дается.

— Знаете, что написано на могиле Клэя Эллисона? «Все, кого он убил, заслуживали смерти». Вот где кураж.

— Ну а имя есть у той, которая вне закона?

— Дачесс Дэй Рэдли.

В глазах Долли отразилось нечто похожее на жалость.

— Я знакома с твоим дедушкой. Прими мои соболезнования.

Этот спазм в груди, эффект перекрытого кислорода; не смотреть на Долли, перевести взгляд на улицу, уставиться на собственные кроссовки — может, тогда глазам не будет так горячо.

Долли вынула сигарету из мундштука, ни разу не затянувшись.

— Вы не покурили.

Она улыбнулась, блеснула ровными зубами.

— Курить вредно — хоть Билла моего спроси.

— Зачем тогда у вас сигареты?

— Отец однажды застукал меня за курением. Так поколотил, что мало не показалось. Ну я и стала курить ему назло. Тайком, конечно. Хотя мне даже запах дыма никогда не нравился. Ты, наверное, думаешь: вот же привязалась, старая кошелка?

— Да.

На плечо Дачесс опустилась ладошка. Он стоял перед ней и широко улыбался: кудряшки прилипли к потному лобику, под ногтями грязь.

— Меня зовут Робин.

— Рада познакомиться, Робин. Я — Долли.

— Как Долли Партон?

— Только без сисек, — уточнила Дачесс.

— Маме нравилась Долли Партон. Мама песню ее часто пела — ну эту, «С девяти до пяти»^[22].

— Сама себя высмеивала, потому что она-то как раз ни на одной работе не задерживалась.

Долли пожалала Робину руку и сообщила ему, что во всю жизнь ей повстречалось от силы три-четыре столь же симпатичных мальчика.

Лишь теперь Дачесс заметила Хэлов старый грузовик, припаркованный на противоположной стороне улицы. Сам Хэл привалился спиной к капоту.

— Робин, Дачесс, надеюсь, скоро увидимся. — Долли угостила Робина пончиком и пошла прочь, на ходу кивнув Хэлу.

— Дедушка знаешь как беспокоился? Пожалуйста, Дачесс, веди себя хорошо.

— Я — вне закона; или забыл? Неприятности сами меня находят.

Робин печально глядел на нее снизу вверх.

— Попробуй-ка лучше съесть целый пончик и ни разу не облизнуться.

Он перевел глаза на пончик.

— Слишком просто.

— Тогда вперед.

Робин не сдержался уже после первого кусочка.

— Вот ты и облизнул губы.

— Нет, не облизнул.

Вместе они направились к грузовику. Кудлатые облака валили с горы, наседали, теснили день, отвоевывали себе ярд за ярдом в шатре небосвода.

— Я скучаю по маме.

Дачесс крепче стиснула ручонку Робина. Ее собственные чувства не умещались в слово «скучаю», а как их определить, она еще не

знала.

* * *

Тридцать лет в одном помещении, металлические унитаз и умывальник, выщербленные стены с процарапанными надписями. Дверь, которую открывают и закрывают ежедневно в строго определенное время.

«Исправительное учреждение графства Фейрмонт». Солнце, бледное и безжалостное вне зависимости от времени года. Уок поднял глаза на видеокамеру и снова перевел взгляд на заключенных. Их вывели на прогулку. Скованные одной цепью, они казались деталями пазла, которые некуда приткнуть.

— Сколько уже бывал здесь, а никак не привыкну, что все такое блеклое.

— Понятно. У вас там, на побережье, синева рулит, — усмехнулся Кадди.

Прикурил, предложил Уоку сигарету. Тот жестом отказался.

— Не куришь, что ли?

— Нет. Даже не пробовал никогда.

На баскетбольной площадке шла игра. Заключенные сбросили куртки, их спины и плечи блестели от пота. Один парень не удержал равновесия, вскочил, хотел принять боевую стойку, но покосился на Кадди и мигом подавил агрессию. Игра продолжалась — яростная, словно на кону сама жизнь, словно проигрыш равен смерти.

— В душу он мне запал, — говорил между тем Кадди.

Уок обернулся к нему, но тот не сводил глаз с баскетбольной площадки.

— Правда, в те времена мне казалось, что некоторых осудили зря. Я тогда только на службу поступил. Не в наружную охрану, нет — мне этаж дали патрулировать. Вот я и наблюдал. Доставят, бывало, какого-нибудь «белого воротничка» — адвоката или банковского служащего, — я и думаю: нет, этот точно не отсюда, не такое он совершил, чтобы тут сидеть. Теперь иначе думаю: что зло — оно однородное, без степеней. Есть черта, за нее переходить нельзя, и точка. Заступил на дюйм — всё, виновен.

— Почти каждый человек хоть раз в жизни да приближается к этой черте.

— Ты же не приблизился, Уок.

— Так я еще и жизнь не прожил.

— Винсент перешел черту в пятнадцать. В ту ночь, когда его доставили, дежурил мой отец. Журналистов понаехало... А судья сказал: всё, поздно. Это уже я сам помню.

Это помнил и Уок.

— Отец говорил, хуже ночи у него за всю службу не было — а ты сам можешь представить, чего он тут навидался. Но пацана в камеру сажать? Ведет он его, а заключенные руки просунули сквозь решетки — ор, грохот. Правда, пара человек тихо сидели. Зато остальные... Встречу устроили, в своем понимании.

Уок вцепился в ячеистую сетку тюремного забора. Пальцы судорожно скрючились, и никак не получалось сделать вдох.

— Мне тогда было девятнадцать. — Кадди затушил окурок, но почему-то не выбросил, продолжал мять. — Всего на четыре года больше, чем Винсенту. Меня в его отсек определили, на третий этаж. И я в нем не убийцу видел, а пацана обычного, вроде товарища по школе или младшего брата. Он мне сразу понравился.

Уок улыбнулся.

— Он у меня из головы не шел. Со смены вернусь домой — о нем думаю. И в отпуске тоже, и даже на свидании: сам в кино сажу с девчонкой, а мысли — про Винсента.

— Серьезно?

— Ну да. Жизни наши сравнивал. Похожи они были бы — если бы не единственная ошибка. Зато какая! Малышку насмерть задавить. Господи... Ведь не один ребенок погиб, а два — с Винсентом два выходит, говорю. И вот он снова здесь. Значит, никакое это было не исправление, если новая трагедия случилась. Значит, вообще всё зря.

Те же мысли посещали и Уока.

— Я радовался, что ты приехал его забирать. Конец главы, которая сильно затянулась. Прикидывал: ничего, Винсент сначала начнет. Время есть. Какие наши годы, верно?

— Верно, — ответил Уок, а сам подумал о болезни. Он не готов — ни к самим метаморфозам, ни к их скоропостижности.

— Говорили, Винсенту от меня слишком много поблажек — гулять дозволено дольше, чем остальным, и бог знает что еще. Я и не отрицаю. Я всё делал, что мог. У него ведь жизни никакой не было — так, прозябание... Вот я ему жизнь и отпускал по кусочку. Кто виноват, кто нет, кого правильно осудили, кого неправильно — не нашего ума дело. Мы выполняем свою работу, так?

— Так.

— Я этот конкретный вопрос вообще не задаю. За тридцать лет никого ни разу не спросил.

— Он этого не делал, Кадди.

Тот стал ловить ртом воздух, будто слишком долго в одиночку мучился заявленным вопросом. Наконец отдышался и отворил ворота.

— Комнату я для вас выхлопотал, Уок.

— Спасибо.

Перспектива встречи с Винсентом в общей комнате страшила Уока. Отделенный от него плексигласом, Винсент говорить не станет, это ясно.

Вслед за Кадди Уок прошел в помещение с голыми стенами, с единственным металлическим столом и двумя стульями. В таких комнатах осужденный и адвокат обсуждают дальнейшие действия; здесь вспыхивает и гаснет надежда.

Винсент расписался, где положено. Кадди снял с него наручники, выразительно взглянул на Уока и вышел.

— Ну и чего ты своей молчанкой добиваешься? — начал Уок.

Винсент уселся напротив, закинул ногу на ногу.

— Слушай, Уок, а ты похудел.

Действительно, он сбросил еще пару фунтов. Теперь съедал только завтрак, а потом целый день перебивался кофе. От голодовок болел живот — не то чтобы сильно, нет. Боль, тупая, подвывающая на одной ноте, казалась признаком, что организм снова подвластен Уоку. Таблетки делали свое дело, состояние оставалось стабильным. Уок довольно бодро двигался и даже, забывшись, принимал это благо как должное.

— Может, скажешь, что вообще происходит, Винсент?

— Я ведь письмо тебе написал.

— Ну как же! «Прости» — вот что в нем сказано.

— Это от сердца.

— А остальное?

— Я все обдумал. Сделай как я прошу.

— И не рассчитывай. Твой дом я продавать не стану. По крайней мере, до суда. Будет приговор — будет определенность насчет будущего.

Винсент вроде обиделся. Словно об одолжении попросил, а Уок проявляет черствость. В письме он выразился предельно ясно. Почерк у него был настолько красивый, что Уок перечел письмо дважды. «Продай мой дом, — убеждал Винсент. — Дикки Дарк дает миллион, я согласен».

— Чек он мне уже выписал. Твоя задача — оформить документы.

Уок покачал головой.

— Погоди, мы тебя вытащим...

— Дерьмово выглядишь.

— Со мной порядок.

Помолчали.

— Дачесс и Ро... в смысле, мальчик. Ее братишка. — Винсент произносил имена боязливо, словно был недостоин даже говорить об этих детях.

— Потерпи, Винсент. Не пори горячку. Мы это еще обсудим, мы что-нибудь придумаем. Тебе надо просто выждать время.

— Чего-чего, а времени у меня полно.

Уок достал из кармана пачку жевательной резинки, одну пластинку протянул Винсенту.

— Контрабанда, — заметил тот.

— Она самая.

Напрасно Уок искал в его лице вину или раскаяние. Ни того ни другого не было. Мелькнула мысль, что Винсент почувствовал себя лишним на воле и придумал, как вернуться туда, где ничего не надо решать самому. Уок эту мысль отменил. Бред полнейший. Винсент все время прятал глаза — встретится с ним взглядом на миг, не дольше — и смотрит в сторону.

— Я знаю, Вин.

— Что ты знаешь?

— Что это сделал не ты.

— Виновность определяется задолго до того, как совершается преступление. Просто люди этого не понимают. Им кажется, у них

есть выбор. Потом, когда уже ничего не изменить, они прокручивают ситуацию, лазейки ищут: а если б я вот так поступил, а если б вот этак... На самом деле, повторись всё, человек сделал бы то же самое.

— Сказать тебе, почему ты отмалчиваешься? Потому что я тебя сразу поймаю на нестыковках. Не прокатывает твой самооговор, Вин.

— Это не самооговор.

— Допустим. Где тогда оружие?

Винсент сглотнул.

— Найди мне адвоката, пожалуйста.

Уок выдохнул с облегчением, улыбнулся, хлопнул ладонью по столу.

— Давно бы так. Есть у меня парочка толковых ребят, как раз на особо тяжких специализируются.

— Мне нужна Марта Мэй.

Рука Уока застыла в воздухе, не успев опуститься на столешницу и продолжить отбивать победный ритм.

— Не понял.

— Марта Мэй. Ни с кем другим говорить не стану.

— Она же ведет семейные дела.

— Или Марта, или никто.

Уок помолчал.

— Почему именно она?

Винсент опустил глаза.

— Да что с тобой такое? Я тебя тридцать лет прождал. — Уок шарахнул рукой по столу. — Очнись, Винсент. Не одну твою жизнь на паузу поставили, слышишь?

— Выходит, мы с тобой почти одинаково эти годы прожили, так, что ли?

— Я не то имел в виду. Я хотел сказать, нам всем было тяжело. И Стар в том числе.

Винсент поднялся.

— Подожди.

— Чего тебе еще, Уок? Что ты сейчас такое важное сообщишь?

— Бойд с окружным прокурором будут требовать, чтобы тебя приговорили к высшей мере.

Фраза повисла в воздухе.

— Уговори Марту, а я все подпишу.

— Речь идет о смертной казни. Господи, Винсент... Одумайся уже наконец.

Тот стукнул в дверь, вызывая охрану.

— Увидимся, Уок.

На прощание — фирменная полуулыбка с этим свойством переносить на тридцать лет в прошлое и удерживать Уока всякий раз, когда он уже готовился поставить крест на Винсенте Кинге.

В то первое воскресное утро они спали до восьми.

Дачесс проснулась раньше, чем Робин. Лежала и смотрела на притулившегося к ней мальчика со смугло-золотой мордашкой. Солнце любило Робина, он всегда легко загорал.

Дачесс поднялась, скользнула в ванную, выхватила взглядом собственное отражение. Она похудела, если не сказать «отощала»; щеки запали, ключицы выпирали устрашающе. С каждым днем Дачесс все больше походила на Стар; теперь даже Робин упрашивал ее съесть хоть что-нибудь.

Лишь когда она шагнула из ванной, взгляд упал на новое платье. Цветочки по подолу — вроде маргаритки. Рядом — вешалка с белой хлопчатобумажной рубашечкой и черными брючками. Этикетки целы, на них указан размер — 4–5.

Дачесс только предстояло приноровиться к звукам старого дома, и по лестнице она спускалась с опаской, отмечая про себя, какие ступеньки скрипят, а какие нет. Она замерла возле кухонной двери. Хэл в начищенных ботинках, в рубашке с жестким воротничком варил кофе. Живо обернулся, хотя Дачесс была уверена, что подкралась совершенно бесшумно.

— Я купил тебе платье. Сейчас поедem в церковь, в Кэньон-Вью. Каждое воскресенье будем ездить.

— Никаких «мы». Говори за себя. Я ни в какую церковь не поеду, и мой брат тоже.

— Детям в церкви нравится. После проповеди всегда бывает угощение — торт. Я уже сказал Робину, и он хочет ехать.

Ну еще бы. Робин, маленький иуда, за кусок торта на все готов.

— Езжай, а мы здесь подождем.

— Не могу вас одних оставить.

— Тринадцать лет оставлял, а теперь не можешь?

Хэл ничего не сказал в свое оправдание.

— В любом случае рубашка и брюки не годятся. Робин носит шестой размер. Ты не знаешь даже, сколько лет твоему родному внуку.

Хэл сглотнул.

— Прости, ошибся.

Дачесс шагнула к плите и налила себе кофе.

— С чего ты вообще решил, будто Бог существует?

Хэл указал на окно. Дачесс проследила его жест.

— Не вижу ничего особенного.

— Не лукавь, Дачесс, ни с собой, ни со мной. Всё ты видишь.

— Мне лучше знать.

Хэл смотрел на нее напряженно; казалось, он давно готов к отповеди.

— А сказать, что я и впрямь вижу? Слушай. Я вижу старика, у которого середка давно сгнила. Этот старик сам поломал свою жизнь, и теперь у него ни семьи, ни друзей. Он может умереть в любой момент — но хоть бы кто по этому поводу взгрустнул. — Дачесс изобразила невинную улыбку. — Возможно, смерть настигнет старика в пшеничном поле, на этой его грёбаной собственной земле, осиянной светом Господним. Он рухнет и будет лежать, пока не позеленеет. А найдет его водитель грузовика-цистерны, и вот по каким признакам: над полем он увидит вороньё — сотню черных ворон. Мясо с костей к тому времени обглодают звери. Только это неважно: ведь скелет сразу же зароят, безо всякого прощания — потому что прощаться будет некому.

Хэл взял чашку с кофе, и Дачесс удовлетворенно отметила, что рука у него дрожит. Хотела продолжить, рассказать старику о своей малютке-тетушке, о милой Сисси — ее могилка давно заросла бы, одичала, ведь Стар за ней не ухаживала — мужества в себе не находила, а сам Хэл вообще свалил из штата. Если б не Дачесс, не ее поездки на велике за полевыми цветами, тетя Сисси гнила бы в полном забвении...

Дачесс вовремя обернулась. В дверях стоял Робин.

Живо взобравшись на стул напротив Хэла, он сообщил:

— А мне торт снился!

Хэл многозначительно взглянул на Дачесс.

— Ты ведь с нами? — напрягся Робин. — Ты поедешь в церковь? — По глазам было видно, до какой степени Дачесс нужна брату. — Поехали, а? Не за Богом, а за тортом. Пожалуйста, Дачесс!

Она взлетела на второй этаж, сорвала платье с вешалки-плечиков, крючком зацепленной за дверь спальни. Рванулась в ванную, открыла

шкафчик, где хранились пластыри, мыло и шампунь; нашарила ножницы и приступила к работе.

Сначала разобраться с длиной. Приструнить маргаритки, а то ишь как разрослись. Пусть дурацкий лужок обрывается повыше середины ее незагорелого бедра. Спине следует виднеться сквозь прорехи. Дырка повыше пупка тоже не помешает. Причесываться Дачесс не стала — наоборот, разлохматила волосы. Сандалии, купленные Хэлом, от ее пинков полетели через всю комнату. Дачесс извлекла из-под кровати свои старые кроссовки. На коленке была царапина — результат бегства сквозь жесткие и высокие, в ее рост, колосья. Возле локтя — порез; Дачесс знала, что ему не зажить. Имей она бюст, еще и декольтировала бы платье спереди.

Робин и Хэл ждали во дворе. Хэл еще накануне вымыл грузовик, Робин ему помогал. Работали вечером. Намыливали, обливали чистой водой, вытирали замшей металлические бока, в которых отражалось закатное солнце.

— Боже, — выдохнул Робин при появлении Дачесс.

Хэл застыл на месте, несколько секунд таращился, затем, без комментариев, сел за руль.

Миновали чье-то ранчо, поехали параллельно линии электропередачи — ржавый железобетон столбов, гул в проводах не слышен из-за тархтенья мотора. С восточной стороны, словно червяк, почуявший дождь, вылезла труба, чтобы ярдов через пятьсот снова нырнуть под землю.

Через десять минут попался дорожный указатель — простой столб с надписью «Штат Сокровищ».

— Там написано «сокровищ»? — уточнил Робин.

Дачесс погладила ему коленку. Не зря она каждый вечер по десять минут с ним читает. Робин умный, это уже сейчас понятно; точно не в мать уродился, и самой Дачесс скоро будет за ним не угнаться. А пока она должна убереечь его от прошлого, чтобы не опутывало ему ножки, не тащило назад, как хищный плющ.

— У нас тут полезные ископаемые.

Хэл не выпустил руля, только на мгновение оглянулся и вскинул брови, удивляясь познаниям Робина.

— *Oro y Plata*. По-испански — «Золото и серебро».

Робин хотел присвистнуть. Получилось у него не очень.

На западе темнел лес Флатхед; только до него было далеко, и кто там пасся, на подступах к этому лесу, в бесконечных прериях — бизоны или обычные коровы, — Дачесс разглядеть не могла.

— А еще — верховья великих рек, — продолжал Хэл. — Все реки, что текут через нашу страну, начинаются здесь.

Водные ресурсы Монтаны не впечатлили Робина, присвистывать он не стал.

Возле указателя «Кэньон-Вью Бэптист» они свернули. Ну и где заявленный в названии вид на каньон? За окном тянулись всё те же бурые прерии.

Церковь оказалась деревянная, белёная; по коньку крыши трещины, колокольня низенькая — вполне можно попасть камнем в колокол.

— Всю Монтану исколесил, пока самую отстойную церковь нашел, да? — съязвила Дачесс.

Тесная парковка была уже почти заполнена. Дачесс спрыгнула на землю, огляделась, щурясь от солнца. Милях в пятидесяти мелькали лопасти ветряков.

К грузовику приблизилась старуха — широкая улыбка, печеночные пятна, обвислая кожа, словно земля уже тянула ее к себе, плоть была готова повиноваться, и только разум, этот упрямец, не сдавался.

— Доброе утро, Агнес, — поздоровался Хэл. — Это Дачесс и Робин.

Агнес протянула костлявую руку. Робин пожал ее с великой осторожностью, будто рука могла отвалиться и его тогда заставили бы крепить ее на место.

— Что за милое платьице, — похвалила Агнес.

— Старье, — выдала Дачесс. — Я думала, оно для церкви коротковато, а Хэл сказал, самое то, святой отец будет в восторге.

Агнес удержала-таки улыбку, не дала лицу вытянуться в гримасе крайнего смущения.

Дачесс повела Робина к церкви. Возле бокового окна толпились местные ребята — все как один с прилизанными волосами и умиленными улыбками.

— Сразу видно — умственно отсталые, — бросила Дачесс.

— А мы с ними будем играть?

— Нет. Они только и выжидают, как бы похитить твою душу.

Робин глядел снизу вверх, искал в ее лице намек на улыбку. Дачесс оставалась серьезной.

— Как они это сделают?

— Заморчат тебя всякими недостижимыми идеалами.

Дачесс пригладила волосы брата и подтолкнула его к детям. Робин несмело оглянулся, получил от нее ободрение в виде кивка.

— Стрёмное платье у твоей сестры, — сказала Робину девочка примерно его лет.

Дачесс сама шагнула к изумленным детям. Все пялились на нее, только девочкин взгляд скользнул мимо. Ага, понятно — смотрит на толстуху в бейсболке с лиловым козырьком.

— Это твоя мама?

У Дачесс в голове уже оформилась обидная фраза.

Девочка кивнула.

Робин взглядом молил: пожалуйста, не надо.

— Нам пора, — сказала Дачесс. Оскорбление пришлось проглотить.

Робин выдохнул.

Они заняли последнюю скамью.

Вплыла Долли на каблучищах и на волне парфюма; подмигнула Дачесс.

Робин сидел между ними, докучал Хэлу вопросами о Боге, ответов на которые не знает никто из живущих.

Священник говорил складно. Рассказывал о дальних странах, где воюют, голодают и оскверняют само понятие доброты. Дачесс не вслушивалась, пока он не перешел к теме смерти, пока не завел про новое начало и Божий замысел — его, типа, разумом не постичь, а потому и сомнения в нем недопустимы; он, типа, когда свершится, тогда всех и озарит пониманием. Робин слушал, замороженный. Дачесс отлично знала, о чем он думает.

Когда все склонили головы в молитве, перед глазами Дачесс всплыло лицо Стар, да такое ясное, умиротворенное, что она едва не закричала. На глаза навернулись слезы; Дачесс зажмурилась — она не даст им пролиться. Старик-священник заговорил снова. Дачесс стояла, низко опустив голову, с единственной мыслью: не заплакать, не потерять этот материнский образ, никогда не виданный наяву.

Крупная рука легла Дачесс на плечо — Хэл, утешитель хренов, дотянулся до нее через Робина.

— Катись к чертям, — прошептала Дачесс. — Все пускай катятся к чертям.

Она бросилась вон из церкви. Убежать подальше, туда, где не услышишь про вечные муки — потому что одно упоминание о них будто втоптывает человека в грязь.

Дачесс опустила на траву. Надо отдышаться.

Она не заметила, что к ней идет Долли. Вздрогнула, только услышав над ухом:

— Симпатичное платье.

Долли уже сидела рядом с ней.

Дачесс выдернула пучок длинных травин, разжала кулак. Пусть траву унесет ветром.

— Не стану спрашивать, в порядке ты или нет.

— И правильно.

Дачесс покосилась на Долли: яркая помада, густо накрашенные веки, укладка. Юбка кремового цвета, джемпер густо-синий с глубоким вырезом, шелковое кашне. Столько женственности в этой Долли, что самой себе Дачесс представилась малявкой, а не девочкой на пороге юности.

— Сиськи для церкви у вас не слишком открыты?

— Это я еще в бюстгальтере. А если сниму — все прихожане попадают и вдоль нефа стопками улягутся.

Дачесс не засмеялась.

— Чушь он порет, священник. Чушь собачью.

Долли прикурила. Запах дыма почти перебил парфюм.

— Я тебя понимаю, Дачесс.

— Что вы понимаете?

— Было время — я так же сильно ненавидела. Порой ненависть обжигает хуже огня, верно?

Сигарета от ветра помигивала.

Дачесс выдрала еще клочок травы.

— Ни фиги вы обо мне не знаете.

— Знаю. Ты еще слишком юная. Мне пришлось состариться, чтобы понять.

— И что ж вы такое поняли?

— Что я не одна на свете.

Дачесс поднялась.

— Ну а мне это и сейчас ясно. Я не одна — у меня есть брат. А больше мне никто и не нужен — ни Хэл, ни вы, ни Бог.

* * *

Биттеруотер представлял собой россыпь построек из бетона и стали. Витрины были залеплены флаерами: бары, гастролирующие рок-группы и дешевый алкоголь. Двадцать миль от Кейп-Хейвена перпендикулярно побережью. Общее впечатление: фатальная ошибка при выборе места для этого населенного пункта.

Уок далеко не сразу отыскал нужный адрес. Пришлось миновать промзону: грузовые контейнеры, мини-склады, продуктовые хранилища.

Офис Марты Мэй находился в одноэтажном торговом центре на самой окраине, уже при выезде на трассу. Был стиснут между химчисткой и мексиканской закусочной; судя по надписи, здешние лепешки такос продаются всего по восемьдесят девять центов за штуку.

Уок оставил машину на стоянке и вошел в торговый центр.

«Биттеруотер дентал», «Спирит электроникс», «Ред дейри». Ногтевой сервис; азиатка в медицинской маске прыскает лак-спрей на ногти измотанной мамочки, которая ногой покачивает коляску.

Серое небо за стеклянным куполом потолка; мигающее неоновое слово «ТАКОС».

Уок распахнул дверь в приемную. Диванчики вдоль обеих стен были заняты. Клиентки Марты Мэй — исключительно женщины, объединенные материнством и неудачным замужеством; историю каждой можно прочесть в глазах, различий минимум. Секретарше под семьдесят, волосы подсиненные, костюм ярко-розовый. Печатающая, облизывает десны; умудряется в то же время говорить по телефону (трубку удерживает между плечом и подбородком) и подмигивать малышке, от рёва которой хочется выскочить вон.

Уок развернулся и побрел к машине.

Ждал до шести, считал выходящих женщин. Видел, как синеволосая секретарша села в ржавый «Форд Бронко» и не меньше минуты билась с упрямым двигателем. Наконец она укатила. Значит, можно предпринять второй заход. В мексиканской закуской теперь оживление — столики у окна заняли усталые служащие, потягивают пиво.

Уок подергал дверь. Заперто. Стал стучаться.

За рифленным стеклом возникла Марта.

— Извините, рабочий день окончен. Приходите завтра.

— Марта, это я — Уок.

Бесконечная минута ожидания и щелчок замка.

И вот она перед ним.

Несколько мгновений лицом к лицу. Марта Мэй — бледненький эльф. Каштановые волосы. Серый брючный костюм — причем с кроссовками бренда «Чак Тейлор». Уок едва не усмехнулся: прежняя Марта.

Он хотел распахнуть объятия, но Марта встала вполоборота. Без улыбки, жестом пригласила его войти. В кабинете оказалось уютнее, чем думал Уок. Дубовый стол, горшечное растение, во всю стену — стеллажи, литература исключительно юридическая. Марта села и указала Уоку на стул.

— Давненько, Уок.

— Давненько.

— Сварила бы для тебя кофе, но, веришь, к вечеру я как выжатый лимон.

— Я очень рад тебя видеть, Марта.

Долгожданная прежняя улыбка, и эффект от нее на Уока — тоже прежний.

— Бедняжка Стар, — заговорила Марта. — Я хотела приехать на похороны, но у меня было слушание в суде. Никак не могла перенести.

— Цветы твои я получил.

— Страшно представить, что пережили дети.

Стопки бумаг на столе. Не завалы, нет — скорее, пирамиды, подогнанные файлик к файлику, но высоченные. Поговорили о Стар, о шоке, о Бойде и его методах. Уок так все подал, будто его самого задвигать и не думали, будто он тоже — полноправный участник расследования. Напряжение между ним и Мартой оставалось — того

сорта, какое возникает при встрече мужчины и женщины, которые видели друг друга обнаженными.

— Ну а что Винсент?

— Он не убивал.

Марта поднялась, прошла к окну. Долго смотрела на хайвей. Уоку был слышен мерный шум машин, изредка взрывае́мый клаксоном и ревом мотоцикла.

— Я смотрю, Марта, у тебя дело хорошо поставлено. Ты молодец.

Она склонила голову набок.

— Спасибо. Твое одобрение для меня очень много значит.

— Я вовсе не имел в виду...

— Послушай, у меня на обмен любезностями сил нет. Выкладывай, зачем приехал.

В горле пересохло. Уок вообще не хотел обращаться к Марте, ибо отплатить за услугу ему было нечем.

— Ты нужна Винсенту.

Марта обернулась.

— В каком качестве?

— В качестве адвоката. Понимаю, как это звучит, но...

Марта усмехнулась.

— Неужели понимаешь? А послушать — ни малейшего представления у тебя нет!

Она спохватилась, вдохнула поглубже, чтобы успокоиться.

На стене висел диплом колледжа «Саутвестерн». Рядом была пробковая панель с многочисленными фотографиями улыбающихся женщин и детей.

— Я не занимаюсь уголовными делами, Уок.

— Да знаю я, знаю. И Винсенту говорил.

— Мой ответ — нет.

— Моя задача была — уточнить.

Марта улыбнулась.

— До сих пор бегаешь по Винсентовым поручениям?

— Я на все готов, лишь бы избавить невинного от высшей меры.

— То есть Винсенту грозит смертная казнь?

— Да.

Марта опустила на стул, ноги в кроссовках устроила на столе.

— Могу порекомендовать опытного адвоката.

— Думаешь, я ему этот вариант не предлагал?

Марта взяла из пиалы конфетку — драже «M&Ms».

— Я-то ему на что сдалась?

— Винсенту после тридцатника за решеткой все вокруг чужое. Только мы двое у него и остались. Он помнит, что ты — юрист, вот и уперся.

— Я даже не представляю, что он за человек теперь. Да и ты наверняка сильно изменился.

— Я как раз практически прежний.

— Это меня и настораживает.

Уок рассмеялся.

— Может, возьмем еды на вынос и закрасим белые пятна? — Он говорил тихо, чувствуя, как кровь приливает к щекам. — Тут поблизости готовят суперские такос; всего-то и надо, что восемьдесят девять центов — найдется у тебя?

— А хочешь по-честному?

— Хочу.

— Я потратила немало лет, чтобы Кейп-Хейвен остался позади. Как по-твоему, есть у меня желание возвращаться?

Уок встал, улыбнулся и прошел к двери.

Мейн-стрит медленно оживала.

Милтон, по уши в кровище, расчленил тушу: отдельно грудинка, затем лучшие куски, далее то, что берут на рагу. Впечатление было, что у него в руках не мясницкий топорик, а резец ваятеля. Уоку он задешево уступил стейк — ни один курортник не добился бы такой скидки.

Уок только что говорил с Хэлом. Звонил еженедельно, справлялся о детях, особенно расспрашивал о Робине — ведь мальчик той ночью мог слышать что-то важное. Сегодня Хэл сообщил, что Робину нашли психиатра; это женщина, кабинета у нее нет, и он, Хэл, возит внука прямо к ней домой. От ранчо двадцать миль. Ни имен, ни названий городов они с Хэлом не произносили — Уок перестраховывался.

— Кофе сварить? — с порога спросила Лия Тэллоу.

Уок качнул головой.

— Ты как вообще?

— Устала.

Несколько дней подряд Лия приходила на работу заплаканная. Уоку казалось, дело в муже. Супружеская верность — это не про Эда Тэллоу; когда только он уймется? Мужчины, считал Уок, устроены иначе, порочны изначально и не борются со своими так называемыми слабостями. Потому что идиоты.

— Бумаг накопилось — жуть. Не говоря о бардаке, который остался после Бойдовой команды.

Не будь Лии Тэллоу, Уок бы точно пропал. Закопался бы в новых постановлениях и прочем. Все знали: он против перемен в Кейп-Хейвене, отвергает каждую заявку на снос старого дома.

За Бойдом и его командой еще не простыл пресловутый след — в комнате пахло промасленной бумагой от бургеров, на всех поверхностях стояли чашки из-под кофе. Зато Бойд обещал держать Уока в курсе.

— Я могла бы выйти в вечернюю смену, — заговорила Лия. — Ну то есть дополнительно к дневной. Если надо.

— Лия, у тебя проблемы?

— Нет, но ты ведь представляешь, каково оно — с детьми. Старший школу заканчивает, Рикки новую видеоигру клянчит...

— Ладно, выкроим тебе рабочие часы.

Бюджет у них, конечно, ограниченный, но Уок как-нибудь всё устроит. Было время — Эд владел «Тэллоу констракшн», Лия работала в компании мужа. Потом рынок повернулся к супругам Тэллоу задом. И все-таки не верилось, что дело только в падении цен на недвижимость. Лия засиживалась в полицейском участке допоздна, а в свободные дни пропадала на пляже. Что угодно, только б не идти домой, к Эду.

Уок открыл папку. С фотографии на него глядела Стар. Отчеты полицейских штата находились тут же.

Имелось у него и дело Винсента. Накануне вечером Уок словно вернулся на тридцать лет назад. Начал со стенограмм допросов и заседаний по делу о гибели Сисси Рэдди. Потом стал заново изучать второе дело — тюремную драку, что вышла из-под контроля. Погибшего звали Бакстер Логан; без таких, как он, на земле дышалось бы легче. Логану дали пожизненное за похищение и убийство молоденькой Энни Клейверс, служащей риелторской компании. Уок читал показания — и отчетливо слышал голос Винсента:

«Это сделал я. Мы сцепились, я его ударил, он упал и больше не поднялся. Что было потом, помню смутно. Не знаю, Кадди, что еще вы хотите услышать. Давайте ваши бумаги, я всё подпишу».

Далее Кадди на трех страницах втолковывал Винсенту суть произошедшего, окольными, но слишком понятными Уоку путями подводил его к простой мысли. «Запишем как самооборону — потому что это ведь очевидно».

«Никакая не самооборона. Просто драка. Не имеет значения, кто зачинщик».

Суд штата опять проявил жесткость. Винсента осудили за убийство второй степени. Добавили к изначальному сроку еще двадцать лет.

Уок набрал номер Кадди. Ждать пришлось минут пять.

— Я тут перечитываю дело Винсента Кинга...

Кадди шмыгнул носом, словно был простужен.

— Разве Бойд с ним не разобрался?

— Разобрался.

— Так я и думал.

— Меня интересует, в частности, драка с Бакстером Логаном. Маловато подробностей по результатам вскрытия.

— Это все, что мы имеем. Бакстер Логан умер в результате удара головой о каменный пол. Двадцать четыре года назад отчеты о вскрытиях были краткими — не в пример нынешним.

— Как Винсент?

Было слышно, как поворачивается в кожаном кресле крупный, грузный мужчина.

— Будто воды в рот набрал. Даже со мной не говорит.

— Он видел себя в новостях?

На окружного прокурора давили местные — пусть, мол, поскорее предъявит официальное обвинение.

— У него нет телевизора.

Уок нахмурился.

— Я думал...

— В смысле, он сам отказался. Я-то ему сколько раз предлагал.

— Чем он занят целыми днями?

В трубке молчали.

— Кадди, алло!

— Прикрепил над койкой фотографию той девочки, Сисси Рэдди. Других личных вещей в камере нет. Он сидит среди голых стен.

Под просьбу Кадди оставаться на линии Уок закрыл глаза.

Он еще раз прочитал отчет, нашел в конце имя патологоанатома — Дэвид Юто, доктор медицины. Тут же были его адрес и телефон. Уок позвонил, нарвался на автоответчик, оставил сообщение. Двадцать четыре года прошло, Дэвид Юто мог переехать, а то и вовсе... И даже если он жив, даже если обитает по старому адресу — о чем Уок станет его спрашивать? Ничего, он придумает. Он сформулирует вопросы, он поведет следствие как настоящий детектив. Бойд сказал не вмешиваться? К дьяволу Бойда. Он, Уок, напористый. Ему бы только догадаться, в каком направлении рыть.

Пришла Лу-Энн Миллер, молча уселась напротив Уока, уставилась в окно. Так и просидит до вечера — типа, смену отработает.

Уок отлистнул страницу. Снова перед ним Стар — волосы будто ветром со лба сдуло, рука вывернута; кажется, что она безмолвно,

одним жестом, молит о помощи.

— Здесь надо прибраться, — выдала Лу-Энн, оглядывая папки, невымытые кружки и бумажки.

— Я сам поговорю с Дарком.

— Хочешь выколотить из него некие показания, которых не добились полицейские штата? Думаешь, ты круче Бойдовых ребят?

— Нет, просто я давно знаю Дарка — с тех самых пор...

— Ничего ты не добьешься и ничего не накопишь. Посмотри на Винсента Кинга; да не так, как ты привык — словно он прежний парнишка, который тридцать лет назад в тюрьму загремел. Ты объективно посмотри. Нет больше того парнишки. Что в нем было хорошего, тебе известного, — все за фейрмонтскими воротами осталось.

— Ты ошибаешься.

— Я серьезно, Уок. Сам ты не изменился, это все признают, и я в том числе. Но ты такой один. Прочие стали другими людьми.

За окном неистовствовало солнце. Белизна и синева, преувеличенная резкость бликов на стеклах и до времени выцветшие флажки.

— Что еще в деле? — спросила Лу-Энн.

— Вторжение в пределы частной собственности. В доме всё вверх дном.

— Однако ничего не украдено. Больше похоже на ссору, которая переросла в драку.

— Милтон лжет.

— У него нет на это причин.

— Допустим, имел место взлом с целью ограбления. Стар проснулась, застучала грабителей, и... — не сдавался Уок. Хотел притянуть версию за уши, но длины рук не хватало, и слов тоже.

— Логично, если забыть об одном факте: на месте преступления задержан человек, его рубашка вся в крови жертвы, весь дом заляпан его отпечатками. Что до мотива, то и он имеется.

— Бред, — вспыхнул Уок.

— Почему бред? Потому что тебе интуиция совсем другое нашептывает?

— Винсент не сказал ни слова. Ни зачем он это сделал, ни как, ни когда конкретно. Он даже полицию сам вызвал, причем с телефона

Стар.

— Он разъярился, а потом остыл. Сколько ребер сломано у Стар? Фото перед тобой, вот и прикидывай.

Уок уставился на фотографию. Грудная клетка в кровоподтеках, характерные полосы в местах переломов. Такого не бывает, когда грабитель, незнакомый с жертвой, просто пытается ее обезвредить. Нет, здесь замешано чувство, ибо даже фотография, простая бумажка, обдает удушающей ненавистью.

— Еще и глаз подбит.

— Короче, он каким-то образом оказывается в доме. Следов взлома нет — вероятно, Стар сама его впустила. Между ними происходит ссора, он ее избивает, стреляет в нее, выходит, прячет оружие, возвращается, вызывает полицию, усаживается в кухне и ждет нас. Малыш Робин, к счастью, был заперт в спальне, но вполне мог что-то слышать.

Уок поднялся, распахнул окно навстречу очередному восхитительному утру. Дольше двух часов кабинетной бумажной работы он никогда не выдерживал.

— Я должен допросить Дарка, — повторил он. — У него была связь со Стар. И он склонен к насилию.

— У Дарка алиби — комар носа не подточит.

— Вот поэтому я и вызвал сюда ту, которая это алиби ему обеспечила.

— Бойд же сказал — не надо лезть поперек полиции штата.

Уок вдохнул поглубже. Перед глазами все плыло — и в прямом смысле, и в переносном. Четким был только образ Винсента. Да что она понимает, эта Лу-Энн? Уок не может ошибаться в Винсенте. Тридцать лет прошло, подумаешь! Его друг остался прежним, и точка.

— Тебе побриться не мешало бы, Уок.

— Тебе тоже.

Лу-Энн хихикнула. Тут позвонила Лия Тэллоу, сказала, что Ди Лейн ждет.

Ди Лейн сидела у стола в приемной. Уок повел ее в заднее помещение. Маленький столик, четыре стула, ваза с широким горлом, в ней — целый каскад роз оттенка слоновой кости, сорт называется «Венделла». Из окна открывается вид на Мейн-стрит. Не комната для допросов, а гостевой дом, где хозяйкой — собственная бабушка.

Ди выглядела куда лучше, чем при их последней встрече. Платье с открытыми плечами, совсем простого кроя, позитивного желтого цвета. Прическа. Деликатный макияж — косметики ровно столько, чтобы плюсы выступили на передний план, а минусы отошли на задний. В руках у Ди был бумажный сверток.

— Песочное печенье с персиковым джемом, — произнесла Ди вместо «здравствуй». — Я же знаю, ты к нему неровно дышишь.

— Спасибо.

Уок не взял с собой ни диктофона, ни блокнота.

— Я уже всё рассказала офицерам из полиции штата.

— Пройдемся еще раз по некоторым пунктам. Кофе будешь?

Ди Лейн свела плечи — не то чтобы сильно ссутулилась, но как-то сникла.

— Конечно, Уок.

Он вышел, отыскал Лию и попросил сварить кофе. Когда он вернулся, Ди Лейн стояла возле окна.

— Совсем иначе отсюда смотрится — я про Мейн-стрит. Витрины, лица — всё непривычное. В смысле, менялось вроде постепенно — а вот же... Тебе известно о заявке — ну насчет новых домов?

— Ей хода не будет.

Ди Лейн снова уселась, закинула ногу на ногу.

— Считаешь, я дала слабину?

— Просто пытаюсь понять, как такое возможно.

— Дарк пришел с букетом. Извинился. Слово за слово, одно за другое...

— Давай-ка с самого начала — что у тебя с Дарком, как завязалось — сама понимаешь.

— Он пошел в банк, открыл счет. Мне он показался... не подберу слова. Милым? Нет, не то. Присмирившим, наверное. Такой, знаешь, с виду тихий, а внутри — стержень. Блин, Уок, что тебе еще не понятно? Дарк стал наведываться, интересовался, как у меня дела, помочь норовил. Я и предложила: давай сходим куда-нибудь, развеемся. Он: давай. Обычный же сценарий, будто не знаешь.

— А кто говорил: от него холодом веет, он не человек, а робот?

— Я тогда злилась из-за дома, а с досады чего не напридумываешь? Сейчас я тебе кое-что открою про Дикки Дарка.

— Я весь внимание.

— Дарк привязался к моим девочкам. Они ему не безразличны, понимаешь? Он за ними присматривает, на качелях их качает. Он просто — рядом. Однажды возвращаюсь — Молли у него на коленях, вместе фильм диснеевский смотрят. Не каждый мужчина станет возиться с чужими детьми, уж я-то знаю.

Лия принесла кофе и вышла. Уок взял чашку, но из-за тремора был вынужден поставить ее обратно.

— Ты в порядке, Уок? Что-то вид у тебя усталый. И побриться неплохо бы... Я не в обиду говорю, не подумай.

— Значит, он пробыл у тебя всю ночь? Я про Дарка.

— Я выставила его рано утром, пока девочки спали.

Уок сгорбился, обмяк. Измождение навалилось, воспаленные глаза саднит, будто они песком засорены; в теле ломота.

— Я понимаю, тебе это трудно признать — Винсент, Стар, давние отношения и все такое... Но ты Дарка не приплетай. Дарк, может, и ублюдок, но он не тот, кем ты его считаешь. И не тот, кем хочешь видеть.

— И кем же я хочу его видеть?

— Человеком, который обеспечит невиновность Винсенту Кингу.

* * *

Покончив с работой в загончике, Дачесс перешла в конюшню. Запах навоза уже не казался отвратительным. А лошадок было две — крупная вороная и серая поменьше. Обе — безымянные. По крайней мере, так ответил Хэл на Робинов вопрос. Робин, сильно озадаченный, только протянул: «Имя каждому нужно».

Дачесс убирала навоз, сгребала в мешки и вынесла отсыревшую солому. Притащила тючок свежей соломы, вилами разбросала по полу. Где мокро, туда солому класть не надо, пускай сначала подсохнет — это она усвоила. В ее обязанности входило дважды в день наполнять поилку и задавать зерна вороному и серой. Обязательно в одно и то же время, потому что серая подвержена коликам. Также Дачесс выводила вороного и серую пастись и загоняла обратно в стойла. Порой, выпущенные на волю, лошади принимались метаться и лягаться, будто

каждой грозил аркан. Дачесс, как и положено всякому, кто вне закона, питала слабость к лошадям.

Раздался выстрел.

Самообладание пробито навывлет, Дачесс — на земле, на коленях. Вдалеке — лоси: готовы сорваться с места, длинные морды запрокинуты. И вот — сорвались, рассеялись, умчались прежде, чем Дачесс встала на ноги, прежде, чем бросилась к дому.

Первая мысль — о Дикки Дарке, и вторая тоже. Сердце тяжелое, как молот.

Она выдохнула, увидев на крыльце Хэла. Впрочем, и он явно был обеспокоен.

— Робин там, наверху. В шкаф забился.

Дачесс взлетела по лестнице, ворвалась в спальню. Робин сидел на полу, с головой укрывшись одеялом.

— Робин...

Дачесс прежде сама забралась к нему в одеяльную палатку, и лишь тогда коснулась его, прошептала:

— Робин, не бойся.

— Я слышал.

Сказано было так тихо, что ей пришлось податься к нему всем телом.

— Что ты слышал?

— Выстрел. Я его слышал. Опять, Дачесс. Опять.

* * *

В тот же день, после обеда, Хэл повел их обоих к кирпичному амбару и сказал:

— Здесь обождите, на солнышке.

Дачесс подкралась к двери, сквозь щель увидела, что Хэл скатывает коврик.

— Дедушка не велел за ним ходить, — прошептал Робин.

Дачесс только приложила палец к губам.

В полу оказался люк. Хэл открыл его и полез в подземелье. Вернулся он с ружьем на плече и с жестяной коробкой в руках.

Дачесс шагнула вплотную к брату.

— Это «Спрингфилд» образца тыща девятьсот одиннадцатого года. Магазиновая винтовка. Легкая по весу и простая в применении. Фермеру без оружия никак нельзя. Нынче стреляли охотники — обычное дело в наших краях, так что привыкайте. Не надо бояться.

Хэл опустился на колени и протянул винтовку им обоим. Робин попятился, спрятался за ногу Дачесс.

— Она не заряжена и вообще стоит на предохранителе.

Не менее минуты прошло, прежде чем Дачесс решилась взять винтовку. Ишь, холодная какая... И тяжеленная — а Хэл говорит, легкая по весу...

С опаской она рассматривала оружие. Робин приблизился, провел пальчиком по прикладу.

— Попробуешь, Дачесс?

Еще один взгляд на винтовку. Образ матери с простреленной грудью. Мысль о Винсенте Кинге.

— Да.

Вслед за Хэлом они двинулись через поле. Колосья были низенькие, Дачесс до лодыжек еле доставали. Оказалось, Хэл ведет их к кедром, этим лестницам в небо. Точнее, к одному конкретному кедру.

Ствол — шире их с Робиним, вместе взятых; аккуратные одинаковые дырочки на коре образуют нечто вроде схемы. Иглы давно пожелтели и осыпались, мертвые сучья на земле затянуло зеленым мхом. Мох подбирается и к лужицам меж корней, блестящим, ибо в них отражены небеса.

Хэл отвел Дачесс и Робина на пятьдесят шагов, достал из коробочки четыре патрона, продемонстрировал внукам пустой патронник и процесс зарядки. Кратко рассказал о предохранителе и мушке, о том, как правильно держать винтовку обеими руками и о том, что дыхание должно быть ровным. Затем протянул им по паре наушников.

От первого выстрела Хэла Робин подпрыгнул и бросился бы наутек, если б Дачесс не поймала его. На второй выстрел отреагировал так же. Третий и четвертый встретил чуть спокойнее.

Теперь, под руководством Хэла, заряжала Дачесс. Каждый патрон брала в руки осторожно, как Хэл наставлял; а сердце прыгало, а память уносила в то страшное утро. Уок и другие копы; Робин; черно-желтая лента, журналистский автомобиль, шум и гвалт.

Шесть раз кряду она промазала. Отдергивала руку при отдаче, забывала упереться ногой. Робин осмелел. Правда, все еще цеплялся за Хэла, зато перестал отворачиваться.

Дачесс зарядила винтовку. На сей раз с ней были только лесные шорохи. Никаких подсказок Хэла. Он помалкивал — пускай Дачесс сама разбирается.

Она попала — правда, задела кедр с краю, отстрелила кусок коры.

Когда ей удалось всадить две пули подряд в самую серединку, Робин закричал и захлопал в ладоши, а Хэл сказал:

— Ты способная.

Дачесс поспешно отвернулась, чтобы он не увидел ее торжествующей полуулыбки.

Она заряжала и стреляла, заряжала и стреляла; пули попадали в центр ствола, иногда — чуть выше или чуть ниже. Хэл отвел ее еще на двадцать шагов, и всё началось сначала. Угол прицеливания, стрельба с колена и из положения лежа. Главное — никаких человеческих чувств, потому что где адреналин — там меткости не жди.

Вечером, когда они возвращались домой, когда были на подступах к ранчо, Робин вырвался вперед. По своим дорогим птичкам соскучился, по курочкам, в смысле. Каждое утро он сам собирал яйца, ни с кем это задание не делил и, казалось, только ради него и жил.

Солнце садилось. Дневную яркость пейзажа еще не сменила категоричность вечерних теней, однако жара была уже обречена, заодно с самим летом. Хэл сказал, что осень в Монтане ошеломительно прекрасна.

Серая кобыла рысью припустила навстречу, и Дачесс прильнула к ней, погладила крутую шею.

— Ты пришлась ей по нраву, — обронил Хэл. — А она ведь у меня дикарка.

Дачесс не отозвалась — нельзя распылять внутренний огонь, что дает ей силы для каждого нового дня.

Тем вечером она поела. Правда, в одиночестве, и не за столом в кухне, а на крыльце. Послышался смех — что-то сказанное Робинем Хэл нашел очень забавным. Живот свело спазмом. Именно в такие моменты на Дачесс накатывало горе, тащило обратно в Кейп-Хейвен. Старик смеется, старик способен улыбаться после всего, что пережили родные внуки! И Робин с ним заодно.

Дачесс вошла в дом, открыла буфет, достала с верхней полки бутылку «Джим Бим».

Возле водоема она отвинтила крышку. Не дрогнула, когда виски обожгло ей горло. Представила Винсента Кинга и отхлебнула еще; представила Дарка и влила в себя новую порцию. Пила, пока боль не отпустила, пока мышцы не расслабились и мир не начал медленное вращение. Алкоголь растворял проблемы, сглаживал углы. Дачесс легла на спину и закрыла глаза. Мама пришла к ней, приласкала, как раньше.

Через час рвотные спазмы выворачивали ее наизнанку.

Еще часом позже появился Хэл. Склонился над ней, хотел поднять с земли. Как в тумане Дачесс видела его слезящиеся голубые глаза.

— Ненавижу тебя, — прошептала она, уже когда Хэл держал ее на руках.

Он поцеловал ее в лоб, она прижалась щекой к его груди и перестала сопротивляться мраку.

Если считать, что каждый дом имеет душу, душа дома Стар Рэдли была черна, как декабрьская ночь.

Уок думал, Дарк займется домом сразу же, как только полиция прекратит следственные мероприятия. Может, отремонтирует для новых жильцов, может, с землей сровняет. Однако дом стоял по-прежнему, лишь входную дверь со стеклом заменили глухой фанерной дверью да заколотили окно. Траву никто не косил, она сильно отросла и пожелтела.

— Знаю, Уок, ты по ней скучаешь. Я и сам скучаю. По Стар и по детям.

Оборачиваться было необязательно — запах крови говорил сам за себя.

— О Винсенте Кинге есть новости? По моим прикидкам, его уже должны были осудить. В газетах пишут, ему грозит высшая мера, если виновным признают.

Уока покорило. Он знал, что окружной прокурор не торопится с выводами. Бойду велено возобновить поиски оружия. Пока Винсенту вменяется только нарушение комендантского часа — пустяк. Время на их стороне.

— Кстати, мне нравится твоя борода. Очень к лицу, честно. И такая густая... Может, и мне бороду отпустить, а? Будем с тобой два бородача — здорово, правда, Уок?

— Конечно, Милтон.

На мяснике были тренировочные штаны и майка. Шерсть кудрявилась, начиная с плеч и до самых кистей рук.

— Жуткое происшествие, Уок. Мороз по коже. Кровищи-то сколько... Если речь о животном, так это другое дело, это нормально. Веганы, конечно, иначе думают, но и они белое мясо едят за милую душу, надо только нарезать его тоненько-тоненько.

Уок лишь в затылке почесал.

— Но Стар... Как представляю ее в луже крови, так и... — Милтон красноречиво схватился за живот. — Ты не волнуйся, я за домом приглядываю. Если мальчишки начнут озорничать, передам «десять — пятьдесят четыре».

— Крупный рогатый скот на хайвее^[23].

Милтон развернулся и пошел через шоссе, шаркая по асфальту, волоча за собой запах с оттенком металла.

Уок шагнул к дому напротив и постучался в гаражные ворота Брендона Рока.

Ворота открылись. В гараже горел свет, надрывался в плеере «Ван Хален», крепко пахло потом и одеколоном. Брендон Рок был в облегающем трико с лайкрой и в майке для занятий фитнесом, которая не доставала ему и до пупка.

— Уок! Значит, это ты сейчас говорил с этим Сасквочем^[24].

— Ты двигатель починил?

— Что, опять жаловались?.. Нет еще. Не успел. Перепланировочку затеял. Хочу заднюю стену разобрать, на крыше гаража устроить додзё^[25]. Подал заявку. Нужно было согласие соседей, и угадай, кто оказался против.

Брендон открыл бутылку воды и половину вылил себе на голову.

— Ну и духота... Ничего, я таки добился — разрешение в кармане.

— Почини машину, Брендон.

— Помнишь его по школе, Уок? Я в старших классах встречался с Джулией Мартин; так вот, она жаловалась, что Милтон за ней ходит. Издали следит, бывало; до самого дома ведет. Она его до смерти боялась, уroda.

— Это было тридцать лет назад.

Брендон шагнул из гаража, уставился на дом Рэдли.

— Жаль, я в ту ночь отсутствовал. Может, мне удалось бы ее спасти... как-нибудь.

Уок читал стенограммы — Бойдовы ребята опросили всех на Айви-Ранч-роуд, оперативно сработали.

— То есть тебя дома не было?

— Нет. Я же все рассказал той женщине, сотруднице полиции штата. Меня Эд Тэллоу отправил с клиентами работать. У него в планах застройка городских окраин. А клиенты — японцы. Ты, наверное, слышал. Жаждают инвестировать в проект.

— Да, я знаю.

В правой руке у Брендона была неизбежная гантель.

— Вот, качаюсь. Скоро мне колено прооперируют — опять буду играть.

Эту тему, Уок знал, лучше не развивать.

Брендон легонько толкнул его в плечо и скрылся в гараже, опустил за собой дверь, приглушил свет и убавил громкость в плеере.

Уок направился к дому Рэдли. Оттуда на него глядела ночь, и приходилось бодриться, вымучивать каждый шаг. Уока трясло с ног до головы, но он списывал дрожь на эмоции, на воспоминания.

Решил войти не через главную калитку, а через боковую. Она была не заперта. Стар, как и все жители Кейп-Хейвена, калитку отродясь не запирала. Вдруг Уок замер на месте — из дома слышались шумы. Уок прижался лицом к оконному стеклу. Внутри кто-то орудовал; не включая электричества, шарил по стенам и по полу карманным фонариком.

Уок расстегнул кобуру, поднялся на крыльцо. Сейчас разберемся...

Он попятился, теснимый великанской фигурой, что, наоборот, шагнула из дому.

— Дарк.

Тяжелый взгляд и молчание.

— Это ты. А я-то думал...

Уок спрятал пистолет. Дарк опустился на скамью.

Уок сел рядом, не спросив насчет его вероятных возражений.

— Что ты здесь делаешь?

— Дом принадлежит мне.

— Да, конечно.

Привычный к жаре, Уок еле успевал отирать пот со лба.

— Мне известно, что ты давал показания полицейским штата. С отчетом я ознакомился, но хочу сам тебя поспрашивать. Собирался звонить тебе, вызывать в участок. А ты — вот он; тем лучше.

— Как дети? Их пристроили?

— Они... — Уок осекся.

— С девочкой я бы поговорил.

Глаза сами собой округлились, тело охватил ступор.

— О чем?

— Сказал бы ей, что сожалею.

— Из-за чего?

— Она осиротела. Но у нее — характер, так ведь? — Кажется, Дарк взвешивает каждое слово.

— Она ребенок.

Лунный свет, проникнув сквозь ветви, нашарил их двоих.

— Куда детей отправили?

— Далекo.

Гигантские ручищи на мощных бедрах. Каково это — уродиться таким громилой? Каково это, когда на тебя таращатся, когда в страхе расступаются перед тобой?

— Расскажи о ней.

— О Дачесс?

Дарк кивнул.

— Ей тринадцать, верно?

Уок откашлялся.

— Годами в Хиллтопской школе ничего не случилось, а тут два звонка подряд. Черный автомобиль. Подъедет к школьному забору, остановится и будто ждет кого-то. Странно, что никто не догадался записать номера.

— Ну у меня черный автомобиль, инспектор Уокер.

— Знаю.

— Ты когда-нибудь размышляешь о своих поступках?

— Конечно.

— А о том, чего не сделал, хотя следовало?

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

Дарк устремил взор к луне.

— Про тебя слухи ходят, Дикки.

— Я в курсе.

— Говорят, ты склонен к насилию.

— Да, я склонен к насилию. Можешь подтвердить это от моего лица.

Дарк неотрывно глядел на луну. В горле Уока пересохло.

— Я тебя в церкви частенько вижу, — бросил Дарк.

— А я тебя — нет.

— Потому что я снаружи наблюдаю. О чем ты молишься, Уок?

— О достойном завершении пути. И чтобы конец не стал безвременным.

— Надежда — понятие для мирян. А жизнь — она хрупкая. Некоторые в нее вцепляются прямо-таки бульдожьей хваткой, хоть и знают: разобьется все равно, одни осколки останутся.

Дарк поднялся. Уока накрыла огромная тень.

— Если общаешься с девочкой, передай, что я о ней не забыл.

— У меня остались к тебе вопросы.

— Я все сказал полицейским штата. Хочешь большего — связывайся с моим адвокатом.

— погоди. Я о Винсенте. Он надумал дом продавать — это тебе известно? А ведь не собирался. Почему он изменил решение, а?

— Наверное, счел цену подходящей. Трагедия — она, знаешь, здорово мозги прочищает. Я обратился за кредитом, жду ответ от банка. Деньги, скорее всего, будут.

И Дарк зашагал прочь. Уок дождался, пока он скроется, приник к окну и включил фонарик.

В кухне настоящий погром. Оторваны потолочные панели, расковыряна гипсокартонная обшивка стен. Может, у Дарка были в доме и другие дела, дополнительные; но главная его задача — это ясней ясного — поиски некоей миниатюрной вещицы.

* * *

Монтана истекала летом, как кровью. В Кейп-Хейвене все происходило постепенно, а здесь первые капли мигом трансформировались в артериальную пульсацию мутных зорь и угрюмых сумерек.

Дачесс получила весточку от Уока — простой снимок, сделанный с хайвея не доезжая Кабрильо. На обратной стороне дрожащая рука вывела синими чернилами: «Я думаю о вас обоих. Уок»; почерк был столь корявый, что Дачесс еле разобрала его.

Фотографию она прикрепила над кроватью.

Со стариком Дачесс по-прежнему не разговаривала. Изливалась серой кобылке. Излияния стали тяжелым ритуалом. Против воли Дачесс рассказывала о Винсенте и Дарке, о временах, когда ей приходилось пальцами выуживать рвотные массы из материнского рта,

когда они с Робинем на приходском кладбище, под сакурой, практиковались в оказании первой помощи.

В те вечера, когда у Хэла бывал созвон с Уоком, Дачесс устраивалась на крыльце и наостряла уши.

«Робин освоился, к животным очень привязался. Спит хорошо, ест с аппетитом. Психиатр говорит, у него дело идет на поправку. Сеансы раз в неделю по полчаса. Робин ездит охотно».

Далее — резкая смена интонации, нивелирование прогресса, которого добился Робин, статусом-кво, в котором упорствует Дачесс.

«А она... она, Уок, с нами пока — и на том Господу Богу спасибо. Работает, делает, что поручу, не жалуется. А днями хватился — нету. Ну, думаю, всё — сбежала. Я — в грузовик, и следом, по шоссе. Ехал, ехал — никого. Насилу нашел. Знаешь где? За пшеничным полем у меня участочек незасеянный. Когда-то хотел амбар построить, да нужды не возникло. Так вот она там сидела на коленях, на земле прямо. Я лица не видел, утверждать не могу, а только мне кажется, она молилась».

Больше Дачесс на то место не ходила. Подыскала взамен полянку в зарослях. Не сомневалась, что Хэлу через густой подлесок не продраться, не обнаружить ее.

В ночь убийства матери она впала в ступор — теперь это ясно. Потому что ее начало отпускать, потому что шок уступает место горю. Сопrotивляется, но горе — оно неумолимо и коварно, может захлестнуть в любой момент, а ведь Дачесс должна быть сильной.

Иногда ей становилось легче от крика.

Шагая полем, Дачесс засекала время — не менее получаса быстрой ходьбы от ранчо, где раздумавшийся Робин с энтузиазмом орудует лопаткой, огород помогает перекапывать на зиму. Достаточно удалилась — теперь можно запрокинуть голову и выпустить в небеса вопль. Серая кобылка вздрогнет, отвлеченная от пастьбы, напряжит грациозную длинную шею. Дачесс разразится вторым воплем, и третьим, и, не исключено, четвертым, а когда полегчает — махнет серой, мол, давай, ешь дальше.

По вечерам, в постелях, они с Робинем разговаривали.

— Противные эти копы, — жаловался Робин.

— Еще какие.

— Думают, я им неправду сказал.

— С копами всегда так. Никому не верят.

— Уок не такой.

Дачесс не спорила. Каким бы он ни был, этот человек, что покупал им продукты и возил в кино, — всё равно он коп.

— Как сегодня прошло? — спрашивала Дачесс каждую неделю.

— Доктор — хорошая. Сказала: зови меня Кларой. Представляешь, у нее четыре котика и две собачки.

— Просто она не встретила подходящего мужчину. Ты ей рассказывал о той ночи?

— Нет, не смог. Я... я все забыл. Помню, как ты мне книжку читала, потом я заснул. Проснулся, смотрю — мы с тобой в машине Уока. Но в середине ведь что-то было, верно?

Дачесс приподнялась, опершись на локоть. Робин лежал на спине.

— Если хоть что-нибудь вспомнишь — звуки, голоса, — сначала мне скажи. Я придумаю, что нам дальше делать. Копам не верь. И Хэлу тоже. Нас только двое на свете — ты и я.

Каждый день она упражнялась в стрельбе. Робин совсем перестал бояться, первым бежал к сухому кедру. За ним шли Дачесс и Хэл. Дачесс по-прежнему разговаривала с дедом только по необходимости. Старалась уязвить, метила ниже пояса: Бог, дескать, накажет полным забвением. Только Хэл теперь реагировал иначе — не вздрагивал от уколов, словно заброшенный Дачесс гнутый крючок соскальзывал с его дубленой шкуры. Дачесс сообщила, что не любит его и смягчаться не намерена, что обращения «дедушка» он не дождетя, а будет для нее просто Хэлом без признаков родства; что сразу по достижении совершеннолетия она заберет Робина и уедет, а его оставит подыхать в одиночестве.

Хэл в ответ предложил научить ее вождению.

Грузовик мчался по равнине, Дачесс подавала газу, Хэловы пальцы вращали в сиденье. На Робине были налокотники и велосипедный шлем — Хэл настоял из опасения, что Дачесс опрокинет грузовик. Она почти не касалась рычага переключения передачи — Хэл советовал лишний раз не дергать, а полагаться на интуицию. Бывало, она разгонялась до шестидесяти миль; тогда Хэл бранил ее, а потом устремлял взгляд в небо, словно моля о дожде, который заштриховал бы растянутый день. Через неделю Дачесс сумела припарковаться без того, чтобы Хэл ударился лбом о крышку

бардачка и обругал себя последними словами за то, что не пристегнулся.

Потом они вместе шли к дому. Дачесс держала Робина за левую ручонку, Хэл — за правую. Хэл сказал, что Дачесс — умница; Дачесс сказала, что инструктор из Хэла паршивый. Хэл отметил, что она выучилась мягко переключать передачи, и услышал в ответ, что его грузовик — раздолбанная железяка. Хэл пообещал, что завтра они продолжат, и Дачесс смолчала, потому что ей нравилось водить.

Порой она исподтишка наблюдала за Хэлом, когда он смотрел, как Робин завтракает, или как он возится со своими курочками, или карабкается на борону. В глазах читались любовь пополам с раскаянием. В такие минуты Дачесс распалила в себе ненависть к деду, но если раньше победа давалась легко, то теперь на борьбу требовалось все больше сил.

Все вещи она по-прежнему хранила в чемодане. Если Хэл забирал что-то из одежды в стирку, Дачесс, срываясь на крик, заявляла, что их дерьмо — не его забота. Обнаружив вещи на вешалках в шкафу, она с остервенением прятала их обратно в чемодан. Устраивала скандал по любому поводу: Хэл купил для Робина не ту зубную пасту и не тот шампунь, ошибся с брендом сухого завтрака — на всё Дачесс реагировала криком и кричала до хрипоты. Робин глядел на нее округлившимися глазами. Как правило, сидел тихо, но, случалось, просил не шуметь. Дачесс тогда выскакивала из дому, шагала навстречу закатному солнцу, сквернословя, как психованная.

В мыслях о Винсенте Кинге и Дикки Дарке теперь возникали просветы. Эти двое стали страницами самой мрачной главы ее существования, и Дачесс их перелистнула. Впрочем, она не обольщалась. Ибо нечто, раз упомянутое в повести, обязательно всплывет снова, чтобы нанести удар.

Дачесс постоянно чувствовала себя усталой. Утомляла ее не работа, изматывали не сновидения — силы забирала неизбывная ненависть, что слишком прочно угнездилась в душе.

— Дай мне винтовку в школу.

— Не дам, — отрезал Хэл. В то первое утро он заметно нервничал.

И Робин тоже. Вопросами Дачесс закидал: где она его встретит, что ему делать, если она не появится? Ранчо лежало в стороне от трассы, школьный автобус сюда не ходил, и Хэл сказал, что сам их отвезет и обратно заберет. Ворчливо добавил: дескать, день теперь разорван. Дачесс предложила альтернативу: они будут голосовать на дороге, их подхватит дальнобойщик-педофил. Или она продается первому встречному и заработает денег на такси.

— А со мной другие ребята подружатся?

— Ты же принц.

— Устроят бузу — будут иметь дело с твоей сестрой, — поддержал Хэл. — Уж она разберется.

— Ты же мне винтовку не дал — как я буду с ними разбираться?

Дачесс доела кашу, проверила рюкзачок Робина — на месте ли пенал и бутылочка воды.

Хэл пустил ее за руль, она вела грузовик до амбровой аллеи, до небесного клина меж двух рядов краснолистных крон. Дачесс притормозила, не заглушая двигателя; они с Хэлом выбрались из кабины, каждый со своей стороны, и чуть не столкнулись перед капотом. Хэл кивнул Дачесс, она кивнула ему.

— Держитесь поближе друг к другу, — напутствовал Хэл.

Робин сразу насторожился, глазенки округлил.

— Это на случай если большие ребята вздумают нас ограбить, деньги на завтрак забрать?

— Пусть попробуют. Я — Дачесс Дэй Рэдли; я вне закона, и я любому пулю всажу промеж глаз.

— Поучилась бы верхом скакать — да вон хоть на серой. Полезное умение для тех, кто вне закона, — сказал Хэл.

— Много ты понимаешь! Мне учиться не надо, я и так умею. У меня это в крови.

— Я кое-что читал про Билли Блю Рэдли...

Дачесс не уследила за собственной мимикой, и презрительная гримаса превратилась в выражение заинтересованности.

— Если хочешь, могу как-нибудь о нем рассказать.

— О'кей.

Теперь она постаралась, чтобы у Хэла не возникло надежды на перемирие и тем более — на ее согласие внимать ему.

Возле школы Робин напрягся. К парковке ползли другие автомобили, автобус стоял уже пустой. Дачесс косилась по сторонам: вот «Форд», по самые стекла заляпанный грязью; вот сверкающий «Мерседес». Ей вспомнился черный «Эскалейд». И обещание, данное Дарком, блекнущее день ото дня.

— Хотите, я вас каждого в класс провожу? — спросил Хэл, глуша двигатель.

— Не хотим. Еще подумают, что ты — наш отец. Тогда нам травли не избежать.

Дачесс взяла у Робина рюкзачок, стиснула его ручонку. Они вылезли из грузовика.

— Буду здесь к трем часам, — бросил Хэл в открытое окно.

— Уроки кончатся в три пятнадцать, — сказал Робин.

— Я приеду ровно к трем.

Дачесс и Робин шли мимо чужих ребят — загорелых после каникул, хвастающих летними приключениями. Обрывки похвальбы складывались в более-менее целостную картинку, где присутствовали шикарные пляжи и крутые тематические парки. На Дачесс и Робина смотрели с вызовом, как всегда смотрят на новеньких; Дачесс отражала каждый взгляд.

Нашла класс Робина, повела его к шкафчикам. Несколько мамочек, опустившись на колени, обнимали и целовали своих отпрысков. Какой-то малыш ревел в голос.

— Ишь, сопли распустил, — сказала Дачесс. — Не вздумай с ним водиться.

Учительница оказалась молоденькая, улыбчивая. Обходила детей, приседала на корточки, пожимала ручонку. Каждый шкафчик, помимо имени, был снабжен изображением зверя или птицы.

— Какой у меня зверек? — спросил Робин.

Дачесс прищурилась.

— Крыса.

— Это мышка, — поправила учительница, возникнув рядом.

— Вредитель — он вредитель и есть. — Дачесс передернула плечами.

Учительница присела перед Робинем, легонько пожала ему руку.

— Я — мисс Чайлд, а ты, должно быть, Робин. Знаешь, я просто мечтала с тобой познакомиться.

Дачесс ткнула Робина в бок, и он спохватился.

— Большое спасибо, вы очень добры.

— А ты, наверное, Дачесс?

— Я — Дачесс Дэй Рэдди, и я вне закона. — Дачесс изо всех сил стиснула руку мисс Чайлд.

— Что ж, удачного дня, мисс Дачесс, — сладко пропела учительница, встряхивая побелевшей рукой. — Мы с Робинем собираемся чудесно провести время, правда, Робин?

— Правда.

Мисс Чайлд оставила их, пошла утешать ревущего мальчугана.

Дачесс склонилась над Робинем, взяла в ладони его мордашку, повернула к себе, добилась, чтобы Робин глядел ей прямо в глаза.

— Если что — сразу беги ко мне, понял? Просто выкрикни в коридоре мое имя. Я рядом.

— О'кей.

— О'кей?

— Да, — сказал Робин несколько тверже. — О'кей.

Она выпрямилась.

— Дачесс.

Обернулась.

— Вот бы мама тут была, правда?

Ребят в коридоре поубавилось, припозднившиеся спешили в свои классы. Пользуясь простором, несколько мальчишек затеяли игру в футбол; взмокли, раскраснелись. Дачесс отыскала свой класс и заняла место у окна, достаточно далеко от учительского стола — не хватало, чтобы ее в первый же день вызвали.

— Это я здесь всегда сижу.

Нескладный, долговязый; рубашка на груди трещит — до того тесная; шорты не скрывают голенастых коленей.

— У сестренки шортики прихватил, да? Топай отсюда, ублюдок.

Парень вспыхнул и поспешил занять место у противоположной стены.

Рядом с Дачесс оказался чернокожий болезненно тощий мальчик; наверняка глистами страдает или еще какими паразитами, решила Дачесс. Вдобавок одна рука у него заканчивалась вместо кисти гнутой культей. Мальчик заметил, что Дачесс смотрит, и спрятал культю в карман.

После чего улыбнулся.

Дачесс отвела глаза.

— Помнишь меня? Я — Томас Ноубл.

Вошла учительница.

— А тебя как зовут?

— Тише ты, я учиться сюда пришла, а не болтать.

— Необычное имя.

«Чтоб ты сгорел», — подумала Дачесс.

— Я тебя видел в городе — ну тогда. Ты — золотоволосый ангел.

— Ничего ты не знаешь. Где я, а где ангелы! Короче, закрой свой рот и отвернись. На доску вон гляди.

* * *

Биттеруотерская парковка. В опущенное окно вползают запахи мексиканской снеди.

Небо над промзоной давно приобрело густой лиловый оттенок, источниками света стали неоновые огни, да еще луна.

Днем Уок снова ездил к Винсенту. Три часа в безвоздушном пространстве комнаты ожидания, в обществе канала Си-эн-эн и поломанного вентилятора — и всё ради четырнадцати минут наедине, каждая из которых употреблена Уоком на уговоры и мольбы: не отказывайся от опытного адвоката, ведь есть же шанс докопаться до истины! Винсент не внял. Его устроят только услуги Марты Мэй, других адвокатов ему не нужно. И напрасно Уок втолковывал, что Марта Мэй не желает иметь дела ни с ним самим, ни с Винсентом, что не станет беречь кейпхейвенские воспоминания. Винсент ему больше ни слова не сказал. Будто заскучав, сам позвонил, вызвал охранника. Уоку осталось лишь проводить его взглядом.

В офисе Марты горел свет, даром что рабочий день давно закончился, а секретарша укатила два часа назад. Уок хотел пойти к Марте, даже вылез из машины, но сильное головокружение заставило его снова сесть, обмякнуть в кресле и закрыть глаза. Когда чуть отпустило, он позвонил доктору Кендрик, попал на автоответчик, оставил сообщение. Внимательнее прочел инструкцию к таблеткам. Список побочных эффектов занимал две страницы.

Наконец в дверях возникла Марта. Уок двинулся ей навстречу — медленно, с опаской. Парковка почти опустела, осталась только парочка добитых седанов (их владельцы явно торчали в мексиканской закуской) да Мартина экологичная «Тойота» серого цвета с наклейкой WWF^[26] на бампере. Марта всегда любила животных, это Уок помнил. В день ее пятнадцатилетия они четверо — с Винсентом и Стар — оправились не в школу, а в Клируотер-Коув, в контактный зоопарк. Выделялись там среди малышни, но Марте было все равно. До самого вечера она блаженно улыбалась.

— Марта! — позвал Уок.

Она увидела его, положила портфель в багажник и выпрямилась. Ждала, чтобы он сам подошел. Подбоченилась, будто говоря: так я и знала, что не отстанешь.

— То годами о тебе ни слуху ни духу, а то второй раз за месяц являешься...

— Приглашаю тебя на ужин, — произнес Уок и сам удивился своей самонадеянности. Марта, судя по не вдруг вспыхнувшей улыбке, тоже такого не ожидала.

Желтые стены, зеленые арочные проемы, клетчатые скатерти. Вентилятор, что вяло гонит запах чили от несвежей барной стойки. Уок с Мартой уселись за дальний столик у окна с видом на парковку. Марта заказала им обоим лепешки такос и пиво.пустила в ход свой фирменный трюк — улыбнулась официанту так, словно с детства его знала, словно в соседнем доме жила, — и тот стал на порядок расторопнее.

Уок глотнул пива и откинулся на спинку стула. Как хорошо — мышцы, весь день будто скрученные спиральями, расслабляются; отпускает даже напряжение в плечевом поясе. Из колонок лилась музыка — что-то тягучее, томное, на испанском.

Пили молча. Марта быстро осушила бокал и махнула официанту, чтобы повторил.

— Домой на такси поеду.

— Я разве что-то сказал?

— Боже, я пью в компании копа...

Уок рассмеялся. Принесли заказ, они взялись за еду. Такос оказались качественнее, чем Уок мог надеяться; и все равно он не столько ел, сколько распределял начинку по тарелке.

Марта взяла бутылочку острейшего соуса, чуть ли не половину вылила себе на такос.

— Вам тоже огоньку добавить, инспектор?

— Нет, иначе наша беседа продолжится в уборной.

— А вы там уже побывали?

— Этот визит у меня впереди.

— Вам к лицу борода, инспектор.

Уок закатил глаза.

— Прости. Тем вечером я действительно была слишком измотана.

И никак тебя не ожидала.

— Извиняться следует мне.

— Несомненно.

Снова захотелось смеяться.

— Ну что, прямо сейчас начнешь или дождешься, пока меня от следующей порции пива развезет?

— Мне не к спеху.

Последовал смешок. Звуков слаще Уоку не доводилось слышать уже бог знает как давно.

Он перевел дух и заговорил. Об освобождении Винсента, о Стар, Дикки Дарке, Дачесс и Робине — обо всем по порядку. Не стал утаивать, что полицейские штата его задвинули. Выложил подробности дела, не попавшие в СМИ: сломанные ребра и фингал у жертвы, орудие убийства не найдено, Винсент упорно молчит. После рассказа о похоронах Марта вытерла слезы и взяла Уока за руку.

Когда он замолк, выдохнула:

— Вот же дерьмо!

Помолчала и добавила:

— С ума сойти, как у Стар судьба повернулась. Я думала, мы с ней будем подруги на всю жизнь...

— За то, что ты назад не оглядывалась, я тебя не осуждаю.

— Неужели?

— Прости. Я вовсе не то имел в виду.

— Дело в том, что я оглядывалась. Постоянно. Только не находила в себе сил вернуться.

— Это понятно.

— Винсент по-прежнему настаивает, чтобы его делом занималась именно я?

— Он тебе доверяет. С ним работал всего один адвокат, Феликс Коук. И вот к чему это привело.

— Уок, тебе ведь известно, какими делами я занимаюсь. Мои клиентки — жертвы домашнего насилия. Также я помогаю с усыновлением. Иногда берусь за бракоразводные процессы. Знаешь, как у меня поставлено? Сначала — те дела, что обеспечат меня деньгами на ежемесячную оплату счетов. Только потом я выбираю — из целого вороха судебных! — тех, кому без моей помощи не обойтись. Ко мне стоит целая очередь из женщин, у которых единственная цель в жизни — вернуть своих детей.

— Ты нужна Винсенту.

— Винсенту нужен адвокат по уголовным делам.

Уок потянулся за пивом, но тремор вынудил его отдернуть руку.

— Ты, случайно, не болен?

— Устал просто. Почти не сплю.

— Неудивительно.

— Марта, пожалуйста, поедem к Винсенту! Дико выглядит, конечно: десятилетиями не появлялся, и вот он я, собственной персоной, прошу и умоляю... Поверь, мне очень тяжело.

— Верю.

— Ну не могу я друга пробросить. Давай просто съездим, просто посидим в зале, когда будут предъявлять обвинение. А потом... Может, вместе нам удастся образумить Винсента. Я... я просто знаю: Винсент не убивал Стар. Наверное, со стороны кажется, что у меня истерика, крыша в пути и тому подобное — а мне чужое мнение безразлично. Я должен все выяснить, а это требует времени... Все эти годы я думал о тебе. Каждый день, Марта; каждый божий день. Вспоминал, что было между нами, что мы пережили. Не в моих силах исправить прошлое

или часы назад перевести, зато Винсента выручить я в состоянии. Вот только без тебя ничего не получится.

— На какой день назначено?

— На завтра.

— Боже, Уок...

В зале суда в Лас-Ломас было многолюднее обычного.

Душный сентябрьский вторник, кондиционер сломан, судья Родз расстегнул воротник, обмахивается папкой с чьим-то делом.

Как и тридцать лет назад, Уок сел в первом ряду.

— Когда речь идет о высшей мере, под залог не отпускают, — шепнула Марта.

Они оба приехали заранее, встретились на парковке, взяли по порции кофе. Марта выглядела очень представительно — стильный костюм, туфли на высоких каблуках, легкий макияж. За одну только дерзкую мысль, что он, Уок, чисто теоретически мог бы удержать Марту, ему сейчас было невыносимо стыдно.

Он огляделся. Адвокаты и клиенты, синие костюмы против оранжевых роб. Прошения, сделки и обещания, которые не будут выполнены. Судья Родз в неравной борьбе с зевотой.

Гул затих, когда ввели Винсента. Дело резонансное, негодяй должен быть умерщвлен.

Судья Родз сел прямее, застегнул воротник. Журналисты на заднем плане, но без видеокамер, ибо разрешены только блокноты и карандаши. Марта поднялась на несколько рядов выше, чтобы находиться максимально близко к Винсенту.

Сумрачная Элиза Десчампс, окружной прокурор, деревянной походкой вышла вперед и стала зачитывать пункты обвинения. Уоку с его места Винсентово лицо было видно смутно, эмоции не читались.

Элиза Десчампс закончила, Винсент встал. Будто порыв ветра прошелестел по залу — столь синхронно развернулись в сторону обвиняемого все присутствующие. Ну еще бы. Злодей, умертвивший маленькую девочку, чтобы спустя три десятилетия вернуться и отнять жизнь у ее сестры...

Винсент назвал свое имя.

Судья Родз еще раз прошелся по всем пунктам, добавив, что смертный приговор заменят пожизненным без права на апелляцию, если Винсент Кинг признает себя виновным.

Уок трудно вдохнул. Сделка предложена.

Когда прозвучал вопрос о признании вины, Винсент взглянул в глаза Уоку и отчеканил:

— Я невиновен.

Зал загудел, судье пришлось призывать к тишине.

Марта взмолилась к Родзу одними глазами, и он внял.

— Мистер Кинг, ваш адвокат сомневается, что вы правильно уяснили себе как приговор, так и суть предложения.

— Мне все понятно, — заверил Винсент.

И даже не оглянувшись, когда его уводили.

Уок шагнул в утренний свет. Площадь украшала скульптура — женщина на коленях, с головой, склоненной перед непогрешимостью правосудия.

Судебный процесс назначили на будущую весну.

На обратном пути Уок обливался холодным потом, а что до лихорадки, так она просто выносила мозги. Зеркало заднего вида отражало налитые кровью глаза; Уок пытался их тереть, но стало только хуже. Борода отросла на приличную длину, в ремне пришлось пробить новую дырку. Полицейская форма стала велика, погончики рубашки сползали с плеч.

Уок заехал в магазин спиртных напитков, взял шесть бутылок пива.

Марта жила на Биллингтон-роуд, на приличном расстоянии от города. Домик у нее оказался почти игрушечный, с белой калиткой, с клумбами по обе стороны от дорожки, с ухоженной лужайкой и многочисленными подвесными кашпо с цветами. В другое время на все эти детали Уок отреагировал бы улыбкой.

Внутри было тесно от документов. Каждым дюймом Мартин дом свидетельствовал о бесконечной кропотливой работе, цель которой — защищать малых сих.

Уок уселся на крыльце. К тому моменту, как Марта вынесла целое блюдо домашних кукурузных чипсов, он успел осушить две бутылки пива. Хрусткий ломтик обжег ему язык, и Марта рассмеялась.

— Жестоко с твоей стороны.

— Некоторые любят погорячее.

Они пили, сидя близко-близко.

Уок начал успокаиваться только к вечеру. Позволил себе всего две бутылки пива, хотя настрой был — напиться в хлам, а еще лучше —

вернуться в Фейрмонт и с максимальной доходчивостью, посредством воплей и ругательств, объяснить Винсенту Кингу, какого тот свалил дурака.

Марта тянула вино.

— Ты должна повлиять на Винсента. Пусть признает себя виновным.

Уок потер шею. Напряжение, раз поселившись в верхнем отделе позвоночника, уже не отпускало.

— Его дело — безнадежное, сам понимаешь.

— Понимаю.

— Означает это только одно.

Уок поднял глаза.

— Винсент Кинг хочет умереть.

— А мне что делать?

— Можешь сидеть здесь, накачиваться алкоголем и вместе со мной сетовать на злодейку-судьбу.

— Звучит заманчиво. Еще варианты есть?

— Сам займись его делом.

— А я, по-твоему, чем занят?

Марта вздохнула.

— Ты ломишься в наглухо закрытые двери и понапрасну взываешь к равнодушным — обратите, мол, внимание на нестыковки. А Винсентово дело подразумевает кое-что другое. Тебе надо найти зацепку. Если же ее нет от слова «совсем» — сгодится любой обходной путь. И здесь уже не до этики. Сейчас, инспектор Уокер, все зависит от того, насколько далеко вы готовы зайти.

* * *

На хайвее разгулялся вихрь, вздыбил душную пыль. Ранний вечер, всего пара пикапов, но изнутри доносится музыка. Возле двери Уок помедлил. Окинул взглядом главную улицу Сан-Луиса. Представил, как Стар привозила сюда, в это заведение, своих детей.

Приглушенный свет, неубиваемый запах табака и прокисшего пива. Кабинки пусты, только у барной стойки два посетителя, да еще несколько слушателей окружили импровизированную сцену из

крашенных деревянных ящиков. Старик-певец исполняет что-то в стиле блюграсс^[27], здорово фальшивит. Впрочем, слушатели довольны — отбивают такт ладонями на собственных ляжках, не забывают пить.

Искомое выродка ему описала Дачесс. Уок тогда усадил ее подле себя и расспрашивал, пока голова не отяжелела от подробностей, от событий, которых другой судьбе хватило бы на месяцы, а то и на годы. Интонации Дачесс, точнее их отсутствие, терзали душу — казалось, детства у этой девочки не было вовсе.

Бад Моррис, коротко стриженный бородач с крупными, привычными к деревенской работе руками. Заметив, что Уок приближается, Бад закатил глаза, словно проблемы с законом были ему давным-давно предсказаны — и вот начались.

— Потолкуем?

Бад Моррис оглядел Уока с головы до ног и усмехнулся.

Уок хлебнул содовой. По натуре он был застенчив; напористости не добавили ни годы службы, ни полицейский значок. В ушах прямо-таки звенело: не лезь, пусть этим занимаются полицейские штата. Он крепче стиснул стакан. Слова Марты оказались громче.

Бад пошел в уборную. Уок — за ним. В дверях вдохнул поглубже, расстегнул кобуру и шагнул к писсуару. Мгновение — и ствол уперся в Моррисов затылок.

Всплеск адреналина, дрожь рук и коленей.

— Твою мать! — Это Бад обмочил себе джинсы.

Уок плотнее притиснул дуло к стриженной голове. Со лба его катился пот, капля повисла на кончике носа.

— Господи боже, ладно! Спрашивай давай, псих-одиночка.

Уок опустил оружие.

— Скажи спасибо, что я тебя не в баре прищучил. Вот бы ты при своих дружках обмочился... Все равно заговоришь у меня как миленький.

Бад быстро взглянул на него, перевел глаза на джинсы. Понял, что деваться некуда. Из бара донеслись одобрительные возгласы — старик-певец затянул «Безутешного парня»^[28].

— Стар Рэдди, — произнес Уок.

Бад сначала вроде не понял, о ком речь, но уже в следующее мгновение протрезвел.

— Говорят, у тебя был конфликт с ней и с ее дочерью. Стар пела, а ты руки распустил.

Бад качнул головой.

— Ничего серьезного.

Уока стало потряхивать. Он вообще адекватный — ведет допрос в туалете, угрожает оружием? Или это активные поиски зацепки?

— Ну водил я ее проветриться пару раз.

— И?..

— Не срослось.

Уок снова поднял револьвер. Бад стал пятиться.

— Клянусь, не было ничего.

— Ты ее бил?

— Кто — я? Да никогда. Наоборот, носился с ней как дурак последний. В ресторан на Бликер-стрит повез. Стейк заказал для нее за двадцать баксов. Номер в мотеле забронировал. В приличном мотеле, не в клоповнике каком-нибудь.

— А она сказала «нет»...

Бад уставился на свои ноги в мокрых и вонючих джинсах. Покосился на револьвер.

— Если б просто «нет»! Я не маньяк, я понимаю, когда мне сразу отказывают. Потому что баб кругом — только свистни. А эта Стар... она иллюзию создавала. Прикидывалась, что я ей нравлюсь. А потом — шарах. Не такое «нет», когда, типа, нет, не сегодня, а в другой раз. А вообще никогда. Она так и выразилась: никогда. Каково? Никогда, блин! Главное, кто бы говорил! Недотрогу из себя разыгрывала. Будто про нее мало известно... Ну да ей не впервой парня раскрутить.

— В смысле — не впервой?

— Я про соседа ее. Однажды я за ней заехал, а он вышел ко мне и говорит: зря время теряешь, все равно не даст.

— Что за сосед?

— Который через забор от нее живет. Еще вид такой у парня — будто в семидесятых застрял.

— Где ты был четырнадцатого июня?

Бад ухмыльнулся: мол, врешь, не подловишь.

— Я знаю, когда это случилось. В тот вечер Элвис Кадмор пел. Я был здесь, любой подтвердит.

Уок вышел вон, растолкал парней у сцены и вдохнул наконец свежего ночного воздуха. Сердце гулко билось о ребра.

Он пересек парковку и навис над урной. Его вырвало.

Она сидела под старым дубом, отслеживая брата и жуя сэндвич.

Первая неделя в новой школе прошла спокойно. Ни с кем из ребят Дачесс не разговаривала. Томас Ноубл продолжал подкатывать, но неизменно напарывался на ее лаконичное «нет».

Малыши проводили большую перемену на собственной огороженной территории. Робин уже завел приятелей — мальчика и девочку; по крайней мере, каждый день Дачесс видела его всё в той же компании. Сегодня играли в закусочную: Робин и девочка лепили песочные бургеры, второй мальчик был курьером — разносил заказы невидимым клиентам.

Лишь когда длинная тощая тень заблокировала слепящий световой поток, Дачесс поняла, что она под деревом не одна.

— Я подумал, ты не будешь против, если я тоже здесь перекушу.

Ну конечно. Томас Ноубл. Стоит над ней, покачивает в здоровой руке пухлый пакет с завтраком.

Дачесс вздохнула.

Томас Ноубл уселся рядом, откашлялся.

— А я за тобой наблюдал.

— Мне уже напрячься? — Дачесс чуть отодвинулась.

— Я подумал, может, мы бы вместе...

— Никогда.

— Мне папа рассказывал, что мама тоже его в первый раз отшила. Но только на словах; ее глаза сказали «да», и он продолжил ухаживание.

— Аргумент насильника.

Томас Ноубл расстелил на траве большую тканую салфетку, стал выкладывать вкусности: пакет картофельных чипсов, кремовый бисквитик «Твинки», упаковку шоколадок с начинкой из арахисовой пасты, пакет зефирок-маршмеллоу и банку содовой.

— Удивительно, как остальные не пронюхали про этот дуб.

— Удивительно, как ты до сих пор не нажил диабет.

Томас Ноубл ел очень аккуратно, жевал беззвучно. Зачем-то приближал каждый продукт к самому носу — словно обнюхивал, прежде чем откусить; недоразвитую руку прятал в карман. Когда он

стал вскрывать пакет маршмеллоу зубами, придерживая только одной рукой, у Дачесс защемило сердце.

Наконец она не выдержала.

— Да вынь ты руку из кармана, не стесняйся.

— У меня симбрахидактилия. Это когда...

— Мне без разницы.

Он принялся за маршмеллоу.

Робин подбежал к низенькому заборчику, протянул Дачесс лиловую формочку с овальным комком сырой глины.

— Дачесс, смотри, это хот-дог.

Она улыбнулась.

— Такой милашка твой братик, — прокомментировал Томас Ноубл.

— Не пойму — ты извращенец, да?

— Нет, что ты! Я... я только...

Пояснение так и не было озвучено.

Вдали, вне пределов досягаемости, высился лес. Солнце углубляло тени меж стволов, и деревья, выбеленные светом до оттенка сухой кости, стояли грозным частоколом.

— Говорят, ты приехала из Золотого штата. Там, должно быть, сейчас очень красиво. Знаешь, а у меня двоюродный брат живет в Секвойе.

— Ну да, прямо в национальном парке.

Томас Ноубл еще немного поел.

— Ты любишь смотреть фильмы в кинотеатре?

— Нет.

— А на коньках кататься? Я здорово катаюсь, могу нау...

— Обойдусь.

Он повел плечами, сбрасывая куртку.

— Бантик у тебя красивый. А у нас дома есть фотка, где я тоже с бантиком. Только я там совсем маленький.

— То, что я слышу, — твой внутренний монолог?

— Просто мама очень хотела дочку, вот и наряжала меня девочкой.

— А потом на сцену вышел тестостерон и вдребезги разбил все ее мечты.

Томас Ноубл протянул Дачесс шоколадку с арахисовой пастой.

Дачесс притворилась, что не заметила.

Откуда ни возьмись появилась группка мальчишек. Один что-то сказал, остальные заржали. Томас глубже сунул руку в карман.

Дачесс насторожилась, когда остряк-самоучка шагнул к Робину. Миг — и лиловая формочка вырвана из ручонки брата. Тот потянулся за ней, но формочку перехватил другой пацан, рослый для своих лет. Сочтя, что малявка достаточно перед ним попрыгал, он швырнул свой трофей на землю; когда же Робин наклонился, чтобы поднять формочку, грубо толкнул его.

Еще миг — и Дачесс мчится к забору, не сводя глаз с обидчика. Сам Робин в слезах. Девчонки сбились стайками, хихикают, накручивают на пальцы пряди волос. Отморозь, вот они кто. Дачесс перемахнула через забор. Огляделась. Учительницы нет, воспитательницы тоже. Никто за малышами не присматривает. Она бросилась к Робину, подняла его, отряхнула ему шортики, обеими ладонями утерла слезы.

— Не ушибся?

— Я хочу домой.

Дачесс обняла его крепко-крепко, покачивала и поглаживала, пока он не успокоился.

— Мы вернемся домой, Робин. Обещаю. У меня уже и план готов. Закончу школу, найду работу. Сначала придется пожить здесь — только ты и я. А потом уедем в Кейп-Хейвен.

— Я хочу домой к дедушке.

Маленькие приятели Робина стояли поодаль. Девочка приблизилась. Ничего, опрятненькая: косички, комбинезончик с цветком на кармашке.

— Не переживай. Тайлер всех задирает, — сказала девочка, погладив Робина по спине.

— Точно, — подтвердил мальчик.

— Пойдем дальше хот-доги делать.

Дачесс улыбнулась. Робин больше не цеплялся за нее. Она смотрела ему вслед — уходит со своими ровесниками как ни в чем не бывало; обида забыта, вытеснена возможностью вернуться к игре.

Дачесс обернулась. Ага, вот он, задира Тайлер, — топает вдоль забора, палкой дощечки пересчитывает.

— Эй, ты!

— Чего?

Взгляд и выражение лица были слишком знакомы Дачесс.

Рывок в его сторону, иссушенная земля под коленками, солнце печет спину меж лопаток.

А теперь схватить паршивца за рубашку, притянуть к себе — чтоб глаза в глаза...

* * *

— *«Еще раз моего брата тронешь — я тебя обезглавлю, инвектива с обценной лексикой».*

Директор Дьюк: вид крайне обеспокоенный, ладони сложены домиком на животе.

— Я не говорила «инвектива с обценной лексикой», — вскинулась Дачесс.

Хэл расплылся в улыбке.

— Это меняет дело! А что ты сказала?

— Выблядок.

Дьюка передернуло, будто ругательство относилось непосредственно к нему.

— Видите, мистер Рэдли? Проблема налицо.

Директор Дьюк дыхнул недавно выпитым кофе. Галстук — дрянной полиэстер — у него был спрыснут одеколоном в количестве достаточном, чтобы заглушить телесную вонь.

— Нет, реальной проблемы я не вижу.

Хэл, краснорукий и морщинистый, пахнувший простором и лесом — землей Рэдли.

— Проблема в самой сути угрозы. Обезглавлю! Это надо же такое выдать!

— Моя внучка — вне закона.

Дачесс еле сдержала улыбку.

— Складывается впечатление, мистер Рэдли, что вы не можете уяснить себе всю серьезность ситуации.

Хэл поднялся.

— Я забираю Дачесс. Уроки пропустит? Ничего. Я с ней беседу проведу. Больше такое не повторится, правда?

Дачесс хотела надерзить, пойти до конца — что она теряет? Ее остановила мысль о Робине, о том, что он успел завести сразу двух друзей.

— Если этот... если Тайлер еще раз тронет моего брата, я ничего не обещаю...

Хэл кашлянул нарочито громко.

— Я больше не буду ругаться плохими словами.

Дьюк высказал явно не всё, однако предпочел не задерживать Дачесс. Вслед за Хэлом она вышла из директорского кабинета.

Ехали молча, Дачесс — на переднем сиденье. Добрались до развилки, но Хэл налево не свернул. Прямо перед ними восточный край небосклона, обращенный к предзакатному солнцу, отливал чистым серебром. Миновали молочную ферму с металлическими амбарами мятно-зеленого цвета, пронеслись по городку не шире кейп-хейвенской Мейн-стрит с притоками переулков. Дальше — по грунтовке, навстречу соснам, высоченным, как небоскребы. Сбоку, блеснув слюдой, скрылась в ущелье река. Выросли белоголовые горы с вальжным серпантинном дороги. Дачесс чуть шею себе не свернула, глядя в окно. Позади остались деревья, река вынырнула, зазмеилась в ей одной известном направлении. Хэл сбавил скорость, пропуская встречный грузовик с парнем в ковбойской шляпе, низко надвинутой на самые глаза.

Остановились на пыльной каменистой площадке у обрыва, который, в свою очередь, являлся подножием горы со щетиной сосен.

Хэл выбрался из кабины, Дачесс — тоже.

Он пошел напролом. Дачесс старалась не отставать, и у нее почти получалось. Хэл, судя по всему, знал дорогу; каждая ветка была ему вроде указателя.

Монтана, эти тысячи миль естественной тени, воды и земли, разворачивалась подобно карте на пергаментном свитке. Крепко пахло сосновой смолой. На милю впереди несколько человек в высоченных сапожищах застыли в светлой воде. Хэл прикурил сигару и пояснил:

— Речка форелью кишит.

Масштабность полотна умаляла рыбаков до крошечных точек. Хэл указал на горные пики:

— Каньон отсюда всего в пятидесяти милях. По слухам, глубина у него аж до красной скальной породы доходит. Глушь, дикие места. В

какую сторону ни пойдешь — затеряешься. Надо скрыться? Да легко. Миллионы акров пустынными лежат.

— Поэтому ты здесь поселился? Сбежал? От мира прячешься? — Дачесс подфутболила камушек, проследила, как тот ухнул с обрыва.

— Может, хватит нам уже воевать?

— Не хватит.

Он улыбнулся.

— Твой брат говорит, тебе нравится пение.

— Мне ничего не нравится.

Пепел с сигары плавно лег на землю.

— Индейцы называют этот каньон хребтом самой Земли. Вода там, внизу, бирюзовая, такого оттенка в других краях и не увидишь. А уж холодная! Потому что прямо с ледника течет. Дно илистое, ничего на нем не растет, никакая тварь не водится. Ни мути, ни взвесей, ни живности — только холод и чистота. Что-то в этом... потустороннее, тебе не кажется?

Дачесс не отвечала.

— В такой воде и отражения не как всюду. Мир наоборот, купол небесный вверх дном, а кроме купола будто и нету ничего. Вот Робин подрастет — повезу его в каньон. Катер возьмем напрокат, если ему порыбачить захочется. Давай и ты с нами.

— Зря ты это делаешь.

— Что я делаю?

— Ты делаешь вид. Вид, будто у нас есть какое-то «завтра». Будто все по-твоему получится, будто мы — я и Робин — с тобой останемся. — Дачесс говорила тихо — жаль было тишину будоражить.

Боковым зрением она заметила невысокие кустарнички с плоскими листиками и мелкими ягодами густейшего лилового оттенка.

Хэл сорвал одну ягоду, бросил в рот.

— Это черника.

Он протянул черничину в открытой ладони, но Дачесс ее не взяла. Лучше сорвать самой. Ягода оказалась вкуснее, слаще, чем она думала. Дачесс набрала целую горсть, съела разом и принялась наполнять карманы — вечером угостит Робина.

— Медведи тоже любят черничкой полакомиться. — Хэл наклонился, желая помочь со сбором ягод; лишь теперь Дачесс

заметила, что на плече у него винтовка — та самая, из которой она училась стрелять.

Она вдохнула поглубже и выпалила:

— Ты как свалил, так и с концами.

Хэл даже выпрямился — настолько опешил.

— Ты нас бросил. Знал про маму — какая она и каково нам с ней живется. Знал, что она о себе позаботиться не может, не то что о других. Посмотри на себя, сравни со мной и подумай, где ты был, такой сильный и крепкий, когда нам... когда мы нуждались...

Дачесс не закончила фразу. Принялась теревить бантик — если руки заняты бессмысленной возней, легче удерживать ровный тон. А ровный тон требуется, чтобы Хэл не догадался, насколько глубока ее боль.

— А теперь ты мне экскурсию устроил: посмотри сюда, посмотри туда... Тебе даже в голову не приходит, что я все по-другому воспринимаю. Рядом с тем, что я повидала, эти твои красоты меркнут. Взять лиловый цвет, — Дачесс махнула в сторону черничника. — Для меня это не сладенькие ягодки, а кровоподтеки на маминых ребрах. Потому что у нее ребра были сломаны. Вода — это ее глаза; они тоже голубые и прозрачные, и знаешь, что в них видно? Что душа отлетела. Ты воздухом дышишь да нахваливаешь — мол, чистый какой, свежий; а я вдохнуть не могу, у меня в груди пуля, она и мешает! — Дачесс ударила себя кулачком в солнечное сплетение. — Я одна на свете. Я сама буду заботиться о Робине, а ты не лезь. Ты все равно с нами не останешься, потому что мы тебе по большому счету не нужны. Можешь сколько влезет воображать, что мне от твоей болтовни легче. А я тебя в гробу видала, Хэл! И Монтану твою, и ранчо, и кур с коровами, и...

Она не смогла договорить — голос дрогнул.

Но то, что уже было высказано, растянулось между ними, заволокло и сосны, и небосклон, тенью легло на облака, навеки похоронило обещание нового и светлого; их же самих умалило до двух ворсинок с божественной кисти, и они затерялись, ничтожные, на бескрайнем пространстве изумительного холста. Хэл продолжал держать сигару, но не делал затяжек. В его ладони всё еще лежали черничины — он их не ел. Размечтался, думала Дачесс; за нас решил. Ничего, она камня на камне не оставила от этих его планов.

В глазах защипало, и Дачесс отвернулась, зажмурилась. Она не заплачет. Ни за что.

Кейп-хейвенское лето в конце концов все же поблекло; что до безмятежности, Уоку казалось, она давно утекает сквозь пальцы.

Процесс запустило утро после гибели Стар — когда Айви-Ранчроуд заполнили репортеры, а копы обтянули злосчастный дом Рэдли черно-желтой лентой. Тогда на улицах словно сделалось холоднее, померк лазурный горизонт. Матери перестали выпускать детей за пределы двориков и усвоили привычку запираť ворота. Как раньше — душевно, по-соседски, — в Кейп-Хейвене уже не было. Никто больше не привечал Уока — хорош коп, который дружит с убийцей! Уок держался: влезал в обывательские шкуры, находил оправдания настороженности. Летние вечера, столь располагающие к безделью, он посвящал обходам. Стучался в каждый дом, будь то особняк с колоннами на Кейлен-плейс или обшитый вагонкой коттеджик на улочке, максимально отдаленной от пляжа. Тискал фуражку, улыбался сквозь бороду (теперь он ее подстригал, и она выглядела аккуратнее), сам чувствуя, что от него разит отчаянием. Расспрашивал, убеждал, умолял, прощупывал почву, перетасовывал воспоминания. Увы: никто в ту ночь не видел ни посторонних автомобилей, ни пеших чужаков. Вообще ничего подозрительного, выходящего за рамки обыденности очередного курортного лета.

Уок просмотрел записи видеонаблюдений из каждого магазина, из каждой кафешки на Мейн-стрит. Качество было кошмарное, результат нулевой. Уок стал патрулировать улицы по ночам, с заката до рассвета, по десять часов кряду; глаза свыклись с таким режимом, и веки, сомкнутые на миг, распахивались сами, ибо их соприкосновение причиняло саднящую боль.

Он следил за Дарком — но с особой осторожностью. От любой попытки расспросов тот вскидывался, активизировался его адвокат, а за ним и Бойдовы ребята. Уок сделал пару звонков — в частности, одному полицейскому из графства Сатлер; а также изучил документацию о штрафах за бесплатный проезд по платным трассам. Рассчитывал подловить Дарка на мелкой лжи. Ничего не вышло.

Марта до сих пор не согласилась официально представлять интересы Винсента, но Уок звонил ей почти каждый вечер, сообщал о

результатах своих изысканий, по большей части ничтожных. Однажды в воскресенье они вместе поехали в Фейрмонт, повспоминали с Винсентом детство и юность — но стоило им только заикнуться о выстраивании тактики защиты, как Винсент сделал знак охраннику — мол, уводите меня.

Сотня миль обратной дороги прошла в тяжелом молчании. Марта снова пригласила Уока к себе, они снова уселись на крыльце. Она приготовила блюдо вроде рагу, столь острое, что щеки вспыхнули изнутри; пришлось заливать пожар пивом, а язык и вовсе охлаждать в бокале под искренний смех Марты.

Поговорили о ее карьере, о том, что Биттеруотер — именно то место, где знания Марты всего нужнее, ибо медианный доход здесь низок, а уровень преступности высок. Стараясь не подпустить снисходительности в улыбку, Уок рассматривал фотографии воссоединенных семей и письма детей, которых Марта вырвала из лап жестоких родителей.

Оба старались не затрагивать другую тему, а именно время и обстоятельства собственного разрыва. Уок обходил стороной и все связанное с религией — неизвестно, каких взглядов придерживается нынешняя Марта, как случившееся между ними повлияло на нее и насколько она сейчас близка со своими верующими отцом и матерью. Это ничего, это так и должно быть, внушал себе Уок; у них общее дело, а что было, то прошло. Он удержал эту мысль, даже рискнув приложиться губами к ее щеке; он упорствовал, даже когда Марта сама коснулась лодыжкой его лодыжки. Она порой замечала, как дрожат его руки и как он встряхивает головой, напрягая память — тогда ее глаза словно говорили: я все знаю, от меня таиться бесполезно. В такие минуты Уок спешил пожелать ей спокойной ночи и ретироваться в родной Кейп-Хейвен.

Как-то в сумерках он патрулировал Айви-Ранч-роуд — профессиональные обязанности успешно вписывались в глобальную его задачу.

Брендон стоял на пороге — голый по пояс, в одних тренировочных штанах. На стене, словно ценный экспонат, красовалась майка, в которой Брендон еще старшеклассником гонял в футбол. Уок разглядел также бильярдный стол и допотопный игровой

автомат — атрибуты холостяка, что после десятилетий преклонения перед женщиной заново ищет смысл жизни.

— Ты по поводу этого фрика? — Брендон повел глазами на дом Милтона. — Знаешь, что я нынче обнаружил у себя во дворе? Башку отрезанную, блин!

— В смысле — голову?

— В смысле, бараний череп. Или, может, олений, черт его знает... Ясно же — Милтон подбросил. В качестве предупреждения.

— Ладно, проведу с ним беседу. А ты займись уже своей машиной. Когда ты двигатель заводишь, даже у меня дома слышно. — Уок отметил, что Брендон стоит на цыпочках — пусть хотя бы дюйм, да отвоевывает у своей хромоты.

— Я тебе, Уок, вот что скажу. От Стар с этими ее возвращениями за полночь шуму было гораздо больше. Нет, понятно — трагедия, и все такое; но Милтону сейчас наверняка спокойнее спится — поджидать некого.

— Ты это о чем?

Брендон прислонился к дверному косяку. Стала видна татуировка на груди — растиражированный японский иероглиф.

— Бывало, вожусь в гараже допоздна, потом выйду — а Милтон у себя в окне торчит.

— Милтон наблюдает звезды.

Последовал ехидный смешок.

— Ну конечно — одну отдельно взятую звездочку... Ты его поспрашивай, Уок, поспрашивай.

— Он заявил, что ты мочился через забор на его лужайку.

— Вранье.

— Может, и так. Мне параллельно. Я только хочу, чтоб вы двое собачиться перестали, а главное, чтоб меня посредником не делали.

— Ты неважно выглядишь, Уок. Сразу ясно, что спортом не занимаешься.

— Послушай, Брендон. С Милтоном я, конечно, поговорю, а ты, чем нагнетать, подумал бы лучше, нельзя ли без моей помощи помириться. И без вас дел невпроворот, нечего меня дополнительно загружать своими дурацкими распрями.

— Знаешь, что тебе нужно, Уок? Нормальная физическая нагрузка. Для снятия стресса. Заглянул бы как-нибудь вечерком. Я ведь

целую фитнес-систему разработал на базе хард-рока, даже запатентовать хотел. Пропотели бы вместе, и...

Брендон продолжал говорить, будто и не заметил, что Уок развернулся, вышел из его двора и стучится к Милтону.

Дверь открылась.

— Уок! — Милтон улыбался столь радостно, что тому стало почти жаль его.

— Можно к тебе?

— В гости?

Уок еле сдержался, чтобы не вздохнуть.

— Да. Да, конечно, заходи. — Милтон посторонился, и Уок шагнул в дом.

— Поешь со мной?

— Нет, спасибо.

— Ты на диете, Уок? А здорово похудел... Может, тогда пива?

— Пиво будет в самый раз.

Милтон снова расплылся в улыбке — пожалуй, несколько подобострастной — и исчез на кухне. Уок направился в гостиную, заваленную чем ни попадя. Милтон был из тех, кто не в силах расстаться даже со старой телепрограммой — вон лежат «ТВ-Гайды» стопкой, а за сколько лет, одному богу известно. А вон наборы подставок под горячее с названиями штатов, которых Милтон сроду не посещал. Явно заказаны по почте; создают, заодно с аналогичным хламом, иллюзию полной жизни, в которой есть и друзья, и путешествия. С фотографии в рамочке, над телевизором, глядит мертвыми глазами чернохвостый олень.

— Трофей из Коттрелла. Красавец, верно?

— Верно, Милтон.

— Пива нет, только кофейный ликер. Никак не разгляжу срок годности. Может, малость того — застоялся... Но алкоголь ведь не портится, как думаешь?

Уок взял стакан, отодвинул стопку журналов и уселся, кивнув Милтону — дескать, и ты не стой столбом.

— Хочу поговорить о той ночи...

Милтон переступил на месте, попытался небрежно заплести ноги. У него не вышло. Уок пригубил кофейный ликер и подавил позыв на рвоту.

— По слухам, ты каждый день кого-нибудь да спрашиваешь. Только я уже все рассказал настоящему копу.

Уок не заикнулся на «настоящем копе» — определенно, Милтон не хотел его обидеть.

— Ты сообщил, что слышал звуки ссоры; это правда?

— Правда.

— Ты также сообщил, что Дарк и Винсент повздорили за несколько дней до убийства Стар.

Милтон вздрогнул, услышав это имя, и Уоку вспомнилось: Стар говорила, что он выносит за ворота ее мусорные контейнеры, если она сама забывает. Может, и мелочь, а для нее — важно. Было.

— Почему они сцепились, как думаешь?

— На почве ревности. Я же их по школе помню — Стар и Винсента. Про таких говорят — созданы друг для друга. Наверняка поженились бы, детей родили. Винсент, судя по всему, на прошлом заикнулся, за будущее его принял.

Уок исподтишка оглядел комнату. Деревянные панели на стенах, лохматый ковер на полу. Камин отделан натуральным камнем — этакое ранчо прямо в пригороде, привет из семидесятых. Там и сям примочки для освежения воздуха, но железистый запах никуда не денешь, не замаскируешь, как ни старайся.

Милтон кашлянул.

— Нельзя же так. А некоторые норовят из прошлого плохое вымарать, приятное пожирней подчеркнуть — сам, небось, знаешь?

— Ты ведь часто звонил в полицию, а, Милтон? Можно сказать, всякий раз, когда к Стар приходили мужчины, Дарк в том числе. Говорил, что беспокоишься — я ничего не путаю?

Милтон куснул нижнюю губу.

— Это по долгу службы. Соседский патруль — не забава, не игра. Просто я ошибался. На самом деле Дарк — хороший человек. Всё из-за его внешности. Людям кажется, раз он этаким огромным, значит, агрессивный. По себе знаю. Думаешь, не слыхал, как меня мальчишки между собой называют? Горилла, Вуки^[29], Йети, Трупорез. Не понимают, что говорят. Разве у меня в лавке — трупы? У меня — дичь...

Стали бить часы в виде солнечного диска. На десять минут отстают, отметил Уок. Милтон обернулся к часам, сверкнув

полукружиями пота под мышками.

— Поедем снова в Мендосино, Уок?

— Нет, спасибо. В прошлый раз мне понравилось, но всё-таки я скорее рыбак, чем охотник, — улыбнулся Уок. — Я бы лучше в океан вышел на яхте... Чтобы кругом — простор, и качка легонькая... Больше и не надо ничего.

— Это без меня. Плавать так и не научился. Уроки даже брал в бассейне, а толку никакого. Знаю, что рот надо закрытым держать, а он сам собой открывается — наверное, потому, что мне хлорка по вкусу.

Уок не придумал, что на это ответить.

— Ничего, у меня компания для охоты найдется. — Милтону словно не терпелось раскрыть имена загадочных своих приятелей.

— Правда? — Уок заглотив наживку.

— Мы уже охотились вместе.

— С кем?

Милтон буквально просиял.

— Да с Дарком же! На его «Эскалейде» ездили. Видал его «Эскалейд»? Красавец! И вот что я тебе скажу, Уок: этот парень знает, как обращаться с ружьем. Двух чернохвостых подстрелил.

— Неужели?

— Ты в нем ошибаешься, Уок. На самом деле Дарк...

— Не такой, как я думаю?

— Он хороший друг, — отчеканил Милтон, глядя Уоку прямо в глаза. — Дарк обещал приехать к началу следующего сезона. В феврале, значит. Не скоро, зато верно. То есть я думаю, что верно.

Уколот-таки — дескать, по твоей милости я лишен приятного общества. Уоку бы виноватым себя почувствовать, да сил совсем не осталось.

— Я звал его будущей весной, этак на недельку. Маскировочную сетку купил для него, ботинки какие надо...

Уок покосился на стеллажи. От пола до потолка идут, местечка пустого нет, а книги — практически все об охоте.

— Милтон, да ведь ты Дарка и не знаешь толком. Поостерегся бы.

— То же тебя касается. Скверно выглядишь — заболел, что ли?

— К твоему сведению, я снова говорил с Бренденом. Лия Тэллоу сказала, что ты звонил в участок.

Милтон напрягся.

— Да ведь Брендон это всё из вредности делает. Знает, что мне приходится вставать ни свет ни заря, вот и шумит нарочно. Вчера вечером гляжу в окно — вот он, пожалуйста, в тачке своей расселся, двигатель на холостых оборотах тарахтит... Заметил меня — ухмыляется. Я ему что — пацан? Школа давно позади. Помнишь, он меня травил, однажды в унитаз головой сунул? Я взрослый человек, глумления не потерплю. Хорошо бы этому Брендону...

— Что? Баранью голову во двор подкинуть?

Глаза Милтона налились бешенством, шерсть на груди вздыбилась, как бы сама собой полезла из рубашечного ворота.

— Ни про какую голову знать ничего не знаю!

— А не ты ли заявлял, что Брендон мочился в твоём дворе?

— Ну я.

— С чего ты взял, что это именно Брендон?

— Так с поличным застукал. Штору отвесил, а на меня рожа его глядит.

— Господи...

— Я сразу набрал «десять — девяносто восемь».

— Побег из тюрьмы^[30].

— У него есть яхта, оснащена по последнему слову техники. Стоит в Харбор-Бэй на приколе. Я думал, может, он продаст машину и переселится на яхту — отсюда подальше...

— А мне Брендон сказал, что хочет пригласить тебя на морскую прогулку. Ты, мол, прекрасный сосед — честный и бдительный, и ему перед тобой стыдно.

— Он так и сказал?

Видно было, что Милтон повелся.

— Ну да. Чтобы больше никаких обид. Кто старое помянет, тому...

— Разве же я против?

Милтон смотрел теперь умоляюще.

— Надо мясца ему прислать. Конечно, для начала не вырезку, а подешевле чего-нибудь — как думаешь, Уок?

— Спасибо, Милтон.

Тот проводил его до двери.

На крыльце Уок замялся, скользнул взглядом на противоположную сторону Айви-Ранч-роуд.

— Недостает ее, — проговорил Милтон. — Жаль, что в ту ночь я...

— Ну-ну, договаривай.

— Я имел в виду: жаль, что она больше не с нами.

— Вот ради ее памяти и ради детей мы обязаны арестовать убийцу.

— Ты ведь его уже арестовал, Уок.

В глаза ему Милтон смотреть избегал. Стоял, держа руки в карманах, блуждая взглядом по темному небу — словно и не было рядом Уока, словно Кейп-Хейвен и пролитая кровь никоим образом его, Милтона, не касались.

Санта-Ана^[31] дышала жаром на них двоих, сидевших во дворике.

Уок рано отправился в постель, но уснуть не получилось. Когда в дверь постучали, он лежал на спине, буравя потолок воспаленным взглядом.

— С ума сойти — ты до сих пор живешь в родительском доме... Ужас как несовременно, — прокомментировала Марта.

Она привезла ужин — говядину под соусом чили. Зажгла древнюю плиту. Уок сам никогда не стряпал и даже ничего не разогревал — на плите пылились флаеры из окрестных кулинарий.

— Обработаю, пожалуй, рот воском, прежде чем снимать пробу.

— Расслабься. Острого соуса здесь полкапли. Чили для неженок.

Уже от первой вилки рот стал как огнедышащий вулкан.

— Хороши полкапли! У тебя точно с желудком непорядок, Марта. Здоровых людей так на острое не тянет.

Марта прыснула.

— Ну тогда бери кукурузную лепешку. Тебе не повредит — вон как исхудал... Еще мне про здоровье говоришь!

Он улыбнулся.

— Ты Кейп-Хейвен вспоминаешь хоть иногда?

— Каждый день.

— Я сказал Лии, что мы снова встречаемся.

— А мы встречаемся?

— В смысле... то есть...

Марта рассмеялась, Уок покраснел.

— Лия — она все еще замужем за Эдом?

— Ага.

— Вот, наверное, горя с ним хлебнула... Отлично помню, как в старших классах он волочился за Стар.

— За ней все волочились.

— Видела я билборды «Тэллоу констракшн». А несколько лет назад у меня была клиентка, так ее мужа из этой компании уволили. Бедняга спился.

— На рынке непростая ситуация, однако ветер должен перемениться.

— Переменится, куда денется — особенно если они начнут строить новые дома.

Уок привстал, подлил Марте вина.

— Я снова говорил с Милтоном.

— С мясником? И его по школе помню. Он все так же пахнет кровью?

— Да. Милтон совершенно уверен, что слышал звуки ссоры и борьбы. Он готов свидетельствовать, что Винсент и Дарк подрались возле дома Стар. Его версия — ревность.

Марта упиралась долго, но Уок таки уломал ее. И вот до чего они договорились: Уок занимается делом Винсента Кинга, всю информацию передает Марте, а ее задача — включать логику, вертеть каждый факт так и этак и сообщать Уоку, потянут ли они, перетасованные, хотя бы на грош в глазах опытного адвоката. При этом Марта наотрез отказывалась сама представлять Винсента в суде. Нет, они с Уоком соберут максимум деталей, скомпонуют их — и вручат готовенькое дело адвокату по уголовным делам. Ну а если Винсент от его услуг откажется — что ж, Марта, по крайней мере, попыталась помочь ему.

— Ты бумаги просмотрела?

— А как же. У меня ведь ни занятий других, ни потребностей вроде поспать-поесть.

Марта, сопровождаемая улыбкой Уока, прошла к машине и вернулась с портфелем. Уок поспешно убрал посуду со стола. И вот бумаги разложены, а пяти противомоскитных свечек с запахом цитронеллы вполне хватает, чтобы противостоять ночному мраку и делать читабельным казенный шрифт.

Налоговые декларации, заявления, отчетность компаний аж за два десятилетия; все, что Уок сумел накопать про Дикки Дарка.

— С этим полный порядок, не придерешься, — заговорила Марта. — Дарк честно зарабатывает деньги. Около двух с половиной миллионов в год. Доходы подозрений не вызывают. Я проверила чуть ли не первую его сделку с недвижимостью — приобретение коттеджика на Лейвенхем-авеню, в Портленде.

— Да, в Орегоне.

— Кажется, Дарк оттуда родом. Так вот, этот коттеджик он полностью реконструировал и перепродал с прибылью в тридцать

тысяч долларов, причем при заполнении декларации ни цента не утаил. Расходы у него скромные. За первым коттеджиком последовал второй, тоже в Портленде, в квартале от первого. Этот принес доход уже в сорок пять тысяч. Дальше тишина.

— В смысле?

— В смысле, никаких перепродаж. Наверное, Дарк нашел себе другой источник дохода. В течение четырех лет с недвижимостью дела не имел, а потом снова вышел на этот рынок — причем широко шагнул. Стал методично, чуть ли не с азартом, скупать недвижимость на побережье. Любую, даже с виду не слишком прибыльную. Такое впечатление, что борьба шла за каждый доллар.

— И всегда это были частные дома?

— Не всегда, но как правило. В Юджине, затем в Голд-Бич. Летом девяносто пятого он приехал в Кейп-Хейвен и приобрел старый бар в Кабрильо. Почти год ходил по инстанциям, чтобы лицензию дали.

Уоку помнился день, точнее, вечер открытия «Восьмерки»: никакого лишнего шума, даже стартовую вечеринку не устроили. Просто возникла на хайвее новая точка притяжения.

— За первый год работы клуб принес Дарку полмиллиона долларов. — Марта глотнула вина. — За второй год — вдвое больше. Золотая жила, да и только. Опять же, доходы задекларированы как полагается. И никаких попыток выдать клуб за что-то более приличное. Способ выкачивать деньги как он есть. Возможно, больше Дарк ничем и не владел — но ему и этого хватало.

— Насколько я понимаю, именно на доходы от клуба Дарк собирается купить Винсентов дом. Собирался то есть.

— Были с его стороны выплаты, причем столь огромные, что прослезиться впору.

— Кому платил Дарк?

— Наверное, тому, от кого получил деньги на свои проекты. И это точно не банк.

— Думаешь, ростовщик какой-нибудь?

— Не исключено. Кредитная история у Дарка обрывочная, ведь он постоянно переезжает с места на место. В таких условиях кредит от банка вряд ли получишь. Теперь смотри: Дарком приобретен дом на Фортуна-авеню.

— В котором сейчас живет Ди Лейн.

— И дом на Айви-Ранч-роуд.

— Который снимала Стар Рэдди.

— Коттеджики неказистые, только для аренды и годятся. Идем дальше. Дарк инвестировал в строительство коттеджного поселка «Поднебесные кедры».

Название было знакомо Уоку — попадалось в местной прессе, в разделе рекламы.

— Извини, Уок, что ничего подозрительного не обнаружила.

Уок только вздохнул.

— Слушай, а этот его клуб — он, кажется, «Восьмеркой» назывался?

— Верно.

— Одна моя клиентка работала в этой самой «Восьмерке». Приходила из-за проблем со своим парнем. Теперь я припоминаю — она называла имя «Дикки Дарк».

— А побеседовать с ней можно?

— Не знаю. Спрошу.

— Надо выяснить про эти платежи.

— У меня только номер расчетного счета.

— Это немало.

— Или пшик, вроде сведений, что ты собрал. Куча бесполезных бумажек, в то время как тебе нужен дымящийся после выстрела ствол. Только ствол, и ничего больше.

Зазвонил мобильный телефон, Уок поднялся. «Милтон» — высветилось на экранчике. Голос был прерывистый, словно Милтону, растрясающему калории после перебора с жареным мясом, встретилось на вечерней улице нечто крайне подозрительное. С минуту Уок слушал, Марта тем временем складывала бумаги.

— Что-то случилось, Уок?

— Милтон в дозор вышел.

Марта вскинула брови.

— С тех пор как умерла Этта, Милтон у нас единственный член организации «Соседский дозор». Передал код «десять — девяносто один». Сказал, что на Сансет-роуд непорядок. Короче, мне пора.

— Что это значит — «десять — девяносто один»?

Уок вздохнул.

— «Бесхозная лошадь».

И он поехал, не слишком торопясь, дисциплинированно останавливаясь на светофорах.

Возле дома Винсента Кинга стоял неприметный седан — в таких обычно перемещаются полицейские.

Уок остановился как раз за ним, мигнул фарами. Никакой реакции. Он вышел из «Крузера», шагнул к водительскому окну.

Разглядел двоих. Не дождался, чтобы перед ним опустили стекло. Пустынная улица, необитаемые коттеджи, запущенные участки, блеск океана под луной — чужой автомобиль казался частью совсем другого пейзажа. Уок негромко постучал в стекло. Водитель соизволил обернуться. Красивый, отметил Уок. Пятьдесят, не меньше — а вон какая роскошная темная шевелюра.

— Ищете что-то? — Уок скроил улыбку.

Темноволосый взглянул на своего товарища, бородатого и в очках, лет шестидесяти пяти.

— За нами есть какой-нибудь криминал?

— Если и так, мне о нем ничего не известно.

— Тогда отвали.

Уок сглотнул. Адреналин вяло пополз вверх.

— А если не отвалою?

Вернулась улыбка, точнее, ее тень — словно Уоку следовало знать кое о чем, он же не знал и поэтому заслуживал наказания.

— Мы ищем человека по имени Ричард Дарк.

— Он здесь не живет.

Уок держал ладонь на рукояти револьвера — пусть эти двое не сомневаются насчет его намерений.

— Есть соображения, где его найти?

Дарк с этими своими перечислениями на неопознанный расчетный счет; конечно, именно такие субъекты и могли одолжить ему денег на ранних стадиях...

— Мне неизвестно, где живет Дарк.

— Увидишь его — передай, что мы не отстанем, — процедил старший сквозь бороду, не поворачивая к Уоку лица.

Младший завел двигатель.

— Выходите из машины. Оба.

Младший смерил Уока взглядом, покосился на кинговский дом.

— Дарк у нас мастер тарелочки на шестах вертеть. Только тут ведь как? Всего-то одну тарелочку упустишь — и всё, пиши пропало.

— Я сказал, выходите из машины...

Стекло поползло вверх, автомобиль рванул с места.

Уок хотел мчаться следом, сообщить всем постам о мутном седане, но почему-то стоял столбом — рука на рукояти револьвера, взгляд на габаритных огнях.

* * *

Дачесс взяла Робина за ручку; вместе они прошли через воротца к лошадям, что паслись бок о бок.

— Можешь хоть разок с нами поесть? — спросил Робин.

Дачесс приложила ладонь к влажному, нежному носу вороного.

— Нет.

Она хотела и серую так же приласкать, но ее любимица не далась, отвернулась.

Дачесс вела вороного и серую за недоуздки; Робин семенил сильно поодаль. Закрыл ворота, как она учила, и убежал.

Дачесс закончила с лошадьми, пожелала им доброй ночи. Робина она нашла возле пруда, на траве. Послушный, он к воде не приближался, хотя плавал очень неплохо. Не зря Дачесс почти целый год возила его по субботам в Окмонт — в тамошнем открытом бассейне малышей учили плаванию бесплатно. А ехать, между прочим, надо было тремя автобусами.

Стоило ей шагнуть к Робину, как тот весь сжался и отпрянул.

— Ты на меня обиделся?

— Да.

Дачесс заметила, что он стиснул ладошку в кулачок и держит, будто наготове, между тощеньких исцарапанных коленок.

— Зачем ты угрожала Тайлеру?

— А зачем он тебя толкнул?

Ночь опустилась, точно колокол. Вот только что были сумерки — и уже тьма, и тепло из земли высосано небом, и заменено прохладой.

— Всё в порядке, — бросила Дачесс.

— Нет, не всё! — Робин стукнул по земле кулачком. — Тут, в Монтане, хорошо. Я люблю дедушку, и коровок, и курочек. И мисс Чайлд мне нравится, и школа тоже. И мне не надо...

— Чего?

За нарочито ровным тоном скрывался вызов. Всего месяц назад Робин промолчал бы.

— Тебя. У меня дедушка есть, он — взрослый. Он о нас заботится. А ты мне еду больше не готовь.

Робин тихонько заплакал. Сидел, обняв голые свои коленки, уткнувшись в них подбородком; раскачивался взад-вперед и всхлипывал. Дачесс знала, каким образом формируется человек. Душа — она вроде сырой глины; от событий и воспоминаний остаются оттиски, потом застывают — и пожалуйста, вот вам готовая личность. Для Дачесс главное — чтобы с Робинем все было в порядке, а прочее — как получится. Робин по-прежнему еженедельно общался с психиатром, только содержание бесед уже не пересказывал. «Я не обязан. Это личное» — так он говорил.

— Ты — вне закона, Дачесс, но я-то нет. Я хочу быть обычным мальчиком.

Она встала коленями прямо на холодную землю, вся подалась к Робину.

— Только не забывай, что ты — принц. Так мама говорила, и это правда.

— Отстань.

Дачесс протянула было руку, хотела волосы взъерошить — а он дернулся в сторону, вскочил и бегом припустил к дому. Целое мгновение Дачесс казалось, что и она сейчас заплачет, что последние пара месяцев и предшествовавшие им несколько лет выльются из нее, или даже не так — что она сама сойдет на нет, растает, увлажнив монтанскую почву, что кожа слезет с костей, ибо в ней, в Дачесс, не кровь пульсирует, а слезы, одни только слезы.

Послышался шум мотора. Дачесс напряглась на секунду и выдохнула, увидев за рулем Долли. Дальний свет распорол пространство над водой, но та и не подумала выключить фары.

— Не возражаешь, если я тут чуток посижу?

Долли приезжала время от времени — ей здесь нравилось. Сегодня она щеголяла в кремовом платье и в туфлях на красной

подошве. Каблуки, разумеется, как всегда, высоченные. Нормальной повседневной одежды у Долли, наверное, просто не было.

— Что-то я вас не видела в воскресенье в церкви, — сказала Дачесс.

— Билл хворает.

— Вот как.

— Он болен уже давно. В иные дни чувствует себя терпимо, а в иные — совсем плохо.

— Понимаю.

— Знаешь, я соскучилась по твоему платью.

Дачесс вырезала очередную прореху — на сей раз в районе пупка.

— Заглянула бы ко мне, Дачесс, поболтали бы — типа, между нами, девочками... Сестер и братьев у меня нет, и матери тоже. Самой о себе пришлось заботиться.

— И результат — очень даже.

— Это только с фасада. Когда надо создать видимость, мне нет равных. Короче, надумай — скажи Хэлу, уж он знает, где меня найти.

— Я с Хэлом разговариваю, только когда без слов никак не обойтись.

— Почему?

— Если б я его раньше знала... Если б моя мама...

Тихий, причмокивающий плеск воды.

— Хэл — он ведь к вам ездил.

Дачесс повернула голову.

— В Кейп-Хейвен, — пояснила Долли. Она говорила шепотом, будто раскрывала Дачесс чужую тайну. — По-моему, тебе надо знать.

— Когда?

— Ежегодно в один и тот же день, второго июня.

— В мой день рождения.

Улыбка, пусть еле заметная.

— Всегда с подарком, — продолжала Долли. — Мы вместе выбирали, Дачесс. Хэл меня просил помочь — ну как женщину. Вроде я лучше соображу, что тебе может понравиться. Когда родился Робин, он стал ездить дважды в год. Это Хэл-то, при его-то занятости на ранчо... Ему ведь и на день отлучиться — целая история.

Дачесс оглянулась на дом.

— Как он узнал? Стар клялась, что бойкотирует его.

— Она и бойкотировала. Упрямой была мама твоя... И кое-кто здорово мне ее напоминает.

— Ближе к делу, Долли.

— У Хэла в Кейп-Хейвене есть знакомый. Они перезваниваются.

Тот человек — полицейский, если я ничего не путаю.

Дачесс закрыла глаза. Уок.

— Никаких подарков я не получала.

— Знаю, знаю. Хэл всегда возвращался несолоно хлебавши. Из года в год, представляешь? Но это его не останавливало. Он не терял надежды, хотя ни за что не стал бы искать встречи с тобой или Робинот без разрешения вашей мамы.

— Мама говорила, это он во всем виноват, он один.

Долли погладила Дачесс по плечу.

Про бабушку, про вольный и неприкаянный ее дух Дачесс знала. Сама себе присвоила бабушкину девичью фамилию — Дэй; представлялась «Дачесс Дэй Рэдли», и не иначе. Стар было семнадцать. В то утро она ушла в колледж, но ее как грызло что-то. Она сбежала с занятий, дома оказалась раньше обычного. Только порог переступила — вот она, записка.

«Я тебя люблю. Прости. Позвони папе и ни в коем случае не ходи на кухню».

Послушанием Стар никогда не отличалась.

— Я привезла пирог для Робина — называется «Грязь в две мили глубиной»^[32]. Робин, поди, расстроится, что она не настоящая...

Дачесс шагнула к фургону, взяла пирог.

— Дедушка твой старый уже.

— Знаю.

— Ты когда-нибудь совершала ошибку, Дачесс?

Вспомнился Кейп-Хейвен: пожар, и драки, и глубокая царапина на «Мустанге» Брендона Рока.

— Нет, никогда.

Долли вдруг сгребла Дачесс в охапку, прижала к себе. Пахло от нее сладко и душно. Дачесс задергалась, но вырваться не сумела.

— Смотри не заиграйся в самостоятельность, девочка.

Под взглядом Дачесс фургон растворился во тьме.

Плечам достались первые дождевые капли.

Дождь разошелся, перерос в ливень. Потоки небесные не успевали проникать в твердокаменную корку на почве и, как бы отброшенные, хлестали Дачесс по ногам. Она стояла, запрокинувшись к разверстому своду, уверенная: там, наверху, запасов воды недостаточно, чтобы промыть ей душу.

Хэл ждал на крыльце, с полотенцем наготове. Дачесс не сопротивлялась, когда он закутал ее в это полотенце; она села, она приняла из Хэловых рук чашку какао, ибо все ее «не буду» растаяли в струйке аппетитного густого пара. Что до ливня, его барабанная дробь по крыше заглушала внутренний вопль, который до сих пор беспрестанно приказывал Дачесс отбрыкиваться.

— Робин спит. Он тебе всякого наговорил — так ты в голову не бери. Это он по неразумению.

— Ага, как же.

— Я наблюдал за тобой, как ты под ливнем стояла. Здешние места — они в любую погоду прекрасны.

— Долли пирог привезла. — Дачесс ногой подвинула к Хэлу блюдо с пирогом.

Зазвонил телефон. Такое случалось нечасто. Хэл поспешил в дом, Дачесс видела, как он снимает трубку и как шевелятся его губы. Слов не было слышно.

— Кто это? — спросила она, когда Хэл вернулся на крыльцо.

— Уокер.

— Он сказал что-нибудь про Дарка?

— Просто хотел узнать, как у нас дела.

— Дарк сюда заявится.

— Поживем — увидим.

— Ничего ты не знаешь.

— Ну так объясни.

— Дарк грозил, что везде меня найдет.

— Зачем ты ему нужна?

Дачесс не ответила.

Они молча пили какао, вдыхая запах мокрой земли.

— Меня сны одолевают. Не знаю, куда деваться от них.

Хэл повернул голову.

— Всякая хрень снится.

От ругательного слова Хэл даже не поморщился.

— Какая именно?

— Не скажу.

— А ты не со мной — ты с серой поделись. Серая тебя отсюда прекрасно услышит. Главное — не молчать, Дачесс; только и всего.

— Только и всего, — прошептала Дачесс.

Хэл закрыл глаза, словно упиваясь ливнем. И она как впервые его увидела — расплата за ошибку длиною в жизнь, замаячивший второй шанс, мольба об искуплении.

— Меня поднимает над ранчо, сверху видны крыши — сам дом, амбар, конюшня, — и поле, и сухие листья в канавах, потому что осень пришла, и ей параллельно, кто умер, кто жив, она все равно каждый год приходит и всегда так будет. Я высоко-высоко в небе, Монтана такая маленькая, вроде примечания в книжке. Поля — лоскутное одеяло, тракторишки — муравьи; ползают туда-сюда, туда-сюда, сшивают лоскуты в одно целое. А люди — они словно тонут в обыденности. Вынырнут, воздуха глотнут — и обратно в свое болото... Океан, конечно, бесконечный, да я-то знаю, где у него край. Земля — раскрытая книга, а страница никак не перевернется; сплошное «сегодня», а «завтра» нет. Облака тяжеленные, на них-то небо и держится; потом — пустыня, закат. Потом — восход; серебро и золото. А потом я сама становлюсь и тьмой, и звездами, и лунами. Мир такой крошечный — за моим пальцем легко спрячется. Потому что я — Бог, в которого сама не верю. Я огромная — пусть только попробует какой-нибудь выродок напасть на меня, пусть попробует, пусть попро...

Она все-таки сдержалась, не заплакала.

Хэл смотрел и слушал внимательно, затем произнес:

— Если этот Дарк и вправду заявится — со мной будет дело иметь.

— С тобой?

— Да. Я вас обоих от него уберегу — тебя и Робина.

— А я что — уже не считаюсь? Я уже не защитница?

— Ты — дитя.

— Я не дитя. Я — вне закона.

Хэл обнял ее за плечи. Сердце вопило «Слюнтяйка!» — но процесс оттаивания уже начался.

Квартирка располагалась над сетевиком «Файв энд дайм»^[33]; одно окно было выбито и заделано фанерой; остальные, грязные донельзя, едва ли могли служить источниками света. Вентиляционное отверстие, несмотря на ранний час, дышало тяжкими запахами китайской обжорки.

Девушка, Хульета Фуэнтес, зарабатывала на жизнь откровенными танцами — то в одном клубе, то в другом. Марта сбросила ей несколько сообщений, не дождалась ответного звонка и дала Уоку адрес. Тот не настаивал, боже упаси; но ведь Хульета не его боялась, а своего бывшего. Ну а Марта беспокоилась за саму Хульету.

Дверь в подъезд оказалась открыта. Уок вошел, поднялся по узкой лестнице. Потолок, и без того пятнистый от постоянных протечек, уверенно оккупировала плесень.

Уок постучался — ему не открыли. Он шарахнул в дверь кулаком.

Миниатюрная, черноволосая, с широкими бедрами, Хульета обладала тем типом красоты, который всегда ошарашивал Уока. Вот и теперь он даже попятился.

Хульета смотрела настороженно. Уок коснулся полицейского значка — ее глаза сверкнули.

— Там, в комнате, у меня ребенок спит.

— Извините. Ваш адрес дала мне Марта Мэй.

Хульета чуть смягчилась — ровно настолько, чтобы выйти в тесный коридор, прикрыв за собой дверь.

Они с Уоком оказались почти вплотную друг к другу. Уок смутился, сделал шаг назад, на лестницу. Так еще хуже — глаза точно вровень с Хульетиным бюстом. Уок кашлянул и по ее лицу понял, что теперь у него вдобавок и щеки вспыхнули.

— Давайте сразу к делу, без канители.

— Вы работали в клубе «Восьмерка», так?

— Ну да, я раздеваюсь за деньги — это что, преступление?

Хотелось расстегнуть воротник рубашки — он буквально душил, лицо наливалось кровью.

— Могу я задать вам пару вопросов? Меня интересует Дикки Дарк.

Хульета и бровью не повела, смотрела с прежним выражением.

— От Марты Мэй мне известно, что у вас были проблемы с одним парнем — видимо, с отцом вашего...

— Я с кем попало не сплю. Стриптиз работают не одни только шлюхи, чтоб вы знали.

Уок огляделся, почти надеясь, что сейчас к нему выйдет резервная копия Хульеты Фуэнтес.

— Простите. Я только... я хотел узнать про Дикки Дарка.

— Он этого не делал.

— Чего — этого?

— Ничего, в чем вы его подозреваете.

— Это у вас вроде корпоративной этики — босса выгораживать?

Хульета плотнее запахнула халат на груди, приоткрыла дверь, стала прислушиваться.

— Заспался мой мальчик... Ложится поздно, в этом все дело.

— Совсем как его мама.

Первый намек на улыбку.

— Дикки Дарк — он крупный, потому о нем и думают: ишь, громила, бандит... Только это неправда. Дикки собой владеть умеет. Нет, он, конечно, не рохля; сама убедилась. Пристал ко мне однажды какой-то кобель, лапы распустил — а Дикки его хватить прямо за горло, да и поднял. Тот дрыгается — до полу-то не достать; хрипит. Прямо как в кино.

— И это, конечно, вовсе не признак агрессивности.

Хульета вдруг толкнула Уока в плечо — сугубо по-латиноамерикански.

— Рассуждаете как тупорылый коп!

— А как мне рассуждать?

Она задумалась.

— Влезьте в шкуру отца, который заботится о своей дочери.

— Это в смысле, Дарк вам был как отец?

Хульета вздохнула — что, дескать, возьмешь с него, с тупорылого?

— Он никогда не смотрел, как мы танцуем. Не домогался нас, орального секса не требовал. Думаете, все владельцы клубов такие? Далеко не все, можете мне поверить! У кого из нас проблемы — деньги, к примеру, нужны, — всегда, бывало, выручит. Хоть всех

девушек допросите, которые в «Восьмерке» работали — ни одна слова дурного не скажет про Дикки Дарка.

— А с отцом вашего ребенка тоже Дарк дело уладил?

Хульета промолчала, но все, что ему надо было знать, Уок прочел по ее глазам.

— Больше вам ничего не известно? Я спрашиваю, потому что у Дарка, похоже, проблемы.

— Какие еще проблемы?

— Им интересовались двое подозрительных типов. Один носит очки и бороду.

Сразу было видно, что Хульете эти двое тоже встречались.

— Прошу вас, не отказывайтесь...

— Я их знаю. Они каждый месяц приезжали — каждую вторую пятницу. Получали толстый конверт. Обычное дело — со всех клубов, где я работала, дань собирают.

— И Дарк им всегда платил, верно?

Она усмехнулась.

— Попробовал бы он не заплатить! С такими шутки плохи. Все равно свое вытрясут. Дикки это было известно.

— Да, но сам факт, что они сейчас его ищут, в изменившихся обстоятельствах...

— Вы про пожар? Господи, им дела нет, что «Восьмерка» сгорела. Не их проблема. Им деньги вынь да положь.

— Но взять-то неоткуда.

На мгновение в темных глазах мелькнула тревога.

— Дикки надо скрыться.

— А по-моему, он сумеет за себя постоять.

— Вы его не знаете. Это с виду он такой, а на самом деле...

— Вот с этого места поподробнее.

— Работала у нас одна танцовщица, Изабелла; она-то как раз была шлюхой. Смекнула, что у Дарка денежки водятся, да и подкатила к нему. А он ей знаете что ответил? Мне, говорит, этого не нужно, вот.

— А почему, не объяснил?

— Сказал, что как женщину ее не воспринимает. Что у него есть кое-кто. Может, и так, только мы эту его подружку никогда не видели.

— Значит, подружка была... Больше ничего не вспомните? Любая подробность, которая вам кажется пустяком...

— Господи, до чего ж вы, копы, настырные!

— Прошу вас, подумайте хорошенько. Ваши показания очень важны.

— Для того чтобы прищучить Дикки Дарка, они не годятся. Я вам одно скажу: он о нас заботился. Особенно обо мне и еще об одной девушке.

— Почему?

— Потому что у нас дети. Дикки нас оберегал и жалел. Однажды я на работу не явилась, так он сам примчался — ага, прямо сюда. Увидел, какое у меня лицо, стал спрашивать — что да как...

— Ко второй девушке он был столь же внимателен?

— К Лайле-то? Конечно. В «Шесть флагов»^[34] ее с ребенком возил — даже мне завидно стало. Нет, Дикки Дарк — хороший человек, честный.

— Мне бы поговорить с этой Лайлой...

— Не получится. Уехала она, на запад куда-то. Вместе с девочкой.

— Значит, у нее дочь?

— И какая хорошенькая! Лайла фотку держала в гримерке, на туалетном столике.

Из квартиры послышалась возня, затем детский голосок позвал: «Мама!»

— У вас всё?

— Всё.

— Тогда удачной охоты.

* * *

Дорога к Дарку заняла целый час. Уок, пока ехал, успел позвонить Марте. Узнал кое-что. Макс Кортинес, отставной Хульетин дружок, пару месяцев назад был избит до полусмерти на задворках одного биттеруотерского бара. По просьбе Уока Марта вслух зачитала медицинское заключение.

Макса Кортинеса били ногами; буквально топтали ботинками нестандартно большого размера. Во рту у бедняги уцелел единственный зуб, однако биттеруотерская полиция дело не завела —

не того полета птица этот Макс Кортинес, чтобы время на него тратить. Уок ему звонил несколько раз — всё без толку; наконец пробился, но был послан по небезызвестному адресу.

И вот он катит на встречу с Дикки Дарком, ловит собственное отражение в зеркале заднего вида. Борода еще чуть отросла, щеки еще малость ввалились. Устойчивое, хоть и медленное скольжение в необратимость. Организм предал Уока, но главное — Уок теперь не моргнув глазом ломает принципы, на которых сам же свою жизнь и выстроил. И кончится все плохо — нечего на этот счет обольщаться.

Элитный поселок «Поднебесные кедры»: нежизнеспособная стильность недостроенных коттеджей; навязанный пафос «грамотной работы с пространством»; сторожка свеженькой кирпичной кладки; бутафорский с виду лес, у которого это самое пространство отвоевано, — все свидетельствует об изрядных капиталовложениях.

Уок подъехал к шлагбауму. Из сторожки показался охранник — всклокоченная борода, аккуратная футболка-поло, стойкий запах марихуаны. Взгляд как у человека, пребывающего в вечном замешательстве.

— Доброе утро, офицер.

— Я к Дикки Дарку.

Охранник возвел глаза к небесам, поскреб в бороде и легонько похлопал себя по виску, как бы тщась выколотить ответ.

— Вряд ли он дома. Я его не видел.

— А у меня назначено.

Пока охранник соображал, пока набирал местный номер, пока слушал гудки в трубке, прошло не меньше минуты.

— Не отвечает.

— Придется стучать непосредственно в дверь.

Охранник, тормоз этакий, уже снова скреб в бороде.

Уок высунул руку из окна.

— Я с кем вообще говорю?

— С Мозесом Дюпри.

Произнося собственные имя и фамилию, охранник почему-то вздрогнул.

Поодаль Уок разглядел чашу фонтана — без воды и со щербатой мозаикой в зеленых тонах.

— Если что — скажу, что надавил на вас, Мозес. Пригрозил поднять шум, ко всем соседям по очереди ломиться... Как вам отмазка?

— По правде говоря, соседей тут почти никого.

— В котором коттедже мне найти Дарка?

Мозес указал пальцем на коттедж-образец.

— Дарк... мистер Дарк — он должен быть там. Я сейчас шлагбаум подниму, а вы езжайте до самого дома.

Единственная аллея виляла между коттеджами. Их было штук двенадцать: половина готовых к заселению, половина на разных стадиях незавершенности — одни в строительных лесах, другие уже оштукатурены — только гору мусора вывезти. Коттедж-образец стоял поодаль, ближе к зеленой зоне, — хорошенький, как игрушка, беленький, с колоннами и подъемными окнами. До чего гадкое место, думал Уок; стерильное всё какое-то, кукольное, тьфу... Вот и Кейп-Хейвен ждет та же участь. Побережье разделили на порционные куски и сбывают по одному — а народ ведется, покупает, даром что ни одного разрешения на застройку не выдано. Хоть бы не дожить до того дня, когда все, что ему, Уоку, дорого в родном городе, смоем долларовой цунами.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что коттедж-образец уже начал ветшать — по фасаду ползет трещина, водосток держится на честном слове, лужайка не кошена, клумбы заросли сорняками.

Не обнаружив кнопки звонка, Уок стал колотить по воротам точь-в-точь как киношный коп — требовательно, со всей силы. Отнял кулак, выждал время. Послушал птичий щебет.

Двинулся по периметру забора. Все окна были наглухо занавешены, зато массивная кованая калитка не заперта.

Уок вошел. Бассейн. Зона барбекю, частично под навесом, частично под открытым небом. Даже телевизором оснащена, подумать только... Задняя дверь — настезь; увидев это, Уок застыл на месте.

— Дарк!

Ответа не последовало. С колотящимся сердцем Уок шагнул в дом. Хотел было вынуть оружие, но пальцы не слушались, рука обмякла на кобуре. Вот так теперь дела обстоят — привыкайте, инспектор Уокер.

Под потолком вертится вентилятор. Порядок всюду идеальный. Буфет набит продуктами длительного хранения, причем каждая банка или коробка этикеткой глядит на открывшего дверцы.

Через кухню — дальше, в комнаты; на нетвердых ногах, обливаясь потом. Столовая, кабинет, гостиная — здесь работает телевизор, звук приглушен, настройка — спортивный канал И-эс-пи-эн, Карл Рэвич^[35] на фоне книжных полок рассуждает о Дейве Батисте^[36] и команде «Атланта брейвз»^[37].

Каждая мелочь работает на впечатление, что в столь идеальном интерьере и жизнь безоблачна и прекрасна. Пластиковые фрукты на блюде, пластиковые цветы на приставном столике, с фотографий скалятся пластиковыми улыбками нереально идеальная семья.

Каково, интересно, Дарку среди этих «дизайнерских находок»? Как он здесь существует, огромный, неуклюжий, — наверное, передвигается бочком в вечном страхе задеть, своротить, разрушить?

Уок пошел вверх по лестнице; ноги тонули в рыхлом ворсе кремовой ковровой дорожки. Миновал зеркало, успел выхватить собственное отражение. Ладонь все еще лежала на кобуре. Кто он, если не пацан, занятый игрой в ковбоев, преследующий Винсента, вооруженного пластмассовым томагавком?

Три гостевые комнаты, столь же безупречные, как и помещения первого этажа, были пусты.

— Что ты здесь делаешь?

Уок резко обернулся. Сердце едва не выскочило.

Дарк стоял на верхней ступени. Шорты, майка, на груди плеер, в ушах наушники. Взгляд ледяной, тяжелый.

— Приехал проверить, как у тебя дела.

Дарк не ответил, только продолжал буравить Уока глазами.

— Тобой интересовались двое — таких типов едва ли кому охота в гости приглашать.

Вслед за Дарком Уок спустился по лестнице, прошел в плюшевую гостиную.

— Хочешь со всем этим развязаться?

Он уселся на мягком кожаном диване. Дарк продолжал стоять, как бы намекая, что на контакт не пойдет.

— Хульета Фуэнтес, — выдал Уок и стал наблюдать.

Дарка бросило в пот — мускулистые руки и ноги будто кто водой облил.

— Ты ведь помнишь Хульету?

— Я помню каждого, кто когда-либо у меня работал.

— А дружка ее, Макса Кортинеса, тоже помнишь?

Дарк не ответил.

Уок поднялся, шагнул к окну. Дворик небольшой, зато налицо старания ландшафтного дизайнера — зонированное пространство с разбросом деревьев и подобием эко-скульптуры.

— Я тебя не виню, Дарк. В смысле, за Кортинеса. У него с Хульетой любовь была в одни ворота, ты просто восстановил справедливость.

Дарк продолжал молча глядеть. Впрочем, на долю секунды крупное его лицо посетила-таки эмоция — что-то вроде печали или даже раскаяния.

— Ты поступил как благородный человек, и притом добрый — выручил бедную женщину...

— Хульета приносила хороший доход; больше, чем остальные девушки.

Вот и все благородство. Защита активов, и ничего личного. Потому что единственная цель Дикки Дарка — делать деньги.

В горле пересохло, но Уок не унялся. Сейчас он копнет глубже.

— Ты перегнул палку, Дарк. Кортинес после расправы выжил лишь чудом. А вот Стар повезло меньше, верно?

На лице Дарка отразилась досада.

— Ты не те вопросы задаешь, Уок, и не тому человеку.

Уок шагнул к нему, движимый всплеском адреналина.

— Неужели? А мне так не кажется.

— Винсент Кинг давно не прежний, а ты этого в упор не видишь.

Для тебя он — друг детства, мальчишка. Разувай глаза, Уок.

Еще шаг в сторону Дарка.

— Ты выпал из реальности. Растерялся. Что ж, бывает. Я-то знаю, каково оно.

— И каково оно?

— Порой надо просто двигаться дальше. А кто-то мешает.

— Лично тебе мешала Стар? И чем же?

— Как ее дочка поживает? Ты передал Дачесс, что я всеми мыслями с ней?

Уок даже зубами закрипел. В другое время он бросился бы на этого громилу, померялся бы с ним силами — кто кого? В другое время или в другой жизни — но не теперь, когда ему трудно дышать, когда свет в глазах меркнет.

— Ладно, попробую двигаться дальше.

Уок направился в кухню, откуда открывалась дверь во двор. Дарк следовал за ним по пятам.

В какой-то момент пришлось замедлить шаги — кровь бросилась в голову, и Уок, удерживая равновесие, нелепо взмахнул рукой. Чертовы побочники; чертова болезнь, отнимающая силы.

У двери он заметил чемоданчик.

— В путешествие собрался, Дарк?

— В деловую поездку.

— Какое-нибудь симпатичное местечко себе приглядел?

Уок обернулся — он должен видеть глаза Дарка.

— Местечко из тех, куда я надеялся больше никогда не возвращаться.

Еще с минуту они смотрели друг на друга, затем Уок вышел из дома, сел за руль и поехал в Кейп-Хейвен.

Лишь достигнув окраины родного города, он сбавил скорость и набрал монтанский номер.

Лило без продыху, и Дачесс целые дни проводила возле окна. Усаживалась на старый ящик и смотрела, смотрела в серое небо. Казалось, Хэл был занят тем же, но временами Дачесс ловила на себе его озабоченный взгляд, а временами могла поклясться, что интересуется Хэла вовсе не погода, а подъездная аллея: настороженный, он словно кого-то ждал.

Робин подхватил грипп, неделю провалялся в постели. Дачесс носила ему теплое питье, всячески обихаживала, даром что от высказанного Робинем между ними пролегла трещина; но перепоручить его заботам Хэла значило бы расширить эту трещину до размеров ущелья.

На третью ночь жар достиг пика. Робин бредил, звал маму, сидя в постели — мокрые волосики прилипли к лобику, непонимающие бессонные глаза распахнуты. Крик и вой шли не из горла даже, а из самого нутра, где горела, язвя, невыносимая боль ровно той же природы, что у самой Дачесс. Хэл переполошился, в панике спрашивал Дачесс, не вызвать ли врача, а лучше сразу «Скорую»; Дачесс была невозмутима. Намочила полотенце, раздела Робина догола.

Она просидела с ним всю ночь. Хэл маялся под дверью спальни. Ничего не говорил, вообще не вмешивался, просто был рядом.

Наутро кризис миновал. Робин съел немного супу. Хэл на руках отнес внука на крыльцо, усадил на качели — пусть полюбуется дождем да подышит туманом.

— Красиво, — сказал Робин, указывая в сторону пруда. — Дождик так и стучит по воде, будто это барабан.

— Да, похоже.

— Прости меня. За то, что сказал тебе тогда, в поле.

Дачесс присела перед ним, почувствовала сквозь заношенные джинсы, в особенности сквозь прореху на коленке (выдрала клочок, когда работала), до чего шершавы доски крыльца.

— Не надо извиняться, Робин. Я все понимаю.

Оказалось, у Хэла есть видеомагнитофон, и целое воскресенье они бездельничали за просмотром фильмов с Ритой Хейворт. Дачесс и не снилось, что женщина может быть столь восхитительна. На чердаке

Дачесс обнаружила целый мешок с кассетами — сплошные вестерны. Она смотрела их вместе с Хэлом по ночам, а днем, перевоплощенная, гоняла по тощей пшеничной ниве банду мексиканцев. Хэл наблюдал с крыльца, тряс головой, словно маразматик. Дачесс объявила, что он — Злой, или Туко, себя же называла Сентенцей. Хороший в это время хлопал в ладошки, не обращая внимания на то, что мокрые кудри прилипли ко лбу, а желтенький дождевик набух влагой^[38].

Она продолжала практиковаться в стрельбе. Попадание со ста ярдов в яблочко — и вот Дачесс уже не Сентенца, а Санденс^[39].

Впервые усевшись верхом на серую кобылку, она ощутила себя почти что Бутчем Кэссиди. Бутч грабил поезда где-то в этих краях — может, и Дачесс приживется здесь, в Монтане. Под ее ладонью жарко пульсировала упругая конская шея; серой было обещано, что ее никогда не пришпорят, и пусть она за это не спешит сбрасывать свою наездницу. Дачесс вцепилась в луку седла, не смея разжать пальцы хотя бы для того, чтобы смахнуть с волос дождевые капли; оставалось только встряхиваться по-собачьи, пока Хэл водил серую по загону. Продержавшись целый круг, не запятнав себя падением (серая, к слову, не позволила себе никаких закидонов, даже с рысцы не сбилась), Дачесс еле-еле сумела подавить торжествующую улыбку.

Еще через неделю среди туч цвета сажи наметился просвет, дождевые капли поредели. Синева начала пробивать себе дорогу, и вот, впервые за целый месяц, землю Монтаны благословило солнце.

Хэл как раз боронил, Робин только что вышел из курятника; они одновременно замерли, запрокинули головы, заулыбались и вскинули руки — смотри, мол, Дачесс.

И Дачесс медленно, с огромным усилием, тоже вскинула руку и помахала им обоим. Из уроков математики она усвоила, что треугольник — самая устойчивая фигура.

Степенная монтанская осень: тысяча оттенков бурого под ногами, по капле убывающие дни.

Как-то в воскресенье Хэл повез Дачесс и Робина в национальный парк Глейшер. Пешком они поднялись к водопаду Раннинг-Игл-Фоллз. Осины ржавыми своими кронами перехватывали солнечный свет, и Дачесс вдохнуть не могла от восторга. Брели по пышному листовяному ковру. Сначала Робин примерял листья к плечикам, будто погоны — они были столь крупны, что приходились впору; потом набрал целую

охапку, скрылся за ней и сам не видел дальше собственного носишки. Хэл вывел их на прогалину, к трепещущим тополям — листва, ни секунды не оставаясь без движения, мерцала, искушала, как фальшивое золото.

— Красотища, — прокомментировал Хэл.

— Красотища, — повторил Робин.

Дачесс любовалась молча. Теперь все чаще выпадали дни, когда она не могла ни произнести, ни даже подобрать обидных слов.

Они замерли на скале над ревущим водопадом. Поодаль стояла семья — родители и двое детей: один — вылитый отец, другой — вылитая мать. Симметричные, блин, подумала Дачесс и отвернулась, словно знала за супругами грех новейшего времени. Все равно разведутся, причем уже скоро; что до пары ангелочков, им светит ожесточение, их светлые воспоминания будут раздавлены яростным хлопаньем дверей и размыты сердитыми слезами. Да, так все и произойдет, решила Дачесс и злорадно улыбнулась.

В баптистскую церковь в Кэньон-Вью она по-прежнему надевала искромсанное платье. Хэл только хмурился, другие дети округляли глаза, но остальные прихожане — пожилые семейные пары, что раскланивались с Хэлом, и вдовы, что несли себя к церковным скамьям, излучая спокойную гордость за достойно прожитую жизнь, — эти Дачесс жалели. Больше всех к ней прониклась Долли — недаром же она высматривала Дачесс в толпе и неизменно занимала место рядом.

Осенний свет был скуден, и в церкви даже днем зажигали лампы, плюс теплились свечки. Робин садился подле троих братьев — все были старше его, но от себя не гнали. Братья хихикали и толкались во время проповеди, матери приходилось на них шикать. Робин испытывал перед ними трепет — большие мальчики, огромная честь.

— Он явится.

— Кто? — спросил Хэл.

— Дарк. Помни об этом.

— Чепуха.

— Не чепуха. Я — Джоси Уэйлс, Дарк — солдат армии северян^[40], а награда — моя кровь. Так что можешь не сомневаться.

— Ты так и не объяснила, какой резон этому Дарку тебя преследовать.

— Он думает, я ему навредила.

— Это так и есть?

— Да.

Священник призвал к причастию, и моментально выстроилась очередь. Ишь, как нагрели, мысленно усмехнулась Дачесс; ради искупления готовы пить дрянное винцо со слюнями своих ближних.

— Пойдешь причащаться? — Этот вопрос Хэл задавал каждое воскресенье.

— Не хватало мне герпес подцепить.

Хэл отвернулся, и Дачесс записала на свой счет маленькую победу.

Робин, в галстучке с орлом — символом штата Миссисипи, найденном на чердаке, и во взрослой соломенной шляпе минимум на семь размеров больше нужного — увязался за троими братьями. Поравнявшись с Дачесс, он сказал:

— Можно мне с Джоном, Ральфом и Дэнни? Я просто постою, причащаться не буду — не хватало мне герпес подцепить.

В Хэловом взгляде Дачесс прочла укоризну.

Они остались угощаться. Дачесс съела кусочек шоколадного торта и кусочек лимонного. Был еще пирог с грушами и финиками, но пожилая дама-распорядительница убрала блюдо прямо у Дачесс из-под носа. За последнее время Дачесс поправилась — не сильно, но достаточно, чтобы не вызывать тревоги.

У крыльца валялся видавший виды велик — Дачесс заметила его, когда грузовик подруливал к ранчо.

— Томас Ноубл приехал, — объявил Робин, всю дорогу не отлипавший от окошка.

И правда, Томас Ноубл ждал, сидя на нижней ступени, спрятав недоразвитую руку в карман зеленых вельветовых джинсов. Рубашка и куртка у него тоже были зеленого цвета.

— Вот вырядился — точная козявка, — съязвила Дачесс.

Все трое выбрались из грузовика.

Дачесс подбоченилась и нахмурила брови.

— Ну и что ты здесь забыл, Томас Ноубл?

Он сглотнул дважды — в первый раз от вопроса, второй — когда разглядел прорези на ее платье.

— Надеюсь, тебе не взбрело меня преследовать? Не то Хэл тебя пристрелит — верно, Хэл?

— Верно, — сказал Хэл и поманил Томаса в дом, пообещав, что даст ему толкать электрокосилку, вот только сменит воскресный костюм на рабочие штаны.

— Я... у меня что-то с математикой туго. Может, ты объяснишь...

— Так я тебе и поверила насчет математики!

— Ладно. Я подумал, может, мы бы с тобой иногда вместе... Ну, по-соседски. Я ведь живу совсем рядом... — Томас Ноубл сделал неопределенный жест полноценной рукой.

— Это ты мне рассказываешь? Я все владения Рэдли обошла, нет тут поблизости никаких соседей. Признавайся, сколько миль на велике отмотал?

Томас Ноубл поскреб в затылке.

— Около четырех. Мама говорит, мне полезны физические нагрузки.

— Эх ты, недокормыш... Лучше б твоя мамаша новое меню для тебя составила.

На это Томас Ноубл отреагировал простодушной улыбкой.

— И не надейся — я тебе ланч готовить не буду; даже попить не предложу. Сейчас не пятидесятые годы.

— Знаю.

— Мне надо возле пруда сорняки повыдергивать, а то к воде не подойдешь. Я тут с тобой прохлаждаться не собираюсь. И вообще, нормальные люди сначала звонят.

Дачесс прошла в дом, переделалась в старые джинсы и рубашку. Томас Ноубл ждал ее — мялся у крыльца, изучая собственные кроссовки.

— Давай со мной, раз уж приехал. Хоть какая-то польза будет.

— Я готов, — выпалил Томас Ноубл.

Он пошел за ней к пруду, опустился на колени и стал дергать сорную траву по ее указке. Дачесс полезла в карман и вынула сигару, украденную из Хэлова комода.

— Не кури, пожалуйста, от этого рак бывает, — взмолился Томас Ноубл.

Дачесс показала ему средний палец, откусила и выплюнула кончик сигары.

— Джесси Джон Рэймонд держал дым во рту, расправляясь с презренным трусом Пэтом Букинемом.

Она взяла сигару в зубы.

— Зажигалка или спички есть?

— Разве я похож на человека, у которого водятся такие вещи?

— Да, верно... Что ж, придется просто жевать сигару, по примеру Билли Росса Клэнтонна.

— Мне кажется, жуют не сигары, а особый сорт табака.

— Ничего ты не знаешь, Томас Ноубл.

Дачесс откусила изрядный кусок и принялась жевать, изо всех сил подавляя позывы к рвоте.

Томас Ноубл кашлянул и прищурился.

— По правде сказать, я вот зачем приехал. У нас в школе каждый год бывает зимний бал, и...

— Надеюсь, ты не до такой степени расхрабрился, чтобы меня приглашать? Нашел время — когда у меня полон рот табаку!

Томас поспешно мотнул головой и вернулся к прополке.

— Чтоб ты знал: я вообще не собираюсь замуж. Тем более за тебя, с твоей-то рукой.

— Это по наследству не передается. Я — отклонение от нормы. Доктор Рамирес сказал...

— Я — вне закона; я и мне подобные плевать хотели на мнение всяких мексикашек.

Томас Ноубл смолчал. Выдернул еще несколько сорняков и вдруг, явно что-то придумав, снова сощурился.

— Я целый месяц буду делать за тебя домашку по математике.

— Хорошо.

— Хорошо — в смысле «да»?

— Нет. На бал я с тобой не пойду, но позволяю тебе делать за меня домашку.

— Все потому, что я чернокожий?

— Все потому, что ты слабак и тупица, а я ценю в мужчинах отвагу.

— Но...

— Я, блин, вне закона — когда ты уже это уяснишь? Я не ношу нарядных платьев и не бегаю на свидания со всякими сопляками. У меня есть дела поважнее.

— Например?

— Например, по моим следам идет некто Дикки Дарк. — Дачесс наблюдала за реакцией Томаса Ноубла. Тот слушал и, казалось, сомневался, верить или не верить. — Точнее, едет. На черном «Эскалейде». Ему нужна моя жизнь. Хочешь быть мне полезным — гляди в оба. Заметишь черный «Эскалейд» — дай знать.

— Почему он охотится за тобой?

— Думает, что я ему напакостила.

— Сообщи в полицию. Или дедушке своему скажи.

— Нет, нельзя. Если все откроется, я здорово влипну. Меня могут разлучить с Робинот.

— Я буду начеку, Дачесс.

— Ты хоть раз в жизни проявил смелость?

Томас Ноубл поскреб затылок.

— Качался на тарзанке из шины над речкой Кэлли.

— Тоже мне подвиг.

— Попробуй, рискни, когда у тебя всего одна рука.

Дачесс подавила улыбку.

— Мама рожала меня без анестезии. Она смелая, значит, и я такой же. Потому что смелость как раз передается по наследству.

— Не сочиняй, Томас Ноубл. В тебе весу было от силы пара унций. Небось от простого чиха из материнской утробы выскочил.

Томас снова занялся сорняками — дергал, беспрестанно щурясь.

— Кстати, ты почему очки не носишь?

— Они мне без надобности.

— А колокольчики кто выдрал — вон, целый куст? Я, да будет тебе известно, их люблю.

Томас бережно положил на землю мертвое растение.

— Смелым трудно быть, Дачесс. Я не такой, как ты. Надо мной смеются. Куда мне против целой компании? Ты же видела, какие они здоровые лбы.

— А дело не в росте и не в мускульной силе. Дело в том, как себя поставишь.

Он задумался.

— То есть надо делать вид, будто я крутой?

— И тогда тебе не придется драться.

— А с этим, который тебя преследует, такое не прокатит?

— Нет. Увидишь его — сразу сообщи мне.

— Понял. Только, по-моему, есть и более близкая опасность. Я о Тайлере, которому ты угрожала, — точнее, о его старшем брате. Этот брат — он сказал, что обиды не стерпит.

Дачесс только рукой махнула.

— Плевать на Тайлерова брата и на всю их семейку. А ты давай выдерни вон тот сорняк и собирайся домой. И так в темноте будешь возвращаться. А вдруг тебя собьет грузовик? Последнюю руку искалечишь — что тогда?

Томас неохотно поднялся с колен. Побрел к дому, оседлал велик, выкатил за калитку. Дачесс ждала, когда он скроется из виду. Едва это произошло, она выплюнула жеваную сигарную оболочку с омерзительной начинкой, содрогнулась всем телом и пальцами стала отскребать язык от остатков табака.

Парад в округе Айвер.

На центральной улице не протолкнуться. Какой-то парень набрасывает лассо на соломенных телят и чертыхается всякий раз, как промажет. Девчонки метят в обручи мешочками с фасолью. С лотка торгуют хот-догами, а для скейтбордистов устроен трамплин; конструкция примитивная, кусок фанеры на опрокинутой цветочной кадке. Хэл повел Робина раскрашивать лицо, Дачесс села на бровку тротуара. Мимо плыли нарядные платформы, она читала названия местных фирм: «Маунт Колл иншуренс», «Трейлуст бэнк». С платформ улыбались двум репортерам, махали ручонками малявки в диадемах.

В поле зрения Дачесс появился Томас Ноубл с матерью. Так вот она какая, миссис Ноубл... Высокая, видная; идет как пишет. Все на нее оборачиваются. За ней едва поспевает пожилой, низкорослый, щедушный дядечка; что интересно — белый.

Томас заметил Дачесс, подбежал к ней.

— Твоя мама благотворительностью занимается, да? Старичка через дорогу переводит?

Томас проследил ее взгляд.

— Вообще-то, это мой папа.

Дачесс сдвинула брови.

— Ну и чем объяснить эту связь — финансовым интересом или фетишистскими наклонностями?

Томас Ноубл схватил ее за руку.

— Скорее. У меня для тебя важная и очень срочная информация.

Дачесс нехотя поднялась, и Томас потащил ее в сторону, подальше от толпы. Оставалось гадать, что в его системе ценностей считается важным — быть может, он таки нашел подтверждение своим подозрениям насчет матери — что она путается с почтальоном; или ему примерещилось, будто недоразвитая рука наливается силой и со дня на день будет запросто плющить консервные банки... У Томаса на этих банках был бзик.

— Надеюсь, твоя информация не касается шашней миссис Ноубл с почтальоном, — выдала Дачесс.

Их отношения на тот момент стали чем-то вроде дружбы в одни ворота — Томас Ноубл изливал душу, Дачесс безжалостно использовала против Томаса его же откровения.

Едва скользнув вместе с Дачесс под развесистый клен, Томас сдернул шляпу и начал обмахиваться.

— Тайлер старшего брата привел. Тебя ищут, Дачесс.

— Это ты называешь важной информацией?

— Просто ты его не видела. Он знаешь какой верзила? Лучше тебе домой поехать.

— Ну и где он?

Томас Ноубл сглотнул.

— Так и будешь всю жизнь зайцем дрожать? Давай, веди меня к этому хваленому верзиле, я от него мокрого места не оставлю.

И Томас повел, по-стариковски дергая головой и отирая пот со лба — Дачесс заметила, что рука у него трясется. Между тем слушок успел прошелестеть, и к задворкам кондитерской Черри подтягивались зрители.

— Вон он.

Дачесс увидела сначала Тайлера, обидчика Робина; брат стоял чуть поодаль. Крупный, мордастый, в удлиненных шортах — незагорелые ножищи что твои тумбы, кеды заношенные. Волосы темные, подстрижены шапочкой, щеки угреватые.

Тайлер ткнул пальцем в сторону Дачесс, и большой брат шагнул к ней.

— Ты кто такой? — Дачесс поправила бантик.

— Гэйлон.

— Ха. Неудивительно, что ты вырос агрессивным — при таком-то имечке...

— Да уж за своих постоять сумею! — Гэйлон неумолимо приближался.

Дачесс закатила глаза.

— Ты грозилась поколотить моего брата.

— Если точнее, я грозилась обезглавить этого выблядка.

Теперь наблюдало не меньше дюжины ребят. Собрались, будто акулы на запах крови.

— Проси прощения!

— Не дожدهшься, жиртрест!

Зрители одновременно выдохнули и отшатнулись. Томас Ноубл куда-то исчез.

Гэйлон сделал еще шаг, размахнулся пухлым кулаком.

И тут Дачесс услышала нечто странное — не то воинственный клич, не то девчачий визг. Толпа раздалась, и на арену боевых действий вылетел Томас Ноубл — рубашка расстегнута, брюки заправлены в носки; Дачесс не решилась даже приблизительно прикинуть, какие соображения побудили Томаса к этой конкретной перемене в манере носить одежду.

Томас Ноубл метался вокруг Гэйлона, делал выпады — со стороны казалось, он боксирует Гэйлонову тень; чудно, по-жеребьячи, вскидывал ноги. Голова его то ныряла в плечи, то вытягивалась на тонкой шее.

Дачесс закрыла лицо, но сквозь пальцы видела, как Гэйлон одним ударом отправил Томаса в нокаут.

Внезапно отворилась дверь кондитерской, и на пороге возникла Черри с мешком мусора. Зрители, до сих пор стоявшие плотно, рассеялись, Гэйлона и Тайлера как ветром сдуло.

Дачесс подошла к Томасу — надо же было оценить ущерб.

— Я победил, да? — Томас, с ее помощью, еле встал на ноги.

— Ты поучаствовал — это важнее.

Он осторожно потрогал распухшую скулу и висок.

— Теперь синяк будет.

— На черном не видно.

— Значит, не синяк, а черняк.

— Пойдем, лед поищем.

Дачесс обеими ладонями взяла Томасову полноценную руку. Несмотря на боль, он широко улыбнулся.

— Смело я поступил, правда?

— Скорее глупо.

Поворот на главную улицу.

Черный «Эскалейд».

Пауза в пульсации крови.

Дарк их отыскал.

Дачесс выпустила руку Томаса, попыталась затеряться среди автомобилей. На бамперах пестрели стикеры — «Свон Маунтин», «Монтана Элк», «Район № 9». Дачесс смотрела — и не видела. Ей

представлялся Дарк: как он растворяется в праздничной толпе, но выдает себя неживыми глазами.

Вот он, грузовик Хэла. Дачесс сунула руку в опущенное окно, щелкнула дверным замком, скользнула на пассажирское сиденье. Томас Ноубл замороженно смотрел, как она открывает бардачок и достает револьвер системы Смит-Вессон.

И как оттягивает джинсы на талии, и как сует оружие за пояс.

Настоящий бой впереди, а Томаса уже отстранили.

Оставалось вместе с Дачесс выбраться с парковки на тротуар и двигаться среди взрослых и детей, фиксировать боковым зрением счастливые улыбки неведения, подчеркнутые внезапным лучом — будто солнце руку выпростало из-за облаков, вытянуло во всю длину главной улицы. Томас и Дачесс миновали кондитерскую Черри, миновали мужскую парикмахерскую. Они вжимались в стены, распластывали руки, обнимая углы зданий; Дачесс, удерживая ладонь на поясе, обшаривала улицу взглядом — лишь тогда они рисковали выйти из-за очередного угла.

Револьвер, поначалу холодивший бок под джинсами, теперь обжигал, раскаленный от предвкушения: скоро ему будет дело.

«Эскалейд» на противоположной стороне улицы. Дачесс представился Дарк — ручищи на руле, мертвый взгляд, змеиное терпение.

Дачесс шагнула на проезжую часть. Ужас нарастал в ней, она прятала его за усмешкой. Дарк ее выслеживает? Прекрасно. Пусть видит, что она только рада его появлению, ибо ей надоело ждать. Она покончит со страхами, она ради Робина выстрелит — не охнет.

— Что ты задумала? — Томас Ноубл дергал ее за рукав. Дачесс просто стряхнула его, прошипела, сверкнув глазами:

— Жди здесь.

— Так нельзя. Ты не можешь просто взять и...

Вид у Томаса был, словно он вот-вот заплачет или бросится наутек. Но борьба в его тщедушном теле уже началась — нарождающийся мужчина теснил трусоватого мальчика.

Дачесс зашла с тылу.

Тротуар — и ее ладонь на гладком, несоразмерно длинном корпусе «Эскалейда»; отражение в ослепительном вороном крыле.

— Дачесс, не надо, — проскулил Томас.

Она и бровью не повела.

Вынула револьвер, понесла его, заслоняя собой. Еще шаг — и вот она, передняя дверь. Дачесс изо всех сил дернула.

Заперто.

Прижалась лицом к тонированному стеклу. Пусто.

Развернулась в упругом прыжке. Парад продолжался. Громыхали барабаны, вились по ветру ленты. Ребята шагали за оркестром, девчонки направо и налево светили улыбками.

Дачесс ринулась вперед. Растолкала компанию подростков — ей вслед полетели ругательства. Томас Ноубл не отставал. Дарк, в каждом мужчине — Дарк; теплые улыбки и ледяные зрачки. За мужчинами — сила и власть; Дачесс не станет ждать, когда кто-нибудь из них действием подтвердит то, что ей давно известно.

Она хотела уже развернуться, но он возник перед ней.

Скорее к нему. Броситься, выбить банку с колой из чьих-то рук, задеть старуху — пусть как хочет, так и удерживает равновесие. Возмущенные крики — мелочь; игнорировать их. Вот он, рядом. Оборачивается, запрокидывает мордашку и улыбается.

Дачесс почти упала на колени, заключила Робина в объятия.

— Это еще что?

Голос Хэла над ней и оглушительный женский шепот — реакция на вещь в ее руке:

— РЕВОЛЬВЕР.

Всеобщая волнообразная паника и кольцо крепких Хэловых рук.

* * *

Звонок раздался после обеда. Хэл все рассказал: к тому моменту, как паника улеглась, «Эскалейд» исчез. Дачесс не успела разглядеть номера. Может, это был вовсе не Дарк — но теперь он, Хэл, начеку.

Только Уок повесил трубку, как зазвонил сотовый.

— Ты прямо нарасхват, — усмехнулась Марта.

Он обещал приготовить ужин, но занялся бумагами, потерял счет времени — в итоге пришлось заказать еду из ресторана. Марта только рассмеялась: слава богу, не придется давиться несъедобной стряпней. Уок вышел на крыльцо, Марта осталась в гостинной над бумагами.

— Здравствуй, Кадди.

Он некоторое время не созванивался с тюремным охранником и теперь был рад его слышать.

— Ну как Винсент?

— Я вернул его в прежнюю камеру. Пришлось переместить одного наркодилера — вот уж возмущался... Ладно; главное, Винсенту теперь спокойнее.

— Спасибо.

— Ты накопал чего? Я Винсента расспрашивал — так он молчит. Не то что остальные. Послушаешь их — ну просто невинные жертвы судебной системы. Можно подумать, мы упрятали за решетку целый церковный хор.

Уок рассмеялся.

— То есть Винсент вообще ни с кем об этом не говорит?

— Нет. И знаешь, что? Впечатление, будто он на свободу и не выходил. В смысле, не пришлось ему заново привыкать к тюремному распорядку. Я тебе больше скажу: мне сдается, он скучал по этим стенам.

Они еще поговорили, и тут Марта позвала Уока.

Он оставил пиво на террасе, прошел в гостиную.

Марта словно тянула время: напряженно молчала, затем выпрямилась, шагнула к столу, заваленному документами, надела очки — ее действия казались подготовкой, самонастройкой. На днях Марта, очень возможно, задала расследованию новый вектор, выявив, что Дарк связан с компанией, зарегистрированной в Портленде.

— Ты что-то нашла?

— Похоже. Мне нужна дозаправка остреньким — остренькое извилины расшевеливает. Есть у тебя хабанеро?

Уок отрицательно покачал головой.

— А малагета?

— Я даже не знаю, что это такое.

— Блин, Уок! Ну хотя бы поблано^[41] ты в доме держишь? Мне без перца не думается. В следующий раз, будь добр, припаси для меня чего погорячее.

Пристыженный, Уок поплелся в тесную кухоньку варить кофе. Пока варил — глядел на улицу. Они с Мартой работали уже четыре часа — засели за бумаги сразу после ужина. Глаза у обоих красные,

рты то и дело искажает зевота; но спать они не лягут, о нет. Потому что все равно не заснут. Марта увлеклась по-настоящему, и неважно, что ее азарт, быть может, вызван жалостью к Уоку, раздавленному обилием подробностей.

Он принес ей кофе и меленку для перца.

Марта отреагировала усмешкой и неприличным жестом.

Стала мерить шагами комнату — в одной руке корпоративная налоговая декларация, в другой пачка учредительных документов. Бог ее знает, как она вышла на этот след; может, имеет в приятелях юриста по налоговому праву, и он услугу оказал.

— Фортуна-авеню, — многозначительно произнесла Марта.

— Ага, коттеджи на второй линии.

— Все, кроме двух, принадлежат одному и тому же холдингу. Не подскажешь, когда Калифорнийским департаментом охраны природы впервые было официально зарегистрировано оползание почвы над океаном? — Она куснула пластиковый колпачок ручки.

Уок стал перелистывать файлы.

— В мае девяносто пятого.

Марта улыбнулась, взмахнула своими бумагами.

— А упомянутый холдинг приобрел первый участок земли в сентябре девяносто пятого. С тех пор они заключали аналогичные сделки с промежутком примерно в год. Всего куплено восемь участков с домами. Это называется прокруткой. Если объяснять на пальцах — один участок закладывается, на деньги с залога приобретается второй, затем он закладывается ради покупки третьего... в общем, ты понял. С первыми шестью все шло как по маслу, а потом ставка выросла.

— И что случилось?

Марта еще прошла по комнате, достала из шкафа бутылку виски, плеснула в кофе себе и Уоку.

— Они прибрали к рукам все дома на второй линии. Департамент охраны природы только наблюдал — все десять лет.

— Десять не десять, но около того. Наконец спохватились — волнорез построили. Теперь дом Винсента Кинга в безопасности.

— На второй линии домишки так себе. Обычные коттеджи для обычных семей. Их скупали задешево, прибыль несколько лет была ничтожная...

— Пока...

— Пока не начала обрушиваться первая линия; пока народ не пронюхал, насколько классно можно отдохнуть в Кейп-Хейвене. Дома один за другим сползли в океан — все, кроме кинговского. Он этому холдингу — что кость в горле...

— Пять миллионов долларов — как минимум.

— И холдинг получил бы эти деньги, но, пока жив хозяин дома, застраивать отелями прилегающую территорию нельзя. Разрешение не дадут.

— Ты мне всё — холдинг, холдинг... название у него есть вообще?

— Как не быть. «МЭД Траст».

— Это в смысле — фонд кучки психов?^[42]

— Бог с ним, с названием. Угадай, кто там директор и единственный собственник.

Марта протянула бумаги. Уок их взял, стиснул, преодолевая дрожь в пальцах.

Ну конечно. Вот оно, имя — вверху страницы, жирным шрифтом. «Ричард Дарк».

Той ночью Дачесс проснулась в холодном поту.

Платяной шкаф словно приблизился к кровати, навис бездушной мертволикой громадой, в очертаниях которой Дачесс узнала Дикки Дарка.

Сбросив наваждение, отдышавшись, она убедилась, что Робин спокойно спит. Надела махровый халатик и выскользнула на лестницу. Халатик оставил для нее в спальне Хэл. Так у них теперь повелось: Дачесс ничего не брала у него из рук — ни еду, ни питье. И лошадок обихаживала сама, не соглашаясь на помощь с Хэловой стороны, даже если предстояло еще учить уроки, а день стремительно шел на убыль. Все, что Хэл хотел дать ей, он оставлял на видных местах, а Дачесс забирала, когда старика не было поблизости, удивляясь его терпению.

В кухне она напилась воды прямо из-под крана.

Хотела возвращаться в спальню, но услышала шум за дверью.

Кто-то шебуршился на крыльце — вероятнее всего, на качелях. Как Хэл ни смазывал цепи, они продолжали скрипеть. Дачесс инстинктивно пригнулась. Сердце чуть не выпрыгивало.

Дрожащей рукой она выдвинула ящик кухонного стола, нашарила длинный нож, сомкнула пальцы на рукояти. Подкралась к задней двери. Полоска лунного света упала ей на босые ноги — дверь была приоткрыта.

— Не спится?

— Черт... Я тебя чуть не зарезала.

— Это нож для хлеба, — усмехнулся Хэл.

Он сидел на качелях, умалённый огоньком собственной сигары; но, приблизившись, Дачесс заметила винтовку меж его колен.

— Поверил мне, значит...

— Может, я просто караулю медведя.

— Вот я дура, что не запомнила гребаные номера... Револьвер схватила — остальное сразу из головы вон. Салага, черт меня дерит...

Дачесс ругала себя — как сплевывала, едва губы разжимала.

— Ты бросилась защищать младшего брата. Не каждый вот так рискнет ради своих близких.

Дачесс только головой мотнула.

— А Долли в курсе?

Когда Хэл со всеми предосторожностями забрал у нее револьвер, откуда ни возьмись появилась Долли и увела Дачесс в закусную — прочь от зевак.

— Долли прямо сказала: нашему ранчо нужен дозор. Она про тебя каждый раз спрашивает, Долли-то. Наверное, в тебе себя-девчонку видит.

— Как это?

— Ей в свое время пришлось туго. Может, потому и характером она — кремень. Я подробностей не знаю. Долли — она не из таких, которые чужим плачутся. Но мне случалось выпить с ее Биллом, он-то про ее отца кой-чего порассказал. Скот он был, отец Долли. Однажды застукал дочку с сигаретой...

— И поколотил.

— Если бы! Он ей этой самой сигаретой — горячей — все руки истыкал. До сих пор шрамы видны. Мучил да приговаривал: больше не рискнешь эту дрянь зажечь, духу не хватит.

Дачесс сглотнула.

— Что с ним стало?

— Долли подросла — он давай ее домогаться... Посадили его, короче.

— Вот как.

Хэл кашлянул.

— Долли тогда не так одевалась. На старых фотографиях она в штанах мешком, в рубашке навыпуск — чтобы, значит, девичьего ничего было не видеть. Да только отца ее это не остановило.

— Потому что у некоторых внутри — только тьма.

— Верно.

— Джеймс Миллер^[43] был наемным убийцей и странствующим стрелком. В церковь ходил чуть не каждое воскресенье, не курил, спиртного в рот не брал — а говорили, что он убил пятьдесят человек. Его линчевали. Знаешь, что он сказал перед смертью?

— Что?

— «Не валандайтесь, ребята».

— Вот и правильно, что с ним разделались. Не может добро оставаться добром, если злу попустительствует — как ты думаешь?

Небо было ясное, звездное — в самый раз для снегопада. Хэла послушать: зима еще и не коснулась Монтаны, а когда коснется да расстелется — все осенние краски в памяти забелит.

Хэл подвинулся на качелях. Дачесс и не подумала сесть рядом.

Оба долго молчали. Докурив сигару, Хэл взялся за новую.

— Рак наживешь.

— Очень может быть.

— Мне без разницы.

— Я и не обольщаюсь.

Его глаза скрывала тьма. Перед ним лежали отдаленная роща, пруд — и нечто, еще недавно воспринимаемое Дачесс как ничто.

Хэл поднялся, прошел в кухню. Через пару минут оттуда донесся тихий посвист чайника.

Дачесс села на скамейку — на самый край — так, чтобы не сводить глаз с винтовки.

Хэл вернулся, поставил рядом с Дачесс чашку. Луч света из-за приоткрытой двери выхватил дрейфующие в какао зефирки-маршмеллоу.

Себе Хэл плеснул виски.

— Несколько лет назад бушевала гроза, какую редко увидишь. Я вот на этом самом месте сидел. Молния как вдарит — ни дать ни взять дьявольский язык: раздвоенный, будто у змеюки... Мне и рога, и рыло среди туч примерещились. Тогда-то амбар и вспыхнул.

Дачесс поняла, о чем он. Видела поодаль пепелище — остатки фундамента, выжженную землю. Ничего там не росло, даже трава.

— В том амбаре кобыла погибла. Мамка нашей серой.

Дачесс вздрогнула и мысленно поблагодарила тьму — что та скрывает ужас в ее глазах.

— Я ее вызволить не сумел.

Дачесс трудно вдохнула. Ей ли не знать об этом свойстве воспоминаний — прицепиться и всюду таскаться за своей жертвой...

— У нас тоже бывали шторма, — сказала она. — Дома, в Калифорнии.

— Я про Кейп-Хейвен часто думаю. Молился за твою маму, за тебя, за Робина.

— Ты ж в Бога не веришь.

— Ты будто веришь. Но зачем-то ведь бегаешь в лес, колени преклоняешь на поляне...

— Я не молюсь, а просто думаю.

— Каждому нужно уединенное место, чтобы думать. У меня это подпол. Спустишь, сяду среди винтовок... Хлопоты по хозяйству наверху остаются, а там, под землей, — я да мысли, которые про вечное. — Хэл отвернулся и добавил: — Я ведь письма ему писал.

— Кому?

— Винсенту Кингу. Каждый год по письму — за столько-то лет... Притом что я словеса нанизывать не мастак и не охотник.

— Почему тогда писал?

Хэл запрокинул голову и выпустил колечко дыма в сторону луны.

— Это так сразу не объяснишь.

Дачесс потерла глаза.

— Тебе в постель пора.

— Сама разберусь, когда мне спать, когда бодрствовать.

Хэл поставил на пол стакан из-под виски.

— Поначалу я эти письма отправлять не собирался. В смысле, после Сисси и после того, что случилось с твоей мамой и бабушкой. Мне душу излить надо было, и всё. А потом я подумал: а чего это я один мучаюсь? Пускай и он, Винсент, тоже помучается, да не из-за своей жизни загубленной, а из-за других жизней. Пускай представляет, как я тут один, точно сыч, сижу, и *что* мне до красоты земной, когда... Всё ему расписывал — занятия свои, работу, и что в долгах весь, и что боль на грудь давит.

— Он отвечал?

— Да. Сперва только прощения просил. Знаю: не хотел он, с каждым могло произойти, авария, случайность... Только суть-то прежняя, и не легче ничуть от этого его «не нарочно».

Дачесс взяла чашку, ложечкой выловила и отправила в рот зефирку. Сладость показалась чрезмерной, застала врасплох — а просто Дачесс позабыла, что в жизни есть приятные вещи.

— Я туда, к нему, ездил на слушания о досрочном освобождении. Их несколько было. Винсент Кинг мог выйти гораздо раньше, когда вся жизнь еще впереди.

— Почему его не выпустили? Уок не рассказывал; я сама прикинула, что он там, в тюрьме, дурное делал.

— Ничего подобного. Кадди, охранник, каждый раз просил за него. Адвоката взять Винсент не хотел. Уок тоже ездил, ни одного слушания не пропустил. Мы с ним только глядели друг на друга. Я бы мог подойти, заговорить — а вот же... Как представляю, что они с Винсентом неразлейвода, почище родных братьев, хоть и разные по нраву: Винсент — шкодливый, Уок — правильный. Всегда, бывало, его прикрывал да выгораживал.

Дачесс попыталась вообразить Уока мальчишкой, закадычным дружкой Винсента Кинга. Ничего не вышло. Уок представлялся ей исключительно дядькой в полицейской форме — может, потому, что она не видела его одетым иначе. Словом, Уок — стопроцентный коп. А Винсент Кинг — закоренелый злодей.

— В конце слушания они задавали ему один и тот же вопрос: если тебя выпустят, будешь снова закон нарушать?

— А он что?

— А он этак глянет мне в глаза и отчеканит: буду. Мол, опасен я для людей.

Может, он думал, это благородно — полный срок отмотать. Разумеется, девочку не вернешь, ее близким не легче, но ведь важно само намерение. Однако теперь Дачесс кое-что узнала, и из дальнейших откровений Хэла смогла сделать вывод: Винсент был в опасности.

— Какая это боль, господи боже... Младшей дочери лишиться, жену похоронить, а потом еще и мама твоя от меня отвернулась... Все потерял, чем дорожил. Думал, дальше и жить-то незачем. Думал, не переборю горя.

— Переборол же.

— Потому что сюда приехал. Только здесь дышать и начал. Монтана — она врачует. Сама увидишь.

— Стар говорила, есть соотношение между страданием и грехом.

Хэл улыбнулся, будто услышал эти слова непосредственно из уст погибшей дочери.

— Расскажи о Сисси.

Он загасил сигару.

— Смерть имеет одно свойство: жил обычный человек, а погиб — стал святым. Только дети ведь безгрешны, их обелять не нужно. Малютка Сисси была — ангел, чудо. Как твоя мама. Как Робин.

У Хэла достало ума не сказать: «Как ты, Дачесс».

— Рисовать любила. Четвертого июля, когда фейерверк запускали, «ура» кричала. Морковку еще могла съесть, а салат или там горошек — все, что зеленого цвета, — ни в какую. Маму твою обожала.

— Я на нее похожа. Я фото видела. Мы трое — Стар, Сисси и я — почти одинаковые.

— Верно. И очень красивые.

Дачесс сглотнула.

— Стар говорила, ты очерствел — ну после Сисси. Ни капли доброты в тебе не осталось. Напивался пьяный. На бабушкины похороны не пошел.

— Просто, Дачесс, чтобы переродиться, нужно до исходной точки дойти и обратно отматывать.

— Это ты-то переродился? Да в тебе одно дерьмо. — Дачесс говорила тихо и беззлобно. — Это правда, что мама мне про тебя рассказывала?

— Думаешь, я своими поступками доволен? Ничего подобного. Я себя корю без конца.

— Все сложнее, я знаю. Почему ты не вернулся в Калифорнию? Почему мама запрещала тебе с нами видеться? Что ты натворил, а?

В темноте Дачесс разглядела, как дернулся поршнем старческий кадык.

— Он уж несколько лет отсидел, когда... когда я прослышал, что будет слушание о досрочном освобождении. Получалось, в тюрьме он только пять лет проведет. Всего пять — за мою Сисси...

Чуть ли не целая жизнь прошла — а в голосе боль, словно Сисси погибла несколько дней назад.

— Должно быть, я со спиртным перебрал. Явился тот тип и говорит: у меня брат в Фейрмонте. Сделку мне предложил — чтобы, значит, Винсенту срок добавили. Чтобы справедливость восторжествовала. За недорого совсем. Ну я и... Теперь вот думаю: если б время вспять повернуть, хватило бы мне мужества? Отказался бы? Не уверен.

— Значит, это все-таки была самооборона — я про человека, которого Винсент убил в тюрьме...

— Да. Самооборона.

Дачесс длинно вдохнула. Признание Хэла оказалось столь весомо, что ответ никак не формулировался.

— Твоя мама узнала. Тогда все и пошло рушиться. Единственный поступок, да и был-то четверть века назад — а к чему привел...

Дачесс прихлебывала какао и думала о маме. Рылась в памяти: чем бы отогнать ночной холод? Память упорно подсовывала одну картинку: белки закатившихся маминых глаз.

— Потому ты и в церковь ходишь?

— Надеюсь понять, что движет людьми. Почему они так поступают, а не эдак. Что бы они еще натворили, представься им случай.

Допив какао, Дачесс поднялась. Ноги едва ее держали. Подумалось: вот Дарк явится — а Хэл на страже. С винтовкой.

В дверях она обернулась.

— Как считаешь, почему Винсент на этих слушаниях — ну о досрочном освобождении — говорил, что опасен, что снова закон нарушит?

Хэл поднял глаза, взглянул на нее совершенно как Робин.

— Бывало, уводят Винсента, а Уок с Кадди, с охранником, друг на друга тарашатся — будто совсем ничего им не понятно. Но мне-то Винсент писал. Мне-то он объяснить пытался.

Дачесс ждала.

— После той ночи, когда Сисси... после того, что Винсент сделал, ему стало ясно: отныне свободы никому из нас не видать.

* * *

Они двое возле дома Рэдли. Лунного света едва хватает, чтобы Уоку видеть абрис лица Марты, аккуратненький носик, волосы до плеч. Он чувствует тонкий, ненавязчивый аромат ее парфюма. У обоих в руках фонарики.

Уок располагал отчетом, где было зафиксировано время звонка в полицию — Винсентова звонка; а также время смерти Стар, определенное коронером. Сомневаться в точности данных не приходилось: Дачесс ехала за подарком по хайвею, несмотря на

большой риск; так вот, вся поездка заняла у нее сорок пять минут. Получалось, у Винсента было лишь пятнадцать минут на то, чтобы избавиться от оружия и вернуться в дом Рэдли. Уок с Мартой решили до конца проработать версию, что убийца — именно Винсент; из-за этого Уок всю предыдущую ночь глаз не сомкнул.

— Прочешем окрестности. Каждую тропку, по которой он мог пройти, осмотрим.

Марта прихватила секундомер. Винсент не уложился бы в пятнадцать минут, если б шагом пошел прятать оружие убийства; нет, ему надо было бежать. Правда, Уок не помнил, чтобы Винсент выглядел запыхавшимся или потным. С другой стороны, из всех образов той ночи память сохранила только лицо Стар — но зато уж его, Уок не сомневался, ему до смерти не забыть. А вообще склероз неминуем. Уок начал вести записи — прикидывался, будто они относятся к работе, а сам отмечал, что уже сделано из намеченного на день, что не сделано, и фиксировал каждый прием лекарств.

Они с Мартой направились к пролому в заборе — сколько Уок помнил, столько забор оставался непочиненным. За проломом был скверик — естественная граница между Айви-Ранч-роуд и Ньютон-авеню. Искали под каждым деревом, просвечивали фонариками каждую тропку, шарили в кустах, обследовали цветочные клумбы. Не пропустили и ручей. Конечно, Бойд со своими ребятами и с собаками уже всё здесь осмотрел — но он ведь в Кейп-Хейвене чужой, не то что Уок. Вдруг ему, местному жителю, откроется некая деталь, ускользнувшая от незаинтересованных лиц? Уок закрыл глаза и попытался влезть в Винсентову шкуру.

Семь маршрутов плюс вероятные отклонения от последнего из них — и всё впустую.

— Да просто у него не было пистолета. Если б был, мы бы нашли. Или, что более вероятно, Бойд нашел бы.

— Нестыковочка в их версии, притом серьезная, — Марта кивнула. — Госпожа окружной прокурор будет весьма разочарована.

Они вернулись к дому Рэдли, стояли на тротуаре.

Марта взяла Уока за руку. Он был близок к отчаянию. Запутался в версиях и вдобавок потерял из виду Дарка. Пробовал звонить — сотовый оказался переведен в режим голосовой почты. Уок оставлял

сообщения до тех пор, пока не переполнил виртуальный почтовый ящик.

Сердце подсказывало уму: убийца — Дарк, мотив — подставить Винсента Кинга, чтобы заполнить его дом и не только спасти свою строительную империю, но еще и нажиться. Небезупречная версия, спору нет; но в ней хоть логика наличествует — ее, значит, и надо прорабатывать. Что до девочки... слава богу, Хэл — он вроде призрака, ранчо затеряно на просторах Монтаны; короче, дети в безопасности.

Вслед за Мартой Уок прошагал до конца Ньютон-авеню, и вдруг Марта потащила его к чужому двору. Перелезла через низенький заборчик, скрытый в зарослях барбариса.

— А ты, я погляжу, не позабыла кейп-хейвенские обходные пути...

— Этот конкретный открыла мне Стар.

Через двадцать минут они были на утесе — звездный купол над океаном, дерево желаний, приходская колокольня вдали — словно заброшенный маяк.

— С ума сойти — живехонек наш дуб... А помнишь, как мы под ним целовались и прочее?

Уок усмехнулся.

— Я все помню.

— Ты никак не мог справиться с застежкой лифчика.

— Один раз получилось.

— Нет, я сама его расстегнула, заранее. Пускай, думаю, Уок себя триумфатором почувствует.

Марта уселась под деревом, дернула Уока за руку — мол, давай тоже садись. Оба прислонились к толстому стволу и стали глядеть на звезды.

— Я так и не попросила прощения.

— За что?

— За то, что бросила тебя.

— Дело давнее. Мы были почти детьми.

— Нет, Уок. По крайней мере, не в глазах судьи. Ты об этом вспоминаешь?

— О чем?

— О том, что я носила нашего ребенка.

— Да. Каждый день.

— Мой отец так и не смирился. В целом он неплохой человек. Просто... просто он тогда думал, что в отношении меня поступает правильно.

— А перед Богом грешит.

Марта надолго замолчала. Внизу покачивался на волнах катер, ныряли и выныривали огни.

— Ты так и не женился.

— Разве я мог?

Марта тихонько усмехнулась.

— Нам же было всего по пятнадцать.

— Дело не в возрасте.

— Вот за это я тебя и любила. Кто еще так искренне верит в добро и зло, и в любовь? Никто. Ты слова дурного о моем отце не сказал, поступок его вслух не осудил. Ты сохранил тайну. Я тебя бросила, Стар в другую школу перевелась — ты остался один на один с этим кошмаром. В отличие от Винсента, ты не потерял свободу, но в моральном смысле тебе точно было ничуть не легче.

Уок сглотнул.

— Я просто желал вам всем счастья.

Снова этот смешок без намека на жалость.

— А я тебя видел, Марта. Ну потом. Через год примерно. В Клируотер-Коув, в торговом центре. Я пришел туда с матерью, а ты стояла в очереди за билетом в кино. Не одна.

Марта, судя по лицу, напрягала память.

— Это был Дэвид Роуэн. Ничего серьезного. Просто приятель.

— Знаю, знаю. Я ведь не из ревности. Просто хотел сказать... ты выглядела счастливой, Марта. Я еще подумал: парню ничего не известно. Он представления не имеет, через что мы, все четверо, прошли — так оно и к лучшему. Потому что ты... в смысле, между вами никаких тяжелых событий. Вы с ним, с тем парнем, не тащите вместе это бремя, и ты можешь просто... жить дальше.

Пока Марта плакала, Уок держал ее за руку.

Зима принесла в Монтану хрустящий ледок на пашнях, выбелила небеса ежеминутной готовностью к снегопаду.

Робин взял привычку — выбежать в поле, лечь навзничь и замороженно глядеть вверх, пока пальчики не побелеют. Приходилось поднимать его силком. Полевые работы закончились, но животным требовался прежний уход. Лошадки теперь паслись в теплых пополах. Каждое утро, на рассвете, Дачесс седлала серую и объезжала окрестности — она уже хорошо ориентировалась. Тишина радовала ее; казалось, Господь поступил правильно, укутав землю толстенным одеялом, заглушив всех четвероногих и пернатых обитателей Монтаны, за исключением неумных синиц.

Бдительности они не теряли. Каждый вечер Хэл устраивался на крыльце — напяливал войлочную шляпу, укрывал колени пледом, винтовку держал наготове — караулил Дарка. В иные ночи Дачесс, внезапно проснувшись, выглядывала в окно, убеждалась, что Хэл на посту, ложилась и мигом засыпала. А порой шла к Хэлу. Тогда он готовил какао, и они в молчании стерегли дом вместе. Иногда Хэл пускался рассказывать про Билли Блю Рэдди, причем обилием деталей вызывал у Дачесс подозрения, что сам же всё и выдумал. Однажды Дачесс заснула у него на плече, а проснувшись в своей постели и обнаружила, что одеяло заботливо подоткнуто и снизу, и с боков.

Выходные она проводила с Томасом Ноублом и Робинотом. Давала обоим фору — пусть убегут подальше — и шла по следам, четко отпечатанным на снегу. Мороз благотворно действовал на мысли. Дачесс меньше думала о Кейп-Хейвене, где нет существенных различий между летом и зимой, и больше — о Монтане. Иногда ей даже являлись обрывочные картины будущего. Воспоминания о матери проходили у Дачесс тщательный контроль — из кучи угля для дальнейшего хранения требовалось выбрать единичные алмазы.

Ладилось у нее и в школе. Отметки были вполне приличные. Дачесс увлеклась индейцами и первыми поселенцами, писала о них реферат; те и другие оживали на страницах. Однажды утром, после ночного снегопада, она сфотографировала двор и поле из окна спальни и отправила снимок Уоку. Каждую субботу Хэл брал ее с собой в

город. Они закупали провизию и шли пить какао с пончиками. Почти всегда в кондитерской Черри заставляли Долли. Подсаживались к ней за столик, разговаривали. Биллу день ото дня делалось хуже. По фарфоровому лицу Долли начали змеиться морщинки; за брюзжанием по поводу собственной внешности она прятала полное осознание, что скоро станет вдовой.

Хэл свозил их с Робинот на озеро Хэмби, глубиной не уступающее океану. Лодка, взятая напрокат, скользила по тишайшей водной глади, и они трое, каждый с удочкой, отражались в озере четко, как в хрустальном зеркале. Вскоре солнце прогрело воздух, и разгулялся день, по великолепию максимально приближенный к той грани, заступать мечтами за которую Дачесс себе не позволяла. Робин поймал увесистую радужную форель, но слезами умолил Хэла выпустить ее.

Томас Ноубл все чаще поднимал тему зимнего бала. Дачесс иногда просто бросала «заткнись», иногда говорила, что у него в планах подлить виски ей в пунш и надругаться над ее бесчувственным телом. Обзывала его сексуальным хищником, он же только чесал в затылке да натягивал шарф повыше на нос.

В первый день зимы Томас привез ей засушенные колокольчики — те самые, выданные вместо сорняков. Надо же, сохранил, подумала Дачесс. Разумеется, колокольчики имели вид самый жалкий, но Дачесс была тронута жестом как таковым. Тем более что Томас целых четыре мили катил по хайвею, а потом лез по их нечищенной подъездной дорожке. К тому времени как он добрался до дома, окоченевшие конечности и нос начали терять чувствительность, а сознание затуманилось. Хэл усадил Томаса у камина и не позволял встать, пока тот не отгадет.

— Танцевать я с тобой не буду, — заявила Дачесс. Они оба глядели на огонь. — Не говоря об объятиях и поцелуях. Я даже за здоровую руку тебя не возьму. Да что там — я, может, за весь вечер тебе и пары слов не скажу.

— О-ке-ке-кей, — простукал зубами Томас.

Хэл с Робинот были в смежной комнате. Через открытую дверь Дачесс заметила, что оба ослабли, и показала им средний палец.

В следующее воскресенье, после проповеди, Хэл повез их в Брайерстоун. Тамашний торговый центр представлял собой ряд из

десяти магазинов, втиснутых между закусочной «Сабвей» и конторой, выдающей микрозаймы. Женская одежда продавалась под вывеской «У Келли». Дачесс вихрем пролетела по рядам, увешанным полиэстеровой дрянью, выдернула «плечики» с платьем в блестках, посмотрела на свет, обнаружила не менее пяти «проплешин» и объявила:

— Прямо как в Париже.

Хэл обратил ее внимание на желтое платье; она осведомилась, *что* он вообще смыслит в моде. Указала на его ботинки, на линялые джинсы, на клетчатую рубашу и шляпу; подытожила: «Пугало ты огородное».

Они трижды обошли торговый зал. Робин хватал «плечики» то с одним, то с другим вульгарным платьем; довольный, тащил к Дачесс и мчался обратно, услышав от нее вопрос: ему и правда хочется, чтобы родная сестра выглядела как проститутка середины восьмидесятых?

Сама Келли — на «платформах», с прической «улей», добрых двадцать фунтов жиру замаскированы широким поясом — собралась было помочь, выплыла в торговый зал, но вовремя угадала настрой покупателей и ретировалась к кассе. Хэл улыбнулся ей, она расцвела ответной сочувственной улыбкой.

Шляпа обнаружилась на дальней полке — Дачесс так и застыла перед ней. Решилась, протянула руку, взяла, нахлобучила. Сразу засосало под ложечкой; пришел на ум Билли Блю Рэдли, ее легендарный предок. Вот она только примерила шляпу — а родство с Билли в разы ощутимее.

Шляпа — просто шедевр. Тулья отделана кожаным шнуром, поля правильной ширины и загнуты под нужным углом. Да за такую шляпу истинный бандит душу продаст.

За спиной возник Хэл, обронил:

— Тебе идет.

Дачесс сняла шляпу, взглянула на этикетку.

— Боже!

— «Стетсон»^[44], — констатировал Хэл, будто это слово оправдывало убийственную цену.

Дачесс даже не заикнулась о покупке — слишком дорого, — но, идя вслед за Хэлом к платьям, все оглядывалась.

— Стрёмное, а делать нечего, выбор никакой вообще. — Дачесс протянула руку к желтому платью.

Хэл мог бы сказать, что именно это платье час назад он купить и предлагал, но под взглядом Дачесс счел за лучшее воздержаться от упреков.

* * *

Встречу организовал Кадди: «Бургерная Билла», проехать к югу от Биттеруотера. Постройка когда-то была выкрашена в красный цвет, давно полиняла, общее впечатление — что Билл скоро будет выдавлен конкурентами. Меню пишут от руки, предлагают фирменные блюда по три доллара. Внутри пусто, на парковке тоже. Поравнявшись с окошком выдачи заказов, Уок опустил стекло.

Человек, ради которого он приехал, оказался латиноамериканцем в годах: волосы под сеткой, фартук, меж бровей хмурая складка. Явно из тех официантов, что сносят оскорбления от юных панков, а потом убирают за ними мусор с таким видом, будто получили чаевые. На всякий случай Уок прочел имя на бейдже — «Луис»; да, все сходится.

Луис заметил Уока и махнул в сторону парковки.

Тот отъехал, куда было велено, заглушил двигатель, вылез из машины, привалился к капоту. Минут через десять шаркающей походкой вышел Луис, предупредил:

— У меня перерыв пять минут.

— Спасибо, что согласились встретиться.

— Не мог отказать старине Кадди.

Луис восемь лет просидел через стенку от Винсента. Осужден был за вооруженный грабеж — последнее преступление в длинном списке. Криминальное прошлое зашифровано в татуировках на предплечьях; впрочем, видно, что Луис давно завязал.

— Спрашивайте — отвечу. Только быстро. Работы вагон. Босс не выносит вашего брата легавого — чтоб, значит, в заведение к нему ни ногой.

— Понял. Меня интересует Винсент Кинг.

Луис прикурил сигарету, повернулся спиной к окнам. Выпускал дым и сразу руками развеивал.

— Винсент — единственный, кто не плакался, будто ни за что срок мотает.

Уок рассмеялся.

— Серьезно. Из него вообще слова было не вытянуть.

— То есть приятелей он в тюрьме не завел?

— Какое там! Он даже от прогулок отказывался. И от пудинга.

— От какого пудинга?

— Жратва там — дерьмо собачье. Одна радость — пудинг, по стакашкам расфасованный. Однажды на моих глазах парня ножом пырнули за такой вот стакашек. А Винсент — он свою порцию мне отдавал. Каждый день.

Уок не знал, как реагировать на эту подробность.

— Не понимаешь ты, легавый, ни хрена. Винсент голодовок не устраивал, как и молчанок. Ел ровно столько, чтоб хватало. И с разговорами так же. Твою мать, да он вдохов-выдохов делал ровно столько, чтоб...

— Сколько? На что хватало?

— На то, чтоб не сдохнуть. Никаких поблажек, но морить себя — этого не было. Он, видишь, хотел полный срок отмотать, наказание выпить по капле, до дна. И уж позаботился, так обставил, чтоб ни облегчения, ни отвлечения. У других телик в камере, радио — у Винсента одни голые стены; сам ото всего отказался. Он бы вообще один сидел, на воздух шагу бы не сделал, если б не Кадди.

Луис глубоко затаился.

— У Винсента были проблемы с другими заключенными, — сказал Уок.

— Проблемы у всех бывают — обычное дело. У Винсента девчонка осталась, верно? Вот парни просекли, в чем его слабина, имя ее трепали, чтоб, значит, ревность возбудить. Ты, мол, здесь, а зазноба твоя с другими крутит. Ревность — страшная штука, когда в камере сидишь, вот что я скажу. Скольким мозги своротила... А Винсент — он как-то справлялся, в раж не входил. Болтают, сочиняют всякое — пусть их, чужой рот не заткнешь.

— И всё-таки его довели, разве нет? Я собственными глазами видел шрамы.

— У Винсента только один враг был — он сам.

— В смысле?

— Как-то попросил он: добудь, Луис, мне бритву. Ну это пара пустяков. Я думал, Винсент хочет поквитаться с кем-то...

— А он?

— В тот же вечер, как я ему бритву передал, слышу — охрана на уши встала. Ничего особенного, если б шумели возле другой чьей-нибудь камеры, а не Винсентовой. Я — к решетке...

— Ну?

Луис побледнел.

— Жуть что было. Он себе все руки искромсал. Резал без оглядки, глубоко, в самое мясо. Но артерии не трогал. Говорю: смерть в его планы не входила — только боль.

Уок потерял дар речи. Горло сдавило, он едва мог дышать.

— Всё насчет Винсента?

— Не всё. Опишите, Луис, его характер.

— Ну этого никто не сделает. Никто Винсента не знал, по большому счету.

Луис бросил сигарету, затоптал, нагнулся за раздавленным окурком. Подмигнул Уоку и вытянул ладонь, но прищелкнул языком, едва Уок, расценивший этот жест как приглашение к рукопожатию, шагнул вперед.

Тогда Уок вынул двадцатидолларовую купюру и по реакции Луиса понял, что на сей раз догадка верна.

Долли, дожидаясь на крыльце, пока ее впустят, еле удерживала под мышкой большущую коробку. Вообще-то она приехала за Робинот: было решено, что мальчик переночует у нее дома — на всякий случай. Вдруг миссис Ноубл не сможет забрать Дачесс и Томаса, так вот чтобы у Хэла руки были развязаны. Эта вечная Хэлова тревога, обязательный план «Б».

Долли повела Дачесс в спальню, поместила коробку на кровать, сняла крышку. Дачесс так и ахнула — внутри оказались тени для век, пудра, румяна, помада, туалетная вода на любой вкус.

— Обещайте, что в итоге я не буду выглядеть как потаскуха.

— Никаких обещаний не даю, солнышко.

Дачесс улыбнулась. Ответ ей понравился.

Час спустя она сошла на первый этаж: волосы завиты, тщательно уложены и перехвачены новой ленточкой, губы — как блестящие розовые леденцы. Туфли тоже новые — Келли помогла выбрать. Плюс несколько фунтиков живого веса, плюс окрепшие от работы мышцы — вполне здоровая девочка без признаков истощения.

Хэл просиял от чувства, похожего на гордость, и Дачесс бросила ему «заткнись» прежде, чем он успел произнести хоть слово.

— До чего ж ты красивая, — восхитился Робин. — Совсем как мама.

* * *

Хэлов грузовик тащился за автомобилем Долли до поворота на Авоку. Падал легкий снежок, но шоссе предусмотрительно посыпали солью. Вдали светился внушительный особняк — дом Долли. Дачесс спросила, как себя чувствует Билл. Долли ответила, что старый упрямец не желает сдаваться — собственного блага не видит.

Попрощались с Долли и Робинот, двинулись дальше. Миновали знак «Водитель! Сбавь скорость».

— Волнуешься? — спросил Хэл.

— О чем — что сегодня вечером забеременею? Нет, я спокойна. Чему быть, того не миновать.

Свернули к Карлтону.

— Меня Робин беспокоит, — сказала Дачесс.

Хэл сверкнул на нее глазом.

— Он что-то знает... ну о той ночи. Когда бодрствует — вроде не помнит, зато когда спит... Ему это снится, я же чувствую. Мне кажется, он тогда всё слышал; всё.

— Ничего, разберемся.

— Вот так вот запросто?

— Ну да. Устраивает тебя?

Дачесс кивнула.

Еще поворот — на Хайвуд-драйв.

— Вот блин!

— Что такое?

В следующую секунду Хэл и сам увидел. Попытался сдержать улыбку — ничего не вышло.

Подъездная дорожка к дому Ноублов была расчищена от снега и усыпана лепестками роз.

— Хэл, пристрели меня!

К оконному стеклу словно приклеилась Томасова физиономия — вот с таким же выражением Робин, бывало, в Сочельник караулил Санту.

— Господи, еще и галстук-бабочку нацепил... Вырядился как цирковой фокусник.

Хэл заглушил двигатель. Дверь открылась, на крыльцо вышла миссис Ноубл с фотоаппаратом. За ней маячил мистер Ноубл с видеокамерой — взгромоздил ее себе на щуплое плечо; она покачивалась, разбрасывая слепящие вспышки.

— Поехали обратно, Хэл. Я в этом идиотском шоу не участвую.

— Один разок можно. В виде исключения.

— Безграничное самопожертвование?.. Ладно, уговорил.

— Я спать не лягу. Звони, если что.

Дачесс вдохнула поглубже, взяла зеркальце, поправила ленту.

— Повеселись нынче хорошенько.

— Вот это мне как раз и не грозит.

Она распахнула дверь. Холод едва не заставил ее отшатнуться.

— Платье совсем простое, а девчонки придут в блестках, в пайетках...

— С каких это пор ты хочешь быть как все? Ты же у нас вне закона.

— Я — вне закона.

Дачесс спрыгнула в снег.

Хэл завел двигатель, но прежде чем захлопнуть дверь, Дачесс окликнула его по имени.

— Что, Дачесс?

Их взгляды скрестились. Старый он, подумала Дачесс, а ничего, держится молодцом. Впрочем, ей-то было известно, каких эмоциональных затрат это стоит. Память подсунула два лица — Стар и Сисси.

— Я тебе всяких гадостей наговорила... так вот, не воображай, будто мне стыдно, — последовал трудный вдох. — Я просто...

— Все хорошо.

— Нет. Но, мне кажется, когда-нибудь все наладится.

— Иди давай. И не куксись. Улыбайся — тебя сразу двое снимают. Дачесс показала ему средний палец, но смягчила жест улыбкой.

* * *

Зеркальный шар пригоршнями швырял в толпу осколки света. Темой выбрали Страну Чудес — всюду ватный снег, искусственные цветы в фальшивом инее, по периметру потолка — гирлянды из белых и голубых воздушных шариков. Танцпол оформлен как каток, окружен фанерными елками, а сверху свисают на нитках раскрашенные фанерные звезды.

Дачесс все подергивала букетик, приколотый к корсажу.

— Колется что-то... В какой мусорке ты этот отстой откопал?

— Букетик мама выбирала.

В самую гущу они не лезли. Мимо ковыляли на высоченных каблуках расфуфыренные девчонки. Дачесс молча желала им всем сверзиться с танцпола.

Родители нарядили Томаса Ноубла в смокинг на размер больше, чем надо, так что недоразвитая рука затерялась в длинном рукаве. На

плечах лежала подбитая шелком пелерина, столь экстравагантная, что Дачесс глаз не могла от нее отвести.

— Папа говорит, на официальные мероприятия джентльмену следует являться в костюме с пелериной, — выдал Томас.

— Твоему отцу полторы сотни лет.

— Он еще ого-го. Я их с мамой любовные утехы во дворе пересаживаю — оглохнуть боюсь, такой стон идет.

Дачесс изобразила лицом нужную степень восхищения.

Дали музыку, и стайка девчонок едва ли не бегом бросилась к танцполу.

Томас Ноубл сходил за соком. Они с Дачесс уселись возле подиума в форме сердца, где готовился к съемке приглашенный фотограф.

— Спасибо, что пошла со мной.

— Уже восемнадцать раз повторил.

— Пирога принести?

— Нет.

— А чипсов?

— Нет.

Играли что-то зажигательное. Джейкоб Листон расчистил себе пространство и пошел откалывать фирменные коленца. Его подружка неуклюже захлопала в ладоши.

Дачесс скривилась.

— Наверняка у него припадок.

Включили медленную мелодию. Народу на танцполе заметно поубавилось.

— Может, потанцу...

— Не вынуждай меня повторять.

— Клёвый костюмец, Томас Ноубл.

Билли Райл с Чаком Салливаном.

— По крайней мере, кульпяпки твоей не видно.

Гогот.

Томас Ноубл пил сок, не сводя глаз с танцпола.

Дачесс схватила его недоразвитую руку.

— Идем танцевать!

Поравнявшись с Билли Райлом, она что-то шепнула ему на ухо. Билли попятился.

— Не вздумай щупать меня пониже спины, — предупредила Дачесс уже на танцполе.

— Что ты сказала Билли Райлу?

— Что у тебя член десятидюймовый.

Томас передернул плечами.

— Истины тут всего на четверть.

Дачесс расхохоталась — в полный голос, от души. Она и забыла, до чего хорош искренний смех.

Ее ладони легли на Томасовы бока.

— Блин, Томас Ноубл! Да у тебя все ребра можно пересчитать!

— И это я еще одетый. А представь, каков я с голым торсом — без слёз не взглянешь.

— Отлично представляю. Смотрела однажды документальный фильм о голодающих.

— Я очень рад, что ты здесь.

— Слышь, достойный сын своего отца, хватит уже применять ко мне эмоциональный прессинг.

Они столкнулись с другой парой. Джейкоб извивался, будто ему до зарезу надо было отлить. Не повезло, подумала Дачесс про его девчонку и сочувственно улыбнулась.

— В смысле — здесь, в Монтане. Я очень рад, что ты сюда переехала.

— Почему?

— Я... я просто... — Томас Ноубл вдруг остановился, и в течение одного кошмарного мгновения Дачесс почти не сомневалась: вот сейчас он рискнет ее поцеловать.

— Просто я никогда раньше не видел никого, кто был бы вне закона.

Дачесс приблизилась на полшажочка. Танец продолжался.

* * *

Световое лезвие щели меж опущенных штор, неизбежное вторжение города в рабочий кабинет Уока. Пятничный разговор с Хэлом — телефонная трубка пристроена на левом плече, прижата щекой, правая рука царапает в блокноте. Ноги на кипе бумаг. Мусорная

корзина переполнена. Уок равнодушен к беспорядку. Пускай другие раздражаются, а он не станет.

Хэлу он звонил каждую пятницу, вечером, в одно и то же время.

Как правило, ненадолго. Начинали с Робина самочувствия. Все неплохо, говорил Хэл; психотерапия продолжается, а в целом — дело на поправку. После Робина переходили к Дачесс. Обычно Хэлу хватало пяти минут, чтобы сообщить о ее очередном проступке и о том, что обидные слова его уже не трогают, а только смешат — приходится контролировать мимику. Для Уока ничего нового — с Дачесс он себя вел точно так же.

— Ей труднее, чем Робину, — констатировал Хэл. — У нее адаптация идет медленнее. Ничего — главное, что вообще идет. Есть кое-какой прогресс.

— Это хорошо.

— Нынче, например, Дачесс на школьном балу.

— Что-что? Дачесс отправилась на танцы?

— Это ежегодное событие. Для всех ребят. Эвергрин-Миддл огнями сияет — небось из Колд-Крика видно.

Уок рискнул улыбнуться. Если так, Монтана и впрямь способна к врачеванию душ. Ведь сколько навалилось на бедную Дачесс — а она не сломлена; живет как положено обычной девчонке.

— Что до Робина, по-моему, он припоминать начал...

Уок спустил ноги с кипы бумаг, прижал трубку к уху так плотно, что расслышал тяжеловатое стариковское дыхание.

— Пока ничего конкретного.

— Он называл какие-нибудь имена? Дарк, например?

Хэл, вероятно, уловил мольбу в его интонациях, потому что следующие несколько фраз произнес с максимальной мягкостью.

— Да нет же, Уок. Никаких имен. Робин постепенно принимает тот факт, что был в доме, когда убивали его мать. Это нам еще с психиатром повезло. Хорошая женщина — не давит, не допытывается, наводящих вопросов не задает...

— Честно говоря, я даже хочу, чтобы Робин ничего не вспомнил.

— Насчет этого я ее спрашивал. Она сказала, весьма вероятно, что это событие его память вычеркнула навсегда.

— Я за вас переживаю. За всех троих.

— Я начеку. С тех пор, как Дачесс увидела машину, по ночам дом караулю. Кто его знает, этого Дарка, — возьмет и вправду придет... Дачесс не зря боится, по-моему.

— Вы и сейчас в дозоре?

— А как же. С винтовкой. Если что — сперва выстрелю, потом буду вопросы задавать.

Уок вяло улыбнулся. Бессонница брала свое — он теперь соображал туго, словно ночью некто вываливал из головы мысли, втапывал их в пыль. Днем же Уоку все чаще случалось очнуться от забытья и обнаружить, что он едет по хайвею, а куда, зачем — неизвестно.

— Доброй ночи, Хэл. Будьте осторожны.

Уок повесил трубку, широко зевнул. Обычно в это время он бывал настолько утомлен, что отправлялся прямо домой и под стакан пива смотрел по И-эс-пи-эн что-нибудь усыпляющее. Но сейчас его одолевало желание встретиться с Мартой — не ради разговора, а просто чтобы не сидеть целый вечер в одиночестве.

Он почти набрал ее номер — и нажал «отбой». Ну чем он занимается? Делает гнусные попытки вклиниться в ее жизнь, отлично понимая, что никаких прав на это не имеет. Подумаешь, ему тошно!.. Его ощущения — не повод гадить Марте. Всякий раз при взгляде на Уока она обречена вспоминать самый тяжелый период из своего прошлого — и это не изменится никогда.

Уок вышел из кабинета, двинулся по коридору. Полицейский участок был погружен во тьму.

— Лия! Вот не думал, что ты до сих пор здесь.

Она подняла усталые глаза, даже не попыталась улыбнуться.

— Ну да, засиделась. У нас картотека в хаотическом состоянии. Не меньше месяца провожусь, даже если буду работать сверхурочно.

— Помочь?

— Не надо. Езжай. Эд и не заметит, даже если я вовсе на ночь домой не приду.

Уок хотел как-нибудь ее ободрить, но слов не подобрал; впрочем, Лия уже глядела не на него, а в бумаги.

Он пошел к дверям. Дачесс Дэй Рэдли, танцующая на школьном балу, — как не улыбаться этому видению, ныряя в тепловатый вечерний воздух?

* * *

За ними заехала миссис Ноубл. Снегопад набирал обороты, как, впрочем, и слащавость разговора — в частности, на вопрос матери, понравилось ли им на балу, Томас Ноубл заявил, что это был лучший вечер в его жизни.

Дачесс неотрывно смотрела в окно. Поля, теперь заснеженные, больше не сливались с тьмой, не тонули в ночи. Взгляд мог продвинуться на целую милю ближе к горам.

Достигнув владений Рэдли, миссис Ноубл затормозила у поворота. Аллея была вся в снегу. Хэл не виноват — ему со снегопадом не тягаться, тем более на такой длинной аллее.

— Ничего, я отсюда пешком дойду, — сказала Дачесс.

— Ты уверена, милая? Я бы рискнула, да боюсь, застрянем — до утра не выберемся.

— Хэл сейчас на крыльце. Он увидит свет фар и пойдет мне навстречу. Езжайте.

Она спрыгнула прямо в снег и побежала по аллее — ни миссис Ноубл, ни Томас не успели выскочить следом.

На полпути Дачесс обернулась, махнула им, проследила, как удаляется автомобиль, дальним светом тревожа снежную пелену.

Она старалась повыше поднимать ноги в новых туфлях. Снег запорошил амбровые деревья, отяжелел ветви — они клонились к дорожке, Дачесс будто вступила под свадебную арку. Свободная, обновленная, она запрокинула голову. Круженье снежинок, небывалый восторг, слишком огромный, чтобы охватить его взглядом ли, разумом ли. Завтра, подумала Дачесс, будем с Робинотом валяться в снегу, делать ангелов; снеговиков налепим целую команду — и все чтобы ростом с Хэла, не ниже.

Она миновала амбровую рошу. Старый дом в столбе лунного света был как на ладони, и Дачесс улыбнулась сама не зная чему. Может, огоньку в кухонном окошке.

Сделала еще шаг — и обмерла.

Вот они, следы огромных ботинок — почти запорошенные, но всё еще заметные.

И вот он, озноб, вот оно, прикосновение монтанского мороза; целый вечер Дачесс его не ощущала, а теперь захвачена им врасплох.

— Хэл, — позвала она едва слышно.

Чуть ускорила шаг, подгоняемая ударами сердца и дурным предчувствием.

Увидела Хэла на крыльце.

Успокоилась.

По обыкновению, Хэл сидел на скамейке, держал винтовку между колен.

Дачесс замахала ему, заулыбалась. Взлетела по ступеням. Сейчас расскажет, какой отстой этот их зимний бал.

И тут она увидела его лицо — бледное, искаженное болью, в бисеринах пота.

Хэл дышал с трудом, но улыбку все-таки вымучил.

Дачесс медленно приблизилась, осторожно потянула на себя плед.

Кровь: плед ее скрывал.

— Хэл, твою мать! — выдохнула Дачесс.

Он пытался зажать рану, но кровь текла сквозь пальцы быстрой, тугой струей.

— Я его подстрелил, — произнес Хэл — уже полупустая брэнная оболочка. Протянул руку Дачесс, и кровь, подобно неизлечимой болезни, тотчас перекинулась на нее.

Дачесс выпустила руку, бросилась в дом, к телефону. Номер полицейского департамента в графстве Айвер был в режиме быстрого набора. Дачесс сообщила все, что могла.

На трубке остались кровавые отпечатки. Она взяла в шкафу бутылку виски, выбежала на крыльцо.

— Черт...

Бутылка у Хэлова рта. Кашель. Кровь на губах и на бутылочном горлышке.

— Я в него попал, Дачесс. Он сбежал, но я его точно ранил.

— Молчи. Сюда уже едут. Тебя спасут, потому что знают, как.

Хэл поднял взгляд.

— Ты же вне закона.

— Я — вне закона.

Голос ее дрогнул.

— Тогда действуй так, чтобы я тобой гордился.

Дачесс стиснула его ладонь, прижалась щекой к его щеке, зажмурилась, удерживая слезы. Провыла: «Вот черт!» Ударила Хэла в предплечье, в грудь, отвесила оплеуху.

— Дедушка, очнись!

Новое желтое платье измарано кровью, взгляд скользит с подола на заснеженную тропу, на следы, что уводят в поле и дальше, дальше.

Дачесс опустилась на колени.

— До исходной точки и обратно.

Она взяла винтовку.

Мороз ей стал ни о чем, полнолуние — глубоко параллельно; как и звезды, и красные амбары на белом фоне, и ледяная гладь пруда.

Дачесс вывела из конюшни серую. Подтянулась, вспрыгнула в седло. Поправила на плече винтовку. Дернула поводья, пустила серую по пунктиру следов.

Дура. Как она могла опуститься до благодушия, поверить, что возможна новая жизнь? Куда подевала ярость — жгучую, выкручивающую нутро?

Кто ты, ну-ка, вспомни, ну-ка, ну-ка.

Дачесс Дэй Рэдли.

Та, что вне закона.

Часть III. Возвращение

С рассвета до заката за рулем, по обе стороны шоссе пустыня Мохаве — неумолимость солнечных лучей, промельки неказистых цветов, шаблонная изменчивость пейзажа.

Трасса номер 15, лас-вегасские огни в отдалении — словно обрушился на Землю и вспыхнул инопланетный объект.

Билборды выстроились в затылок, с них глядят ряженные бровастые фокусники и стареющие старлетки — при каждой переключке альбомов, на которых она играючи сколотила капитал.

Лица умалаялись в зеркале заднего вида, блекли, сходили на нет. Уок краем объехал Долину Огня^[45] и городишко Бивер-Дэм; не коснулся вечной тени Большого Каньона. От мотеля к мотелю, от заправки к заправке методично проглатывать мили хайвея — вот его задача.

Круглосуточная закусочная в историческом центре Сидар-Сити, города в «железном» графстве Айрон. Поздний час; из посетителей, кроме Уока, только двое мужчин; из кабинки слышно, как они обсуждают прощание с неким Кларком. Причем неясно, умер этот самый Кларк или женился.

Дорожные указатели «Покателло», «Блэкфут», «Айдахо-Фоллз». В глаза будто песку насыпали, протирать бесполезно.

Трасса номер 87; на подступах к Карибу-Тарги^[46], после тысяч миль черноты, пейзаж наконец-то оживлен синими вкраплениями. Восход над озером Генри. Уок сбавил скорость, снова потер глаза — неглубокая вода так преломляла солнечные лучи, что впору было ослепнуть.

Первый снег он увидел в Три-Форксе — белые равнины перетекали в белое небо. Уок закрыл окна и включил обогрев, даром что не чувствовал ни холода, ни тепла.

Звонок из полицейского департамента графства Айвер застал его дома. Уок чуть живой валялся, скованный полупараличом; едва сумел дотянуться до телефона. Зато, когда айверский офицер все сказал, когда раздались короткие гудки, Уок швырнул трубку на место, вновь схватил и вновь швырнул, и так до тех пор, пока трубка не развалилась на куски. Далее он сгреб всё с рабочего стола на пол, стал пинать

компьютер и разбил экран. Сознание отказывалось принимать то, что произошло в Монтане.

Иллюзия, поддерживаемая открытками и пятничными звонками Хэлу — что у девочки с мальчиком отныне нормальная детская жизнь, — эта иллюзия умерла без надежды на воскрешение. Уок, потрясенный, три дня ни с кем не разговаривал. На работе взял отпуск — ему положено было за десять лет; напугал всех до того, что Лу-Энн поехала к нему домой, стала барабанить в дверь. Он не открыл. Звонила Марта — он не брал трубку.

Первые сутки проторчал дома, глядя на стену за телевизором. К этой стене Уок еще раньше прикрепил им же составленное досье на Дарка — чтобы ни одна подробность не ускользнула из слабеющей памяти. Пытался напасть на след — и оказывался в тупике. Либо выходил на давних знакомых Дарка, которые лет двадцать уже о нем не слышали. Думал, поможет спиртное. На четверть опустошил бутылку «Джима Бима» — и остановился. Виски в сочетании с лекарствами тяжелило голову, нагоняло сон. Одна-единственная промашка Дарка стала бы мотивом, отсюда можно было бы домысливать — и уж они с Мартой домыслили бы. Так нет же. Словно сама судьба приняла сторону Дарка, подчистила за ним вероятные косяки. Дарк осуществил свой план и ускользнул — его не прищучить. Свидетелей нет. Кровь замело снегом. Там, в графстве Айвер, сделали всё как полагается: поставили патруль на единственной дороге, отправили поисковую команду обшаривать лес. Теперь их версия — убийца скончался от ран либо замерз насмерть, найдется не раньше весны, вероятно уже обглоданный лесным зверьем.

Уок вернулся на работу. Четыре дня и одну ночь занимался привычной рутинной — мелкие правонарушения, дежурство у начальной школы, патрулирование улиц.

Марта приехала к нему сама — без предупреждения. Слушала, прижимая ладонь ко рту, словно иначе не сумела бы сдержаться, завывала бы. Если до сих пор Уок был разбит, то теперь осколки разметало вихрем монтанских событий, а вместе с осколками — и надежду, что когда-нибудь их получится слепить в некое подобие себя прежнего.

Уок ездил в Фейрмонт, три часа задышался в зале ожидания, надеясь, что Винсент передумает, выйдет к нему. Потом вместе с

Кадди смотрел баскетбольный матч в тюремном дворе. Ни внезапное падение игрока, ни выбитый локтем зуб уже не трогали его, не заставляли вздрагивать.

Борода отросла, закрывала шею, спускалась на тощую грудь. Истонченная кожа туго обтягивала впалые щеки. За несколько месяцев Уок постарел на десять лет.

В округе Льюис-энд-Кларк снег лежал толстым слоем. На трассе номер 89 Уок заехал на заправку, прошел в душевую. Там воняло мочой, и он, раздеваясь, практиковал поверхностное дыхание. Замер, обнаженный, перед зеркалом, под тусклой помигивающей лампочкой. Ни пуза, ни жирных складок на торсе. Ребра светятся, подвздошные кости выпирают — вот он какой теперь. Уок стал одеваться: рубашка, брюки, галстук. Волосы пострижены ежиком — так проще, не нужно причесываться. Руки дрожат — плевать. Кому интересно — пускай смотрит, фиксирует его тремор. Хуже, что координация движений нарушена. Если в одной руке телефонная трубка, другой записи вести уже не будешь — не послушается. Вот это выматывает, просто бесит.

Баптистская церковь Кэньон-Вью. Кто-то расчистил снег, парковка по периметру окружена сугробами. Уок приехал до начала отпевания. Разложил сиденье, лег, закрыл глаза. Ночь за рулем брала свое — он подремал минут тридцать. А потом полезли мысли. Из головы не шла Дачесс — не нынешняя, а прежняя, маленькая совсем, — как она глядела на Уока, словно видела в нем избавителя.

Стали подъезжать автомобили. Уок не спешил выходить — наблюдал. Люди в основном пожилые, идут к церквушке нетвердо, прихрамывают. А лица привыкли к морозу, вон как разрумянились...

Он уселся в заднем ряду, в уголке. Орган исполнял нечто умиротворяющее.

Гроб стоял у алтаря.

Уок поднялся вслед за всеми.

Повернул голову и увидел Робина. Его вела за руку неизвестная женщина. Робин очень изменился, как-то сразу повзрослел, заново обобраный вторым нажатием на спусковой крючок.

За братом шла Дачесс. Простое темное платье, прямой, жесткий, вызывающий взгляд. Соседи Хэла выжимали сочувственные улыбки, Дачесс и не пыталась улыбнуться в ответ. Ее детство кончилось.

Она заметила Уока, и на миг ему показалось — Дачесс хочет остановиться рядом с ним. Но нет, прошла мимо.

Уселась впереди, к Уоку спиной. Мелькнул и скрылся меж светлых прядей знакомый бантик.

Рядом с Дачесс сидел тощенький парнишка в очках; когда священник начал церемонию, а Робин заплакал, парнишка обнял Дачесс. Она к нему и не обернулась — просто повела плечами, стряхивая руку.

После отпевания Уок поехал на ранчо Рэдли.

Для соседей были приготовлены сэндвичи и кексы. Женщина, хлопотавшая у поминального стола, назвала Уоку свое имя — Долли — и вручила чашку кофе.

Робин от этой Долли просто не отходил. Казалось, в истории еще не бывало ребенка несчастнее, чем он. Когда Долли протянула ему пончик, он произнес «спасибо, нет» и точно так же ответил на ее вопрос, не хочет ли он напоследок взглянуть на свою спальню.

Уок незаметно вышел во двор. Маленькие следы вели к амбару, и Уок направился туда же. Снег похрустывал под его ботинками.

Дачесс в стойле, спиной к двери — мягкий лошадиный нос в ковшике ладошки, другая ладошка гладит тугую шею, кобылка нагнула голову, чтобы Дачесс могла дотянуться, поцеловать ее между глаз.

— Долг отдал — уезжай, — не оборачиваясь, бросила Дачесс. — Незачем задерживаться. И так все на часы косятся. Сдались они Хэлу, эти соседи! Отдельных он и на порог не пустил бы.

Уок встал в дверном проеме.

— Прими мои соболезнования.

Дачесс вскинула руку: дескать, принимаю. А может — проваливай ко всем чертям. Уок не знал, как прочесть ее жест; чувствовал лишь, что как ни прочти — разница невелика.

— Тебя там один пацан обыскался, Дачесс.

— Томас Ноубл. Он просто не знает, какая я на самом деле.

— Очень важно иметь друга.

— Томас — обычный. Из нормальной полной семьи. Учится хорошо. В Мёртл-Бич у них вилла, каждое лето они там по шесть недель проводят. Мы с ним дышим разным воздухом.

— Как ты питаешься? Не голодаешь?

— Кто бы спрашивал... На себя посмотри, Уок. Куда делись жировые отложения?

Дачесс не накинула пальто, в одном платье стояла, но явно не зябла.

— Что это за женщина — которая была в церкви рядом с Робинном?

— Миссис Прайс. Так она велела себя называть — а то еще забудем, что в ее семье нам не место... Притворяться у нее плохо получается.

Уок перехватил ее взгляд, но через мгновение Дачесс отвела глаза.

— Мне очень, очень жаль.

— Вот заладил... Считай, что со мной поквитались. Это надо принять. Судьба отомстила или человек — какая разница?

— В церкви такому не учат.

— Свободная воля — иллюзия. Чем скорее это примешь, тем тебе же легче.

— Что будет с домом и землей?

— Я слышала, Хэл был кругом должен. Имущество пойдет с молотка, выручка покроет долги. Земля Рэдли! — Дачесс усмехнулась. — Мы все тут вроде сторожей.

— Как Робин?

Печаль в ее глазах — столь глубоко, что никто, кроме Уока, и не разглядел бы.

— Робин... он почти перестал говорить. Только «да» и «нет» и еще несколько слов. Нам ищут приемную семью. Пока мы живем у мистера и миссис Прайс. Служим им источником дохода. Ну как же — они ведь нас кормят и спать отправляют в восемь вечера, чтоб глаза им не мозолили.

— А Рождество...

Произнес — и тотчас раскаялся. Слова неуместнее и вообразить было нельзя.

— Подарки мы получили от соцработника. Миссис Прайс даже на Робина не раскошелилась.

Уок сглотнул ком в горле.

Дачесс отвернулась, снова стала гладить серую кобылку.

— Она тоже будет продана, если тот, кто купит ранчо, не захочет оставить ее себе. Надеюсь, ее не заедят. С той ночи она

прихрамывает.

— Она упала.

— Нет, это я упала! — произнесено было с горечью. — Серая не виновата. Она преданная. Не убежала от меня, рядом осталась.

Снова пошел снег. Уок выглянул. Худосочный очкарик плелся к машине, ведомый матерью; вытягивал цыплячью шею, чуть вовсе не свернул ее в надежде увидеть Дачесс. Уоку вспомнились юные Винсент и Стар.

— Вы, по крайней мере, в своей школе останетесь?

— Наша соцработник об этом хлопочет. Знаешь, Уок, кто мы теперь? Случай из практики. Дело номер такой-то. Список черт характера и психических отклонений.

— Никакой ты не номер. Ты — вне закона.

— Наверное, у моего отца не кровь, а водица. Разбавила густую кровь Рэдли. Я не похожа ни на Стар, ни на Хэла, ни на Робина, ни на Билли Блю. Ошибка единственной ночи. Дурацкое дело, говорят, нехитрое.

— Нельзя так о себе думать.

Дачесс отвернулась, сказала, будто обращаясь к кобылке:

— Никогда мне не узнать, кто я такая.

Уок глядел на заснеженную равнину. Вдали, у подножия горы, маячили лоси.

— Если я тебе понадобится...

— Знаю, можешь не говорить.

— Говорю на всякий случай.

— Священника, старика, видел? Так вот он однажды, после проповеди, спросил: что такое жизнь? Нас было много, в том числе малыши. Он каждому этот вопрос задавал, по очереди. Ребята в основном говорили про семью и любовь.

— А ты что сказала?

— Ничего — при Робине нельзя было. — Дачесс кашлянула. — Хочешь знать, что ответил Робин?

Уок кивнул.

— Робин сказал: жизнь — это когда тебя кто-то так сильно любит, что готов броситься на защиту.

— Ты всегда защищала Робина.

— И вот к чему это привело.

— Сама знаешь — ты не винова...

Дачесс вскинула руку: дескать, заткнись.

— Полицейские считают, что человек, в которого стрелял Хэл, мертв.

— Да, я в курсе.

— Они прекратили поиски. Я уверена, что это был Дарк. Только кто меня слушает...

Вместе они пошли к автомобилю Уока.

— Я думаю о Винсенте Кинге, Уок.

Уок хотел, ох как хотел мысленно связать Стар и Дарка; ничего не получалось.

— Ты за это не в ответе. — Читать по ее лицу он пока не разучился.

— Нет, Уок, на сей раз я в ответе.

Он раскрыл было объятия, но Дачесс по-мужски протянула руку. Оставалось ее пожать.

— Вряд ли мы встретимся.

— Я на связи.

— Может, отстанешь уже? — Впервые ее голос дрогнул — едва уловимо, но Дачесс все равно отвернулась. — Вели мне быть хорошей девочкой — как раньше, помнишь? И возвращайся в Калифорнию. У тебя своя жизнь, у меня своя. Мы с вами, инспектор Уокер, пересеклись очень ненадолго и при весьма печальных обстоятельствах и вот расходимся. И не надо делать вид, что отношения продолжатся.

Тишина спускалась на древесные кроны, а с них — на землю Рэдди.

— Ладно, я поехал.

— Ну-ну, я слушаю.

— Будь хорошей девочкой, Дачесс.

Шелли, их соцработник, красила губы темно-фиолетовой помадой.

И волосы тоже красила, причем в три оттенка — и хоть бы один приближался к натуральному. А вообще она ничего, и к ним прониклась; ведет их дело, демонстрируя неподдельное желание помочь. Прослезилась на похоронах человека, которого лично не знала...

Они уселись на заднее сиденье ржавой «Вольво-740». Под ногами — смятые банки из-под кока-колы, пепельница полна окурков; правда, если Дачесс и Робин были в машине, Шелли не курила.

Когда миновали пруд, Дачесс приникла к окну. Ни этой тихой воды, ни старого дома она больше не увидит. Амбровые деревья; ветви воздеты к небесам. «Вольво» словно не в роще, а под сводами собора.

— Вам удобно, ребятки? — Шелли повернула голову, машина дернулась.

Дачесс на ощупь нашла маленькую ладошку брата. Робин не вырвался, но и пожатием не ответил. Безучастная, неживая, чуть липкая рука лежала в ее руке.

Зеркало отразило печальную фиолетовую улыбку.

— Очень трогательное было отпевание, — произнесла Шелли.

Миля за милей по заснеженным равнинам; зима длится так долго, что уже и не вспомнить, какой была осень. Хоть бы холод не отпускал, хоть бы выморозил все краски, вернул холсту изначальную белизну...

Городишко Сэдлер. От пробора главной улицы на обе стороны ложатся тщательно расчищенные подъездные дорожки.

Таунхаусу — лет десять. Прайсовское жилище выделяется штукатуркой пастельного оттенка — словно застройщик, сооружая домики-уродцы на столь прекрасной земле, внезапно устыдился и решил смягчить шок от их идентичности.

— Вот и приехали. Как вам у мистера и миссис Прайс? Ладите вы с ними?

— Да, — отозвался Робин.

— А с Генри и Мэри-Лу подружились?

Генри и Мэри-Лу — дети четы Прайс. По возрасту близки к Дачесс и Робину, по сути — существа из другого мира. В церкви, при папочке с мамочкой, паиньки, а между собой шепчутся — Дачесс ведь слышала. Насочиняли про Хэла и пугают друг друга ею, Дачесс, — мол, она с винтовкой в погоню пустилась, человека застрелила — ничего себе девочка! Не водиться с ней, даже близко не подходить!

Домашние детки понятия не имеют о тех, кто вне закона.

— Вроде того, — сказала Дачесс.

Они обнялись на прощание. Дачесс взяла Робина за ручку, повела к дому. Шелли дождалась, пока мистер Прайс откроет дверь, еще раз помахала и оставила их.

В прихожей Дачесс нагнулась — ботиночки у Робина новые, вдруг он не справится? Робин шагнул от нее, разулся сам.

Мистер Прайс не сказал «привет», не спросил, как прошло отпевание — сразу повернулся спиной, давая понять, что дети Рэдли ему глубоко безразличны. Формально Дачесс не могла предъявить претензий Прайсам. Когда для тебя выделяют особую посуду, когда напитки тебе наливают не в стеклянный стакан, а в пластиковую кружку, когда оставляют в игровой комнате в компании телевизора, а сами устраиваются в уютной гостиной — это ведь жестоким обращением не считается? Отстранением, исключением из жизни семьи — да. Пренебрежением обязанностями — точно нет.

Робин пошел на кухню, Дачесс — за ним. Кухня у Прайсов была вся белая — встроенная мебель, столешницы под мрамор. На холодильнике — школьные табели Генри, над обеденным столом, в рамочках — художества Мэри-Лу. Робин прилип мордашкой к стеклянной двери, что вела во двор. Там, во дворе, лепили снеговика. Мистер Прайс и Генри с трудом катили снежный шар, но, видно, тот все еще казался им недостаточно внушительным.

Миссис Прайс и Мэри-Лу притащили каждая по ветке, обломали до нужной длины — это будут руки. Генри что-то сказал, все дружно засмеялись.

— Хочешь во двор? — спросила Дачесс.

И в это самое мгновение миссис Прайс подняла взгляд, увидела их за стеклом, отвернулась, поспешила подойти к своим детям, обнять Мэри-Лу. Посыл был ясен: свои под крылышком, а чужих не принимаем.

Комната, отведенная Дачесс и Робину, представляла собой переоборудованный чердак. Туда они и направились — Робин первый, Дачесс за ним. К спальне примыкала отдельная ванная комната — умывальник, ванна, стаканчик для зубных щеток. На полках имелись потрепанные книги — «Великолепная пятерка» Энид Блайтон и кое-что из Доктора Сьюза.

— Давай костюмчик снимем, а, Робин?

Он не ответил. Лег на кровать и отвернулся, чтобы Дачесс не видела его слёз. Она обошла кровать, присела рядом, стала гладить вздрагивающее плечико. Робин стряхнул ее ладонь.

— Зачем ты вообще поехала в церковь! Ты дедушку ненавидела. Дедушка был добрый, а ты ему гадости говорила — потому что ты злюка. Ух, какая ты злюка!

Робин лежал на спине. Вверху, над слуховым окном, роились снежинки, падали, соскальзывали по стеклу, напоминали: между вами и белым беспределем — только шатер чужого чердака.

— Прости, — сказала Дачесс.

— Одно только это слово и знаешь.

Она его пощекотала. Робин не улыбнулся.

— Хочешь, книжку почитаем?

— Не хочу.

— Хочешь, Мэри-Лу снежками закидаем? Прямо в лицо метить будем, а снежки непростые — в каждой льдинка спрятана. Я умею такие делать.

Намек на улыбку.

— Или мистеру Прайсу выбьем зуб таким снежком. Хочешь, я проткну сосулькой миссис Прайс? А Генри мы желтым снегом накормим.

— Где мы возьмем желтый снег?

— Напишем на него — вот он и пожелтеет.

Робин рассмеялся. Дачесс обняла его.

— Все наладится?

— Конечно.

— Как?

— Ну мы...

— Ты ведь не взрослая. А мистер Прайс нас тут не оставит. Мы ему не нравимся.

— Прайсы в месяц по тыще двести баксов получают за то, что мы у них живем.

— Они будут держать нас ради денег?

— Нет. Забыл, как Шелли объясняла? Это патронатная семья, в таких дети подолгу не живут. Шелли найдет нам хорошую семью. Настоящую. Насовсем.

— И у них — ну, в той семье — будет ферма с лошадами и курочками?

— Может быть.

— А когда мы поедем забирать дедушкин прах?

— Шелли позвонят, она нам сообщит.

— Значит, нас пристроят. С нами все будет в порядке.

Дачесс поцеловала его в макушку. Лгать Робину ей всегда было тяжело.

В ванной она нашла маникюрные ножницы, обрезала ему ногти.

— Надо было раньше это сделать.

Он взгляделся ей в лицо.

— Ты снова стала похожа на маму. Совсем ничего не ешь.

Дачесс закатила глаза. Робин улыбнулся.

В тот день на ужин было картофельное пюре с сосисками. Дачесс и Робин ели не в кухне, а у себя на чердаке, перед телевизором. Из траурного в домашнее они так и не переоделись.

— Эта миссис Прайс — она хоть умеет готовить, — проговорил Робин, уплетая сосиску. — Я бы еще одну запросто съел.

Дачесс хотела разрезать пополам свою сосиску, но Робин жестом остановил ее.

— Нет, это же твоя. Тогда тебе не хватит.

— Пойду посмотрю, может, добавки дадут.

С тарелкой в руках Дачесс выскользнула из комнаты, плотно закрыла дверь. Пусть Робин пока смотрит мультики. В коридоре стены были увешаны фотографиями. Прайсы в Диснейленде, Генри и Мэри-Лу нацепили мышьи уши. Прайсы в парке Кеннеди, Прайсы в Большом Каньоне, на мистере Прайсе и Генри одинаковые бейсболки. Стикер «Боже, благослови этот бардак», фото миссис Прайс возле озера — карикатурное какое-то, с улыбкой до ушей. При Дачесс миссис Прайс ни разу так не улыбнулась.

Дачесс помедлила перед дверью. Прислушалась. В кухне царила непринужденная атмосфера. Мистер и миссис Прайс расспрашивали Мэри-Лу, трудный ли был тест, интересовались у Генри, как прошла тренировка по софтболу. Дачесс дождалась, когда Генри начнет говорить, открыла дверь и скользнула в кухню.

— Дачесс.

Она обернулась. Все четверо молча уставились на нее.

— Я... Робину понравились сосиски, он просит добавки, вот я и...

— Сосисок больше нет, — процедил мистер Прайс.

— А.

Дачесс покосилась на тарелку Мэри-Лу. Там лежали три сосиски.

Дачесс ничего не сказала. Вышла, наколола на вилку свою сосиску. Так и несла ее — на отлете, а в комнате положила Робину в тарелку.

— А ты свою съела уже?

— Ага. И правда вкусно.

— Я ж говорил.

* * *

Когда в доме всё стихло, Дачесс прокралась на первый этаж, в кабинет мистера Прайса. Мебель из натуральной древесины, стеллажи уставлены книгами — спецлитература, финансы, валютные спекуляции. В поисковике Дачесс задала «Винсент Кинг» и прочла все, что выдал интернет. Оказывается, Винсент так и не признал вину; это ее смутило. Почему с ним цацкаются? Ясно же, что он — убийца. Газеты писали, что Винсент Кинг упорно молчит — даже когда обвинение предъявляли, ни слова не вымолвил, с адвокатом тоже не говорил.

Окружной прокурор — скользкая тетка. Заявила, что будет горой стоять за Стар Рэдди и ее детей, «несчастных сироток».

Сзади послышался шорох. Дачесс резко развернулась.

— Что это ты делаешь в папином кабинете?

Мэри-Лу. Досыта накормленная, любовно расчесанная на ночь матерью, прыщавая. Ей уже пятнадцать. Такие, как Мэри-Лу,

торжественно надевают кольцо целомудрия^[47], чтобы потерять его, впервые отведав спиртного.

— Мне был нужен компьютер.

— Я просто обязана рассказать все папе.

Дачесс заговорила с интонациями перепуганного ребенка:

— Ой, пожалуйста, не надо! Не говори ему, Мэри-Лу!

— Только попробуй еще провиниться.

— А что будет?

— Думаешь, до вас мы детей не брали?

Дачесс вытаращила глаза.

— Я все слышала — как ты брату сказки рассказываешь о постоянной семье. — Мэри-Лу рассмеялась.

— Почему это сказки?

— Потому, что Робина, может, еще и усыновят. Он не переросток, ну и тихоня. А про тебя папа говорит — не девчонка, а ходячая головная боль; кому такая нужна?

Дачесс сделала шаг к Мэри-Лу.

Мэри-Лу сделала шаг к Дачесс.

— Ударить меня хочешь, да? Валяй. Подтверди действием, что папа прав.

Дачесс сжала кулак.

— Ну чего ты ждешь?

Ехидная улыбочка: мол, видали мы таких.

Скачок адреналина, жаркая ненависть в груди; но Дачесс оглянулась на компьютерный экран, где как раз были открыты несколько фото: их дом в ночь убийства, толпа соседей и репортеров во дворе; здание кейп-хейвенского полицейского участка. И Уок — сфотографированный много раньше. Улыбающийся. Не дающий забыть про хорошее.

Дачесс обогнула Мэри-Лу, вышла из кабинета, сделала вдох, стала подниматься по лестнице.

Уок очнулся, повел глазами. Бумаги веером лежали на рабочем столе. По ним скользил солнечный луч.

Подняться удалось не сразу. При первой попытке боль была такой резкой, что Уок едва не вскрикнул. Нашарил в ящике таблетки, проглотил сразу две, не запивая водой.

Недавно он попросил Лию Тэллоу, чтобы заказала ему новую полицейскую форму — брюки, рубашку, куртку. Он потерял двадцать пять фунтов, если верить весам.

В дверь барабанили. Как давно, Уок не мог сообразить, но чувствовал отчаяние стучавшего.

Встал на ноги — его качнуло. Хотел выпрямиться — чуть не вырвало от боли. Он втянул носом воздух, подобрал живот, поплелся к двери, отворил и выдохнул, увидев, что это всего-навсего Эрни Каглин из магазина хозтоваров.

— Доброе утро.

Уок посторонился, но Эрни порог кабинета не переступил.

— Мясника на месте нет. Не вернулся, — пролаял Эрни и сунул руки под свой коричневый фартук.

Уок не сразу понял, тряхнул головой.

— Мясник, говорю, пропал. Утро, блин, семь с лишним на часах. Милтон из отпуска возвращается каждый год в один и тот же день — чего лавка заперта?

— Подумаешь, задержался... Охота — такое дело.

— Идиот. Помешался на своей охоте. Индейку к празднику я у кого теперь куплю, спрашивается? Двадцать два года, Уок; с тех пор, как Милтон-старший передал ему бизнес, я у него колбасу к завтраку покупаю. Отношу к Розе в закусочную, она мне ее поджаривает. Колбаса, оладьи с сиропом — три штуки и две чашки крепкого кофе — вот мой завтрак.

— А та колбаса, которая у Розы в наличии, тебя что, не устраивает?

Эрни скривился, будто от отвращения.

— Газеты читаешь вообще? Вон, окраины скоро будут все в новостройках. Эх, испоганят они наш город... Я так понимаю, ты

против проголосуешь?

Уок кивнул, зевнул, заправил рубашку в брюки.

— Ладно, зайду к Милтону домой.

Эрни убрался не сразу. Постоял у двери, с сомнением в словах Уока качнул головой.

Уок сел за стол, начал звонить Милтону. Попал на автоответчик. Занялся просмотром видеозаписей с пункта охраны «Поднебесных кедров». Забрать их у Мозеса было нетрудно — охранник не потребовал даже официального постановления на изъятие (которого Уок все равно не имел).

Картинка была статичная, но скверного качества — Уок буквально ломал глаза. Дело осложнялось отсутствием четких временных рамок. Пришлось просматривать абсолютно все записи — поди знай, где выскочит зацепка, если, конечно, выскочит вообще. День тянулся бесконечно долго. Появился почтальон — его впустили. Приехал на «Форде» один из домовладельцев — перед ним подняли шлагбаум...

Минул целый час, прежде чем Уок обнаружил нечто стоящее. Замедлил скорость, трижды прокрутил эпизод. Ему ли не знать этот автомобиль, древний «Джип Команч»! Он прищурился, напряг зрение. Ну конечно, вот он, стикер на бампере — силуэт чернохвостого оленя. Милтон, стало быть, ездил в «Поднебесные кедры».

С того момента, как Мозес поднял шлагбаум, пропуская «Команч», Уок просматривал запись на минимальной скорости. Через три часа начал прорисовываться маршрут обходного пути, причем даже более четкий, чем надеялся Уок. Ибо он разглядел автомобиль и развеял последние сомнения в том, что тот принадлежит Милтону.

Еще через три часа он увидел седан, весьма схожий с тем, в котором двое рэкетиров приезжали в Кейп-Хейвен по душу Дарка.

Эти в «Поднебесных кедрах» надолго не задержались — их дело заняло десять минут.

Девятнадцать минут Уок дозванивался Бойду; у самого же Бойда ушло всего две минуты на то, чтобы отказать Уоку в разрешении на обыск в доме Дарка. Он не впечатлился сообщением о вымогателях, зато потребовал назвать номера автомобиля. Уок, чувствуя себя желторотым новобранцем, признался, что не разглядел их.

Повесив трубку, он ослабил галстук, наклонился и стукнул лбом по столешнице, надеясь, что боль ослабит досаду.

— Кажется, пора мне вмешаться.

Он поднял глаза. В дверном проеме, с портфелем, набитым бумагами, стояла Марта. Уок вымучил улыбку.

— Выпить найдется?

Марта уселась напротив Уока.

Он полез в нижний ящик, извлек бутылку «Кентукки олд резерв» — владелица одной виллы подарила за то, что Уок зимой за этой самой виллой приглядывал. Разливать виски пришлось по кофейным чашкам.

Марта пила, Уок смотрел на нее, ждал: вот сейчас порозовеют щеки. Обычно бледные, они покрывались нежным румянцем не только от алкоголя, но также от гнева и волнения, и Уоку ли было не помнить об этой мелочи, равно как и о прочих мелочах, связанных с Мартой Мэй.

— Я ничего не накопала, Уок!

За бравадой в ее голосе неумело пряталась горечь.

— И ты нарочно приехала из Биттеруотера, чтобы мне об этом сообщить?

— А может, мне повидаться захотелось...

Он улыбнулся.

— Правда?

— Еще чего. Я вот поесть тебе привезла.

Марта вынула из пакета пластиковый контейнер с крышкой.

— Могу я спросить о содержимом?

— Обычная паста. Излишек.

— И?..

— Говорю же — просто паста.

Уок ждал, сощурившись.

— Еще жареный перец, — наконец созналась Марта. — Кубанелла. Сладкий сорт, специально для слабаков вроде тебя. Поешь, а то совсем отощал. Я беспокоюсь.

— Я это ценю.

Марта встала, прошла по комнате, сообщила Уоку то, что он знал и сам, снова уселась. Лишь тогда Уок рассказал о Дарке и видеозаписях.

— Твоя версия, Уок?

Он помассировал шею.

— Версии пока нет. Сначала надо обыскать дом Дарка. И выяснить, кому он платит столько денег. Если ни к Хэлу, ни к Стар ни одна ниточка не протягивается, надо повесить на Дарка хоть что-нибудь. Убрать его с дороги.

— Если в Монтане действовал именно Дарк, то, вполне вероятно, он уже мертв.

— Тогда бы все сложилось. Сразу выплыла бы связь с убийством Стар. Робин мог что-то слышать, Дарку нужна была его жизнь. Отсюда мы и плясали бы. Мне бы зацепку теперь...

— Банковские переводы.

— Я уже звонил в банк. Менеджер сказал: «Предъявите постановление суда, а просто так мы информацию о клиентах не выдаем». Этого и следовало ожидать.

— Еще бы. «Фёрст юнион» — серьезный банк. А ты высокомерно прицелился. Надо было не с менеджера начинать, а к кассиру подкатить.

Уок вскинул бровь.

— По-твоему, я не владею приемами давления? Знаешь, сколько отцов скрывают доходы, чтобы с них алименты нельзя было стянуть? Я в таких случаях иду к кассиру.

— И срабатывает?

— Не всегда. Я прошу об услугах и сама оказываю услуги. Такова адвокатская жизнь. Короче, Уок, ты в Кейп-Хейвене всех знаешь как облупленных. Сообразишь, на кого можно надавить.

* * *

Опустив голову, ни на кого не глядя, игнорируя приветствия, Уок шагал по Мейн-стрит. Остановиться пришлось, когда на пути выросла Элис Оуэн с собачонкой под мышкой.

— Не подержите ее, Уок? Мне нужно заскочить...

— Я тороплюсь.

— Буквально одну минуточку!

Убогое ощеренное существо оказалось в руках Уока, Элис Оуэн шмыгнула в «Деликатесы». Сквозь стекло витрины было видно: она зависла у прилавка, треплется с продавщицей — не иначе, заказывает

трендовую соевую мерзость из новенькой кофемашины, приглядываясь к сырам по двадцать баксов.

Уок посмотрел на собачонку, на ее крошечные клычки. Перевел взгляд на Элис — она уже болтала с Бри Эванс.

Он скосил глаза на полицейский значок. Вот его жизнь — череда дней, не отмеченных ничем, кроме уверенности, что все поступки инспектора Уокера правильны и безрезультатны до отвращения.

Уок поставил собачонку на асфальт, отстегнул и выбросил в урну поводок.

Пучеглазая сучка вытаращилась на Уока — не могла взять в толк, что это с ней делают. Постояла, поджимая лапки, косясь по сторонам — этаким огромным, неведомый мир! Затем что-то сообразила, а может, в ней проснулся дикий предок, и она, сначала робко, затем все увереннее, затрусилась по Мейн-стрит.

Уок прошел к пустырю, и там, вдали от чужих глаз, помассировал себе руки, с усилием расправил плечи. Да, теперь так и будет: знай глотай таблетки да приноравливайся к прогрессирующим проблемам с концентрацией.

Он стоял возле аккуратненького коттеджика. Не видел, чтобы там трудились рабочие, вообще не знал про капитальный ремонт. Само имя всплыло в его заторможенной голове не ранее чем через час после того, как он попрощался с Мартой. Марта укатила домой, Уок засел перечитывать показания свидетелей, и вот...

Ди Лейн.

С Дарком она познакомилась в банке «Фёрст юнион»; она работала там кассиршей, сколько Уок помнил. Внезапно сообразив, что не имеет нового адреса Ди Лейн, он стал звонить Лии Тэллоу. Сердце упало, когда Лия, просмотрев базу данных, объявила, что Ди Лейн по-прежнему живет на Фортуна-авеню, в своем — точнее, Дарковом — старом доме, из которого Дарк хотел ее выселить, да передумал.

Дом и участок совершенно преобразились. Оконные рамы и крыльцо — абсолютно новые. Стены свежескрашенные, так и сияют. На лужайке, некогда плешивой, хорошо взошла газонная травка, на клумбах растут цветы, каких Ди Лейн раньше не сажала. Калитка и забор отремонтированы. Ни следа бывшего запустения, сплошные поводы для хозяйской гордости.

Ди открыла прежде, чем Уок успел постучаться. С натужной улыбочкой посторонилаь, давая ему дорогу.

Внутри без изменений, только коробки со скарбом были давно распакованы, фотографии и прежняя мебель возвращены на прежние места. Ди Лейн пошла на кухню варить кофе, Уок — якобы в уборную, а на самом деле на второй этаж. Заглянул в комнату старшей девочки. В глаза бросился вымпел с символикой Йельского университета. Конечно, до поступления еще далеко; впрочем, говорят, обе дочери Ди Лейн на редкость способные. Дальше по коридору — комната младшей. Свеженький ремонт, обои в розовых тонах, новое покрывало на кровати. Нельзя сказать, что потрачены неприлично большие деньги; и, однако, для младшенькой куплены отдельный телевизор и компьютер. Младшая, старшая... Уок ведь знал имена обеих девочек. Теперь никак не вспомнить.

Он спустился на первый этаж, вслед за хозяйкой прошел во двор и уселся за столик.

— Я знаю, что у тебя в мыслях, — обронила Ди Лейн.

— Хорошо, что Дарк тебя не выселил. Я очень рад. Шел вот к тебе и думал: наверняка дом уже скovyрнули ради миллионных прибылей — а он на прежнем месте...

Ди цедила кофе и глядела в сторону горизонта так, словно океан возник несколько минут назад, а не открылся ее взорам по причине почвенной эрозии.

— Вид хорош.

— Великолепен. Я еще не привыкла, каждое утро глаза тереть приходится, пока соображу, что всё — наяву. Просыпаюсь рано, часов в пять. А по вечерам сижу, гляжу на закат... Вот ты когда-нибудь наблюдал закат над океаном?

— Конечно.

Ди стала курить, затягиваясь глубоко и судорожно, словно сигарета была единственным действенным средством от истерики. Уок знал, что она сделала, Ди знала, что Уок знает; но ни тот, ни другая пока не произнесли всех реплик, назначенных им в этой скучнейшей из пьес.

— Итак, в ту ночь, когда погибла Стар, ты была с Дарком.

Ди Лейн вздрогнула, как если б Уок на сцене понес отсебятину.

— Мы ведь это уже обсуждали.

— Верно.

— Неважно выглядишь, Уок. Переутомился?

Усилием воли он унял тремор, сунул руку под столешницу, свободной рукой достал и надел солнечные очки, даром что как раз надвинулось облако.

— Той ночью Дарк пришел к тебе. Напомни, чем вы занимались.

— Трахались, — произнесла Ди Лейн без намека на эмоции.

Еще недавно Уок от такого заявления покраснел бы — теперь лишь печально улыбнулся. Понятно. Ди не питает ненависти к Дарку.

— Вкалываешь всю жизнь... — Ди не сразу выпустила дым очередной затяжки — подержала во рту. — Налоги платишь, детей растишь... Муж изменяет — его бы, кобеля, грохнуть; так нет — терпишь. Чужого ни цента не берешь... — Уок отхлебнул кофе, слишком горячего, чтобы ощутить вкус.

— Известно тебе, сколько я в год зарабатываю?

— Недостаточно.

— Бывший алименты не платит. Это справедливо, по-твоему? Скрывает доходы, чтобы не тратиться на девочек, которым дал жизнь. — Ди говорила, глядя в пол. — Дети Стар Рэдди... Они...

— Их мать мертва.

— И чего тебе неймется? — Ди запустила пальцы в волосы, и Уок отметил, как сильно выступают вены на тонком ее запястье. — Подозреваемый есть? Есть. Зачем усложнять?

— Ты, конечно, не интересовалась у Дарка, где он на самом деле провел ту ночь.

Ди запрокинула голову, приоткрыла рот, выпуская в небо колечко дыма.

— Он тебе хоть гарантии какие-нибудь дал?

— Не понимаю, о чем ты. — Ди глядела на Уока, чуть не плача.

— Я мог бы официально вызвать тебя для дачи показаний. Знаешь, что бывает за лжесвидетельство?

Пожалуй, и впрямь удалось бы уличить Дарка, но одна только ложь насчет алиби, без других улик, на ход дела практически не повлияла бы.

Ди закрыла глаза.

— У меня ни родителей, ни братьев, ни сестер. Случись что со мной — девочки останутся одни в целом мире.

Нет, Уок не разлучит детей с матерью. Цена несоразмерно высока — ему ли, говорившему с Хэлом, наблюдавшему жизнь Дачесс и Робина, этого не понимать?

— Я прошу об услуге, Ди. Может, ничего и не выйдет, но сейчас мне необходимо твое содействие.

Ди Лейн не стала уточнять, что за услуга, — просто кивнула.

Уок чуть погладил ее пальцы; она же уцепилась за его руку и не отпускала, словно могла выжать себе прощение.

Ночь от ночи ее сон становился все более поверхностным, поэтому, едва расслышав легкий стук, она вскочила, натянула джинсы и свитер. Робин крепко спал в позе эмбриона, усвоенной им в семейной комнате больницы «Ванкур-Хилл».

Она шагнула к окну, сделала неприличный жест, нашарила кроссовки, крадучись спустилась на первый этаж и выскользнула в ледяную ночь.

На нем были шерстяные шарф и шапка. Велик стоял, прислоненный к калитке.

— Блин, Томас Ноубл! Ты бросал камешки в окно Мэри-Лу.

— Извини.

— Долго сюда добирался?

— Выехал после ужина; маме сказал, что ночью у друга.

— У тебя же нет друзей.

— В последнее время я общаюсь с Уолтом Герни.

— У которого глаз гноится?

— Это не заразно, если не допускать прямого контакта.

В своем пальто-дутике Томас Ноубл выглядел как стержень пирамиды из автопокрышек.

Они прошли в дальний конец сильно вытянутого прайсовского двора, к пруду, скрытому за деревьями. В один из первых дней у Прайсов Робин битый час просидел над этим прудиком, пока миссис Прайс не соизволила сказать, что рыбы в нем нет.

Они уселись рядом на каменную скамью, прямо под полумесяцем и россыпями звезд.

— Что ты в варежках, как маленький? Робин — и тот носит перчатки.

Томас Ноубл взял ладонь Дачесс, подышал на нее. Он совсем собрался с духом, но Дачесс никак его не ободрила.

— О тебе написали в газете. Ну, в смысле, обо всем, что случилось. Я сохранил заметки.

— Да, я их тоже читала.

— Хорошо бы ты вернулась в школу.

Взгляд на спящие дома — прайсовский и соседние. Утром обитатели таунхауса вскочат по будильнику, поедут на работу — надо же оплачивать счета. Отпуск, накопления на старость, волнение перед родительскими собраниями, непростой выбор, какую машину купить да где Рождество провести — вот их жизнь.

— Хэла многие побаивались, а мне он нравился. Он ведь был суровый только с виду. Я очень, очень тебе сочувствую, Дачесс.

Она взяла пригоршню снега и мяла его в пальцах, пока не занял каждый суставчик.

— Обдумываю свой следующий шаг. Здесь мне буквально нечем дышать. Жуткий прессинг, хотя с виду все пристойно. Мэри-Лу... Обезглавила бы эту суку!

Томас Ноубл плотнее натянул шапку на уши.

— Хочу вернуться в Кейп-Хейвен. Обещала Робину, что отыщу для нас дом и семью — настоящую, насовсем. Для него это главное.

— Я говорил с мамой. Просил взять тебя и Робина к нам жить, только она...

Дачесс жестом остановила его. Спасла от необходимости озвучивать и комментировать отказ миссис Ноубл.

— Учитывая, как у твоей матери развиваются отношения с почтальоном, скоро она осчастливит тебя братиком или сестричкой.

Томас нахмурился.

— А мне никто не нужен, кроме Робина, — продолжала Дачесс. — Только он совсем малыш. Как по-твоему, Томас Ноубл, безграничное самопожертвование — оно вообще бывает в жизни?

— Конечно. Ты его проявила, когда пошла со мной на зимний бал.

Дачесс улыбнулась.

— Обожаю зиму. Самое мое любимое время года. Здорово, что у нас в Монтане зимы длиннющие и холоднющие.

— И что хорошего?

Томас вскинул недоразвитую руку. Варезка полностью скрывала его изъян.

— Так вот почему ты варезки носишь.

— Ага.

— Слышал про Уильяма Дэнгса? Бандит, полный отморозок и отменный стрелок. Три банка обчистил, прежде чем его взяли. Так вот у него руки не было по самое плечо.

— Серьезно?

— Да.

Томасова доверчивость, прежде раздражавшая ее, теперь показалась благом.

Дачесс затрясло.

Томас Ноубл снял пальто, набросил ей на плечи.

Затрясло его самого.

— Нас могут увезти очень далеко. В каком штате усыновители найдутся, туда и отправят, — а страна большая.

— Мне это нипочем. Я к тебе приеду.

— Я ни в ком не нуждаюсь.

— Знаю. Ты самая сильная девочка из всех, кого я встречал. И самая красивая. Можешь меня стукнуть, я все равно скажу: моя жизнь стала в миллион раз лучше, когда в ней появилась ты. Раньше со мной никто не говорил. Все только смеялись, шептались и пальцами показывали. Теперь всё иначе. И я уверен, что...

Тут Дачесс поцеловала Томаса. Для обоих это было впервые. Из ощущений Дачесс успела отметить только холод Томасовых губ и носа, что ткнулся ей в щеку. Томас опешил, смутился, на поцелуй не ответил. Дачесс отпрянула от него, села боком, уставилась на пруд и бросила:

— Заткнись.

— Я же ничего не сказал.

— Ты собирался.

Некоторое время они вдыхали морозный туман.

— Хэл говорил, надо дойти до исходной точки и отматывать обратно.

— А мы сейчас где?

— Вряд ли это имеет значение.

— Где бы мы ни находились, хорошо бы там немножко побыть.

Они еще посидели, держась за руки. Встали, пошли к дому. Прайсовский двор казался склепом, в котором упокоилась весна. В доме остались чемодан и младший брат — а больше ничего у Дачесс и не было. Вот свободна она или необратимо проклята — при таком-то минимуме багажа?

Томас Ноубл стряхнул снег с велосипедного сиденья.

— Как ты меня нашел? — спросила Дачесс, возвращая ему пальто.

— Мама спросила адрес у этой вашей Шелли.

— Ясно.

Он оседлал велосипед.

— Стой. Почему ты нагрязнул среди ночи?

— С тобой хотел повидаться.

— Ну-ну, договаривай. Я тебя насквозь вижу.

— Я его ищу. Дарка этого. Каждый день после уроков еду на ранчо Рэдди и прочесываю участок леса.

— Вполне можешь наткнуться на труп.

— Сразу полегчало бы.

Томас, не крутя педали, покотил по подъездной аллее. Дачесс вышла вслед за ним на улицу. В очередной раз отметила ряды аккуратных почтовых ящиков с фамилиями, надписанными масляной краской: «Купер», «Льюис», «Нелсон». Робину нравилось вслух читать эти фамилии — он тогда живее воображал себя членом той или иной семьи.

— Томас Ноубл...

Он затормозил ботинком по снегу. Оглянулся.

Дачесс вскинула кулак.

Он повторил ее жест.

Робин не спал. Сидел на кровати, вжавшись в стену, закрыв голову ручонками, и плакал.

— Что случилось?

— Где ты была? — выговорил он между всхлипами.

— Томас Ноубл приезжал.

— Постель...

Только теперь Дачесс заметила, что простыня сбита в комок.

— Я обмочился, — жалобно протянул Робин. — Мне приснилось страшное. Про ту ночь. Я слышал кое-что — голоса.

Дачесс обняла его, зацеловала нежное темечко. Помогла Робину стащить трусишки с футболкой, отвела в ванную, выкупала. Одеда в чистую пижамку, уложила в свою постель. Через некоторое время, убедившись, что Робин крепко спит, поднялась и стала снимать мокрое постельное белье.

* * *

Сон не шел, и Уок прокручивал в голове неоспоримые факты. Алиби Дикки Дарка сфабриковано. Милтон ездил к Дарку в «Поднебесные кедры»; они вдвоем могли отправиться на охоту. Ха! Пускай другие в это верят, а Уок еще пока в своем уме. Милтон пропал — Уок обошел его темный дом, убедился, что нет никого. Узнать о Милтоне неоткуда, он ведь в мотелях не останавливался, а разбивал палатку в дикой местности, где полная изоляция казалась естественной и потому терпимой — не то что в Кейп-Хейвене.

За час до рассвета Уок встал, оделся, выпил кофе и поехал в «Поднебесные кедры».

По ночам элитный поселок не охранялся. Уок оставил машину среди деревьев, что качали кронами под светлеющим небом, пересек шоссе и вошел в ворота.

Никаких признаков жизни в коттеджах. Уок шагал не таясь, определенно фиксируемый видеокамерами. Разумеется, наживал проблемы на свою высоко поднятую голову. Сказывался ли тут недостаток сна или особо жестокий тремор, а только Уоку было все равно.

Он обогнул дом, открыл калитку, очутился во дворе — и замер. Одна рама в задней двери была вынута с величайшей аккуратностью — остальные стекла не пострадали. Просовывая руку в отверстие, возясь с замком, Уок воображал тех двоих, что искали Дарка в Кейп-Хейвене.

Перемещаясь из кухни в гостиную, оттуда в холл, из холла на второй этаж, отмечая, что телевизор выключен, композиция из пластиковых фруктов не нарушена, кровати застелены, Уок думал: впечатление, будто идеальная семья уехала на часок, чтобы заинтересованные лица могли оценить упорядоченную прелесть загородной жизни.

Он заглянул под кровать, сдернул покрывало, свалил подушку на пол. И ему открылся предмет, неуместность которого в постели зрелого мужчины просто била в глаза. Это был свитерок — маленького размера, розовый, определенно принадлежавший девочке. Не взять ли

его с собой, не предъявить ли Бойду? Уок отверг эту мысль, но внес пометку в блокнот.

И тут в комнату проник свет фар.

Уок пригнулся, шагнул к окну. Точно: внизу тарахтит двигатель. Уок рискнул выглянуть. Седан другой, а парочка прежняя — бородатый курит, опустив стекло, сам себя освещает сигаретой, сверлит дом глазами.

Уок ждал, машинально считая удары собственного сердца.

Пятнадцать минут прошло, прежде чем седан дал задний ход, развернулся на шоссе и покатил прочь. На сей раз Уок разглядел и записал номера, понимая, впрочем, что пользы от этих данных будет негусто.

Он спустился в кухню, включил свет и занялся поисками. Обшарил все шкафы.

Улика могла остаться незамеченной, если б Уок не додумался встать на колени и обследовать еще и пол.

На одной из кафельных плиток он увидел пятнышко крови.

Автомобиля с техническим оснащением пришлось ждать три часа, зато прибыла в нем Тэна Легрос. У нее как раз заканчивалась смена, когда позвонил Уок. Это ему повезло. Однажды Уока вызвали на буйную вечеринку в Фоллбрук, и он прищучил там парня, курившего траву. По фамилии догадался, что это сын Тэны, и отвез его домой к мамочке, вместо того чтобы завести дело. Тэна, он знал, будет ему до смерти благодарна.

Едва на рабочем месте появился Мозес, Уок решил наладить с ним связь и быстро установил, что легче всего это сделать посредством двадцатки.

Он вернулся в дом, еще побродил, обнаружил тесный кабинетик. На столе стоял муляж компьютера — пластиковая пустышка, дополнительный штрих к идеальной картинке.

Тэна приехала не одна, а с напарником — молодым, методичным, ретивым; увидев, что она спускает маску на подбородок, тот попятился, брови у него поползли вверх. Тэна махнула рукой в сторону кухни. Жалюзи были опущены, и вся видимая поверхность пола, обработанного люминолом, давала слабое, но устойчивое свечение.

— Боже, — выдохнул Уок. — Это кровь?

— Да, — ответила Тэна.

— Везде, где светится? Это сколько же ее?

— Много.

— Мы можем отправить образцы на экспертизу, Тэна?

— А ордер на обыск у тебя есть?

Уок промолчал.

— Значит, не выйдет отковырнуть плитку...

— Жаль.

— Но я могу пройтись по плитке тампоном. Предоставь дополнительные детали — это облегчит задачу. Впрочем, если подозреваемого нет в картотеке, мы с тобой далеко не уедем.

Уок снова подумал о тех двоих, что охотятся на Дарка. Ладно, он пока займется Милтоном.

* * *

Он оставил автомобиль у тротуара, прошел через двор Милтона и принялся колотить в парадную дверь. Выкрикнул:

— Милтон!

Вернулся на улицу — оттуда лучше просматривались окна второго этажа. Услыхал шум позади себя. Оказалось, это Брендон Рок поливает лужайку.

— Милтона не видел?

— Он же в отпуске.

Брендон Рок выглядел паршиво: темные очки, щетина, волосы невымытые.

— С тобой-то все нормально?

— А тебе Лия не сказала?

— Что?

— Хотя... Она с мужем сейчас вообще не разговаривает; может, и сама не в курсе. — У Брендона язык заплетался.

— Насчет чего Лия не в курсе?

— Эд Тэллоу дал мне пинка.

Уок приблизился на шаг, ощутил запах перегара.

— Мне, Джону и Майклу.

— Сочувствую.

Брендон махнул рукой и, пошатываясь, направился к крыльцу.

— Рынок, блин, у него нестабильный! Экономика, мать ее, на спаде! Он сам фирму разорил. На бухло да на девок деньги просаживал. В «Восьмерку» чаще меня ездил, а уж я-то оттуда, можно сказать, и не вылезал.

Уок подтащил мусорный контейнер к милтоновским воротам, взобрался на него и прыгнул — точнее, почти упал — по другую сторону забора, на задний двор. Тело отреагировало болью, словно каждая косточка вышла на миг из суставного паза.

Ключи, как всегда, лежали под бутафорским камнем. Пять лет назад Милтон подобрал отощавшую дворнягу; за год она так разжирела на мясных обрезках, что пришлось ее усыпить. Но зато уж свой последний год псина была совершенно счастлива. Когда скончался Милтон-старший, Уок в отсутствие Милтона-младшего кормил его любимицу.

Он отомкнул замок и вошел.

Запах крови сразу ударил в ноздри. Впечатление, будто Милтон, как какой-нибудь зверь, метит особым секретом каждую поверхность, на которую приземляется. На стене календарь: четырнадцать чисел подряд подчеркнуты, а день возвращения в мясную лавку даже обведен кружочком.

— Милтон! — позвал Уок громко, на случай если Милтон моется в ванной.

И лучше не заикливаться на этой сцене, а то станет преследовать Уока в ночных кошмарах.

В гостиной — никого.

Уок поднялся на второй этаж, заглянул в комнату для гостей. На полу матрас без постельного белья — и всё. Следующая дверь вела в хозяйскую спальню.

Уок сразу отметил, что кровать аккуратно застелена, и одеяло толстенное, несмотря на теплую погоду. У одной стены стоял туалетный столик с зеркалом — вероятно, за ним прихорашивалась еще Милтонова матушка. С другой стены, закрепленная на диске красного дерева, смотрела вставными глазами оленья голова. Вот нормальный человек Милтон, если может спокойно жить под этим мертвым взглядом?

Полка трещала от тяжести книг об охоте и охотничьих ловушках; также Уок увидел топографические карты. А по астрономии — ни

единой брошюрки.

Уок шагнул к окну, провел пальцем по трубе хваленного телескопа. Пылища такая, будто Милтон с год ночных светил не наблюдал.

Он посмотрел в окуляр — и у него перехватило дыхание. Телескоп был наведен отнюдь не на небо, а на соседний дом — который аккурат через дорогу.

На окно одной конкретной комнаты — спальни Стар Рэдди.

Вот вам и Милтон со своей готовностью помочь, с предложениями прокатиться на «Джипе», с выносом за калитку мусорного контейнера Стар, с мясными гостинцами, передаваемыми через Дачесс... Он всегда казался Уоку славным парнем; непонятым, одиноким, малость тронутым — но порядочным. Матерясь себе под нос, Уок стал выдвигать ящики комода.

Под кроватью обнаружился чемодан. Уок его вытащил, плюхнул на кровать, открыл.

На крышке маркером было нацарапано «Соседский дозор». Внутри оказались тщательно каталогизированные фотографии; навскидку — несколько сотен. Некоторые — поляроидные, другие более качественные. Уок взял одну, наугад — и увидел Стар в нижнем белье. Моментально понял, что вся картотека посвящена ей. На одних снимках Стар, одетая, возилась во дворе, на заднем плане маячили Дачесс и Робин, определенно попавшие в кадр случайно. Эти фотографии Уок разглядывал; от тех, где Стар была в неглиже, отводил глаза, успевая все-таки отметить: вот здесь она наклонилась, вот здесь раздевается, готовится ко сну...

— Урод моральный! Скотина! — скрипел зубами Уок.

Попадались старые снимки, примерно десятилетней давности; десять лет наблюдений, значит. На нескольких был мужчина, с которым Стар одно время встречалась. Уок знал его имя, да позабыл. Вероятно, Милтон жаждал щелкнуть парочку в момент интимной близости, но пришлось ему довольствоваться многократно запечатленным дружеским поцелуем, который Стар дарила своему приятелю, выпроваживая его ночевать в гостиную.

Над следующей папкой Уок замер.

«14 июля» — значилось на обложке.

День убийства Стар.

Трясущейся рукой он открыл папку — и выругался. Пустые страницы, ни единого снимка.

Еще раз оглядел комнату и стал звонить в полицейский участок. Трубку взяла Лия Тэллоу. Сообщение Уока шокировало ее, судя по голосу.

«Погоди, Милтон, — думал Уок. — Я тебя к ответственности привлеку — вот только найду».

Жилось плохо, но они как-то притерпелись.

До школы было близко. Мэри-Лу вместе с Генри топала впереди, по дороге к ней примыкали другие ребята. Дачесс и Робин шли в хвосте. На них оглядывались, о них шептались, над ними хихикали. Однажды Дачесс поскользнулась, упала, порвала джинсы, в кровь разбила колено — никто не помог встать, никто не замедлил шаг. Дачесс хромала молча и по-прежнему несла два рюкзака — свой и Робина.

Миссис Прайс теперь стелила клеенку Робину под простыню. Хруст от этой прокладки был невозможный, и брат перебирался в постель к Дачесс.

Шелли уже два раза устраивала им смотрины.

Насчет первой пары, мистера и миссис Колин, Дачесс вмиг поняла: этих пришлось долго уламывать. На кафе они поспешили; встреча с потенциальными усыновляемыми проходила на детской площадке, в парке на Твин-Элмз-авеню. Дачесс качала Робина на качелях. Супруги Колин вместе с Шелли расположились поодаль, на скамейке, выпили целый термос кофе и стали наблюдать за детьми, словно за зверятами в контактном зоопарке.

— Какого черта они пялятся? Цирковых трюков от нас ждут?

— Тише — услышат!

Дачесс вынула из кармана салфетку, утерла Робину нос и продолжила качать его под одобрительную улыбку Шелли.

— Поглядеть на этого Колина — прям библиотекарь.

— Почему?

— Очкастый и в шерстяном жилете. Нормальным способом детей заводить им уже поздно, второй шанс нужен. Наверное, у него со спермой проблемы. А может, дело в миссис Колин. Бесплодная, небось, как пустыня Мохаве.

Робин покосился на скамейку.

— Как это — бесплодная?

— Это значит — у нее органы отмерли.

— А с виду не больная.

— Да у нее сквозь поры яд сочится, я же чувствую. Наверное, яйцеклетки вымерзли от природной злости. Она нас любить не будет.

— Других никого нет.

— Появятся. Как Шелли говорит? Наберитесь терпения. Права она?

Робин потупился.

— Права или нет, Робин?

— Права. Наверное.

— Усыновители не с улицы приходят. Их проверяют, Робин. Чтобы с головой порядок и со здоровьем. А еще они учатся на специальных курсах, как детей воспитывать.

Дачесс сильнее толкнула качели. Раздался скрип цепочек, Робин взвизгнул от восторга, захохотал. Удивительные у него способности к адаптации. Вот и Прайсам-старшим улыбается без конца — надеется, что они тоже когда-нибудь улыбнутся в ответ. И, похоже, надежды как таковой Робину достаточно.

Теперь Дачесс постоянно себя контролировала. Сдерживалась, не отвечала на ухмылочки Мэри-Лу. Генри не желал играть с Робин — она не вступалась за брата. Не позволяла себе думать о том, каким был и как погиб Хэл, о том, какой была и как погибла Стар. Смотрела старые вестерны, читала книги. Усвоила, на что способна жажда мести; она марает судьбу жирными пятнами, от них потом не отмоешься, так и будешь всю жизнь меченым, проклятым.

От безрассудных поступков ее удерживал Уок — словно якорь, крепил к хорошему, неустанно настраивал на будущее, не давал заикнуться на настоящем. Одним своим существованием свидетельствовал: попадают, хоть и редко, люди без малейшего нравственного изъяна — в том числе и среди мужчин. Вот и сейчас лишь мысль об Уоке не позволила Дачесс шагнуть к Колинам, сказать: катитесь сами знаете куда, я всю жизнь сама буду заботиться о Робине, ни за что его не оставлю.

Миссис Колин вскинула руку, и Робин изо всех силенок замахал в ответ, словно не понимая, что вообще происходит. Потенциальные родители с ними и не разговаривали — так, задали пару пустых вопросов, продемонстрировали махровый среднезападный акцент. Они и на встречу-то приехали, потому что так полагается, они сразу всё

решили насчет брата и сестры Рэдли: да, они хотят полноценную семью, но эти конкретные дети им не годятся.

— Несовпадик вышел, — лаконично объяснила Шелли по дороге к Прайсам.

В тот вечер миссис Прайс была сердита — словно Дачесс и Робин нарочно, ей назло не понравились усыновителям, и вот она вынуждена и дальше их терпеть, вместо того чтобы взять в дом других детей — помладше и посимпатичнее, таких, с которыми не стыдно вступить под церковные своды.

Вторая встреча прошла совсем плохо. Мистер и миссис Сэндфорд: он — полковник в отставке, она — домохозяйка, что тщится сделать уютным пустое гнездо.

Сэндфорды уселись на той же самой скамейке, вели разговор с Шелли, оценивали детей. Полковник то и дело раздражался хохотом и шлепал жену по ляжке — достаточно сильно, чтобы оставить синяк.

— Он будет нас бить, — заключила Дачесс.

Робин с качелей уставился на полковника.

— Еще, пожалуй, велит тебе наголо остричься и в армию завербует.

— Зато она, может, научит тебя печь пироги, — возразил Робин.

— Ублюдская морда.

— Тише ты!

Оба подняли глаза. Полковник сверлил их взглядом. Дачесс ему отсалютовала. Шелли вымучила улыбочку.

В первых числах марта потеплело.

Каждый вечер Дачесс устраивалась на подоконнике и смотрела, как срывается с крыши капель, а земля Монтаны вновь понемногу обретает краски. По утрам теперь ее будило солнце — прежнее, пусть и холодное. Снег на тротуарах растаял, во дворах еще держался, но постепенно отступал. Ирга тянулась к небу коричневыми веточками, белыми кистями цветков. Дачесс отмечала все перемены, но красоты в них не находила.

Она застыла душой, превратилась в автомат. Иногда забывала, какой сегодня день недели, какое число. Машинально обихаживала Робина, водила его в школу, игнорируя подначки Мэри-Лу и Келли, ее подлипалы, — пускай сколько влезет хаот ее кроссовки, свитер, нетрендовые джинсы. Шелли навещала их еженедельно, иногда вела в

кафе есть мороженое. Один раз они даже были в кино. Робин только и говорил, что о новой семье: папа непременно будет похож на Хэла, научит Робина удить рыбу и играть в мяч. С каждым днем Робиновы ручонки, казалось, все плотнее сжимали эту уверенность.

Однажды в воскресенье Шелли повезла их на ранчо. Завещание еще не вступило в силу, и формально земля считалась принадлежащей Рэдди. Шелли сделала крюк, чтобы прихватить Томаса Ноубла.

Приехали ближе к полудню. Робин сразу повел Шелли в курятник, поведал, как он помогал бабушке по хозяйству. Дачесс и Томас Ноубл направились в поле. Никто его не засеял пшеницей, никто даже не перепахал, и уже проклюнулись сорняки. Печаль долго не давала Дачесс начать разговор. Присутствие Хэла чувствовалось во всем — каждый шаг был им полон, на крыльце словно завис дымок его сигары. Дачесс с Томасом уселись на качели, Дачесс оттолкнулась, раскачиваясь, цепи дрогнули, напряглись, закрипели. Впору было разрыдаться, но Дачесс не дала воли слезам. Ушла на луг, где когда-то паслась серая кобылка. По серой Дачесс тосковала почти так же, как по бабушке.

Покидали ферму в напряженном молчании. Робин заплакал.

Дачесс взяла его за руку. Возле дома Прайсов они медлили выйти из машины, всё сидели. Двигатель работал вхолостую. Соседские дети гоняли на великах. Было совсем тепло; разумеется, лето еще не наступило, но послало вестового с внятным обещанием: скоро буду, ждите.

— Есть еще одна семья.

Шелли произнесла эти слова как-то по-особенному, с едва уловимым намеком, что на сей раз все будет иначе.

— Кто они? — спросил Робин.

— Их зовут Питер и Люси. Они живут в Вайоминге — я там когда-то работала. Искали, вообще-то, одного ребенка, но я им рассказала про вас двоих — что вы совсем-совсем особенные.

— Наврали, значит, — констатировала Дачесс.

Шелли улыбнулась, вскинула руку.

— Да ты дослушай сначала! Они из маленького городка. Питер — доктор, Люси — учительница начальных классов.

— Какой именно доктор?

— Обыкновенный.

— Не психиатр, случайно? Не хочу, чтобы кто-то рылся в мозгах у моего...

— Питер — настоящий врач. Практикующий. Больных людей делает здоровыми.

— Они мне нравятся, — сказал Робин.

Дачесс вздохнула.

— Если хотите, встретиться можно в следующие выходные.

Робин глядел на Дачесс с мольбой, пока та не кивнула.

* * *

Оба в «Тойоте» Марты, Уок за рулем, отрезок пути — между Медфордом и Спрингфилдом.

До огней Салема, до нормального асфальта — сто миль. «Тойота» подпрыгивает на ухабистой грунтовке, что пролегла через округ Мэрион, через ряд его некогда населенных, а ныне существующих только на старых картах пунктов.

Марта спала. Когда колдобин поубавилось, Уок рискнул отвлечься от дороги. Одного взгляда на Марту оказалось достаточно, чтобы резко усугубить боль, которая не отпускала Уока с той минуты, как он дерзнул вернуться в ее жизнь. Лицо Марты дышало спокойствием и умиротворением; оно было столь прекрасно, что Уоку стоило изрядных усилий не приложиться к ее губам.

Над хайвеем Каласейд зарозовела заря. Уок к этому моменту клевал носом; «Тойота», теряя управление, катилась по двойной желтой полосе. Ладони Марты легли на руль, выравнивая его.

— Тебе надо отдохнуть.

— Я в порядке.

Они уже выехали на хайвей Силвер-Фоллз. Из-за дальних гор показалось солнце, разлило по равнинам дюжину оттенков зеленого. В закускойной Уок и Марта позавтракали яичницей с беконом; прихлебывая крепчайший кофе, Уок ощущал, как волнообразно, толчками, прибывает энергия.

— Уже недалеко, — сказала Марта, сверившись с автодорожной картой.

Они направлялись в Силвер-Фоллз, в реабилитационный центр «Согласие». Именно на счет этого учреждения переводил деньги Дикки Дарк — и уже давно, судя по информации из банка. Данные добыла Ди Лейн. Сутки назад, вечером, явилась к Уоку домой и вручила клочок бумаги с названием и реквизитами получателя.

Выпив по три чашки кофе, они поехали дальше. Кофеин еще активно циркулировал по венам Уока, когда впереди вырос знак «Национальный парк Силвер-Фоллз». Марта быстро сориентировалась; вековые деревья приблизились, скалы нависли над зеленой долиной. Уок опустил стекло, чтобы полнее вобрать шум водопада.

Еще поворот — и вот он, реабилитационный центр. Уок звонил заранее, сказал, что хочет на месте ознакомиться с техническими возможностями учреждения. Теперь он назвал свое имя в микрофон, и ворота поползли вверх.

Длиннющая аллея упиралась в здание современной постройки — никаких острых углов, темные оконные рамы контрастно выделяются на стенах из силикатного кирпича. По стилю — скорее престижный кондоминиум в девственном лесу.

На крыльце, сердечно улыбаясь, их встретила женщина по имени Айчер. Провела в просторный холл; среди прочих произведений современного искусства выделялся объект, работая над которым, скульптор, вероятно, держал в уме горного орла. Атмосфера была спокойная: врачи, медсестры, нянечки передвигались без суеты и спешки. «Согласие» производило впечатление такого пансионата, где, отойдя от дел, доживают век финансовые воротилы. Айчер заговорила о деятельности заведения, о круглосуточном уходе за пациентами и обеспечении абсолютно всех их нужд.

Двигалась Айчер легко и стремительно, несмотря на лишние пятьдесят фунтов веса. Ее акцент, вроде немецкий, не получалось идентифицировать из-за обилия местных фразочек. Она не допытывалась, для кого конкретно Уок подыскивает лечебницу. По телефону он упомянул родственника, которому требуется уход и помощь специалистов, и теперь Айчер от души предложила экскурсию. Конечно, они пошли, и конечно, воздерживались от вопросов. Марта вообще молчала, фиксируя в памяти просторные

комнаты отдыха, грузовые лифты, ковер с ворсом чуть ли не по щиколотку.

Айчер поведала об истории строительства «Согласия», особо подчеркнула близость национального парка и его благотворное влияние на общую атмосферу. Сообщила, что реабилитационный центр располагает оборудованием для оказания первой помощи и поддержания жизни, что здесь всегда дежурят пять докторов и тридцать медсестер.

Вслед за Айчер они прошли в сад, что тянулся до ручья, ограниченный невысокой изгородью. На травке расслаблялись двое привратников; под строгим взглядом Айчер они затушили сигареты и заняли свои места у дверей.

— Могу я спросить, как вы на нас вышли?

— Один знакомый посоветовал. Дикки Дарк, — отвечал Уок.

Айчер сверкнула белоснежной улыбкой, открыв щель между передними зубами.

— Понятно. Отец Маделины.

Уок промолчал.

— Маделина — удивительная девочка. И сам мистер Дарк держится молодцом — после такой-то утраты... Вы знали Кейт, его жену?

— Не слишком близко. — Марта поспешила Уоку на помощь.

Айчер заметно погрузтелла — эффект был как от трещины, что прошла по свежоштукатуренной стене.

— Кейт — из местных. Родилась и выросла в Кларкс-Гроув. Маделина — вылитая мать.

Они вернулись в главный холл, где Айчер протянула Уоку рекламный проспект и заручилась его обещанием позвонить. Уок не задавал вопросов — он не зря приехал, вся информация у него теперь есть.

— Передайте от меня привет мистеру Дарку. Наверное, он уже почти поправился.

Уок обернулся, и по его лицу Айчер поняла, что он не в курсе.

— Ой, так вы не знаете... Я о травме. В прошлый раз Дикки хромал — сказал, что поскользнулся. Неудачное падение — и вот...

Уок почувствовал прилив адреналина.

— Когда он сюда приезжал?

— С неделю назад. Бывают люди, за которыми неприятности идут буквально по пятам.

Айчер улыбнулась напоследок и ушла.

До Кларкс-Гроува было пятнадцать миль. Уок и Марта оставили машину, пошли прогуляться по колоритной главной улице — точной копии кейп-хейвенской Мейн-стрит. Городок сразу очень понравился Уоку. Главная улица упиралась в муниципальную библиотеку — старинной постройки, отчаянно нуждающуюся в ремонте; казалось, библиотека живет одной только милостыней. Внутри было безлюдно, сумрачно и прохладно, и пахло совсем как в колледже города Портола, где Уок проучился два года.

Пожилая библиотечарша неотрывно смотрела в экран, и пришлось Уоку с Мартой заняться самообслуживанием. Они сели рядом за компьютер — так близко, что их бедра соприкасались, — и Марта приступила к поискам. Уок не отрывал от нее взгляд: как она хмурит лоб, как в волнении вздымается и опадает ее грудная клетка.

— Вы что, пялитесь на меня, инспектор Уокер?

— Нет. Виноват. Вовсе не пялюсь.

— А жаль.

Уок рассмеялся.

Марта набрала в поисковике «Кейт Дарк», и архив выдал не меньше дюжины полных тезок. В молчании Уок и Марта прочли об автомобильной аварии, о том, что Кейт скончалась на месте, а Маделина-Энн получила тяжелейшие травмы головного мозга. Имелись фото: шоссе, блестящее от гололедицы, «Форд», который вынесло на обочину, чтобы он кувыркался по пологому склону, пересчитывая деревья и разбрасывая осколки лобового стекла. На заднем плане, внизу — равнодушное к трагедии озеро Эйт.

Нашелся и семейный снимок.

Марта его приблизила, и Уок опешил: без теперешней мертвой пустоты во взгляде Дарк был едва узнаваем.

— Маделине сейчас лет четырнадцать, — произнесла Марта.

— Да.

— Господи... Она уже девять лет в реабилитационном центре. И примерно столько же времени Дарк занят своими махинациями. Лечение ведь баснословно дорогое.

Уок нашел еще одну статью — о Маделине и успехах реабилитационного центра «Согласие». Пустые фразы, одна другой хвалебнее, а суть проста: отключи аппарат жизнеобеспечения — и девочка умрет.

Дарк, значит, уповал и продолжает уповать на чудо.

Харбор-Бэй.

На безлюдных улицах Кабрильо Уок держал скорость в тридцать миль, мигалку не включал. Ему позвонили через час после того, как он вернулся из Портленда.

Уок оставил машину у ворот, прошел к берегу, ступил на дощатый пирс. На волнах покачивались ослепительные катера марки «Бэйлайнер» и целый ряд надувных лодок «Навигатор». Сквозь щели было видно, как хлюпает, облизывая опоры, океанская вода. Старый рыбак забросил наживку, чем привлек вымпельных сомиков.

Сомики устроили мини-бурю. Пахло солью и страхом.

Вот он, траулер марки «Рейнолдс», семьдесят третьего года, но с виду гораздо новее — свежеекрашен, по борту идет ярко-синяя полоса. На палубе — Эндрю Уилир, не сводит взгляда с пенных волн.

Уок немного знал Эндрю — одно время этот парень встречался со Стар.

Отсюда, с воды, хорошо просматривался Кейп-Хейвен — утесы и осыпавшийся склон и кинговский дом — единственное строение на нынешней первой линии. Эндрю до сих пор работал на шкипера Дугласа. Тот совсем состарился, стал седой, молчаливый — на суше из него и вовсе слова не вытянуть. Шкипер показался на палубе, кивнул Уоку и скрылся — за пивом пошел, рассчитывая смыть дневное потрясение.

Эндрю спустился на пирс, они с Уоком пожали друг другу руки. Загорелый этот Эндрю, мускулистый; и зачем-то в темных очках, а ведь сумерки сгущаются. Когда Уок шагнул на борт траулера, Кейп-Хейвен уже мигал вечерними огнями.

— Что случилось, Эндрю?

— Повезли мы рыбачить ребят из Сакраменто — трое их было, друзья детства. В Сикс-Риверз^[48] вообще-то направлялись, сюда к нам по пути заехали.

Ловить омаров разрешалось с октября по март, да и то с ограничениями по количеству и весу, но большинство отдыхающих заказывали прогулку не столько ради рыбацких трофеев, сколько ради морского воздуха.

— Двигались мы на малом ходу, — продолжал Эндрю. — Вдруг Дуглас меня зовет — сеть зацепилась. Такое часто бывает. Гемор тот еще. Иногда приходится гидрокостюм напяливать, нырять, нож в дело пускать...

Уок схватился за борт, даром что качка была минимальная.

— Сегодня я в воду не полез. Мы с Дугласом руками тянули. Гляжу — старик бейсболку снял, пот утирает. А ему чтобы вспотеть — это я не знаю, какая нагрузка нужна. Короче, упираемся — толку ни на грош. Я взял лебедку, и дело сдвинулось. Только вода разомкнулась над ним — наши, которые из Сакраменто, давай блевать, все трое разом. Чаек налетела целая стая. Вопят, кружатся над утопленником. Ну Дуглас ему глаза и закрыл — вроде так пристойнее.

— Он только это сделал, больше не прикасался к трупу?

Эндрю помотал головой, отступил на шаг.

— Нет. Я на него полотенце набросил, а то наши пассажиры совсем расклеились. Чтобы, значит, им его не видеть.

Уок приподнял полотенце, и у него дух занялся.

Милтон.

Раздувшийся, в пятнах, глаза будто изнутри кто выталкивает.

— Тебе дурно, Уок?

— Боже...

— Ты его знаешь?

Уок кивнул.

ДНК крови, обнаруженной в доме Дарка, уж конечно, совпадет с ДНК Милтона. Только в этом пазле не хватает еще слишком многих остроугольных деталей...

— Присядь, а то вид у тебя неважный.

Они уселись на палубе ждать коронера. Под воздействием пива, принесенного Эндрю, к щекам Уока медленно возвращался прежний оттенок.

— Полегчало?

— А ты, Эндрю, что-то спокойный не по обстоятельствам.

— Так уже третий труп вылавливаю.

— Серьезно?

— Первый попался в Джерси, второй — на Флорида-Киз. Многовато событий в Кейп-Хейвене, а, Уок?

— Хоть отбавляй.

Уок приложил ко лбу холодную бутылку, усмирил на время мигрень. Руки у него дрожали — он их не прятал, никак не боролся с тремором.

— Я тебя видел на отпевании. А подойти не смог, уж извини, — сказал Уок.

Эндрю, повесив голову, стоял тогда в заднем ряду. Пробыл в церкви всего несколько минут и выскользнул вон.

От извинения тот отмахнулся.

— Я просто... печально все это, словом. Услышал, что она... что ее... Осмыслить не могу. А дети! За них душа болела еще раньше, еще когда Стар... Мальчик-то был совсем кроха, зато девочка... Помню, как глянет этими своими глазами...

Уоку живо представилась Дачесс.

— Есть версии, кто его — этого парня?

— Есть.

Больше Эндрю вопросов не задавал.

К причалу приближалось судно, в тихой воде мигали огоньки.

Эндрю вытянул руку с пивной бутылкой в сторону умирающего солнца.

— Пять лет ее не видел — а думал о ней часто. Не то чтобы она меня бросила — нет, совсем нет. Бывают ситуации, когда хочешь спасти человека, а не представляешь даже, с чего начинать.

— Ты с ней довольно долго встречался.

— Несколько месяцев. Зашел в бар, там она поет. Я ее угостил спиртным. Она мне тогда показалась хорошенькой, остроумной и такой, знаешь, с надломом. Ничего экстраординарного. В барах — по крайней мере в тех, где я бываю, — такие женщины в основном и попадают.

— А потом как у вас отношения развивались?

— Мы стали парой. Впрочем, нет. Скорее друзьями. Я желал большего.

Уок напряженно молчал.

— Что так смотришь? Ну да — секса мне хотелось. А его-то между нами и не было.

Уок перевел глаза на катер — белый, нарядный, неуместный здесь, у этого пирса. Какой-то отпускник игрушку свою выставил на продажу, вон и табличка соответствующая. Уок очень болезненно

воспринимал каждое столкновение нового и старого в Кейп-Хейвене и теперь всем сердцем надеялся, что новый владелец отгонит катер подальше от этих берегов.

— Стар красивая была. Секс — это важно, так ведь? О нем говорить не принято, но без него какие отношения? Да никаких, название одно.

Название одно — это про их с Мартой странный тандем. Они дружат? Как бы не так. Хороша дружба, когда Уока при виде Марты подхватывает нечто вроде подводного течения, тащит его помыслы и желания туда, где им совсем не место. Марта еще когда закрылась для него, похоронила, заодно с нерожденным ребенком, плотские желания и душевные порывы, которые раньше предназначались Уоку...

— Стар как-то объясняла свой отказ?

— Однажды выдала, что настоящая большая любовь бывает только одна. И то не у каждого, а лишь у того, кому повезет ее найти. А еще бывают любвишки — их сколько угодно. Так вот они вообще не в счет.

Стар своего хеппи-энда не дождалась. Пусть хотя бы ее детям выпадет иная судьба. Каждый вечер перед сном Уок молился об этом — что еще ему оставалось?

* * *

В день встречи Робин ужасно нервничал.

Накануне вечером, в постели, он рассуждал о Питере и Люси, причем так, словно знал их давным-давно. Решил, что сам станет доктором. Ну или школьным учителем. Дачесс предупредила: не угомонишься — завтра будешь вялый; спи давай. Робин болтал еще целый час.

Дачесс приготовила ему шортики и футболку — Робин упросил достать из чемодана брючки и ту рубашечку, которую он надевал в церковь, когда отпевали дедушку. Хотел даже нацепить галстук-бабочку, но вовремя одумался. Лучшие свои ботинки довел до блеска посредством слюны и бумажных полотенец. Дачесс взялась было распутывать его кудряшки, но бросила это неблагодарное занятие, ограничившись тем, что разделила волосы на пробор.

Сама она влезла в джинсы и свитер, но Робин стал канючить. Не успокоился, пока Дачесс не надела платье. Он сам выбрал для нее желтую ленточку и вдруг спросил, не подкраситься ли ей самую малость. Завтрак не лез ему в горло. Робин будто прилип к окну, тянул по плоточку сок.

— Да расслабься уже, — сказала Дачесс.

— А если они не приедут?

— Приедут.

По дороге Робин молча глядел в окно. Дачесс заметила, что он держит пальчики скрещенными. Наконец Шелли зарулила на парковку. Они вышли навстречу солнцу, птичьим трелям и легкому ветерку.

Питер оказался невысоким и довольно полным; впрочем, двигался он ловко, не стесняясь лишнего веса. Люси улыбалась как-то особенно лучисто; Дачесс решила, что ее призвание — быть матерью ну или хотя бы учительницей начальных классов. Шелли помахала, и они трое пошли навстречу Питеру и Люси.

Вдруг Питер обернулся и свистнул. Черный лабрадор вскинул голову, поднял переднюю лапу и рванул к хозяину.

— У них собака! — выдохнул Робин.

— Веди себя естественно, — сказала Дачесс.

Робин уставился на нее. Она выждала несколько секунд и кивнула. Тогда Робин помчался навстречу собаке, нелепо и восторженно махая ручонкой.

— Вот хрень, — бросила Дачесс.

— Не волнуйся, — сказала Шелли.

— Робин хотел с чемоданом ехать — на случай, если они прямо сегодня нас заберут.

— И правда хрень, — согласилась Шелли.

Встреча вышла не такая, как первые две — со скупыми рукопожатиями и скрещением настороженных взглядов. Нет, Питер и Люси с самого начала явили себя открытыми и доброжелательными людьми. Представились, рассказали, из какой дали сюда приехали в машине вместе с Джетом — так зовут лабрадора. Сообщили, что в маленьком вайомингском городке у них собственный домик. Питер взял Робина прогуляться, прихватил собаку. Они удалялись по некошеной лужайке, Робин без конца оглядывался и махал Дачесс, она махала в ответ. Ей самой удалось не ляпнуть лишнего — это значило,

что она практически не раскрывала рта. Люси похвалила платье — Дачесс сказала «спасибо». Люси спросила, как дела в школе — Дачесс сказала, что с учебой порядок. Люси поинтересовалась, комфортно ли им с Робиним жить у Прайсов — Дачесс сказала, что да, вполне.

Робин цеплялся за Питерову руку; улыбался шире, чем следовало, возясь с лабрадором. Дачесс не сводила с него взгляда. Люси упомянула, что они держат кур, и Дачесс мысленно взмолилась: хоть бы Питер не сказал этого Робину.

Через десять минут Робин повернул к ней мордашку и одними губами произнес «Курочки». Дачесс улыбнулась ему, Робин захлопал в ладоши.

На опасные темы не соскальзывали. Никаких разговоров о прошлом, только Люси выразила соболезнования по поводу смерти Хэла и Стар и сообщила, что сама в раннем детстве потеряла маму.

Когда настало время прощания, Робин повис на Питере, и Дачесс пришлось вмешаться.

Всю обратную дорогу Робин говорил, захлебываясь от восторга. Питер, оказывается, хочет снова приехать, и в следующий раз он разрешит Робину вести Джета на поводке. Шелли их обоих похвалила: они оба понравились, Питер и Люси вот так прямо и сказали.

— И что теперь? — спросил Робин.

— Увидим. Но у меня хорошее предчувствие, — ответила Шелли.

Робин захлопал в ладоши. Возле дома Прайсов он выскочил из машины и помчался к крыльцу, где уже стояла миссис Прайс. Шелли досталась ее натянутая улыбка.

— Зачем вы его обнадеживаете? Вы же ничего толком не знаете, Шелли.

— Важно сохранять оптимизм.

Дачесс потеряла глаза. Сколько событий за один год — и, кажется, неопределенность отступает.

В тот вечер она молилась перед сном, даром что не была уверена в существовании Господа Бога.

Уок нашел ее в церкви.

Шагнув к аналою, схватился за него рукой, оглянулся. В дверном проеме виднелись свежие цветы на могилах. Дальше синел океан.

Марта сидела в переднем ряду, смотрела на кафедру и мутные витражи. То же место на скамье, что в прежние времена, когда воскресную проповедь читал преподобный Мэй. Уок прокрался в задний ряд — не хотелось отвлекать Марту. Все утро он провисел на телефоне. Сначала позвонил Бойду, сообщил о Милтоне — что найдено его тело, что ниточки тянутся к Дарку. Милтон и Дарк вместе охотились, и есть данные, что Милтон был у Дарка в доме — приехал и уехал. Упомянуть о крови Уок права не имел, но Бойд и сам, без просьб, пообещал ему ордер на обыск.

Второй звонок был в Клирлейк, адвокату по уголовным делам Картеру — его номер дала Марта. Картер заявил, что должен встретиться с Винсентом Кингом; Уок такую встречу устроить не мог. До суда оставались считанные недели, времени на подготовку было недостаточно.

— Ты мне нужна, — произнес Уок, и от этой фразы, подхваченной и повторенной церковными сводами, Марта вскинула, однако не повернула голову. Что она беззвучно молилась и что молитва, о чем бы она ни была, теперь прервана, Уок видел по напрягшемуся затылку.

Он встал и прошел к Марте, уселся рядом с ней. Оба смотрели на распятие, находясь в непосредственной близости от изображений святых великомучеников.

— Ты мне нужна. В суде.

— Да, я поняла.

Уок опустил глаза на свой галстук с блестящим зажимом. Тугой воротник мучил шею. Никогда еще Уок не чувствовал себя таким жалким. Или, может, он был жалок все время, просто до сих пор не признавал этого. Недавно Уок опять ездил на прием к доктору Кендрик. Ему повысили дозу лекарств. И не было ни способа, ни шанса остановить неизбежное.

— Я наделаю ошибок, которые после аукнутся.

— Нечестно тебя просить, сам знаю.

— Честно, нечестно... Дело не только в этом. Речь идет о жизни и смерти. Когда-то я жаждала встать грудью на защиту ближних. Помогать людям хотела. Посредничать от их имени к Богу — в хорошие времена и в плохие. Родной отец отнял у меня это право.

— Но ты все равно могла бы...

Уок не договорил — Марта сверкнула на него глазами, полными слёз.

— Не могла бы. Я не лицемерка.

— Милтон — тот мясник — мертв. По-моему, его убил Дарк. И Хэла тоже — потому что до детей хотел добраться.

— Боится, как бы мальчик чего не вспомнил.

Уок кивнул.

— Сюда ему сейчас дороги нет. Он задолжал денег паре мерзавцев.

Уок знал, что говорит. На сей раз он запомнил номера машины, уже пробил их по базе — и небезрезультатно. Седан оказался зарегистрированным на риверсайдскую строительную компанию, один из директоров которой происходил из семейства с криминальной историей. Получалось, что проблемы Дарка сами собой не рассосутся.

Марта взглянула на него.

— Сообщи об этом Бойду. Пусть обеспечит охрану детям.

— Уже сообщил. Бойд не верит в причастность Дарка.

— Потому что в деле фигурирует Винсент Кинг.

— Вот если б мы доказали Винсентову невиновность... Если б мы его вызволили...

— Черт возьми, Уок! Винсента даже лучший в Штатах адвокат не вызволит.

— Если Винсент невиновен, значит, Дарк охотится за Робинот Рэдди, а не за девочкой.

Уок закрыл глаза и трясущимися руками принялся массировать шею. Мышцы были зажаты, болью отзывались при малейшей попытке качнуть головой.

— Говори, что у тебя со здоровьем. По-твоему, я не замечаю, какой ты изнуренный и вдобавок таешь просто на глазах?

— Это всё от стресса.

— Почаще повторяй: «стресс, стресс» — глядишь, и сам поверишь.

— Вряд ли.

В церковь вошла пожилая женщина. Преклонила колени, осенила себя крестным знаменем, удалилась. Может, думал Уок, после таких действий ей спится лучше.

— Ты очень много взваливаешь себе на плечи. Было время, я тебя насквозь видела.

— Хорошо бы стать прежним. Я... короче, все изменилось. Продолжает меняться, причем каждый день — я это чувствую. Взять хотя бы Толлер. Мимо ведь ежу. В голове не укладывается, когда они столько домов понастроить успели...

— Надо же людям где-то жить.

— Да ведь это у них виллы для отдыха, а не основное жилье. Город по всему побережью расползся, неизвестно докуда дотянется.

— А ты перемены не любишь, верно? Я же видела обстановку у тебя дома и в кабинете. За прошлое цепляешься изо всех сил.

— Потому что в прошлом все было гораздо лучше. Или ты забыла наше детство? Мне тогда казалось, что вся жизнь наперед расписана, и меня этот сценарий устраивал. Я себя видел полицейским в родном городе. С женой и детьми. И чтобы членство в Малой бейсбольной лиге. И вылазки на природу с палатками.

— А еще чтобы Винсент Кинг жил на соседней улице, чтобы ваши жены были закадычными подружками, чтобы вы отпуск все вместе проводили. Барбекю на пляже — один мясо жарит, другой детей в воде отслеживает...

— Вот именно. Тридцать лет прошло, а я до сих пор эту картинку вижу, даром что она только в моих мечтах существовала. И такая она, знаешь, объемная, живая... Только изменить ничего нельзя.

— Опиши мне Винсента, каким ты его помнишь.

— Во-первых, безотказный. Не было такого, чтобы я попросил, а Винсент сказал «нет». Слепая преданность. Братская. С девчонками он крутил, это правда, но они для него ничего не значили. Другое дело — Стар. Спуску Винсент никому не давал, хотя, кажется, сам ни одной драки не затеял. Случалось, неделями был тише воды ниже травы — это если отец за его воспитание брался. А еще это его чувство юмора. Короче, он был для меня всем. Братом моим был. Да и остается таковым.

Мартины глаза сделались непроницаемыми. Вот о чем она думает? Верит или нет? Дверной проем, подсвеченный солнцем, пропускал птичье щебетанье.

— Я был уверен, что мы с тобой поженимся, Марта; тебе ведь это известно?

— Мне это известно.

— Ты всегда в моих мыслях. Я думаю о тебе, когда просыпаюсь. И когда ложусь спать.

— Мастурбация — грех.

— Не говори «мастурбация» в церкви.

— Тебя ко мне тянет, потому что я — благополучная. Я будто твой двойник в зеркале. Не меняюсь с годами, никаких от меня сюрпризов. Я и в детстве была бесхитростной и надежной, ровно до того момента, когда нарушилась наша идиллия.

— Неправда.

— Правда. Только ты зря себя стесняешься, Уок. Мы людям помогаем — ты и я. Это лучший способ жизнь прожить.

— Иными словами, ты пойдешь на судебное заседание.

Марта не ответила.

— Как думаешь, в другой жизни мы будем вместе?

— Теперешняя жизнь еще не закончилась, инспектор.

И теплой своей ладонью Марта умерила дрожь руки Уока.

* * *

Питер и Люси заехали за ними прямо к Прайсам.

Шелли, уткнувшись в бумаги, сидела на заднем сиденье их внедорожника.

Питер и Робин болтали без умолку. Обсуждали Джета: он, оказывается, трусоват — птиц боится; потом Питер рассказал об одном своем пациенте — у бедняги целый год не проходила жестокая икота.

— А вы его напугать не пробовали? — спросил Робин.

— Моему Питу и пробовать не надо. У него такое лицо — кто хочешь испугается, — встряла Люси, подмигнув Дачесс в зеркало заднего вида.

Дачесс улыбнулась. Следовало рассмеяться, но это было выше ее сил. Нынче за завтраком Мэри-Лу сказала, что удочерение ей не светит. Зачем симпатяге-доктору и его милой женушке такая, как Дачесс — в голове тараканы, в табеле тройки, любимая игрушка — пистолет? Дачесс молча жевала кукурузные хлопья с молоком; слова не вымолвила, даже когда Мэри-Лу прошествовала к стене и выдернула из розетки телевизионный шнур — дескать, я под телик поела, а вы двое и так хороши будете.

Внедорожник съехал на обочину, но двигатель Питер не заглушил. Они с Люси долго водили пальцами по карте, наконец обернулись к Дачесс и Робину.

— Мы выбрали Солнечную дорогу. Готовы, ребятки?

— Готовы! — живо ответил Робин.

Питер взглянул на Дачесс и улыбнулся.

Робин стиснул ей ладонь, и Дачесс отозвалась:

— Готовы.

Солнечная дорога оказалась горным серпантинном длиной в пятьдесят миль. Заявленный солнечный свет ждал с восточной стороны, на выезде из туннеля — две скалы расступились, словно были раздернуты полотнища занавеса, и там, в ослепительном проеме, готовилось грандиозное представление.

Автомобиль пополз практически по отвесной скале. Впереди, если не считать нескольких футов шоссе, был только небесный простор — но дорога неизменно выныривала из-под колес, отсрочивала неминуемое падение. Дачесс зажмурилась перед этим восторгом близкой пропасти.

Внизу замелькали долины, по бокам загрели водопады, замельтешили пестрые цветочные луга. Скалы обрывались прямо в прозрачные озера, высокие сосны едва удерживались на склонах посредством цепких корней.

Люси без конца щелкала фотоаппаратом марки «Никон».

Шелли отвлеклась от документов, положила ладонь Дачесс на плечо, слегка сжала пальцы. Будто поняла, что девочка нуждается в ободрении именно такого рода.

Питер остановился на смотровой площадке над ледником Джексона. Люси достала из багажника большую корзину с крышкой, расстелила плед на траве. Робин уселся рядом с Питером. Эти двое

дружно ели сэндвичи, хрустели чипсами, тянули сок из пакетиков и следили за движением теней на водной глади.

— Дедушке тут понравилось бы, — выдал Робин.

Дачесс сжевала сэндвич, сказала «спасибо» и попыталась улыбнуться. Временами появлялось ощущение, будто дом, которого у нее никогда не было, где-то неподалеку, будто он к ней взывает; она же никак не сориентируется, в какую сторону идти. Дачесс утерла глаза рукавом, почувствовала: Люси смотрит на нее. Наверняка вычисления в уме производит: насколько девочка педагогически запущена? Возьми такую в дом — проблем не оберешься и назад не отыграешь...

— Ты в порядке, Дачесс? — спросила Люси.

— Да, спасибо.

Очень хотелось говорить искренне. Вот только как передать этой благополучной чете: она, Дачесс, будет как шелковая, ее присутствия в доме и не заметят, ей для себя ничего не надо — только бы Питер и Люси любили Робина, заботились бы о нем...

Дачесс встала и подошла к краю площадки, облокотилась на изгородь. Внизу синели в прозрачной воде камушки; внизу пурпурные цветы, подсвеченные солнцем, казались кровоточащими; внизу смыкались ряды широкохвойных сосен.

Люси приблизилась, но с расспросами не полезла. Дачесс оценила ее такт.

На обратном пути им попались горные козы и бараны-толстороги. Питер поехал медленнее, чтобы дети лучше рассмотрели животных.

— А вдруг барашки с горы свалятся? — волновался Робин.

— Я же доктор, я их вылечу, — успокоил Питер.

Люси закатила глаза.

Дачесс наблюдала за Питером — как аккуратно он ведет машину, какая у него естественная улыбка. Представляла, что и жизнь у такого человека, с таким человеком, должна быть размеренной, без дурацких неожиданностей. Никуда он не торопится, не суетится, в чужие дела не лезет — его интересует только собственная семья. Да, Питер станет Робину хорошим отцом.

Возле прайсовского дома Робин повис на Питере. От внимания Дачесс не укрылись ни отчаянно сцепленные на Питеровом поясе ручки, ни многозначительное переглядывание Питера и Люси.

Все ясно, подумала Дачесс; все определилось.

Они с Робинотом нашли новую семью.

Уок и Марта работали до рассвета. Марта дважды варила кофе — в полночь и в два часа ночи.

Накануне они ездили в графство Фейрмонт, к Винсенту. Полдня с ним провели практически впустую. Марта и увещевала, и урезонивала — Винсент молчал. О бессмысленности их усилий Уок догадывался с самого начала, однако тешился надеждой: Винсенту-де нужен повод, чтобы открыться; оправдание, если угодно. И таким оправданием станет вера Марты в его невиновность. Едва Винсент убедится в неподдельности этой веры, в голове у него перещелкнет и он наконец-то облегчит душу, в деталях расскажет о произошедшем той ночью.

У тюремных ворот Кадди вручил Уоку почтовый конверт.

— Это еще что?

— Письмо для Винсента. Он его никак не комментировал. Просил передать тебе; сказал, ты, пожалуй, заинтересуешься.

Уок вынул письмо не прежде, чем остался один в комнате ожидания. Обычный листок бумаги, текст напечатан, а не написан от руки — однако в авторстве Дикки Дарка сомневаться не приходится. «С деньгами сейчас туго, но я выкручусь. Знаю, что подвожу вас, но уже придумал, как все исправить. Удачи в суде, порой мечты действительно сбываются».

Уок прочел письмо раз десять. Искал тайный смысл между строк, пытался выудить новые факты из интонаций. Почти поверил, что совесть у Дарка все-таки есть. Впрочем, сути дела данное обстоятельство изменить уже не могло.

Когда он вернул письмо Винсенту, тот сунул его в карман, обернулся к Марте и переменял тему разговора — будто разграничительную линию провел между собой и Уоком.

Теперь, в преддверии судебного заседания, Марта работала целыми днями. Задействовала все связи, без конца звонила и писала старым знакомым, даже ездила в округ Кэмерон к своему колледжскому профессору.

В доме Уока, в цокольном этаже, они оборудовали кабинет. По стенам развесили документы, фотографии, карты. Марта читала стенограммы слушаний и столько раз репетировала свою речь, что Уок

запомнил ее со слуха слово в слово. Репутация госпожи окружного прокурора была известна Марте — скрупулезная дамочка, если не сказать «вьедливая»; все эти месяцы прилежно готовилась к судебному процессу. А факты неоспоримы. Винсент Кинг хорошо знал жертву; Винсента Кинга, перемазанного кровью жертвы, взяли в ее доме.

Шел разговор о том, чтобы вызвать повесткой Дикки Дарка, но найти его не смогли. Впрочем, госпожа окружной прокурор уже располагала показаниями этого человека, никоим образом не связанного с местом преступления. Попытки же обнаружить такую связь означали, что в суд будет вызвана Ди Лейн — со всеми вытекающими. Уок считал себя не вправе сиротить дочек Ди Лейн ради того лишь, чтобы Дарк получил статус свидетеля.

У них с Мартой, среди прочего, имелась схема взаимоотношений между всеми лицами, знавшими Стар Рэдди. Окружной прокурор, без сомнения, заявит, что орудие убийства не найдено исключительно потому, что Винсент Кинг утопил его. Марта докажет, что времени на пробежку до пляжа и обратно у Винсента Кинга было недостаточно. За этот маленький, но важный факт они оба цеплялись.

И вот время — девять утра. Уок, сидящий на стуле, почувствовал: начался тремор. Сперва затряслась левая рука, затем правая нога. Закрытие глаз и волевое усилие, разумеется, не помогли. Как и замедление дыхания, как и мысленные проклятия в адрес организма — не мог отсрочить приступ, непременно надо было предавать хозяина в такой ответственный момент...

— Уок, тебе плохо?

Он хотел ответить «нет, нормально» — но отказали лицевые мышцы. Теперь тряслись губы и нижняя челюсть. Началось, как и в случае с конечностями, с легкого покалывания; быстро переросло в мерзкую дрожь. Приступ пройдет, Уок это знал; только не сразу. Глазам стало горячо от постыдных слез. Уок хотел утереть их, пока Марта не видит — рука не слушалась, не поднималась.

Он зажмурился. Он много дал бы, чтобы оказаться вне этих стен, вне этого города; а самое лучшее — вне этой жизни. Вспомнил себя десятилетним: они с Винсентом катят на великах, подсекают друг друга и хохочут — открыто, как умеют только дети.

И тут на руки ему легли теплые ладони — именно легли, а не надавили. Уок открыл глаза и увидел коленопреклоненную Марту.

Глаза ее, полные слез, были прекрасны.

— Всё в порядке, Уок, — сказала Марта.

Он качнул головой: нет, не в порядке, и не наладится уже никогда. Он не плакал лет десять. И вот прорвало. В жизни — полнейший, безнадежный хаос; это — данность, и нечего обольщаться. И Уок разрыдался, как давным-давно, в пятнадцать; как если бы Винсенту заново вынесли тот же приговор.

— Почему ты так цепляешься за Винсента?

— Я виноват перед ним. Вечером того дня, когда я обнаружил Сисси — точнее, уже ночью, — я зашел к Кингам во двор, увидел вмятину на машине и понял: это Винсент ее сбил.

— Знаю. Ты уже рассказывал.

— Мне бы Винсента разбудить. Отправить бы в полицию. Была бы явка с повинной — для судьи и присяжных это в корне меняет дело. Судья был бы снисходительнее. А я помчался докладывать инспектору Дюбуа. И какой, черт подери, я после этого друг?

Марта взяла его лицо в ладони.

— Ты поступил правильно. Как всегда. А еще ты заботился о Стар. Она тебя отталкивала — не отрицай, я в курсе, — а ты все равно пытался ее вытащить. На такое не каждый способен; далеко не каждый.

— Всегда терпишь ради тех, кто и вправду тебе дорог.

— Насколько легче жилось бы в этом мире, будь в нем побольше таких, как ты...

Искренне сказала — впору было поверить. Но взгляд скользнул поверх плеча Марты и уперся в фотографию Винсента. Нет у них сейчас времени на подобные разговоры.

И вдруг, спонтанно, без раздумий, Уок поцеловал Марту.

Начал извиняться, но ее губы прикипили к его губам жадно и неистово, словно ожидание длилось тридцать лет — и вот закончилось. Вдавленный ее натиском в спинку стула, затем поднятый ею на ноги, Уок был взят за руку и увлечен наверх, в спальню. Он пытался урезонить Марту, убедить, что она в очередной раз совершает ошибку, что он, Уок, ей в подметки не годится. Но ее поцелуи имели удивительное свойство — возвращали обратно в пятнадцать.

* * *

Информация поступила поздно вечером. Так крепко и сладко Уоку не спалось уже много месяцев, но затрещал мобильник, заставив его сесть в постели. Рядом встрепенулась Марта.

Уок молча выслушал сообщение, нажал «отбой» и снова лег.

— Что-то важное?

— Да. Заключение патологоанатома о Милтоне. Он утонул. Никаких следов насилия. Просто несчастный случай.

Марта вскочила с постели, даром что до рассвета было еще далеко.

— Это оно, Уок. Дождались.

— Что — оно?

— Обстоятельство, которое изменит весь ход игры.

* * *

Той ночью Робин проснулся с плачем. Постель была мокрехонька, а кошмарный сон — столь цепок, что в первые несколько секунд Робин только жался к Дачесс, не в силах произнести ни слова.

— Я слышал маму. Я был в спальне, под замком, а мама кричала и звала на помощь. Я хочу к Питеру и Люси. И к маме. И к дедушке. Домой хочу, и чтобы так вышло, будто это все мне приснилось.

Дачесс утешала его поцелуями в темечко.

Потом она помогла Робину вымыться, перетащила клеенку в свою постель, уложила Робина и легла сама, предварительно раздернув шторы, чтобы видеть звездное небо с идеально круглой луной.

— Всё будет хорошо, Робин.

— Думаешь, нас заберут в Вайоминг?

— Твое будущее пока не прописано. Ты можешь стать кем хочешь — ты ведь принц.

— Доктором хочу — как Питер.

— Из тебя получится хороший доктор.

Когда Робин уснул, Дачесс села к окну с учебником и стала писать реферат по истории. Она очень старалась. Даже не так — она

боролась.

Время от времени взглядывала на Робина и думала: «Все хорошее, что у меня в зачаточном состоянии, у моего брата сгущено, не разбавлено».

Наутро, по дороге в школу, Мэри-Лу что-то шептала на ухо всем ребятам по очереди, и все без исключения от ее слов брезгливо морщили носы и хихикали.

— Что она им рассказывает? — волновался Робин.

— Ничего особенного. Ерунды всякой насмотрелась по телику.

Они миновали Гиккори-стрит и свернули на Гроув-стрит, а Мэри-Лу никак не могла уняться. Присоединились еще четверо ребят — двойняшки Уилсон и Эмма Браун со своим братом Адамом. Мэри-Лу подскакивала к каждому, приобнимала и нашептывала. Дальше все повторялось: сморщенный нос, брезгливая гримаса, гадкий смешок, блаженство на физиономии Мэри-Лу.

— Фу-у-у-у-у! — со вкусом протянула Эмма Браун.

Робин снова взглянул на Дачесс.

— А Генри мне не позволил идти с большими мальчиками.

— Потому что Генри — придурок, — отрезала Дачесс.

Сама она буравила глазами спины шедших впереди. Хороша компашка: Мэри-Лу без конца оглядывается ни них с Робинком и фыркает, Эмма и Келли обезьянничают, рядом топает паршивец Генри со своими приятелями. Сучьи дети! Когда они вступили на школьную территорию, когда Мэри-Лу шагнула к стайке одноклассников и опять зашептала, холодный свинец, которым словно налились вены Дачесс, вдруг стал плавиться. Все уставились на нее, только уже не захихикали, а заржали в открытую, чтобы потом гадливо отвернуться.

Дачесс ринулась было к обидчикам, но Робин схватил ее за руку, удержал своим «Пожалуйста, не надо!».

Она опустила колени в траву.

— Робин.

Он начал было лепетать, Дачесс провела ладонью от его лобика к макушке, откидывая кудри, останавливая.

— Ну-ка, Робин — кто я?

Он взглянул ей прямо в глаза.

— Ты — та, что вне закона.

— И что это значит?

— Что насмешек ты ни от кого не потерпишь.

— Никто не смеет нами пренебрегать. Я тебя в обиду не дам. Потому что мы с тобой одной крови.

По глазам Робина Дачесс поняла: ему страшно.

— Иди-ка в класс. Ну, давай же.

Она его легонько подтолкнула, и Робин покорился — неохотно, явно волнуясь и оглядываясь, побрел к зданию начальной школы.

Дачесс встала в полный рост, сбросила рюкзак, едва не прожгла Мэри-Лу взглядом, чтобы через мгновение двинуться к ней. Девчонки расступились. И Эмма, и Келли, и Элисон Майерс — все были наслышаны о Дачесс.

— Может, и мне свою хохму расскажешь, Мэри-Лу?

Сбежались мальчишки, стали плотным кольцом.

Мэри-Лу не смутилась, не попятилась. Она даже ухмылку сохранила.

— От тебя мочой воняет.

— Что?

— Ты в постель мочишься. Всё, хватит с нас. Больше тебе в нашем доме не жить. Мама сегодня утром твоё постельное бельё в стирку отправила — я сама видела. Ты обмочилась, как старая маразматичка.

Прозвенел школьный звонок.

Никто не двинулся с места.

— Ну да, так и есть.

Вокруг зашептались, захихикали. Послышались возгласы, но Дачесс не разобрала слов.

— Ты это признаешь?

— Конечно.

— Видишь, Келли? Я правду говорю, — выдала Мэри-Лу и хотела уже идти в класс вместе с остальными.

— А сказать, зачем я это сделала?

Все разом повернули головы.

Не представляя, чего ждать, Мэри-Лу напряжинилась.

— Я это сделала, чтобы твоего папашу от своей постели отвадить.

Гробовое молчание.

— Ложь, — выдохнула Мэри-Лу.

Келли с Эммой попятнулись от нее.

— Врешь, дрянь, гадина! — взвизгнула Мэри-Лу и бросилась к Дачесс.

Мэри-Лу умела толкаться и пихаться, да еще, пожалуй, дергать за волосы. Этим арсенал ее приемов ограничивался. Что на школьном дворе можно нарваться на ту, которая вне закона, ей и не снилось.

Дачесс вырубила ее одним резким ударом.

Мэри-Лу рухнула на колени. Блеснул в траве выбитый зуб, изо рта закапала кровь. Завопили многочисленные свидетели.

Невозмутимо, сверху вниз, Дачесс смотрела на свою жертву, почти желая, чтобы Мэри-Лу встала на ноги, чтобы можно было продолжить.

Но Мэри-Лу не встала. Зато прибежали взрослые — двое учителей и директор. Увидели Мэри-Лу с окровавленным ртом, отметили и хищный взгляд, и усмешку пришедшей хулиганки. Потасили Дачесс в школу, принялись звонить Прайсам и Шелли.

Дачесс оставили одну. В ожидании решения она мечтала: вот бы в коридоре возник Хэл, разрулил бы ситуацию, подтер, где Дачесс напачкала. В окне синело небо Монтаны. Дачесс думала об Уоке, гадала, каково кейп-хейвенское небо сегодня утром, когда снова всё изменилось.

Вошел мистер Прайс, обнимая за плечи плачущую жену.

— С нас довольно, мы их у себя дома больше не потерпим, — повторяла миссис Прайс, всхлипывая. Казалось, будь в ее силах умертвить Дачесс взглядом, она бы это сделала.

Мистер Прайс тоже разок сверкнул глазами, и Дачесс показала ему средний палец.

Шелли шагнула к ней, обняла. Дачесс замерла, не ответила объятием.

Потом взрослые долго совещались в директорском кабинете. Золоченая табличка на двери была с виду такая тяжелая, что Дачесс казалось, она и звуки не пропускает. Сквозь невнятный гул прорывался только один голос — высокий, резкий. Миссис Прайс выстреливала фразами вроде «вон из моего дома», «никаких «еще на одну ночь» и «безопасность моих детей — это главное».

В кабинет вызвали Дачесс. Она чуть не столкнулась с выходящими Прайсами. Оба отвернулись, словно Дачесс и не жила с ними под одной крышей.

Шелли спросила, правда ли это — насчет мистера Прайса. Дачесс ответила честно: нет, это неправда, она обвинила мистера Прайса в домогательствах, чтобы Мэри-Лу заткнулась. Шелли защищала Дачесс, до последнего не сдавалась, хоть и понимала, что все бесполезно.

Директор бушевал. Бросался ничем не подкрепленными утверждениями: у них в школе, мол, жестокости места не было, нет и не будет, и такие, как Дачесс, им тут не нужны.

Для баланса Дачесс и ему показала средний палец.

— Ты в порядке? — спросила Шелли, когда они вышли во двор.

— Жива — и ладно.

Дачесс не хотела оставлять Робина в школе одного.

За весь путь до дома Прайсов она больше ни слова Шелли не сказала.

Миссис Прайс, вся на нервах, ждала в кухне. Мистер Прайс повез Мэри-Лу в больницу — пусть там проверят, нет ли других телесных повреждений, и остановят кровотечение. Со стороны миссис Прайс последовали угрозы — как юридически обоснованные, так и ни с чем не сообразные. Затем Дачесс было велено собирать пожитки. Она справилась быстро — чемодан с первого дня лежал нераспакованный.

Миссис Прайс, то и дело прикладывая к глазам платочек, с крыльца следила, как уходит Дачесс, не удостоившая ее более ни единым словом.

Шелли повезла Дачесс к себе на работу. Ехали в полном молчании. В кабинете Шелли взялась звонить, а Дачесс, устроившись на старом деревянном стуле и глядя на часы, просто ждала.

В три пополудни Шелли куда-то уехала, перепоручив Дачесс двум пожилым сослуживицам, которые каждые десять минут взглядывали на нее и улыбались.

Шелли привезла зареванного Робина.

К пяти вечера место для них было найдено. Сил на эмоции у Шелли не осталось. Ее ждала еще сотня папок с личными делами детей, битых жизнью не менее жестоко, чем Дачесс и Робин.

— Поживете пока в групповом доме, — тусклым голосом сказала Шелли.

Дом был огромный, в античном стиле; среди дорических колонн Дачесс чувствовала себя букашкой.

Перед домом — целый акр ухоженного газона, вдали трепещет осиновая роща, кислотно-зеленая на фоне весеннего неба. Дачесс и Робин остались на скамейке — глядеть, как самолетики расчерчивают небо. Шелли утрясала дела с огромной чернокожей женщиной. Звали ее Клодетта, и она в этом доме заведовала всем, чем только можно заведовать.

Робин молчал. В Центр для трудных подростков — так называлось их новое жилье — ехал с покорной обреченностью, но на месте занервничал, и напрасно Дачесс пыталась удержать его ручонку — он все время вырывался.

— Прости, — сказала она с такой тоской, что Робин на мгновение приник виском к ее плечу.

Во дворе они были не одни. Группа девочек вела замысловатую игру с мячом, тремя обручами и битой. Дачесс наблюдала минут двадцать, но правил так и не уяснила. Зато она легко читала по глазам. Здесь собрались такие же, как они с Робинем, — проклятые судьбой. Ни улыбок, ни кивков — только желание дотянуть до вечера. Ибо это само по себе — чудо. С противоположного тротуара глядела на играющих молодая женщина. Она держала за руку девочку примерно лет Робина, напряженность в лице выдавала в ней бывшую воспитанницу Центра.

Получасом позже они сидели в столовой, где пахло сотнями обедов, которыми давились сотни детей. Робин не ел, только размазывал еду по тарелке.

В общей комнате, в углу, был включен телевизор. На коричневом диване две девочки хрустели под фильм попкорном, но репликами не обменивались.

В другом углу стоял шкаф с игрушками на все возрасты — от кубиков до сложных пазлов.

— Иди поиграй, — сказала Дачесс.

Робин, понурясь, поплелся к шкафу, вытащил сборник сказок для совсем маленьких детей, уселся на полу по-турецки. Время от времени

он переворачивал страницу, но мыслями был за многие мили и от своей сестры, и от этой комнаты.

Дачесс вышла в холл поговорить с Шелли.

— Сама знаю, что на этот раз слишком сильно напортачила...

Шелли хотела погладить ее по плечу — Дачесс отступила на шаг.

— Что теперь будет, Шелли?

— Я не...

— Говорите начистоту — я выдержу. Что ждет меня и моего брата?

— Это заведение — только для девочек.

Дачесс качнула головой.

Шелли поспешила вскинуть руку.

— В виде исключения, учитывая возраст Робина, Клодетта разрешила ему жить здесь.

Дачесс выдохнула.

— А Питер и Люси?

Шелли сглотнула. Взгляд заметался — вбок, в открытую дверь общей комнаты, от Робина к девочкам на диване, — лишь бы только не напороться на Дачесс.

— То есть вы им всё рассказали?

— Мне пришлось. Питер... он ведь врач. А Люси работает в школе. Ты оговорила мистера Прайса, и они теперь боятся — вдруг ты ляпнешь нечто подобное о Питере? Риск слишком велик...

— Понятно.

— Мы продолжим поиски. Нужно просто подобрать семью, в которую впишетесь вы оба...

— Я вообще никуда не вписываюсь.

У Шелли стало такое лицо, что Дачесс едва не разрыдалась.

Появился Робин. Они пошли длинным коридором, поднялись по лестнице. Заглядывали в открытые двери. В одной комнате девочка читала вслух, ее сестренка внимательно слушала. Стены были выкрашены в приглушенные оттенки розового и желтого, пробковые доски пестрели фотографиями семей, от которых остались одни воспоминания.

В отведенной им комнате стены были белые, пробковая доска своей пустотой как бы говорила: обживайтесь, вы тут надолго. Две кровати с покрывалами в радужных полосках — Дачесс сдвинет их

вместе, как только уйдет Шелли. Шкаф и комод, плетеная корзина для вещей, предназначенных в стирку. Ковровое покрытие — тысячекратно увеличенный пазл; элементы можно вынуть, если испачкаются, и заменить чистыми.

— Давай я помогу распаковать чемодан, — предложила Шелли.

— Я сама.

Робин постоял посреди комнаты, затем шагнул к окну, задернул шторы, закрыл доступ предвечернему свету. Включил лампу, забрался на кровать, отвернулся к стене, полежал так и вдруг спросил:

— А когда Питер приедет?

Шелли сделала страшные глаза, но Дачесс шепнула ей: всё в порядке, дальше она справится. И Шелли ушла, пообещав навестить их завтра.

Дачесс подошла к Робину, погладила его по спинке. Он сел и устался на нее.

— Питер и Люси.

Дачесс молча качнула головой.

Робин замахнулся, стал проклинать ее, обзывать всеми плохими словами, какие только знал. Он ударил ее по щеке раз и другой, впился ногтями. Руки Дачесс лежали на коленях. Для самозащиты она лишь закрыла глаза. Все, что говорил Робин, было ей известно. Она плохая сестра. И вообще — плохая. Робин кричал, пока его не залихорадило. Тогда он уткнулся в подушку и зарыдал. За несколько блаженных недель Робин распробовал новую жизнь, но она ускользнула сквозь его пальчики, и что ему оставалось, кроме как оплакивать ее?

Дачесс ждала, когда иссякнут его слезы. На это потребовалось немало времени. Кровоточила расцарапанная щека.

Когда Робин наконец затих, Дачесс разула его и укрыла пледом. Он спал, а она переживала, что не почистила ему зубки.

Ночью в комнате напротив плакала, увещеваемая Клодеттой, какая-то новенькая.

Дачесс придвинулась ближе к Робину, взгляделась в его личико. Подумала о Томасе Ноубле. Теперь он ее не отыщет. Она бы ему написала, да не знает адреса. Можно, конечно, обратиться к Шелли; но нет, она этого не сделает. Потому что Дачесс в Томасовой жизни — не более чем примечание. И в жизни Долли тоже, и в жизни Уока.

Воспоминания о ней скоро изгладятся, ибо шок от столкновения с Дачесс был хоть и силен, но, хвала Господу, недолог.

— Дачесс.

Робин сел на кровати.

Она погладила его по волосам.

— Всё в порядке.

— Мне сон снился. Никак не могу разобрать, что говорит этот голос.

Дачесс уложила его, укутала.

— Бывает, я не помню, где нахожусь.

Она держала ладонь на его груди, пока не успокоилось маленькое сердечко.

— Но ты всегда со мной.

— Я всегда с тобой, Робин.

Он выпростал ручонку, коснулся ее щеки.

— Это я тебя так поцарапал?

— Нет.

— Прости.

— Тебе не за что извиняться.

* * *

Весна перешла в предлетнюю стадию. Марта готовилась к судебному заседанию, брат и сестра Рэдди в очередной раз сменили школу. За ними и другими воспитанниками Центра приезжал автобус. Порядки в новой школе были строже, чем в прежней; им оставалось только терпеть. Дачесс окружила Робина материнской заботой. Она не выпячивала свои старания, а действовала так, словно лишь на это и годилась. Вымучивала улыбки, раскачивала качели, играла в игры, которые любил Робин; носилась с ним в догонялки по двору и подсаживала его, когда он карабкался на дуб. Но опередить свои будущие промахи Дачесс не могла. Ее не отпускало ощущение, что они утопят не ее одну, что вместе с ней пойдет на дно и Робин.

Шелли регулярно их навещала. Робин едва не захихикал, увидев, что ее волосы из розовых стали ярко-синими. Каждый раз он расспрашивал о Питере и Люси; даже выманил у Шелли их адрес,

чтобы написать письмо. Ему помогала Дачесс. «Мы с сестрой, — сообщал Робин, — понимаем, что мы для вас неподходящий вариант, но не обижаемся». Он интересовался, жарко ли в Вайоминге, и как поживает Джет, и как он переносит жару. В конце приписал «с любовью» и снабдил послание рисунком — он сам и Дачесс на фоне Центра для трудных подростков: набор черточек и непропорциональные шары со щелями ртов — два пузыря, ждущие, чтобы их заполнили будущим. Робин упросил Дачесс приписать и свое имя, и она вывела «Дачесс Дэй Рэдли, та, что вне закона», но последние четыре слова пришлось замазать.

Дачесс получила открытку от Уока. Тот держал связь с Шелли, был в курсе событий. Писал он о том, как тихо в Кейп-Хейвене без Дачесс. Крохотные буквы жались друг к дружке, Дачесс едва их разобрала.

На открытке был вид Кабрильо — растиражированный мост Биксби-Крик над каньоном в Биг-Суре, ажурная арка над ослепительным, оглушительным прибоем. Дачесс прикрепила открытку к пробковой доске заодно с письмом от Питера и Люси. Они ответили через неделю, написали обо всем и ни о чем. В Вайоминге — настоящее адское пекло; Люси даже обгорела, работая в саду. Робин заставил Дачесс прочесть письмо вслух пять раз, в процессе сыпал вопросами, ответы на которые она знать не могла. В конце письма имелся рисунок — Люси изобразила Робина и Дачесс по памяти. Весьма неплохая художница, она малость переборщила с их улыбками. К письму прилагалась фотография Джета. И письмо, и фотографию Робин оставил у себя на тумбочке, дважды подхватывался ночью, чтобы убедиться — они целы. Назавтра Дачесс пополнила ими коллекцию на пробковой доске.

Она теперь постоянно думала о будущем — не своем, а Робиновом. Отметки у нее стали хуже, она переместилась в ряды слабо успевающих. Одноклассники с ней не водились. Все знали, что она — из «Дивных дубов», а значит, в их школе надолго не задержится.

А потом к ней стал приставать некто Рик Тайд. Оказалось, Келли Реймонд, подлипала Мэри-Лу, доводится этому Тайду двоюродной сестрой. От нее Рик Тайд слышал о выбитом зубе, но подал происшествие под соусом собственного приготовления. Когда история, поциркулировав по школе, докатилась до Дачесс, в ней фигурировал

уже выбитый глаз. Дачесс не пыталась оправдываться. В столовой Рик Тайд подставил ей ножку, она упала, уронила поднос с ланчем — но и тут сдачи не дала. Зато позднее так отмутузила Рика, что пришлось отправлять его в медпункт. Вызвали Шелли, но всё обошлось. Директор хорошо знал, что за субъект этот Рик Тайд; решил, что нечего раздувать дело и бросать тень на школу.

Дачесс отпустили с уроков, и Шелли повезла ее в закусную. Они заняли столик под тентом, пили коктейли и наблюдали, как тащатся на минимальной скорости автомобили. Намечался парад. Центральная улица пестрела флажками, меж двух домов был натянут баннер.

— «Ягодный парад»? Наверное, самый тупой из всех парадов, какие только бывают, — процедила Дачесс.

Шелли улыбнулась.

— Ты ведь знаешь, какой сегодня день?

— Знаю. Слежу за событиями.

Был первый день судебного заседания. По ночам, когда Центр для трудных подростков погружался в сон, Дачесс прокрадывалась к компьютеру и читала новости из Калифорнии.

— Ты в порядке? — спросила Шелли.

— Конечно. Хэл говорил, они быстро разберутся. Смертный приговор ему обеспечен.

Шелли вздохнула, чуть наклонила голову.

— Давайте выкладывайте.

— Что выкладывать?

— Всё.

Шелли заговорила не прежде, чем спрятала глаза за темными очками.

— Мое правило — не разлучать братьев и сестер. Вместе им гораздо лучше.

— Джесс Джеймс и его брат Фрэнк грабили банки от Айовы до Техаса. Копы накрыли их банду в Нортфилде, всех повязали, только братьям удалось скрыться. Они стояли друг за друга горой.

Шелли улыбнулась.

— Я уже двадцать лет работаю с обездоленными детьми. Всякого навиделась. Порой из приемных семей дети возвращаются в групповой дом; иногда их потом опять усыновляют. Я не одну сотню

детей пристроила... а все равно каждый раз плачу. Сама такую жизнь выбрала и не раскаиваюсь. Но...

— Плохих детей не бывает, да?

В голосе Шелли сквозил страх.

— Ты не плохая, Дачесс.

Подъехал и затормозил грузовик — такой же, как у Хэла. Живот свело судорогой.

— Робину шесть лет. Хороший возраст, почти идеальный. К сожалению, он быстротечен. Мне больно не только говорить об этом, Дачесс; мне больно об этом думать.

Дачесс отодвинула стакан с коктейлем, уставилась на молочную пену.

— Ты меня понимаешь? Понимаешь, к чему я клоню?

— Да, я понимаю, к чему вы клоните.

Шелли выудила из сумочки платочек, подняла очки, промокнула глаза. Она теперь казалась старше, словно ее истрепали годы, словно бремя ответственности, эта привилегия — жалеть, только жалеть день и ночь — стала почти неподъемной.

— Я скорее умру, чем откажусь от брата.

— Речь не идет об отказе.

— Речь идет о том, чтобы отдать Робина непонятно кому. Мне в жизни встречалось очень мало хороших людей. Полагаться на случай я не собираюсь.

— Понятно.

— Это будет акт самопожертвования?

Шелли подняла глаза.

— Да или нет? — Во взгляде Дачесс была теперь безнадежность. — Самопожертвование — или как? Робин такой славный, он просто чудо, и он достоин сестры получше, чем я. Шелли, можете вы его устроить в семью? Потому что я не справляюсь. У Робина портится характер. Нельзя этого допустить — я просто права не имею. Робин... он по ночам просыпается и зовет меня. Я ему нужна. А если меня рядом не будет...

Шелли вдруг обняла Дачесс крепко-крепко.

— Блин, Шелли...

— Всё в порядке, милая.

— Всё — вы сами знаете где.

— Я бы никогда так с тобой не поступила, Дачесс. У тебя за спиной я бы ничего подобного не сделала. Я понимаю: это неправильно. Братьев и сестер нельзя разлучать. Я продолжу поиски. Мы обязательно найдем подходящий вариант. Верь мне: я не отступлюсь.

После трех тяжелейших дней судебных слушаний Уок с Мартой уехали в Кейп-Хейвен — отдыхать в доме Уока. Они лежали в постели, но сна не было. Не поддавалась осмыслению дикая, нелепая картина, нарисованная прокурором, — что заключенный тридцать лет планировал, как он отомстит женщине, которой не мог обладать.

Вступительные речи отличались лаконичностью. Распорядок слушаний сразу был доведен до всеобщего сведения. Марте — семь минут, окружному прокурору Элизе Дечампс — восемнадцать. Дечампс произвела впечатление. Еще бы. Полномочий — длиннющий список, костюмчик безупречный, черные волосы строго обрамляют бледное лицо. Она истово аплодировала присяжным; честность из нее так и лезла, когда она заявила, что старается для них, для штата Калифорния в целом и для детей Стар Рэдли в особенности. Она, Элиза Дечампс, будет голосом бедных сироток, она отстоит для них справедливость. Улики у нее сокрушительные; она докажет, что преступление было спланировано заранее, что убийца действовал не в состоянии аффекта, а хладнокровно. Да, Винсент Кинг — убийца. Он задавил маленькую девочку, затем отнял жизнь у сокамерника. Убийство для него стало делом обыденным. Господа присяжные и его честь судья сами вскоре поймут: им остается только признать Винсента Кинга виновным и вынести ему смертный приговор. Непростое решение, но она, Элиза Дечампс, нуждается в их содействии. В нем нуждаются брат и сестра Рэдли.

О, она поднаторела в обвинениях, эта госпожа окружной прокурор! Недаром Йельский юрфак закончила. И у нее были помощники — двое компаньонов, глядевших ей в рот, знавших, когда законспектировать за патронессой, а когда кивнуть.

Секретари, судебные приставы, художник, журналисты — кучка уполномоченных наблюдать, как решается судьба человека.

Элиза Дечампс, даром что и впрямь окучивала присяжных, притом весьма сноровисто, факты представила суровые: с такими не поспоришь. Привезла патологоанатома из криминальной лаборатории штата. Тот буквально давил своим профессионализмом; после очередной пулеметной очереди терминов Марта не удержалась —

бросила с места реплику: мол, да, сразу ясно, что перед нами — настоящий эксперт. Дечампс в ответ огрызнулась, судья Родз призвал к порядку. Уок с улыбкой наблюдал, как Марта гнет свою линию. Косился на подсудимого, видел, что и Винсент тоже улыбается.

Патологоанатом показывал душераздирающие фотографии. Присяжные качали головами, одна женщина расплакалась. Патологоанатом в деталях описал каждый удар, подчеркнул: жертву били настолько сильно, что треснули ребра. Проследил полет пули — выстрел был смертельным, прямое попадание в сердце; Стар Рэдли скончалась прежде, чем успела рухнуть на пол. Каждое заявление подкреплялось схематичным рисунком с крупными надписями, где какая часть тела.

Специалист по дактилоскопической экспертизе предъявил отпечатки пальцев, обнаруженные в доме Стар Рэдли. Винсент Кинг отметил на кухне, в прихожей, в гостиной. Подержался за парадную дверь. Через час присяжные стали выказывать признаки усталости. Ну понятно же: Винсент Кинг был на месте преступления.

Настал черед еще одного эксперта — по баллистике. Этому тоже напористости было не занимать. Даром что орудие убийства так и не нашли, эксперт изрек: пуля, умертвившая Стар Рэдли, выпущена из револьвера под патрон «магнум.357».

Тут, как и предвидели Уок и Марта, с победным видом встала Элиза Дечампс и принялась размахивать некоей бумажкой с таким энтузиазмом, словно хотела потушить ее, горящую. На отца Винсента Кинга был зарегистрирован «Ругер Блэкхок», и пускай господа присяжные угадают, пулями какого калибра стреляет данный револьвер. По лицам присяжных Уок видел: Элиза Дечампс уже сумела увлечь их в выгодную для себя сторону.

Во время перекрестного допроса Марта малость сгладила существенную разницу в шансах — вынудила эксперта по баллистике признать, что револьвер под патрон «магнум.357», хоть и не слишком популярен сейчас, а все-таки не является редким видом оружия. Это была первая брешь в стене, выстроенной обвинением.

Дечампс начала распространяться о жизни жертвы. Упирала на трудное детство — трагическая гибель сестренки, смерть матери. Методично перечисляла события. Винсент Кинг сидел с каменным лицом; лишь закрыл глаза, когда Дечампс заговорила о роще, где

обнаружили тело Сисси Рэдли. Малютка была брошена умирать — совсем одна, холодным вечером. Последовало описание самоубийства — Дечампс вслух рассуждала, каково было Стар, неокрепшей девочке, обнаружить мертвой родную маму. Наконец Дечампс дошла до относительно светлой полосы — до детей; Стар, будучи травмированной с ранней юности, обожала и дочь, и сына. А где теперь ее дети, где Дачесс и Робин? В групповом доме, в чужом городе за тысячу миль от Кейп-Хейвена, в школе, где до них никому нет дела. Присяжным и судье была предъявлена фотография — мать и дети на пляже. Уок сам фотографировал их в один из благополучных дней, что так редко выпадали в семье Рэдли.

Вызвали самого Уока — тот вместе с группой медиков проходил как официальный свидетель. В священных стенах судебного зала Уок сел на стул, откашлялся и ровным голосом выложил все, что знал, ничуть не смягчив нелицеприятную правду. Да, Винсент был весь в крови. Уок не привносил в показания ничего личного, просто рассказывал. Взглядывал на Винсента, получал одобрительные полуулыбки: давай, дескать, Уок, выполняй свою работу.

После восьми дней слушаний был объявлен выходной. Уок и Марта пошли в бар, что располагался напротив здания суда, заняли отдельную кабинку подальше от двери и взяли креветки, замороженные в жареном виде и разогретые.

— Какое твое впечатление о Винсенте, Марта?

— Держится молодцом. Я подумываю, не вызвать ли его для дачи показаний. Пускай присяжные увидят, насколько он невозмутим. Мы могли бы заявить о его невменяемости, добиться пожизненного содержания в камере с обитыми войлоком стенами. Всё лучше, чем смертельная инъекция, не находишь?

Уок подцепил креветку вилкой, внимательно осмотрел и положил обратно на замасленную бумажку.

— Сколько времени тебе понадобится?

— Пара дней. Толкну речь, свяжусь кое с кем, передам им дело, а уж эти ребята подведут к высшей мере. — Марта говорила, уставившись в стакан с содовой.

— У тебя ведь все получается, Марта. Нет, правда. Ты отлично справляешься и очень представительно смотришься.

— Старайся поменьше пялиться на мой зад, не выдавай своих хищнических инстинктов.

— Я не на зад пялюсь, а на кроссовки. Меня трогает твоя преданность бренду «Чак Тейлор».

Марта пошарила в сумочке, извлекла бутылочку острого соуса.

— Очуметь... Ты и правда его с собой таскаешь!

— Так это же два в одном. И приправа, и вместо перцового баллончика годится. — Марта щедро полила креветки. — Может, ты заметил — я ношу крестик. — Она коснулась шейной цепочки. — Присяжные номер три, девять и десять регулярно ходят в церковь.

Марта участвовала в отборе присяжных — он затянулся на два мучительных дня. Отсеяла пару, которая, казалось, не прочь собственными руками умертвить подсудимого; требовала, чтобы к процессу привлекли людей непредубежденных. Обнаружила, что Элиза Дечампс действует по тем же принципам.

— Проклятый револьвер, — вздохнула Марта. — Проклятая пуля. К нулю сводят наши шансы.

Уок вдохнул поглубже, надеясь успокоиться.

— Я в тебя верю.

— Ты просто пытаешься залезть мне в трусики.

* * *

Назавтра утром Марта явно волновалась. В зал вплыл судья Родз. Всем пришлось встать и дожидаться, пока он устроится в массивном кресле на фоне национальных флагов.

На Винсенте был дешевый костюм, купленный Уоком. От галстука он отказался наотрез.

Марта начала с того, что пригласила давать показания доктора Коэна. В свое время она буквально вырвала Коэнову дочь из лап выроodka и буяна. История обычная до прискорбия, зато теперь доктор Коэн рад был отплатить добром той, что спасла его девочку.

Коэн прошелся по снимкам телесных повреждений Стар Рэдли, отметил их серьезность. Рассмотрел и снимки рук Винсента Кинга. Ну да, на правой руке припухлость — только образовалась она раньше

роковой ночи; вероятно, является результатом стычки, что произошла между Винсентом и Дарком за несколько дней до убийства.

Правда, на перекрестном допросе, под нажимом Элизы Дечампс, Коэн все же признал: невозможно с точностью до дня определить, когда подсудимый разбил себе кисть, и нельзя отрицать, что человек роста и телосложения Винсента Кинга не смог бы нанести жертве подобные повреждения голыми руками.

Далее Марта, подняв вопрос о следах пороха на одежде и ладонях подсудимого, пригласила женщину-судмедэксперта. Ее наняли на сбережения Уока — результат умеренного образа жизни, гроши, неумолимо тающие под напором обстоятельств. Толковая, даром что молодая, судмедэксперт сразу завладела вниманием присяжных. Доходчиво объяснила про химический состав и цепную реакцию, про выброс дыма при выстреле. Так вот, никаких частиц этого самого дыма и пороха на руках и одежде Винсента Кинга не обнаружено.

На перекрестном допросе Марта сидела настороженная. Судмедэксперт признала, что подсудимый мог вымыть руки — в конце концов, кран в ванной был открыт. Частицы пороха могли смешаться с потом, их могла замаскировать уличная пыль, если подсудимый выходил из дому.

Снова вызвали Уока. На сей раз он даже улыбался. Да, верно, они с Винсентом Кингом — друзья детства; но детство давно кончилось. Если уж на то пошло, именно Уок в свое время догадался, кто сбил машиной Сисси Рэдди, и не замедлил заявить об этом в полицию. Потому что его долг — блюсти закон, и тут неважно, где друг, где посторонний человек.

После речи Уока Марта поднялась, вдохнула поглубже и произвела свой собственный смертельный выстрел.

В деле, сказала она, фигурирует мясник.

Некто Милтон.

Элиза Дечампс прищурилась и напрягла спину.

По приглашению Марты Уок рассказал о детстве Милтона. Его отец держал мясную лавку, которую оставил сыну в наследство. Маленький Милтон был изгоем — местные ребята даже на другую сторону улицы переходили, лишь бы с ним не столкнуться. Элиза Дечампс выразила протест — мол, это всё на уровне слухов, — однако зерно уже было заронено.

Маленький изгой вырос в изгоя большого. Одиночество Милтона достигло той степени, когда наобум приглашаешь незнакомых людей — в данном случае речь о курортниках — на совместную охоту. Да-да, Милтон был страстным охотником. Марта зачитала впечатляющий список единиц оружия, зарегистрированных на его имя. Присяжные начали переглядываться.

— Можно ли сказать, инспектор Уокер, что вы были дружны с Милтоном? — спросила Марта. Она стояла теперь рядом со скамьей присяжных.

— Я ему симпатизировал. Жалел его. От Милтона веяло чем-то вроде безысходности. Слишком уж он застенчивый, думал я; друзей нет, не к кому даже зайти вечером...

— Поэтому он заходил к вам, не так ли?

— Да, бывало. Мы даже охотились вместе — правда, всего один раз. Мне по вкусу мясо, но не процесс его добычи.

Последовала пара смешков.

— То есть с оружием Милтон обращаться умел?

— Не то слово. На моих глазах он с тысячи ярдов завалил чернохвостого оленя. Да, Милтон был отличным стрелком, — произнося последнюю фразу, Уок пристально смотрел на присяжного номер один. Тот, как и Милтон, любил поохотиться в Мендосино.

Вмешалась Марта, сообщила: дом Милтона стоит напротив дома Стар Рэдди, Милтон нередко подвозил Стар домой и даже вытаскивал на тротуар ее мусорные баки.

— Я думал: хороший человек этот Милтон, — произнес Уок. — Радовался, что кто-то приглядывает за Стар.

— Кто-то помимо вас, инспектор Уокер?

— Ну да.

Уок прямо взглянул Марте в глаза. Мысленно отметил: молодчина, блестяще справляется.

Марта же перешла к вещдоку номер три.

— Объясните, инспектор Уокер, что это такое.

И Уок явил присяжным находку из спальни Милтона. Присяжные только головами качали, разглядывая Стар Рэдди, многократно запечатленную в процессе раздевания.

— Сколько снимков вы обнаружили, инспектор Уокер?

Уок вдохнул и шумно выдохнул.

— Счет идет на сотни. Причем снимки каталогизированы. Судя по датам, Милтон начал вести картотеку много лет назад.

— Похоже, этот Милтон одержим своей соседкой.

Элиза Дечампс хотела сказать «Протестую», но передумала.

— Да, очень похоже, — согласился Уок.

— Вы упоминали, что у Милтона имеется телескоп.

— Да, он говорил, что любит наблюдать звезды. — Уок выдал эту фразу без нажима — пускай присяжные сами уловят игру слов.

— Однако окуляр телескопа был направлен отнюдь не на небо, — произнесла Марта.

Дечампс вскочила, но, ничего не сказав, села на место.

— Куда же был направлен телескоп Милтона?

— Прямо на окно спальни Стар Рэдли.

— Какая дата стоит последней в каталоге Милтона?

— Ночь убийства Стар Рэдли.

— Найдены ли снимки, сделанные той ночью?

— Нет, не найдены.

Марта многозначительно взглянула на присяжных.

— А как сам Милтон объяснил вам наличие откровенных снимков жертвы?

— Я не имел возможности допросить Милтона. Месяц назад его труп выловили рыбаки.

Присяжные загудели настолько громко, что судья Родз был вынужден призвать их к порядку.

— Милтон просто утонул. Никаких следов насилия не обнаружено, — произнес Уок.

— Суицид, — выдала Марта.

Слово повисло в воздухе. Через мгновение Элиза Дечампс вскочила с возражением. Марта признала поспешность своих выводов, однако не прежде, чем все присутствующие успели проникнуться их логичностью.

Дечампс, вся пунцовая, отчаянно пыталась переменить общий настрой. Под ее напором Уок признал: отпечатков Милтона в доме Стар Рэдли не найдено. Ну и что? Он мог надеть перчатки. Это соображение Уоку даже озвучивать не пришлось: каждый и без того представляет себе мясника не иначе как в перчатках.

В тот вечер Уок с Мартой и в баре сиделось приятнее. Бургеры, которые заказал Уок, были съедены молча и с большим аппетитом. Правда, Марта выглядела усталой. Конечно — такое напряжение... Насытившись, заговорили о Винсенте — почему он никак не отреагировал на информацию о Милтоне, даже позы не сменил — так и остался понурым, безучастным к пристальным взглядам.

— А все-таки, Марта, сегодня удачный день.

Она пожевала соломинку, через которой тянула содовую.

— Ох, еще столько проблем впереди...

Уок вскинул взгляд.

— Куча обстоятельств, которые на тормозах не спустишь; так что не обольщайся. Дело Винсента не из тех, которые в принципе можно выиграть, но мы делаем и будем делать всё, что в наших силах. Милтону повезло, как бы цинично это ни звучало. Но на одном Милтоне нам не выехать. Марка оружия определена, и ничего тут не попишешь. Плюс история отношений Винсента и Стар. Плюс кровь на Винсентовых руках... Черт возьми, если б я Винсента с детства не знала, сама бы ему смертный приговор вынесла.

— Но ты его знаешь.

— Чего нельзя сказать о присяжных.

Уок взял Марту под руку, вывел на парковку. Возле экологичной «Тойоты» спросил:

— Ну что, ко мне теперь?

— Нет, завтра у меня заключительная речь. Хочу как следует выспаться.

Уок проводил «Тойоту» взглядом и поехал в полицейский участок. Было поздно, даже Лия Тэллоу уже ушла. Уок включил свет. Надо разобрать бумаги, вон их сколько накопилось... Неудивительно — с начала слушаний Уок не переступал порог своего кабинета. Он принялся быстро листать толстую стопку — это дело терпит, это тоже, и это. А, вот оно, долгожданное письмо из «Веризон коммьюникейшнз». Распечатка звонков с мобильного Дарка за последний год. Бойд задействовал свои связи.

Телефонные номера были набраны так мелко, что приходилось щуриться. Цифры расплывались, глаза слезились. Ладно, Уок вернется к распечатке после завершения судебного процесса. Очень уж хочется

спать. Ишь, как он раззевался... Все равно никаких зацепок тут не будет.

И вдруг взгляд выхватил дату — девятнадцатое декабря. День, когда погиб Хэл. Что касается телефонного номера, до Уока даже не сразу дошло — его убаюкал слишком знакомый набор цифр.

Он заставил себя сосредоточиться, взглянуть под другим углом.

И выронил распечатку.

Звонок от девятнадцатого декабря прошлого года был входящим.

Он поступил на мобильник Дарка из кейп-хейвенского полицейского участка.

* * *

Она плакала. Уок молча глядел на нее.

Двор в спящем Кейп-Хейвене. Уок не разбудил Лию — этой ночью сон к ней не шел. Она вообще, судя по темным теням под глазами, не спала уже много ночей кряду.

Теперь Лия смаргивала слезы, мутные от туши для ресниц.

В полнолуние, думал Уок, скорбь на лицах видна отчетливее. Лия Тэллоу промокнула глаза, высморкалась, еще поплакала. Уок успел обойти дом и двор. Он искал ответа, хоть какого-то объяснения.

— Может, сама все расскажешь?

Лия Тэллоу не попыталась отвертеться. Она уставилась на лужайку и даже вроде успокоилась, словно только и ждала такого требования.

— Мы боролись, Уок. Уже давно. Из последних сил.

Уок глубоко вдохнул: отсрочить правду хоть на мгновение, ибо, вырвавшись, она разом изменит всё. Всё.

— Дело в деньгах, Уок.

Ее лицо исказила боль.

— Бизнес Эда рухнул.

— Рухнул?

Лия подняла глаза.

— Давай-ка по порядку.

Она отвернулась, стала смотреть на дом.

— Эдова семья владеет «Тэллоу констракшн» уже семьдесят лет. Мой муж унаследовал фирму от отца, а тот — от своего деда. И всегда фирма приносила стабильный доход. Половину города работой обеспечивала. Господи, Уок, да мы и сейчас держим пятнадцать человек. И уже не первый месяц зарплату им платим главным образом из собственных сбережений. Отец завещал Эду дом на Фортуна-авеню, на второй линии. Не бог вещь что за домишко. Для нас — приличное наследство, а если по большому счету, если ситуацию учитывать — мелочовка.

— Продали бы фирму, раз она стала невыгодной.

— Эд ни за что не соглашается. Он любит этот город — впрочем, как и ты, Уок. Только нам ведь нужны перемены. Новые контракты на строительство домов. Тогда и доход будет. А ты и тебе подобные... Вы же нам кислород перекрыли. Против всех проектов голосуете.

— Насколько мне известно, наши протесты — пустой звук. Застройке все равно быть.

— Да, но уже без «Тэллоу констракшн». Ты нас заживо похоронил, сам знаешь.

Уок молчал, раздумывал. Его роль и впрямь так велика? Он ведь просто не хотел перемен для Кейп-Хейвена. Винсент в тюрьме, Марта уехала, Стар надломлена — так пусть и Кейп-Хейвен замрет, пусть останется таким, каким был при них и при юном Уоке — так он рассуждал.

— Без Дарка не обошлось, да, Лия?

Она вдохнула поглубже.

— Дом на Фортуна-авеню он нас вынудил продать задешево. Истинной платой были контракты для Эда — скovyрнуть и родительский дом, и все остальные дома на второй линии и понастроить вилл и кондоминиумов. Это принесло бы доход, мы были бы спасены. И не мы одни. Выжил бы и наш Кейп-Хейвен. Я говорю о местных, о тех, кто здесь родился. Люди работу получили бы вместо прозябания.

— Ну так место уже расчищено.

— Не совсем.

— Объясни.

— Заминка в кинговском доме. И в страховке. Пленка с видеозаписью находится у Дачесс Рэдди. Если та отдаст ее Дарку, он

получит выплату от страховой компании, и мы всё вернем.

Уок отчаянно соображал.

— Что конкретно вы вернете?

Лия сглотнула.

— Твою мать, Уок! Говорю же: всё. Дом, арестованное имущество фирмы. Нам разблокируют кредитные карты, дадут новые ссуды. Сейчас Эд не может даже меня содержать — а на кой, по-твоему, я дежурства в участке беру?

Уок взглянул на луну, перевел глаза на дом.

— Эду известно, что ты сделала?

— Нет. Я веду бухгалтерию. А Эд — идиот. Думает, я ни о чем не догадываюсь. Да от него женским парфюмом на милю разит!

— Ты, по сути, продала девочку Дарку.

Она качнула головой. Слезы заструились в два ручья.

— Дарк ей вреда не причинит. Ты просто его не знаешь.

Захотелось взять Лию за руку. В конце концов, они сто лет знакомы. Уок задушил этот порыв, произнес с максимальной жесткостью:

— Как ты вычислила детей Рэдли?

Лия продолжала уже без эмоций. Выкладывала голые факты.

— По звонкам. Что ты в Монтану звонишь, указано в счетах. Кроме того, я разбирала твои квитанции с монтанских автозаправок. А однажды Хэл проговорился. Ляпнул название школы. В другой раз упомянул, что возле ранчо есть водоем.

— Ты подслушивала?! — Уок был словно громом поражен. Вдохнуть не мог, тер глаза, массировал затылок, ощущая, как горит лицо. Хотел встать — колени подогнулись, и он снова сел.

— У тебя руки в крови, Лия. И чего ты добилась? Мужнину фирму спасла?

— Не только. — Лия Тэллоу кивнула на дом. — Я своим детям будущее обеспечила. И многим кейп-хейвенским семьям заодно. Речь идет о паршивой пленке, Уок! Дачесс спалила клуб Дарка. Это всем известно, и тебе в том числе — однако ты ничего не предпринял.

— Вовсе это не...

— Оставь, Уок. Это работа Дачесс Рэдли. А ты носишься с девочкой, как и с матерью ее носился... Девушка Винсента Кинга, блин! Ну конечно, ты ж лучшему другу обещал за ней приглядывать.

Думаешь, я не в курсе? Ты сам говорил мне, что ради друзей готов абсолютно на все. Каким в школе был, таким и остался, а лучше б работу свою делал как следует. Привез бы девчонку обратно, и...

— Где сейчас Дарк?

— Откуда мне знать?

Уок уставился Лии в глаза.

— Я правда не знаю, поклясться могу.

— Он по-прежнему охотится на Дачесс?

— Ему нужны деньги. Как обычно. Он продолжит искать девчонку — с моей помощью или без.

Уок подумал о Марте: она сейчас одна дома, заключительную речь готовит.

— Дарк убил человека. Его кровь и на тебе тоже, так и запомни.

Лия зарыдала.

— Нет, нет, не может быть!

— Черт тебя дери, Лия!

— Любой человек ради своих близких на что угодно пойдет, и тебе, Уок, это известно лучше всех.

* * *

Той ночью Уок бродил по кейп-хейвенским улицам, пока солнце не проделало брешь в темном куполе небес, пока день не застучал его с поличным. Уок подолгу стоял у домов Стар Рэдди и Милтона, задержался на Мейн-стрит и на Сансет-роуд. Замер у кинговского дома; представил, как его стирают с лица земли. Предположим, Дарк не добудет денег; все равно какой-нибудь другой ушлый застройщик купит дом, причем дешевле. Уок вспомнил, как они с Винсентом отработывали здесь баскетбольные броски, как, спрятавшись на чердаке, листали подборку «Плейбоя», принадлежавшую Ричу Кингу, Винсентову отцу. Есть вероятность, что Милтон действительно совершил то, что шьет ему Марта. И есть вероятность, что Винсент рехнулся. Или же ненавидит себя самого до такой степени, что скорее примет смерть, чем спокойно заживет на свободе. Сколько вопросов пока остается без ответов... Очень может быть, он, Уок, приписывает Винсенту чувства, которых тот никогда не имел; но нет, интуиция

четко говорит: Винсент невиновен. И больше Уок на случай полагаться не будет. Один раз положился — хватит. Он зашел слишком далеко — теперь надо двигаться к финишу, иного не дано. Даже если заплатить потребуется бессмертной своей душой.

Тем утром Уок сбрил бороду.

В раковину летели ошметки пены, и проступало лицо — изможденное, бледное. Не разглядывать его, но поскорее ополоснуть ледяной водой. Теперь — глубокий вдох, и можно ехать в Лас-Ломас.

При появлении Уока по залу зашелестели шепотки, но тот как ни в чем не бывало занял привычное место.

Пригласили миссис Тэллоу.

Лия казалась спокойной: следы бессонной ночи умело замаскированы косметикой, платье без излишеств, туфли на высоких каблуках. Проходя мимо Уока, она поймала его взгляд, но ободряющей улыбки не получила.

Марта немного рассказала о Лии: что она уже пятнадцать лет работает в полицейском участке Кейп-Хейвена, выполняя обязанности секретаря: разбирает документы, принимает звонки. Сроднилась с участком, стала чем-то вроде мебели, впрочем, как и Лу-Энн, как и сам Уок. В интонациях Марты сквозила особая доверительность. Пару раз она запнулась, но Уок видел: присяжные ей симпатизируют.

Лии Тэллоу он позвонил рано утром. Та согласилась в один момент. План Уока означал передышку. С ее поступком они успеют разобраться, а вот это дело отлагательств не терпит. Затем Уок набрал номер Марты. По голосу догадался: у нее серьезные сомнения. Сам знал: он своим планом ставит под удар все, что так дорого и ему, и Марте.

— Мы посмеиваемся над Уоком, — заговорила Лия. — Он любит — это каждому известно, — чтобы все оставалось как есть. Никакой систематизации, никаких каталогов...

Марта улыбнулась Уоку, тот вскинул брови. Присяжный номер семь это заметил и позволил себе смешок.

— Уже несколько лет я пытаюсь упорядочить картотеку, — продолжала Лия. — Четыре года назад нам сверху спустили новые шаблоны, бланки, системы кодирования. А Уок... он... как бы это выразиться... Ну да, у него беспорядок. Но не простой, а творческий.

Элиза Дечампс вскочила с места, судья Родз жестом велел Лии продолжать, Марта произнесла: «Извините».

— Словом, последние три месяца я только картотекой и занята. Дошла до заявлений за девяносто третий год. И вот что я обнаружила...

Марта помахала бумажкой. Дечампс бросила: «Протестую», Родз протест отклонил и распорядился приплюсовать документ к вещественным доказательствам. Дечампс, вся красная, чуть ли не с шипением вернулась на место.

— Что написано в этом документе, миссис Тэллоу? — спросила Марта.

— Это заявление в полицию о краже со взломом. Датировано третьим ноября девяносто третьего года. Адрес — Сансет-роуд, дом номер один. Заявление написала хозяйка дома, Грейси Кинг.

— Я правильно понимаю — это дом Винсента Кинга? Тот, куда он вернулся, освободившись из тюрьмы?

— Да.

— В заявлении сказано, что именно похитили злоумышленники?

— Да. Этим делом занимался инспектор Уокер, впрочем, как и всегда. Опись похищенного составлена со слов Грейси Кинг, матери Винсента Кинга. Она забыла запереть сейф, и воры украли двести долларов наличными, золотую брошь, сережки с бриллиантами, а еще револьвер.

— Револьвер, вы сказали?

— Да, марки «Ругер Блэкхок».

Гул в зале был столь интенсивным, что Родзу пришлось призвать к тишине. Дечампс метнулась к своим помощникам, потом заспорила с Родзом. Атмосфера накалилась, и Родз объявил пятнадцатиминутный перерыв.

Следующим выступал Уок. Ему не надо было вторично представляться, рассказывать о себе. Во время перерыва он совещался с Мартой, и вот заговорил спокойно, избегая смотреть на Винсента, но чувствуя его изумленный взгляд.

Снова вмешалась Элиза Дечампс:

— Подозрительно неожиданная деталь, инспектор Уокер.

— Так ведь Лия Тэллоу лишь вчера обнаружила это заявление, — не смутился Уок. — Она часто работает вечерами, когда ее супруг уже свободен и может посидеть с детьми. Ей непременно надо все

систематизировать. А мне и так нормально; я-то знаю, где у меня что лежит.

— Если, инспектор Уокер, вы знаете, где у вас что лежит, почему вы раньше не предъявили суду столь важный документ?

— Я забыл о краже со взломом.

— Вы — и вдруг забыли? — Дечампс оглядела присяжных, изображая лицом недоумение. — Вы с Винсентом Кингом вместе росли. Вы хорошо знали его родителей. Вы навещали Винсента Кинга в тюрьме. Мне представляется, что в данных обстоятельствах вы просто не могли забыть о краже со взломом.

Уок сглотнул, сделал глубокий вдох — последний в существующей реальности. Вот сейчас он откроет рот — и все изменится навсегда.

— Я забыл о краже, потому что я болен.

Он оглядел зал — журналисты, наблюдатели в заднем ряду. Тишина стала ощутимой. Все взгляды устремились на Уока.

— У меня болезнь Паркинсона. Моя память уже не та, что раньше. Я говорю об этом впервые. До сих пор я скрывал свой недуг, надеялся, что его не заметят. Наверное, я... я просто боялся лишиться любимой работы.

Уок покосился на присяжных. Судя по лицам, все ему сочувствовали. Перевел взгляд на Винсента, прочел печаль в его глазах.

Заявление о краже со взломом лежало перед ним, и он знал: стоит только присяжным всмотреться повнимательнее, и они заметят, что буквы приплясывают, как если бы их выводила нетвердая рука.

* * *

Заключительные речи начали в пять часов. Судья Родз сказал, что лучше им всем допоздна засидеться, чем растягивать слушания еще на день. Марта выступала первой. С нее глаз не сводили. Она говорила без шпаргалки — уж конечно, накануне репетировала далеко за полночь, думал Уок. Пробежалась по ключевым фактам — надломленной жизни и трагической смерти Стар, неприкаянности ее детей. Убийца, безусловно, заслуживает самого сурового наказания за

их раннее сиротство, но тут важно покарать именно того, кто действительно виновен. Перешла к Милтону, к неоспоримым доказательствам его одержимости своей соседкой. Изобразила еще одну трагедию столь живо, что присяжные внимали ей как замороженные. Вернулась к Винсенту. Предложила присяжным представить, каково было перепуганному пятнадцатилетнему мальчишке загреметь за решетку, очутиться среди отъявленных мерзавцев. Говорила о раскаянии Винсента, о его самобичевании, о стремлении до дна испить чашу страданий. Да, Винсент Кинг получил большой тюремный срок; да, он убил сокамерника в целях самозащиты. Возможно, его вина — его ошибка — из тех, которые нельзя искупить. Однако все эти факты не значат, что Винсент Кинг застрелил Стар Рэдди. И молчание его отнюдь не свидетельствует о виновности, а совсем наоборот — оно свидетельствует о ненависти к самому себе, терзающей сердце этого человека. Огонь столь жгуч, что Винсент Кинг скорее примет кару за чужое преступление, нежели останется спокойно жить под солнцем, где нет места для задавленной им девочки.

* * *

За тысячу миль от зала суда Робин отыскал желтенький цветик — чамису вонючую, или кроличью щетку. Принес в комнату, расплющил с помощью Дачесс и прикнутил к пробковой доске рядом с фотографией Джета. Дачесс обнимала его, мыслями блуждая где-то далеко. Снова активизировался Рик Тайд — не мог пережить, что Дачесс одержала над ним верх, не знал, когда уже пора остановиться. В тот день он плюнул Дачесс в спину, заявил, что это — за Мэри-Лу. Застирывая рубашку в ванной, Дачесс думала об Уоке — как он ее наставлял, чтобы была хорошей девочкой.

После ужина Дачесс повела Робина в сад и качала на качелях, пока не погасла за стволами закатная подсветка. Робин щурился на солнце, улыбался. Дачесс называла его принцем.

Затем она переодела Робина в пижамку, почистила ему зубки и прочла главу из книжки про поросенка по имени Уилбур и паучка по

имени Шарлотта^[49].

— Он не простой поросенок, он переживает совсем как человек, — сказал Робин.

— Да, он такой.

Тем вечером они молились. Робин повторял за сестрой — сложил ладошки замочком, закрыл глаза.

— Для чего мы молимся, Дачесс?

— Надо кое-что проверить.

Дождавшись, когда Робин уснет, Дачесс выскользнула из комнаты, прошла коридором, зная, что за дверьми спят никому не нужные дети, что на несколько бесценных часов они выпали из этого мира, ибо позабыли, какое им отведено место, и в грезах заняли совершенно другое.

В общей комнате было темно, только светился экран телевизора. Дачесс долго щелкала пультом, пока не нашла нужный новостной канал. Показывали, как толпятся у здания суда журналисты.

Днем она звонила Уоку. Тот говорил усталым голосом, однако заверил, что присяжные проявят к ним максимум внимания и что они с Робинком смогут вернуться в любое время. По разумению Дачесс — уже совсем скоро.

Мысли перекинулись на маму, а там и на события прошедшего года.

Почувствовав пристальный взгляд, Дачесс обернулась. В дверях маячил Робин.

— Ты почему не в постели?

— Прости.

Робин шагнул к дивану, сел. Происходящее на экране имело место настолько далеко от детей Рэдли, что казалось вовсе их не касающимся.

Журналисты повалили в здание суда, и тут как раз пошла реклама. Дачесс сидела молча, гадала, что на уме у Робина. Реклама кончилась. Журналисты высыпали обратно на улицу, стали трещать в микрофоны об услышанном в зале, обсасывать подробности жизни Стар и Винсента Кинга — как всем уже известные, так и вновь открывшиеся.

И вот вердикт вынесен. Дачесс вздрогнула, сердце забилося чаще.

— Что они говорят, Дачесс?

— Что Кинг не убивал маму.

С приоткрытым ртом она смотрела в экран. Вот один журналист подскочил к присяжному. Присяжный выглядит усталым, однако кроит улыбку. В деталях передает свидетельские показания инспектора кейп-хейвенской полиции Уокера — как этот самый Уокер вдруг обнаружил среди старых бумаг заявление о краже со взломом, из коего следует, что предполагаемое орудие убийства, некогда принадлежавшее Кингу-старшему, никак не могло находиться в распоряжении Кинга-младшего. Присяжные и раньше склонялись к тому, что подсудимый невиновен, и заявление о краже револьвера окончательно их убедило.

Дачесс накрыл спазм, да такой жестокий, что пришлось прижать к животу кулак.

— Блин, Уок, ты что наделал? — прошипела она.

Робин угнезвился рядом, и Дачесс, целуя его в темечко, в очередной раз сказала себе, что справедливости от этого мира ждать бессмысленно. Да, она так и думала, она ведь уже кое-что в жизни повидала.

А потом на экране появился он.

Робин даже с места вскочил.

Винсент Кинг вышел из зала суда, сопровождаемый миниатюрной женщиной в строгом костюме, надетом с кроссовками бренда «Чак Тейлор».

Зал озарился вспышкой фотоаппарата. Оправданного провели к автомобилю.

— Да что же это творится, Робин?

Робина между тем затрясло. Он стал задыхаться.

А потом разрыдался. Он всхлипывал, а пижамные штанишки темнели, набухая влагой.

Дачесс опустилась на колени.

— Робин, что такое?

Он только мотал головой и крепче зажмурился.

— Все хорошо. Я здесь, я с тобой.

— Это он. — Судорожный вдох и новый приступ рыданий. — Я вспомнил.

Дачесс нежно взяла в ладони его мордашку.

— Что ты вспомнил?

Робин глядел мимо нее — в экран.

— Винсент был у нас в спальне. Я вспомнил, что он мне сказал.

Дачесс утерла Робиновы слезы, и мальчик наконец-то взглянул ей в лицо.

— Сказал: прости за то, что я сделал с твоей мамой, и никому про это не говори, не то пожалеешь.

Робин закрыл глаза и всхлипнул. Дачесс стиснула его в объятиях.

Затем отвела в комнату, вымыла под душем, передела в чистую пижаму и уложила в постель.

Он заснул.

А она стала упаковывать вещи. В сумке у нее была фотография — они с мамой, все трое, во дворе, босиком. Смеющиеся. Редкий снимок редкой ситуации. Фотографию Дачесс поместила на пробковую доску рядом с фотографией Хэла.

Подняла жалюзи, чтобы видеть звезды, и устроилась в изножье кровати. Место было привычное, слишком многие ночные часы — долгие и в то же время краткие — Дачесс провела вот так, сидя подле спящего брата, перебирая события их жизнью. День, когда Робин родился; его первые шажочки, первый лепет. Какой он был занятный, ее маленький брат; сколько раз смешил ее... Потом подросток; Дачесс хорошо помнила, как Робин впервые пошел в садик, как она учила его играть в футбол во дворе у дома.

Она просидела с ним всю ночь — нельзя было допустить, чтобы Робин проснулся в темноте и не нашел своей сестры.

Когда забрезжил рассвет, Дачесс подтащила сумку к выходу, бесшумно открыла дверь. И вернулась к кровати, и стояла, сдерживая слезы, пока они не начали ее душить, и кляла себя, и рвала на себе волосы, словно сумасшедшая — каковой и являлась. Будь у Дачесс нож, она бы себе все руки изрезала. Потому что так ей и надо. Даже еще и не так, а больнее.

Наконец она склонилась над братом, поцеловала его в висок, велела быть хорошим мальчиком — и исчезла из его жизни, как исчезли до нее слишком многие.

Уок уселся за рабочий стол, вынул из ящика бутылку «Кентукки олд резерв», отвинтил крышечку и длинно глотнул.

Виски обожгло гортань, и Уок зажмурился. Торжества он не чувствовал. Винсент сразу ушел домой. Пока ехали, не разговаривал ни с Уоком, ни с Мартой; ни разу не улыбнулся. Правда, на прощание пожал Марте руку. Уок сказал ей, что она отлично справилась. Затем встретился с ней глазами и увидел: она тоже это понимает. Их победа — по сути пустышка. Недаром госпожа окружной прокурор пулей вылетела из зала суда.

Уок отпил еще виски. В ночи поубавилось пронзительного одиночества. Напряжение в плечах отпустило. Организм перестал мучить своего хозяина.

Взгляд упал на кипу документов. Преобладали здесь, конечно, незначительные правонарушения; целый год копились, игнорируемые Уоком, — он был занят только тем, что так или иначе касалось Винсента Кинга и Дикки Дарка. Хаос в бумагах, пришло Уоку на ум, пожалуй, единственное, насчет чего они с Мартой не солгали в суде.

Он подвинул к себе стопку и принялся листать бумаги. Почерк Лу-Энн; мелкие ДТП, вандализм, предполагаемое вторжение в пределы частной собственности. Уоку было трудно сосредоточиться, а ведь когда-то он подобные делишки разбирал — как орешки щелкал. Попалась пара служебных записок от руководства штата и — совершенно неожиданно — письмо от доктора Дэвида Юто, ответ на звонок.

С нарастающим отчаянием Уок пытался сообразить, что это за Юто такой; наконец память сжалилась над ним и всплыло имя — Бакстер Логан, заключенный, которого убил Винсент Кинг; а доктор Юто проводил аутопсию.

Уок взглянул на часы. Было уже поздно, однако он набрал номер Дэвида Юто.

К его удивлению, старый патологоанатом ответил после первого гудка. Оказалось, он собрался на покой — последнюю неделю дорабатывает, готовится сдать дела преемнику. Он, этот преемник, на двадцать лет моложе, а опыта у него — минус целая жизнь. Состоялся

обмен любезностями, после которого Уок перешел к делу — спросил о Бакстере Логане. Старому патологоанатому потребовалась всего минута, чтобы отыскать нужную папку; вот что значит организованный человек.

— Инспектор Уокер, что конкретно вас интересует?

— Ну... Подробности, наверное. Я бы хотел...

— В то время с нас не очень строго спрашивали. Экспертизу ДНК, например, делать было совсем не обязательно. Я просто определил причину смерти — черепно-мозговая травма.

Уок сидел, расположив ноги на столе, и потягивал виски.

— Вот оно что. Один удар — и готово...

— Нет, не один удар; далеко не один, судя по виду погибшего.

Уок уставился в свой стакан.

— Я отлично помню разговор с Кадди. Он сам мне позвонил, — продолжал доктор Юто. — Разумеется, Кадди тогда был еще желторотый, под началом своего отца работал. Так вот, он сказал мне: не тратьте время на Бакстера Логана — в тюрьме Фейрмонт насильники крайне непопулярны. Поэтому я зафиксировал причину смерти и занялся другим трупом.

— Телесные повреждения... Они были... очень серьезные?

Доктор Юто вздохнул.

— Немало лет прошло, инспектор Уокер, но попадаются такие случаи, о которых всю жизнь помнишь. Короче: у Бакстера Логана были выбиты все зубы до единого; кости обеих глазниц раскрошены, а переносица сломана, да так жестоко, что нос расплющился, словно размазался по лицу.

— Но ведь речь идет о драке. Винсент Кинг защищал свою жизнь.

— Не знаю, что вы хотите от меня услышать, инспектор Уокер. Конечно, это была драка; но удары продолжали обрушиваться на Логана еще довольно долго после того, как он испустил дух.

Уоку представилась Стар, три ее сломанных ребра. Он поблагодарил доктора Юто и повесил трубку.

Сглотнул, отхлебнул еще виски. Горло горело, сердце пустилось галопом. Уок поднялся и вышел на улицу. Была уже ночь. Ничего — он просто прогуляется. Бухту пересекала стайка суденышек, на воде плясали световые пятна.

Уок двигался размеренным шагом — вдыхал соленый ветер, пытался упорядочить мысли; они же разбегались, трудноуловимые, и подсовывали сцены, которых он предпочел бы никогда не видеть. Например, давних соседей, тех, что жили на Брайвуд-авеню давным-давно, когда юному Уоку принадлежал весь Кейп-Хейвен.

В конце Сансет-роуд он остановился передохнуть — и вдруг увидел вдалеке бегущего Винсента. Разглядел даже, что на нем темные джинсы и рубашка. Хотел окликнуть; передумал и поспешил следом, держась на приличном расстоянии. Ибо не представлял, что сейчас чувствует старый друг, выхваченный из лап смерти, оставленный жить.

Сансет-роуд забирала вверх; минуты через две Винсент достиг каменной стены, вскарабкался по ней, вдруг, в слабом свете уличных фонарей, явившись на гребне очень четким силуэтом. Шагнул к дереву желаний, но не задержался возле него, лишь наклонился, тотчас снова выпрямился и стал озираться.

Поодаль стоял автомобиль с включенными фарами; дальний свет, лучи тянутся к вершине холма. Уок шагнул в тень; Винсент, явно напрягшись, поспешил дальше по улице, также избегая вступать в полосу света, и скоро растворился в ночи.

Уок дождался, пока автомобиль тронется, пока исчезнет из виду. Лишь после этого он сам взобрался на стену и спрыгнул в высокую траву. Сначала шарил у корней дерева желаний, как слепой, затем догадался посветить мобильником.

У самой земли, почти незаметное, чернело дупло.

Встав на колени, Уок запустил в него руку — и вынул револьвер.

— Наши астронавты — которые с «Аполлона» — оставили следы на Луне, — говорил Томас Ноубл. — И знаешь, сколько они там продержатся? Как минимум десять миллионов лет.

Небо уже не казалось Дачесс бесконечным. Ей было известно насчет душ и пророчеств, насчет чудесного воссоединения и грядущего нового мира. О Робине — как он испугается, когда увидит, проснувшись, что ее нет, — Дачесс старалась не думать. Стыд и боль образовали комок в горле; сглатывая, она едва не вскрикнула.

— Куда ты отправишься?

— Есть одно дело.

— Останься здесь.

— Нет.

— Возьми меня с собой.

— Нет.

— Я храбрый. Я глаз положил за тебя, потому что...

— За это я вечно буду тебе благодарна.

Они лежали на траве в ноубловском саду, у дальней изгороди. Лес, что начинался почти сразу за изгородью, умягчал их до состояния теней.

— Это несправедливо — то, что с тобой случилось, — выдал Томас Ноубл.

— Ты как дитя малое. О справедливости вспомнил. — Дачесс закрыла глаза.

— Сама ведь знаешь — добра из этого не выйдет.

Проклюнулась звездочка. Дачесс не стала загадывать желание. Пускай дети загадывают, а она давно не ребенок. Может, она вообще родилась сразу взрослой.

— Странные создания люди, — произнесла Дачесс. — В небо глядят всю жизнь, вопросами задаются: типа, если Бог есть, почему он не вмешивается? Молятся зачем-то...

— Просто они верят. Надеются, что однажды Бог поможет.

— Иначе жизнь слишком ничтожна, да?

Томас на вопрос не ответил, но вдруг прошептал:

— Я боюсь, что ты не вернешься.

Дачесс молча смотрела на луну.

— Было время, когда я спрашивал Бога, почему у всех руки как руки, а у меня култышка. Молился перед сном — чтоб мне проснуться, а рука — нормальная. Толку никакого, сама видишь...

— Может, молиться вообще бесполезно?

— Останься со мной. Я тебя спрячу.

— Нет, я должна кое-что сделать.

— Давай я буду помогать.

— Тебе нельзя.

— Выходит, я должен вот так вот запросто отпустить тебя неизвестно куда? Это смелый поступок, по-твоему?

Дачесс нашла полноценную руку Томаса. Их пальцы переплелись. Каково было бы ей на месте этого мальчика? Его проблемы пустячны, его мама жива-здоровая, спит в своей постели; будущее лежит перед ним чистым, просторным листом.

— Тебя будут искать, Дачесс.

— Поищут и перестанут. Невелика птица — беглянка из сиротского приюта...

— Нет, ты такая одна. И потом — о Робине ты подумала?

— Пожалуйста, не надо. — Дачесс была уже на грани. — К тебе, наверное, копы явятся. Станут допытываться, куда я направилась да где могу находиться. А ты, из лучших побуждений, еще вздумаешь все им выложить.

— Если даже и вздумаю...

— Нет, ты не из таких.

Дачесс пролежала на траве всю ночь. Видела, как ни свет ни заря выходит из дому миссис Ноубл в рабочей одежде, садится в «Лексус», почти бесшумно выруливает за ворота. Когда мать уехала, Томас открыл заднюю дверь.

Дачесс вошла в его дом, умылась, позавтракала кашей.

У Ноублов был сейф; Томас набрал код и вынул пятьдесят долларов. Дачесс не хотела брать, но он вложил деньги в ее ладонь.

— Я все верну, так и знай.

Он принес консервы — бобы, суп. Дачесс упаковала их в сумку. Как ни быстро она действовала, а Шелли тоже не теряла времени — в доме зазвонил телефон. Трубку Томас, разумеется, не взял. Включился автоответчик.

Они услышали голос Шелли.

— Тревожится, судя по тону.

— Таких, как я, у нее не меньше тысячи.

У парадной двери Дачесс заметила дорожные сумки. Через несколько дней Томаса Ноубла увезут на отдых. Он забудет Дачесс. Его жизнь продолжится без нее; это соображение Дачесс сопроводила усмешкой.

Улица между тем просыпалась. В одном ее конце грохотал мусоровоз, в противоположном маячила фигура почтальона.

Томас Ноубл выкатил к воротам свой велосипед.

— Это тебе, Дачесс.

И прежде, чем она сказала: «Не возьму», он положил ладонь ей на плечо.

— Бери. На велике тебя не догонят.

— Я растворюсь в пространстве. Да я уже практически исчезла.

— Мы с тобой увидимся?

— Конечно.

Оба знали: встречи не будет, но Томас Ноубл проглотил эту ложь. Шагнул к Дачесс и поцеловал ее в щеку.

Она оседлала велосипед, поправила на плече сумку — все, что имела в этом мире.

— До скорого, Томас Ноубл.

Пока она катила по подъездной аллее, тот махал ей здоровой рукой. Оказавшись за воротами, Дачесс резко увеличила скорость. Не оглядываться; мчаться вперед, и пусть ветер хлещет в лицо. Держаться в стороне от оживленных улиц, выбирать переулки, погруженные в тень.

Через час она была на главной улице Коппер-Фоллз. Подрулила к похоронному бюро Джексона Холлиса, оставила велик у дверей, вошла. Внутри работал кондиционер, от ледяного воздуха руки покрылись гусиной кожей.

— Дачесс! Как приятно снова тебя видеть, — просияла Магда.

Вместе со своим мужем, Куртом, она вела похоронный бизнес. Занавеска, отделявшая собственно офис от помещения, где были выставлены образцы гробов, была задернута — вероятно, Курт говорил с клиентом.

— Хочу забрать дедушкин прах, — сказала Дачесс.

— А мы всё ждем, ждем... Шелли-то обещала, что сама тебя привезет.

— Она и привезла. В машине осталась.

Дачесс кивнула на «Ниссан», припаркованный на углу так, что не видно было, кто за рулем.

Марта ушла в подсобку и вскоре вернулась с небольшой урной.

Дачесс взяла урну, повернулась к дверям, но тут занавески раздернули, и вышла Долли, сопровождаемая Куртом. Дачесс выскользнула на крыльцо; она почти добралась до кондитерской Черри, когда Долли удалось ее нагнать.

— Дачесс.

Долли завела ее в кондитерскую, усадила за угловой столик и пошла к прилавку делать заказ.

Она постарела. Макияж был отнюдь не безупречен, да и локоны тоже. Однако, как и раньше, Долли щеголяла брендовыми вещами — туфлями и сумочкой от Шанель.

— Я могла бы сказать: «Как я рада, что ты вернулась, Дачесс».

— Но?..

Долли улыбнулась.

— Примите мои соболезнования. Я не знала насчет Билла.

— Билл был к этому готов. А вот я, как выяснилось, не была.

Сумка Дачесс открылась, явила одежду и консервы. Дачесс поспешно дернула «молнию».

Долли смотрела на нее с печалью.

— Что вы теперь будете делать, Долли?

— Мужа хоронить. Дальше пока не заглядываю. У нас были планы — насчет путешествий. Не знаю, решусь ли осуществить их одна, без моего Билла. Утешаюсь тем, что он прожил хорошую жизнь — ибо разве вправе мы просить большего?

— А Томас Ноубл еще о справедливости говорит...

Долли улыбнулась.

— Вот как...

— Справедливо было бы, если б кое-кого из тюрьмы не выпустили.

— Да, я в курсе. Следила за процессом по телевизору. Думала о вас с Робинотом. Наверное, Томас Ноубл вот что хотел сказать: есть люди, которые несут другим боль, а есть те, которые пытаются боль

преодолеть и жить дальше. Почему-то судьба неумолимо сталкивает первых со вторыми.

Мысли Дачесс перекинулись на самую Долли: вот кому злая судьба выпала. Один отец чего стоит; наверное, след, оставленный им, до сих пор не изгладился.

— Хэл говорил, этот Винсент Кинг — будто раковая опухоль для всей нашей семьи. Еще когда начал — а до меня сумел дотянуться и, главное, до Робина. До моего брата. Только я ему не спущу...

Долли стиснула ее руку.

— Ты никогда не думала, что мы свою судьбу выбирать не вольны? Что все предопределено? Некоторые с рождения — вне закона, и позднее жизнь сводит таких людей вместе.

— А может, ничего такого и нет на свете. Никакой предопределенности. Просто злодей ставит себе цель — выйти на свободу и продолжить свои темные дела.

— Дачесс, а ты вообще имеешь представление о правосудии?

— Я знаю про Трехпалого Джека. Он преодолел пятьсот миль, чтобы отомстить за смерть своего товарища, Фрэнка Стайлза.

— В чем, по-твоему, смысл правосудия для людей, которые страдают от злодеев?

— В том, чтобы покончить со злодеями. Я лично глазом не моргнула бы. Жаль, что физическое уничтожение — еще далеко не всё.

— Ну а Робин — чего он хочет, как думаешь?

— Ему шесть лет. Он не знает, чего хочет. Живет своей маленькой жизнью, дальше ежедневных потребностей не заглядывает.

— А сама-то ты знаешь?

— Да, причем слишком много.

Возникла официантка, поставила на столик две чашки какао и маленький капкейк с единственной свечкой, подмигнула Дачесс и удалилась к барной стойке.

— С днем рождения, Дачесс.

Дачесс уставилась на капкейк.

— Долли, вы совсем не обязаны...

— Никаких возражений. Девочке четырнадцать лет раз в жизни исполняется. Давай-ка лучше загадай желание.

Прикинув, что Долли не отстанет, Дачесс подалась вперед, зажмурилась и дунула на свечку.

Вскоре они вышли из кондитерской и, держась теневой стороны, двинулись по улице — велосипед остался возле похоронного бюро. Забрав его, Дачесс проводила Долли к машине.

— У меня на языке вертится множество аргументов, Дачесс.

— Все, что вы можете сказать, я и сама отлично знаю.

— А давай ко мне поедем? Я бы тебе кое-что показала.

— Не могу. Тороплюсь.

— Значит, в другой раз?

— В другой раз.

Долли взяла ее за руку.

— Обещай, что наведишь меня.

— Обязательно.

— Теперь я спокойна. Каждый, кто вне закона, свое слово крепко держит.

Долли глядела совсем старушкой — тревога добавила ей морщин. Определенно, еще чуть-чуть — и Дачесс пополнит список ее проблем.

— Хочешь, я буду навещать Робина?

Дачесс кивнула. Нижняя губа у нее дрожала. Нельзя так. Нужно взять себя в руки, ибо то ли еще предстоит.

— Будь осторожна, Дачесс.

Долли раскрыла сумочку, вынула бумажник, но едва она начала отсчитывать купюры, как Дачесс оседлала велосипед и покатила прочь.

Остановилась она в конце главной улицы. Принялась махать Долли, и та тоже вскинула руку.

К часу дня Дачесс добралась до ранчо Рэдди. Икроножные мышцы горели, футболка была хоть выжми, волосы, мокрые от пота, висели сосульками. Велосипед она спрятала в некошеной траве у ворот, медленно двинулась извилистой подъездной аллеей; прошла под деревьями, что сплели ветки, будто в молитве; миновала тихий пруд.

Она думала о Робине. Где он сейчас — на занятиях? С Шелли? Все душевные силы уходили на то, чтобы не броситься к велику, не помчаться обратно, в Центр для трудных подростков, не упасть на колени перед Робинем, не стиснуть его в объятиях. В сумке была единственная фотография — Робин, снятый год назад, улыбающийся, вихрастый; сейчас-то он подстрижен короче. Дачесс достала фотографию, поднялась по ветхим ступеням на террасу, села на качели.

На воротах она заметила вывеску: «Агентство недвижимости Салливана». Скоро состоится аукцион; ранчо кто-нибудь купит, займется им, запустит цикл, старый как мир...

Равнодушные к переменам, у подножия горы кормились лоси. Взгляд Дачесс скользил по необработанной пашне. Земля нуждается в уходе. Когда-то — целую жизнь назад — этот уход в одиночку обеспечивал Хэл.

Дачесс открыла дверь кирпичного амбара. Ей предстали Хэловы инструменты — никто на них не позарился. Она шагнула внутрь, скатала коврик.

Под ковриком был люк. Дачесс еле справилась — тяжеленная крышка, ни поднять, ни сдвинуть. Пот с подбородка так и капал. Дачесс закрепила крышку и стала спускаться.

Низкий потолок давил на плечи. Револьверы лежали на полках, винтовки висели по стенам, на крючках.

Посередине стоял стул, обитый кожей. Здесь Хэл мог побыть наедине с собой. Возле стула, на маленьком столике, Дачесс увидела стопку писем. Полистала их, взяла верхнее, вероятно последнее. Из конверта выпали две бумажки — она сложила их вместе. В горле пересохло, стало трудно сглатывать. Чек. На миллион долларов. Отсроченный^[50]. Обналичить можно было месяца через два после начала судебного процесса. Подпись лаконичная, больше похожая на печать. «Ричард Дарк». И подтверждение, сделанное рукой Винсента Кинга, и перенаправление чека лично Хэлу Рэдли.

Обе половинки Дачесс вернула в конверт. Вот оно, искупление; вот его цена. Правильно дедушка сделал, что порвал чек.

Она поднялась.

У стены было нагромождение коробок, каждая — в нарядной бумаге; когда Дачесс это заметила, у нее ноги подкосились. Подарки. Для нее. И для Робина. Даты — начиная с ее первого дня рождения. Дачесс присела на нижнюю ступеньку лестницы. Вскрыла первую попавшуюся коробку. В ней оказалась кукла. В следующей — пазл. Коробки, предназначенные Робину, она не трогала.

Взяла ту, что была датирована нынешним днем. Осторожно надорвала бумагу, потянула крышку вверх — и обмерла.

Шляпа сама легла ей в ладони. Кожаный шнур вокруг «дышащей» тульи, поля в четыре дюйма шириной. Дачесс коснулась ярлычка.

Золотыми нитками на нем было вышито: «Джон Б. Стетсон».

Шляпа, надетая с благоговением, пришлась в самую пору.

В сумку перекинули два ствола — тот, из которого Дачесс училась стрелять, и тот, из которого стрелял Хэл; а также коробка с патронами. Дачесс была внимательна, калибр не перепутала.

Затем она положила подарки на место.

Сумка стала ощутимо тяжелее.

Прах, развеянный над водой, ветер пригнал к берегу, где они с Хэлом иногда сидели.

Дачесс собралась с духом, поглубже надвинула шляпу, шепнула:

— Прощай, дедушка.

Утром Уоку звонили — он не брал трубку. Новость уже дошла до кого надо; теперь Уок будет вызван к губернатору Хопкинсу, его снимут с должности и, конечно, предложат другую работу — бумажки какие-нибудь разбирать. Поступило только три звонка — определенно «наверху» считали, что Уок уже практически ни на что не годен.

Перед ним на столе лежало дело Милтона. Сам Милтон, разбухший, страшный, мутно глядел с фотографии. Родня? Только очень дальняя. В частности, Уок обнаружил троюродную тетку, что жила в Джексоне, в доме престарелых. На всякий случай позвонил. Услышал: «Знать не знаю никакого Милтона».

На скрип двери Уок поднял глаза, попытался улыбнуться. Вышло плохо.

Марта закрыла за собой дверь, произнесла с усмешкой:

— Звонки мои игнорируете, инспектор Уокер?

— Прости. Я был занят.

Марта села, склонила голову набок, вскинула брови.

— Это правда?

— Я не решался взглянуть тебе в лицо.

— Смощенничал, выходит?

— Не хотел тебя в это втягивать.

Марта закинула ногу на ногу.

— Я бы пережила. Мы оба знали, на что идем, верно?

— Я знал больше, чем ты.

— А меня предложениями завалили. Разные ублюдки, которым грозит высшая мера, умоляют заняться их делами. Но я непреклонна. Мне подавай злостных алиментщиков да жертв домашнего насилия. Они — мой хлеб с маслом. — Марта поправила волосы. Уок жадно ловил каждый ее жест.

Она подалась к нему, хотела взять за руку. Он отдернул ладонь.

— Поговори со мной, Уок.

— Когда мы всё это затеяли, я рисовал себе финал. Буквально видел, как Винсент покидает тюремные стены; мне даже мерещились часы, которые пошли вспять. И этого было достаточно. Моя игра

завершена — последняя игра. Я болен, Марта. Мой организм умирает — клетка за клеткой. Пока я на ранней стадии; это лишь начало.

— Знаю.

— Уверена? Потому что я на эту тему достаточно читал. Я говорил с врачом. Я видел тех, у кого болезнь продвинулась дальше. Посидишь этак в очереди на прием — насмотришься...

— Ну и к чему ты клонишь?

— Не допущу, чтобы ты стала моей нянькой. Я для тебя большего хочу, лучшего. Всегда хотел.

Марта поднялась.

— Говоришь, как мой отец. Я тебе что — дитя малое? Права голоса не имею, даже когда речь идет о моей жизни? Я сделала выбор. Ты — мой выбор, Уок. И мне всегда казалось, что ты тоже выбрал меня.

— Так и было; так и есть.

— Врешь. Ты выбрал себя — благородство свое проклятущее, ответственность за других, так ее растак.

Уок потупился.

Марта вытерла глаза.

— Думаешь, я страдаю? Нет, я негодую. Трус ты, Уок. Потому и сейчас отступаешься.

— Я был уверен, что ты не пожелаешь меня видеть.

— А я вот пожелаю.

— Прости.

— Нечего извиняться. Ты за тридцать лет не удосужился ко мне приехать или хотя бы номер мой узнать, тупо снять телефонную трубку. Тебя Винсент заставил. Ты всегда ему в рот смотрел и в этот раз послушался.

— Дело вовсе не...

— Когда я тебя попросила описать Винсента, каким ты его помнишь, — ты что сделал? Подчеркнул хорошее и замаял плохое. По-твоему выходит, Винсент не путался с другими девчонками, у него одна Стар была. А сколько раз она у меня на плече рыдала от его шашней — об этом тебе известно? Ты всегда Винсента выгораживал, даже мне лгал ради него; даже мне...

— Для нас с тобой это не имело никакого значения.

— Да, я в курсе. Я только хочу сказать, что последние тридцать лет ты жил для других. Может, хватит уже? — Марта быстрым шагом направилась к двери, но вдруг обернулась и отчеканила, наставив на Уока указательный палец: — Когда закончишь жалеть себя и наберешься храбрости — позвони.

Дверь открылась. Марта выскочила из кабинета, едва не толкнув входившую Лию Тэллоу. Та посмотрела ей вслед.

— Она в порядке?

Уок встал, почти втащил Лию в кабинет, усадил на стул. Она была без макияжа, волосы наскоро сколоты на затылке, вид удрученный.

Уок уселся за рабочий стол.

— Ты уверен, что это необходимо?

— Абсолютно.

Он следил, как она щелкает кнопками одноразового сотового телефона.

Дарк не ответил. Тогда Лия наговорила ему сообщение на голосовую почту.

«Я знаю, где они. Позвони мне».

Голос ее дрогнул. Она сдерживала слезы, пока не нажала «отбой».

— Когда он перезвонит, продиктуешь ему вот этот адрес. Скажешь, парнишка дружит с Дачесс и наверняка знает, где ее найти.

Уок сунул Лии бумажку с адресом. Почерк был практически нечитабельный.

— Не делай этого, Уок. Я Бойду позвоню, все ему расскажу.

Уок глядел на нее, жалкую. От прежней Лии Тэллоу мало что осталось, но ненависть к ней, несмотря на все усилия Уока, разгораться никак не хотела.

* * *

Дачесс двигалась в южном направлении к Форт-Прайору, городу, имеющему автостанцию. Как далеко удастся уехать за пятьдесят баксов, она не знала. Пожалуй, до Айдахо. В лучшем случае — до Невады. Дачесс сразу решила: планы будет строить исключительно на завтрашний день. Ибо, позволь она только себе заглянуть в день

послезавтрашний — и задача, выполняемая вот прямо сейчас, даст задний ход, свалит ее с ног.

Она катила проселками, старалась беречь силы. При подъемах прыгивала с велика и шла пешком, на спусках снова садилась в седло, но соблюдала осторожность, в любую секунду готовая нажать на тормоз.

Добралась до Монтисса, до парка «Комет», чье великолепие скрывали деревья. Россыпь миленьких коттеджиков, желтые выборные плакаты на кистоунских нефтепроводных трубах, что должны вдохнуть жизнь в захолустные городки; несколько грузовиков возле супермаркета, для которого уже пошел обратный отсчет.

Еще две мили — и у велика лопнула шина. Это был удар, Дачесс едва не расплакалась. Пыталась ехать дальше, но этот процесс, при ничтожной скорости, требовал удвоенных усилий.

Тихо ругаясь, она спрятала велик в лесу возле реки Джексон-Крик. Села на поваленное дерево, доела хлеб — он уже начал черстветь; допила воду. Дальше двинулась пешком. Изношенные кроссовки для таких походов не годились и быстро натерли ей ноги.

По обеим сторонам от дороги лежали фермы. Поля вызывали ассоциации с одеялами из лоскутов всех оттенков зеленого и коричневого. Виднелись церкви Святой Троицы, и казалось странным, что на них еще целы колокола и есть кому в эти колокола звонить. Дачесс увязалась за пожилой парой. Как и она, супруги не были толком экипированы для пешего похода. Орудовали палками для скандинавской ходьбы, улыбались приветливо и смущенно. Так она прошла примерно с милю. Ловила каждый шаг: пусть она сама сбилась с пути, но эти двое уж наверное знают, куда направляются. Дачесс все еще не сомневалась, что движется на юг.

А потом она потеряла супругов из виду. Выругалась, потому что была едва жива от усталости.

Вышла на трассу столь широкую, столь бесконечную и пустынную, что застыла на обочине, в немом вопросе запрокинув голову к небесам.

И тут снова появились ее знакомые. Хэнк и Бьюзи, сами из Калгари. Пенсионеры. Вот — решили отправиться в путешествие. Ночуют в мотелях, держатся пешеходных троп, вбирают старыми глазами новые виды.

Дачесс рассказала о себе — полуправду, конечно. Ей нужно в Форт-Прайор, у нее там мама в больнице лежит. Хэнк и Бьюзи дали ей воды и шоколадный батончик.

Бьюзи принялась болтать о внуках. Их семеро, по всей стране разбросаны. Один в банке служит на востоке, еще один — доктор в Чикаго. Хэнк шел впереди, как заправский следопыт. Поджентльменски убирал ветки с тропы. Когда он наклонялся, Дачесс видела, что его шея обгорела на солнце.

Он, в свою очередь, заметил, что Дачесс хромает, усадил ее на траву, долго рылся в рюкзаке, извлек пластырь и, пробормотав «бедная девочка», заклеил ей стертые пятки.

Двинулись дальше. Хэнк сверился с картой и объявил, что прямо по курсу — озеро Тетан.

Бьюзи сверкнула глазами на Дачесс.

— Очередное озеро!

— А я когда-то жила в городе под названием Кейп-Хейвен. Только давно, в детстве, — выдала Дачесс.

— Красивое название, — похвалила Бьюзи.

У нее были мускулистые икры — сразу видно, что много ходит пешком. А лицо широкое, располагающее, хоть и суровое.

— Хорошо помнишь родной город?

Дачесс отмахнулась от мошки. Они как раз вышли на новую тропу.

— Плохо.

Пересекли туристический маршрут номер 75 и продолжили путь по проселку ширины едва достаточной, чтобы проехал грузовик. Дачесс не задавала вопросов — очень уж уверенно шел Хэнк. У них с Бьюзи забронирован номер в миле от Форт-Прайора, они проводят свою юную попутчицу. В кои-то веки Дачесс повезло.

— А братья или сестры у тебя есть? — спросила Бьюзи.

— Есть.

По грустной улыбке и слезящимся глазам ясно было: Бьюзи хочет подробностей. Но Дачесс держала паузу, пока задавать вопросы не сделалось уже совсем неловко.

Через час они достигли поворота. Дорога вилась дальше, насколько хватало глаз, а в ее излучине была усадьба. Хэнк заявил, что

им нужен привал, и они открыли калитку и двинулись мимо зарослей жимолости и клумб, которыми давно никто не занимался.

Внушительный особняк вырос перед ними. Они приблизились. Каменная кладка — каждый камень больше головы Дачесс; окна в кружеве орнамента. Хэнк стал озиаться. Дачесс не сводила с него глаз, тиская сумку, ощупывая сквозь ткань свое оружие.

— Эттавей, — пояснила Бьюзи. — Хэнк увлекается архитектурой.

Хэнк достал фотоаппарат и сделал не меньше дюжины снимков.

Они обошли дом, обнаружили искусственные каналы, что тянулись до самого леса.

— Смотрите — дымок. — Бьюзи взмахнула рукой.

Действительно, вдали, на поляне, горел костер. Еще одна супружеская чета — тот же возраст, то же выражение глаз — будто небеса обретены десятилетием раньше, чем предполагалось. Познакомились. Нэнси и Том, приехали из Северной Дакоты в доме на колесах, но оставили его у плотины Хартсона, потому что хотели осмотреть знаменитый особняк.

Поджарили на костре мясо, сделали гамбургеры, принялись закусывать. Дачесс взглянула на часы. В это время Робина должны кормить обедом. Но один, без нее, Робин есть не станет. К животу, сведенному жестоким спазмом, пришлось прижать кулак.

На закате добрались до мотеля. Оттуда до Форт-Прайора было минут десять пешком. От Хэнка Дачесс получила шоколадные батончики и бутылочку воды, от Бьюзи — крепкое объятие и обещание молиться за больную маму.

Дачесс направилась к центру города. Ноги гудели, но все же не так мучительно, как до привала. На горные вершины ложилась тьма, вспыхивали вывески — закусочная, «Стокманн», магазин готовой одежды «Бобз аутдор».

Автостанция обнаружилась на углу, напротив магазина косметики, рядом с парковкой. На глянцевых капотах машин плясали уличные огни. За стеклом скучала чернокожая кассирша. Такое ее состояние было отнюдь не на руку Дачесс. По ее расчетам, Шелли уже сообщила куда следует, ее искали на дедушкином ранчо. Пожалуй, допросили Томаса Ноубла. Но на след напали вряд ли.

— Как далеко я могу уехать за пятьдесят долларов?

Кассирша взглянула на Дачесс сквозь очки.

— А ты куда направляешься?

— На юг. В Калифорнию.

— Одна? А не маловата ли ты для путешествия без взрослых?

— У меня мама болеет. Мне нужно домой.

Кассирша молчала, только взгляд стал напряженнее. Что она высматривает? Во лжи уличить хочет? Наконец кассирша решила, что это не ее дело, и уткнулась в компьютер.

— До Баффало доедешь, в сорок долларов обойдется.

На стене, защищенная плексигласом, висела карта. Дачесс нашла Баффало. Ужас как далеко от Форт-Прайора, но все равно этот отрезок пути до Калифорнии ничтожен.

— Автобус отправляется только утром. Подождешь с покупкой билета?

Дачесс качнула головой, выложила деньги.

— Мы скоро закрываемся, — бросила кассирша, перехватив взгляд Дачесс, скользнувший на мягкую вокзальную кушетку. — Тебе есть куда идти?

— Есть.

Кассирша выбила и протянула Дачесс билет.

— А от Баффало как лучше добираться?

— Тебе побыстрее или подешевле?

— Разве я похожа на человека при деньгах?

Кассирша нахмурилась и снова взглянула на компьютерный экран.

— Дешевле всего будет доехать до Денвера, дальше до Грэнд-Джанкшен, а уж оттуда — прямо в Лос-Анджелес. Только это все равно очень далеко, детка. И денег нужно немало.

Дачесс вышла на улицу. Семнадцать долларов, два ствола в сумке, немного еды и смена одежды — всё, что у нее осталось.

Возле бара под названием «О’Салливан» был телефон. Дачесс сняла трубку, но вдруг осознала, что звонить некому. Мучительно захотелось поговорить с Робинем; не поговорить даже, а услышать его сонное дыхание. Поцеловать Робина в макушку, прижать к себе, уснуть, удерживая рядом, защищая.

Она прошла по улице, набрела на парк, точнее, игровую площадку в рощице. Скользнула к деревьям, легла на траву, укрылась свитером.

Незадолго до рассвета, когда город еще спал, Дачесс встала. Каждый шаг полумильного пути отзывался болью, противилась каждая мышца.

В мотеле царила тишина. Даже у стойки регистрации никого не было. В глаза бросилось несколько реклам: горнолыжный курорт «Большое небо», новая модель цветного телевизора, городские вакансии. Дачесс кралась по периметру мотеля, мимо дверей, что глядели каждая на соответствующий автомобиль. Миновала деревья, чьи кроны чернели в предутреннем небе над низкой черепичной крышей. Все окна были плотно занавешены. Ага, вот он, «Форд Бронко»; зарегистрирован в Калгари, судя по номерам. И окно нараспашку. Беспечные, наивные Хэнк и Бьюзи!

Дачесс положила сумку на землю. Вынула ствол. Помолилась наскоро и беззвучно — и забралась в комнату через окно.

Хэнк, укрытый одеялом, опасений не вызывал. Его сейчас и пушкой не разбудишь — вот что значит целый день на ногах. Света было довольно, и Дачесс, не споткнувшись, прошла к стулу, на котором лежали Хэнковы брюки. Нащупала карман, выудила бумажник, нашла фотографию — улыбающиеся дети. Доставая купюры, не могла сглотнуть ком в горле, не могла сделать вдох — так болела грудь.

А потом она увидела, что глаза у Бьюзи открыты, что в них — печаль. Дачесс коснулась ствола, заткнутого за пояс джинсов. Бьюзи не пикнула.

Едва живая, Дачесс плелась к автостанции.

А просто ей выпала эта миссия — напомнить старичкам, что от мира хорошего не жди.

Конец улицы Хайвей-драйв; арендованный автомобиль, Уок на водительском месте.

Ряд особняков, возле каждого — большущая, дорогущая машина немецкого производства. На Уоке полицейская форма, но сам он скукожился в кресле. Рядом несколько стаканчиков из-под кофе, зато никаких бумажек или контейнеров от съестного. Уок преодолел в машине тысячу миль. Сначала хотел лететь самолетом — бросить вызов своей фобии; но, зная, что понадобится оружие, решил отложить схватку с фобией до другого раза.

Ноубловский дом, разумеется, пуст. Родители, как обычно, увезли Томаса на виллу — Дачесс как-то обмолвилась, что у них вилла в Мёртл-Бич. Адрес Уок дал Лии. Рассчитал: Дарк объявится, если решит, что через мальчика можно выйти на девочку.

Ни газеты, ни книги — ничего, что отвлекало бы от миссии. Час назад мышечная боль сделалась чудовищной, стала переходить в конвульсии, и Уок принял две таблетки, в результате чего возникло желание лечь и отдаться на милость недуга, приправленного лекарством.

Это будет его последнее дело в роли полицейского; возможно, триумф после ничемно прожитых десятилетий. Сейчас Уок не думал ни о Марте, ни о Винсенте, ни о необратимом переустройстве Кейп-Хейвена. Он приехал в Монтану ради детей Рэдли, и он их защитит, отдаст долг Стар и Хэлу. Дарк, конечно же, перезвонил Лии; Уок не знал, где он в тот момент находился, но имел все основания считать, что неподалеку от монтанской границы. Видеозапись, которую похитила Дачесс, оставалась для Дарка последним шансом спасти от краха свою империю.

Усталость наваливалась подобно пышному одеялу в холодную ночь; мягко вдавливала в сиденье, склеивала веки. Это всё от таблеток, думал Уок; сонливость — их благословенный побочный эффект. В конце концов, он целый год толком не спал; ничего страшного, если сейчас немного подремлет. Он зевнул — и позволил себе не открывать глаза.

* * *

Томас Ноубл смотрел в постели телевизор, и вдруг вырубилось электричество.

Томас поднялся. Тишина, если не считать обычных домашних звуков — тиканья часов в холле да монотонного жужжания бойлерного котла. Томас сделал шаг, запнулся о собственную дорожную сумку. Родители, как всегда, отвезли его в лагерь, что расположен в восьми милях от дома, а сами махнули в Мёртл-Бич, на виллу — оттягиваться на пляже, покуда сына учат песчаной живописи и узелковому окрашиванию футболок. Томас сбежал в первую же ночь. Шел пешком, через лес; запасной ключ взял в гараже. Понятное дело, утром его хватятся, шум поднимут — да он-то будет уже далеко, на пути в Калифорнию. Двинет по следу Дачесс, потому что ей нужна его помощь.

Сердце запрыгало, и Томас прижал ладонь к груди. Прислушался, но не уловил никаких подозрительных звуков. Трус он все-таки — темноты боится... Шагнул к окну. Соседние дома освещены, на каждом крыльце горит фонарь. Что ж, Томас знает, где у них распределительная коробка и на какой рычажок нажать, если с электричеством проблемы.

Он был уже на лестнице, когда раздался звон оконного стекла.

Томас замер; ноги словно приросли к ступени, мышцы не повиновались.

Внизу щелкнул замок, и скрипнула, открываясь, парадная дверь.

Захрустели под тяжелыми шагами осколки.

Томас знал, что в отцовском кабинете хранится пистолет. Знал он также, что не сумеет ни направить его на взломщика, ни выстрелить; что не решился бы на такое даже при обеих полноценных руках.

Снова шаги — гулкие на кухонном плиточном полу, затем — приглушенные ковровым покрытием холла. Захотелось крикнуть, обнаружить себя — сразу бы половина страха долой... Конечно, дом их впечатляет, как, впрочем, и соседские; у мамы есть броские драгоценности — неудивительно, что они привлекли внимание злоумышленника.

Томас вдохнул поглубже и побежал вниз по лестнице на второй этаж, стараясь наступать на самые краешки ступеней. Проскользнул в родительскую спальню, нашарил на прикроватном столике телефон.

В трубке — никаких гудков.

Томас бросился к окну, хотел кричать, звать на помощь, но шаги приближались. Судя по шуму, взломщик добрался до лестницы. Мысли заметались, Томас взглянул вниз, оценил перспективы бегства через окно. Перелом ноги ему обеспечен — это как минимум.

Он огляделся. Можно залезть под кровать. Или в шкаф — места хватит. Нет, лучше спрятаться в комнате для гостей. Главное — не медлить.

Длинная тень — снизу, от основания лестницы. Томас не позволил себе оглянуться. Шмыгнул в гостевую комнату, вжался в стену за дверью. Задушил порыв вскрикнуть. Может, взломщик решит, что дом пуст, возьмет, что там ему приглянулось, и уберется.

— Томас.

Он зажмурился.

— Я знаю, что ты в доме. Я следил за тобой из леса. Ответишь на мои вопросы — клянусь, я тебя не трону.

Откликнуться, узнать, что ему нужно, этому человеку, и выложить информацию, не юля и не запираясь. Но в это мгновение взломщик заговорил снова, и у Томаса Ноубла кровь застыла в жилах.

— Где Дачесс Рэдли?

Выходит, это он. Тот тип на черном «Эскалейде». Дарк.

Взгляд судорожно шарил по комнате. Ни единого тяжелого или острого предмета, с помощью которого можно было бы выиграть несколько бесценных секунд. Дарк сейчас его обнаружит.

Томас подумал о Дачесс. Как впервые увидел ее, что она пережила, как потащила его танцевать, как поцеловала... У него, у Томаса, прекрасный дом и любящие родители, а Дачесс сейчас одна, и путь ее долог, и при ней только пистолет да отвага, чтобы спустить курок. Томас опоздал к ней на помощь, но прямо сейчас у него появился шанс доказать, что и он кое на что годится. Что и ему есть место среди тех, кто вне закона.

На пол легла тень — огромная, словно от монстра; сделала шаг и другой. Томас Ноубл вдохнул поглубже и ринулся во тьму.

Выстрел.

Уок очнулся от сна, выскочил из машины, бросился к дому.

Разбитое стекло парадной двери, сама дверь настезь. Уок ворвался внутрь — рука вытянута вперед, пистолетное дуло ощупывает мрак. Внизу никого. Значит, надо на второй этаж.

Томас Ноубл сидел на полу, обняв колени, вжавшись в стену.

— Ты ранен?

Мальчик отрицательно покачал головой. Над ним зияла дыра. Едва ли не половина гипсокартонного потолка была снесена предупреждающим выстрелом.

— Где он?

— В заднюю дверь выбежал.

Уок чуть не кубарем скатился с лестницы. Лужайка упиралась в изгородь, Уок перепрыгнул через нее и очутился в роще. Заметил на тропе крупные, редко разбросанные следы и двинулся по ним, не опуская оружия. Было впечатление, что лунный свет падает с неба в виде осколков, и они вспарывают подлесок, его рыхлую массу.

— Дарк! — крикнул Уок, не дождался ответа и продолжил бег.

Деревья над ним были словно купол.

Подальше, на поляне, шевельнулась у ствола большая тень.

Уок взял ее на прицел.

Замер, широко расставив ноги, сцепив пальцы на пистолетной рукояти.

И выстрелил.

Тень осела на землю.

Медленно, осторожно Уок пошел прямо на нее.

К тому времени, как он приблизился, Дарк успел устроиться, прислонившись спиной к дереву. Пистолет валялся поодаль, в паре футов. Уок наклонился и поднял его.

Дарк дышал с трудом. Он был ранен в плечо. Больно, спору нет, но рана не смертельная.

Уок прислушался. Тишина. Впрочем, соседи Ноублов не замедлят вызвать полицию.

Сам он в этот момент не ощущал ни ломоты в костях, ни судорог. Болезнь отступила, дав сосредоточиться на насущной задаче. Работа, которую Уок выбрал много лет назад; место в жизни, которое он себе определил. Ни от первого, ни от второго он пока не готов отказаться.

— Я думал, у тебя кишка тонка.

— Покончим с нашим делом, Дарк?

— Покончим, инспектор Уокер. — Полное спокойствие в голосе, ноль эмоций — будто неизбежность финала Дарку нипочем.

— Ты все это время в норе сидел, как мышь.

— Раны зализывал. Я кое-кому должен — ребятам, которые ни под каким видом не отвяжутся. Вот ты, Уок, представляешь, каково это — быть подстреленным? А я — дважды подстреленный.

— У меня к тебе вопросы.

Дарк не зажал рану ладонью, и кровь легко и свободно бежала с плеча на предплечье и кисть, капала с кончиков пальцев.

— Милтон найден. Его тело запуталось в сети рыболовецкого траулера.

Дарк быстро взглянул исподлобья.

— У Милтона был на тебя компромат, а, Дарк? Какой именно?

Дарк смутился. Впрочем, Уоку, похоже, удалось его пронять.

— Милтон увлекался фотографией.

Уок кивнул — не Дарку, а себе самому.

— Дружить хотел, чтобы было с кем вместе охотиться, — продолжал Дарк. — Вот я с ним и поехал. Каждый из нас ищет себе ангела^[51], верно, инспектор Уокер?.. То-то и оно, что верно.

Уоку представилась Марта.

Дарк стиснул пальцы в кулак. Кровь побежала быстрее.

— Я так понимаю, мы добрались до главы под названием «Исповедь Ричарда Дарка»?

Вдали послышался вой полицейских сирен.

— Мне известно про Маделину.

В горле раненого поршнем дернулся кадык — первое проявление эмоций, которое Дарк себе позволил.

— Ей исполнилось четырнадцать.

— Столько же, сколько Дачесс Рэдли.

— Я не хотел причинять ей вред. Все способы испробовал.

— Как насчет Хэла?

— Старик мне и слова сказать не дал, сразу выстрелил.

— Ты — убийца.

— Как и твой лучший друг.

Головокружение вернулось, вынудило Уока отступить на шаг.

— Винсент...

— Трагедии имеют свойство делать из грешников святых. Мне ли не знать. — Дарк хватал воздух ртом — боль действительно была жестокой. — Пацан в доме. Я его не тронул.

— Да, я видел.

— Все дело в моей наружности. Люди на меня глядят и думают: чистый зверь. Ничего, мне такие мысли только на руку.

— Ты убил Стар Рэдди.

— Вы до сих пор в это верите, инспектор Уокер? Я лишь попросил ее об одолжении — поговорить с Винсентом, убедить его, чтобы согласился на продажу дома. Стоило мне назвать его имя, как Стар будто с цепи сорвалась. С кулачками своими на меня кинулась. Малахольная она была все-таки...

— Ты принудил Винсента к сделке, условий которой выполнить не мог. Денег так и не достал.

— Я — человек слова. Хоть Винсента спроси.

— Говоришь, будто знаешь его.

— А может, и знаю. Может, Стар мне рассказывала. Со спиртным переберет или с дурью — эти грешки за ней водились — и давай изливаться. Исповеди — они не только в церкви происходят.

— Ты к чему клонишь?

— Винсент... он не тот, кем ты привык его считать.

Уок смотрел Дарку в глаза, доискивался правды и боялся, что обнаружит ее.

Дарк дышал все отрывистее.

— Моя жизнь застрахована. Денег хватит на лечение Маделины.

— Деньги! С самого начала все в них упиралось.

— Если смерть стала результатом суицида, ни цента не выплатят.

Я уже выяснял.

— А если суицид был совершен руками полицейского?

— Тут все зависит от того, как ты подашь дело.

— А дочь, значит, и без отца обойдется?

Дарк закрыл глаза и снова открыл — навстречу боли, физической и душевной.

— Любому ребенку лучше хотя бы с одним родителем. Но моя дочь — особый случай. Ей уход нужнее, чем я. И это единственное, что я могу для нее сделать.

— Она безнадежна.

— Врачи так не считают. Говорят, она может поправиться. Чудеса каждый день случаются.

Уок не знал, действительно ли Дарк в это верит, но было ясно, что данная мантра удерживает его на плаву.

— Пристрели меня.

Уок медленно качнул головой.

— Вложи мне в руку пистолет — и стреляй.

Уок сделал шаг назад.

Кровь все текла и текла. Слишком выносливый организм у Дарка; слишком большое, слишком сильное тело.

— Стреляй, черт возьми. Прошу тебя. Чего ты тянешь? Я убил старика, я явился за девчонкой. Выстрели. Пожалуйста.

Позади раздался шум — расстояние было еще немалое, но сокращалось с каждой секундой.

— Я не могу.

— Вспомни о милосердии. Твой Бог верит в милосердие, так ведь?

Уок потрянул головой. Все перепуталось в его разуме: как будет правильно? И как — справедливо? Две девочки, Маделина и Дачесс: одну он в глаза не видел, другую отлично знает.

Уок шагнул к Дарку.

— Дай шанс моей дочери. Ты сможешь. Тебе достанет мужества.

Он сделал еще шаг.

— Тебя посадят.

— Однажды я выйду из тюрьмы. И тогда снова займусь Дачесс. Это уже будет месть в чистом виде. Я просто застрелю ее.

Сцена предстала Уоку словно наяву.

— Твою мать, Уокер! Будешь тянуть резину — меня схватят копы, и тогда моя девочка умрет. У меня ни денег, ни недвижимости. Один клуб только и был, а теперь и его нет. Мне нечем платить за то, чтобы мою дочь не отключили от аппарата.

Пистолет стал таким тяжелым, что Уок еле удерживал его.

— Отпечатки с рукояти сотри, — напомнил Дарк. Прислонил голову к древесному стволу. Глаза наполнились слезами. — У меня в кармане ключ от ангара. Сам ангар недалеко от Кейп-Хейвена, в Уэст-Гейле. Там кое-что хранится... вещи кое-какие. Хочу, чтобы они достались Маделине. Это важно для нее.

Уок продолжал стоять будто в ступоре.

— Время на исходе. Сделайте это, инспектор. Дайте шанс моей девочке.

Уок отер пистолет Дарка и вложил ему в ладонь.

Вскидывая дуло к небесам, Дарк подмигнул. И спустил курок.

Эхо еще звенело в ушах, когда Уок нацеливал собственное оружие.

Дарк кивнул — дескать, давай, жду.

Уок выстрелил.

Перед глазами Дачесс плыли одинокие горы и автостанции — лица городов. Небо по временам было столь синее, что Дачесс казалось: она уже в Кейп-Хейвене, перед ней уже лежит океанская даль.

Ее место в автобусе было в самом хвосте, и она позвоночником чувствовала каждую колдобину. Шоссе рассекло землю надвое; когда-то дедушка Дачесс сделал решающий шаг, оставив счастье по ту сторону шрама.

Автобус останавливался; одни пассажиры выходили, садились другие — старики с отрешенными лицами, молодые ребята с рюкзаками, картами местности и планами путешествия, парочки с преувеличенными чувствами напоказ — от этих Дачесс отворачивалась. Чернокожий водитель улыбался ей, когда все пассажиры спали, ибо лишь им двоим было дано увидеть, сколь чётко силуэт автостопщика, вычерченный рассветным солнцем Колорадо.

Обычная сцена: забарахливший автомобиль с поднятым капотом, мужской зад и часть спины — и женщина, которой, судя по взгляду, все слабее верится, что нет худа без добра. Закусочные и полицейские фургоны, «Линкольны» и расстояния от точки А до точки Б — какое ни возьми, будет слишком велико, чтобы тронуться в путь.

В Карога-Плейн вошел человек с гитарой, спросил немногочисленных пассажиров, не возражает ли кто из них против песни. Все покачали головами, и он спел о золотых снах^[52]. Голос у него был хриплый, но нечто в тембре словно сорвало крышу с видавшего виды автобуса, и в салон посыпались звезды.

Лишь однажды ночью, когда луна опрокинулась над Артайя-Кэньон, когда водитель сбавил скорость и приглушил свет, Дачесс позволила себе мысли о Робине. Они вызвали боль — не тягучую, как сироп, любовную тоску, о которой Дачесс прочла в глянцево-журнале, забытом на сиденье, а жестокие рези, словно кто душу кромсает по живому. Дачесс скорчилась, ей не хватало воздуха. Она нашарила в сумке бутылку с водой, прильнула к горлышку, сделала несколько судорожных глотков. Как раз в это мгновение водитель взглянул на нее. В глазах мелькнула жалость. Впустую расходует,

подумалось Дачесс. У нее не наладится, это же ясно; ни у нее, ни вокруг нее не наладится никогда.

Вылезать пришлось в Доцero. Городская окраина, складчатые горы, вулкан, зеленые кроны деревьев, между ними просека — полоса нереально, неестественно красной земли. Дачесс даже наклонилась, потрогала ее.

Телефонная будка на обочине межштатной трассы номер 70; вдали шумит река, прокладывает себе путь со Скалистых гор, чтобы пересечь границу с Мексикой и устремиться в Калифорнийский залив. Посредством оператора произошло соединение Дачесс с миром, которому она больше не принадлежала. По удивительной случайности трубку сняла Клодетта. Все ее «вернись», «полиция» и «будет только хуже» Дачесс живо пресекла. Она держалась до Клодеттиной фразы «с ним всё в порядке». Потом Клодетта сказала: «Подожди, сейчас я его приведу».

Дачесс бросила трубку, едва услышав голос Робина. Осела на кирпичный пол телефонной будки. Дорога все тянется; Дачесс, слишком маленькая, чтобы быть одной, теперь еще и в невыносимой дали как от начала пути, так и от его конца. Небеса набухли скорой грозой, и от нее-то Дачесс точно не сбежать. Таинственным шепотом Робин сказал «привет» — а она ни единого словечка для него не нашла, не выдавила даже «прости» за то, что уже натворила и что еще натворит.

Последние два доллара она потратила на молоко и черствый бейгл.

Четыре часа просидела у дороги, наблюдая, как солнце описывает в небе дугу, как стрелка часов толкает утро к расплавленному сиянию полудня. Усталая продавщица в магазинчике при автозаправочной станции тайком читала журнал, низко клоня голову в толстых очках. На блузке у нее было пятно. Вручая Дачесс ключ от уборной, она скривила рот в усмешке, будто знала наперечет перекрестки, на которые Дачесс заносило, и вообще навиделась за свою жизнь таких вот девчонок.

В уборной воняло, каждая поверхность щеголяла граффити — от романтических «Здесь трахались Том и Бетти-Лорел» до прямолинейных — телефонный номер с пометкой «Приятный досуг». Дачесс сняла футболку и джинсы, намылилась жидким мылом,

обтерлась мокрыми бумажными полотенцами. Плескала ледяной водой в лицо, пока взгляд не прояснился.

Потом она стала наблюдать за дальнобойщиками — вычисляла, к кому из них попроситься в кабину. Полагалась на чутье, которое до сих пор ее только обманывало.

Через час выбор был сделан. Дачесс поедет с усатым здоровяком в клетчатой рубаше. Фура у него чисто вымытая, на капоте имя — «Энни-Бет» с сердечками-стикерами по обе стороны.

Дачесс приблизилась, и усач заулыбался, оглядывая ее влажные волосы, брендовую шляпу, тощую сумку, всю ее фигурку весом от силы в девяносто фунтов^[53].

— Тебе куда надо?

— Ну а если в Вегас?

— Так в Вегас или если?

— В Вегас.

— Ты из дому сбежала?

— Нет.

— Еще вляпаюсь с тобой...

— Я не сбежала. Мне восемнадцать лет.

Усач расхохотался.

— Нам по пути только до Фишлейка^[54].

— А где это?

— В Юте.

— Поехали.

Обзор из кабины был отличный, даже возникло ощущение, что они с усачом — главные на этой трассе. В салоне стоял терпкий запах кожи. Усача звали Малколм — словно его родители рассчитывали, что выше метра семидесяти он не вырастет, в айтишники пойдет^[55]. На приборной панели стоял кактус в горшочке — Дачесс сочла его добрым знаком. Имелось также фото — женщина средних лет с девочкой чуть старше Дачесс.

— Это и есть Энни-Бет?

— Ага. Дочка моя.

— Хорошенькая.

— А то ж. Фотка старая, сейчас Энни-Бет уже девятнадцать. Политологию в университете изучает. — Каждое слово Малколм произносил с гордым нажимом. — По вечерам ей звоню — как дела, и

все такое. Она у меня серьезная. А умная! Мы головы ломаем — в кого уродилась? Господь наградил такой дочкой.

— А это с ней ваша жена?

— Бывшая жена. Я пил сильно. — Малколм указал на значок на приборной панели. — Уже полтора года в рот не беру.

— Может, она вас примет обратно.

— Наверяд ли. Если и да, то не скоро. Кактус видишь? Сказано было: полгода проживет у меня — тогда она подумает... Что потерял — потом попробуй верни...

Дачесс покосилась на кактус. Гибель наступила не вчера и не позавчера. Неужели не понятно, что он безнадежен? И ведь это суккулент, его погубить не так-то просто.

Малколм пытался ее расспрашивать, ничего не добился и отстал. Опустил солнцезащитный козырек, чтобы охладить слепящее марево, и дальше знай наматывал мили.

Дачесс ненадолго заснула, а проснулась так резко, что Малколм поспешил заверить ее — всё, мол, в порядке. Охристо-оранжевая пустошь упиралась в красные скалы, закат полыхал над трассой — бесконечной, прямой, как стрела, наводящей на мысль о продолжении сна.

Зарулив на стоянку, Малколм высадил Дачесс. Она поблагодарила, он пожелал ей всего наилучшего и не преминул посоветовать:

— Возвращалась бы ты домой.

— Я и возвращаюсь.

* * *

Городишко, где нет даже указателя с названием; окраина, серебристое вечернее небо — и девочка, у которой сил хватает лишь на то, чтобы передвигать ноги. По обеим сторонам шоссе высокие дома, причем на каждом следующем краска более блеклая, чем на предыдущем. Тощие деревца в желтых кадках, магазины, что не сегодня завтра закроются, бар, который как раз начал мигать неоновой вывеской. И звуки из этого бара недвусмысленно намекают, что ходить туда не следует. Дачесс застыла у двери — плечо до волдырей натерто ремнем сумки, перед усталыми глазами все нечетко — постройки

лишены углов, круги уличных фонарей будто пальцем размазаны. Ступени крыльца пляшут, никак не взять их в фокус. Дыхание прерывистое, голова отказывается думать о следующем шаге, руки занемели, воспоминания о Робине кратки, как молнии, и болезненны, как спазмы, и вся Дачесс — воплощенная ненависть к человеку, который украл ее прежнюю жизнь лишь для того, чтобы швырнуть на ветер, как пригоршню мелкого сора.

Дачесс отмела сомнения, налегла на дверь и шагнула в зал, освещенный красными лампами. Посетители — преимущественно мужчины — расступились перед ней.

Лишь заказав старику-бармену кока-колу, Дачесс поняла, что денег не хватит. Стала рыться в карманах, выуживать мелочь. Бармен все понял и подвинул к ней стакан. Дачесс уже и забыла, что на свете существует доброта — а вот она, в чистом виде.

Дачесс отыскала столик в уголке, бросила на пол сумку, села на низкий табурет и даже глаза прикрыла — так освежающе-сладка была кола. Противоположный угол занимал человек с гитарой, вызывал завсегдатаев. Они выходили по очереди, пели; он аккомпанировал и подпевал. Основная масса тарасилась, периодически взрываясь хохотом. Исполнители, все как один, фальшивили, но Дачесс, изголодавшаяся по музыке, не сводила с них взгляд.

На миг она опустила веки, отерла лицо от пота и дорожной пыли — и увидела, как мама поднимает маленького Робина к звездному небу — словно он не очередная ошибка, а дар Господень.

И вдруг, неожиданно для себя, Дачесс вскочила и направилась к человеку с гитарой. Снова перед ней расступались. Немногочисленные женщины глядели на нее как на ребенка, глаза мужчин загорелись любопытством.

Дачесс миновала бильярдный стол. В воздухе висел запах дыма и пива, смешанный с выдохами усталых мужчин, что стояли, положив руки друг другу на плечи, покачиваясь в такт музыке.

Когда гитара стихла, Дачесс приблизилась к музыканту. Он приподнял шляпу, она повторила его жест.

— Спеть хочешь, девочка?

Дачесс кивнула.

— Валяй.

Она уселась и стала смотреть в импровизированный зрительный зал. На каждом лице ее взгляд задерживался, порой получая в ответ улыбку, а порой и нет.

Затем она подалась к гитаристу и зашептала ему на ухо — потому что не помнила названия песни, а знала только слова. Гитарист отреагировал улыбкой: мол, недурной выбор, детка.

Он заиграл, но Дачесс молчала. Гитариста не смущало, что она сидит с закрытыми глазами, что не вступила вовремя. Зрители загудели, но Дачесс отрешилась от их неодобрения — мелодия уже унесла ее на год назад, в ту пору, когда в ее жизни была мама. И пусть Дачесс довольствовалась полуэфемерными прикосновениями — по крайней мере, она знала, куда за ними руку протягивать. Дачесс увидела брата, а потом и дедушку, который искупал вину любовью к ним с Робинотом, и чуть не задохнулась от тоски.

Тогда-то она и запела.

Уверила слушателей: на нее можно положиться в тяжелые времена^[56].

Посторонние шумы стихли. Бильярдисты отвлеклись от игры, подались к хрупкой девочке — ибо сами небеса, видя ее обнаженную, обугленную душу, разверзлись из сострадания; ибо гитарист, замороженный ее голосом, едва удерживал ритм.

Дачесс не видела никого и ничего. Мыслями она была уже на улице — вместе с темнотой, как всегда, нахлынула боль.

О нет, никаких иллюзий насчет очищения кровью этого человека. И все-таки кровь будет — Дачесс пустит ее, потому что иначе нельзя.

Песня кончилась. Никто не смел шевельнуться. Дачесс сидела в полной тишине. Через некоторое время из-за стойки вышел бармен, протянул ей конверт, туго набитый купюрами. Дачесс не поняла, нахмурилась. Тогда бармен указал на вывеску: «Спой и выиграй: ежемесячный конкурс, приз 100 долларов».

Дачесс не стала дожидаться аплодисментов — в конце концов, их слышно и с безлюдной ночной улицы. Схватила сумку, бросилась вон из бара — на автостанцию.

Она уже ступила на путь к гибели.

Ибо это и значит — перекрыть целую нелепую жизнь.

Всю ночь и весь день Уок пытался справиться с потрясением.

У полицейских графства Айвер к нему было изрядно вопросов. Уок отвечал скупо. Местные копы так и не дознались от него, почему, собственно, Дарк вломился к Ноублам. Уок сказал, что устал, что болен, что в ближайшие дни напишет подробный рапорт. Конечно, о Дачесс и пленке в этом рапорте не будет ни слова. Уок придумает, как подать ситуацию.

Он арендовал автомобиль и поехал на поиски места для отдыха — сгодится любая нора, лишь бы была минимум в пятидесяти милях от цивилизации.

Лежа на кровати в зачуханном номере мотеля, Уок думал о Дачесс — где-то она ночует? Его била дрожь. Он ничего не предпринимал — пускай бьет. Уок похудел, брюки висели мешком; уже три новые дырки в ремне проколол. Зеркало являло оскал вместо прежней улыбки. Вот говорят, он, Уок не меняется; что ж, на том ему и стоять.

В тумбочке нашлись Библия, карандаш и бумага, и Уок написал рапорт об отставке. Да, он отказывается от полицейского значка. Оставались вопросы; возможно, ответов на них не найти. Но Уок поиски не бросит. Ради девочки. Ради мальчика.

Он позвонил Марте. Та не взяла трубку, и Уок наговорил на автоответчик целую сумбурную речь: мол, с ним всё в порядке, хотя Марта, конечно, в это и не поверит; он наберет ее номер снова, вот только поспит малость. И он просит прощения, хотя грехи его неискупимы.

Сотовый затрезвонил в девять часов.

Уок ожидал услышать голос Марты, но это оказалась Тэна Легрос. Звонила из лаборатории. Обращаясь к ней во второй раз, Уок не давил, только попросил о конфиденциальности.

— Я у тебя в долгу, и свою часть работы я сделала. За последний месяц несколько сообщений тебе оставила.

— Извини. Я... я был...

— Короче, я начала с револьвера.

— Погоди, а кровь? Которая в доме Дарка? Она принадлежит Милтону?

— Нет. Она вообще не человеческая.

Уок запустил пальцы в волосы. Представил Милтона: вот он охотится с Дарком, вот возвращается домой...

— А чья? Оленья?

— Очень может быть.

— Понял.

— Уок, ты в порядке?

— Так что с револьвером?

— Удалось снять отпечатки пальцев.

— Они принадлежат Винсенту Кингу?

Уок перестал дышать. Комната поплыла перед глазами, завертелась, набирая темп. Сейчас всё решится: или — или.

— Точно нет.

Пульсу, чтобы ускориться, тоже нужны силы; а Уок слишком устал. Ответ Тэны был им просто проглочен.

— Отпечатки очень маленькие.

— В смысле, женские?

— Нет. Детские. Причем ребенок — совсем малыш.

Уок опустил веки. Рука с мобильником обмякла — ибо пазл наконец-то сложился. Стало больно, как от удара под дых. Уок еле удерживался в вертикальном положении.

Он поблагодарил Тэну и набрал Винсентов номер.

Винсент ответил после второго гудка. Тоже, значит, не спал. Что ж, одним полуночником больше.

— Я все знаю, — сказал Уок. Расслышал, как у Винсента перехватило дыхание.

— Что именно? — Тот говорил тихо, без вызова. Понял, что закираться бесполезно.

— Это Робин. — Имя давно висело в воздухе, но только в связи с событиями минувшего года. Уок шагнул к окну. На парковке ни единой машины, в небе ни единой звезды. — Я нашел револьвер.

Последовало продолжительное молчание. Их с Винсентом, как и раньше, как и всегда, было только двое, и они стояли друг за друга горой.

— Может, расскажешь?

— Я забрал две жизни, Уок. Одна — это ладно, это ничего...

— Ты о Бакстере Логане? Он получил по заслугам, верно?

— Думаешь, родным Энни Клейверс от этого легче? Может, и так. Монстр, который сгубил эту девушку, наказан. Я сам его наказал. Со смертью Логана я жить в состоянии. И живу. Другое дело — Сисси. Каждый мой вдох украден у нее.

— Так что случилось?

— Ты ведь и сам знаешь.

Уок сглотнул.

— Мальчик застрелил собственную мать.

Винсент выдохнул.

— Но целился он, конечно, не в нее, — тихо и печально добавил Уок.

— Он целился в Дарка.

— Девочка сожгла его клуб. Страховая компания отказывалась платить. А тебя как в дом Рэдли занесло?

— Увидел, что он к ним катит, — и бегом напрямки. Дарк сказал, ему надо было обыскать дом. Он начал дергать дверь в детскую. Стар взбеленилась. Мальчик вылез через окно — ну она ведь кричала, вот он и бросился на помощь.

— Храбрый, совсем как старшая сестра...

— Стар догадалась — в шкаф его затолкала. Чтоб под ногами не мешался. А в шкафу револьвер. Робин его и нашарил. Наверное, думал, что мать избивают. Дверцу настезь, прицелился, зажмурился и курок спустил. Знаешь, когда я примчался, он так с зажмуренными глазенками и стоял.

— Ну а Дарк?

— Он убил бы Робина, точно убил бы. На Дарка брызнула кровь Стар. Робин — единственный свидетель. Вне зависимости от его показаний, Дарк был на месте преступления. Тут не отвертеться.

Закапал дождик. Уок прижался лбом к оконному стеклу. Вот она, доля вины Дарка; и вот как он, Уок, эту долю использовал, до каких масштабов раздул ее. Может, Дарк и хотел убить мальчика; а впрочем, едва ли. Просто обстоятельства сложились удачно для адвокатской защиты, вот и всё.

— Ну и как ты разруливал — в смысле, с Дарком?

— Сказал, что возьму вину на себя. Я, мол, один был, больше копам и допрашивать некого. Имя Дарка вообще не всплывет.

— И он тебе поверил?

— Нет. Дом, Уок; Дарку нужен был мой дом. Ну я и сдался. Покупай, говорю, только мальчика оставь в покое.

— Почему ты просто не сказал: я виновен?

— Тогда бы мне пожизненное впаяли. А стал бы отпираться — «вышку» дали бы. Дело мое было безнадежное. Открой только я рот — на вопросы пришлось бы отвечать. О револьвере, например.

— Который ты спрятал.

— Револьвер забрал Дарк. Подстраховался на случай, если я передумаю.

— Ты помог Робину забраться через окно в спальню. Смыл кровь с рук. Твою мать, Винсент!

— Ну да, тридцать лет за решеткой — неплохая школа.

— Следы, значит, замел и давай в молчанку играть?

— А что мне оставалось, при твоих-то вопросах? Чем больше я запирался, тем очевиднее казалась моя вина. Стоило только мне заговорить, и ты поймал бы меня на лжи. Где орудие убийства? Куда делось?.. То-то. Короче, я решил: пускай введут мне смертельную дозу. Пускай сделают то, что должны были сделать еще тридцать лет назад.

— Тогда не убийство было, а несчастный случай.

— Э, нет, Уок! Я убил Сисси; ты просто трусишь взглянуть на дело именно под этим углом. Теперь я готов. Хочу уйти. С самого начала хотел, только прежде надо было наказание до капельки выпить. Мне и Хэл в письмах писал: хорошо, дескать, что срок тебе дали, вот посиди-ка за решеткой, помучайся, а то смерть для такого, как ты — слишком легкий выход.

— У Дарка денег не было, чтобы купить твой дом, — сказал Уок. — Ему даже на первоначальный взнос не хватило бы. Не говоря о налогах. После того, что сделала Дачесс.

— Я этого не знал. Мне потом Дарк сам написал.

— Я читал письмо.

— Понятно.

— Ты, наверное, здорово разозлился.

— Еще бы. Особенно в первый момент. Не из-за себя. Из-за денег. Мне они были позарез нужны.

— Дарк вернул револьвер, потому что не смог выполнить свою часть сделки. Вот это называется — человек слова.

Опять затяжное молчание.

— Люди — сложные существа, Уок. Воображаешь, будто раскусил того или этого, — а он вдруг возьмет да и выкинет что-нибудь. Вот и Дарк — предоставил мне шанс выпутаться, если надумаю.

— Бывает, желания исполняются... Я про дерево желаний. — Уок предназначал эту фразу себе самому, и даже усталая улыбка возникла на его лице, чтобы через мгновение исчезнуть.

«С кем я говорю сейчас? — думал Уок. — Безнадежно ли раздавлен судьбой мой друг? Осталось ли в нем хоть что-то от прежнего Винсента?»

— Ты сделал ставку на то, что у мальчика отшибло память?

— Ну да. Я ж его видел. Он будто отгородился от мира. Вряд ли он вообще знает. Тем более что я-то ему сказал, что это моих рук дело. Потому что зародись у Робина хоть слабое сомнение — всё, пиши пропало. А теперь пусть-ка кто-нибудь попробует, разуверит его... Черт возьми, почему Робин должен с этим жить? А Стар я откачивал, как умел. На грудную клетку давил со всей силы...

Со всей силы. Так вот почему ребра у Стар сломаны. В следующее мгновение Уок подумал о Дарке и Маделине, о безжалостной руке судьбы.

— Ты лгал ради меня, Уок. Да не где-нибудь, а в зале суда, с полицейским значком на груди. И ты будешь утверждать, что знаешь себя?

— Нет, уже не буду.

— Того, кто спастись не желает, спасти невозможно.

И снова — молчание.

— Ну а как обстоят дела с Мартой?

Уок невольно улыбнулся.

— Вот, значит, почему ты требовал в адвокаты именно ее!

— Из той ночи, Уок, вытекает миллион трагедий. И большинство из них я повернуть вспять не могу.

Уок подумал о Робине Рэдли.

— Раньше я хотел отмотать время обратно, сделать все иначе. А сейчас просто сил нет. Устал как собака. Наверное, ты правильно поступил.

— Я в долгу перед семьей Рэдли. Может, Робин не вспомнит... Он ведь еще малыш. Я бы с радостью умер, лишь бы только вернуть ему

прежнюю жизнь. Есть шанс, что события той ночи останутся для него затянутыми мраком.

— Ты поставил на кон собственную жизнь — и чуть не проиграл.

— Я просто не мог допустить, чтобы Робин превратился в меня.

Уок доматывал последние мили. Знал, что больше этой дорогой никогда не проедет. Всю жизнь он страшился перемен. Он убил человека. И правильно разве, что вокруг него всё по-прежнему? Когда из-за поворота явился, в дивном блеске, Калифорнийский залив, Уок глаз поднять не дерзнул на лазурную воду, удерживая взгляд на изломах скал.

Уэст-Гейл, упомянутый Дарком, оказался в двадцати милях от Кейп-Хейвена. Несколько старых краснокирпичных ангаров, общего офиса нет, только телефон указан — звоните, кому помощь нужна.

Уок подъехал, заглушил двигатель, нащупал в кармане ключ, сверился с номером на брелоке, отыскал соответствующую постройку, небольшую по сравнению с остальными. Открыл дверь и вошел. Было темно, он щелкнул выключателем, и помещение расплосовали лучи тускло-желтого света.

Под стеной стояли пластиковые контейнеры. Уок не суетился, разбирая вещественные доказательства того факта, что у Дарка была и другая жизнь — счастливая. Вот свадебный альбом; на фото запечатлен молодой Дарк — очень высокий, но еще не заматеревший; вот его красавица-жена. Множество изображений Маделины, светлоглазой шатенки с неизменной открытой улыбкой. Вылитая мать, отметил Уок. Нашел крестильную сорочку и свадебное платье, не иначе еще бабушкино; реликвии, которые передают из поколения в поколение.

Уок сохранит их, будет платить за аренду ангара, сообщит в больницу, где конкретно расположен ангар, — на случай, если чудо все же случится.

Он хотел уходить, даже поднялся, даже протянул руку к выключателю, когда заметил в дальнем углу нагромождение коробок и объемистых мешков для мусора. Оказалось, просто всякий хлам, макулатура. Но вот стопка рекламных проспектов из тех, что суют в почтовые ящики. И все — на имя Ди Лейн.

Пришлось напрямч память, проследить события в обратном порядке, прокрутить на целый год назад. Ну конечно. Выселяя Ди Лейн из дому, Дарк пообещал, что сохранит ее вещи, пока она не

подыщет новое жилье. Это было еще до того, как Ди Лейн согласилась на сделку с совестью.

В сердцах Уок шлепнул бумажки обратно, выругался, когда они, кое-как подогнанные, соскользнули, разлетелись по полу. Он нагнулся, чтобы собрать их — и выцепил взглядом нечто маленькое, вырванное из контекста.

Перед Уоком была кассета с видеозаписью.

Он поехал в Кейп-Хейвен, теперь сильно выпиравший из прежних своих границ. Вот, извольте радоваться, новый признак дальнейшего разрастания — железо, строительные леса, вывеска: здесь появятся многоэтажки. Мысли были заняты находкой, и новость скользнула по краю сознания, не вызвав особых эмоций. Очередная перемена в непостоянном мире, только и всего.

Вот и полицейский участок — пустой, судя по темным окнам. Не зажигая свет, Уок стал просматривать видеозапись. Нахмурился, увидев вывеску «Восьмерка»; клуб Дарка. Заметил дату в уголочке, сообразил, что именно его сейчас ждет. Организм отреагировал учащением пульса.

Одна запись — один день; Уок прокручивал ее в ускоренном режиме, пока на экране не мелькнула Стар. Теперь она — призрак, это так; но почему-то скольжение Стар по залу, ее флирт, улыбки и даже получаемые ею чаевые тоже казались Уоку призрачными. Он опять ускорил темп и только с того момента, когда началась драка, стал смотреть внимательно. В зале куча-мала, Стар падает, хватается за подбитый глаз, ругается, судя по мимике. Хочет и не может подняться, словно спиртное наконец возымело эффект.

Кто ударил Стар, Уоку было не видно.

Но вот обидчик шагнул вперед, и камера выхватила его.

Знакомая хромота и болезненные усилия скрыть ее.

Брендон Рок.

Снова ускоренный режим прокрутки — и вот она. Обознаться невозможно. Миниатюрная, белокурая. Хорошенькое личико искажено ненавистью. На глазах Уока Дачесс устроила пожар, которому суждено было пылать целый год.

Досмотрев до конца, он поднялся. Снял полицейский значок, положил на стол. Вынул кассету, шагнул в ночную свежесть. Прошел по Мейн-стрит, размотал пленку и выбросил в мусорный бак.

Кинговский дом был пуст.

Дачесс стояла перед парадной дверью, возле выдавшего виды «Тауруса». Она его угнала. Стянула ключи в Камарилью, в баре, у одной женщины, слишком увлеченной игровыми автоматами. Дачесс оставит автомобиль здесь, на улице. Вместе с ключами. А для раскаяния она слишком утомлена.

Обошла дом, постучала. Закралось и задержалось в сердце сомнение — а не тонка ли у нее кишка? Прodelала такой путь — ну и что? Не сдрейфит ли теперь, в решающий момент?

Вырулив на Мейн-стрит, она все шарила глазами, все выискивала перемены. Не критичные, а мелкие. Не могло ведь так быть, чтобы без Дачесс и маленькой ее семьи Кейп-Хейвен остался прежним? Но видела она только сонные улицы, совершенно такие же, как раньше. Ни единый дворик не зарос травой, кругом полный порядок, курортный лоск — словно кровь ее матери тщательно закрасили, словно и не жила на свете никакая Стар Рэдли.

Дачесс прошла к задней двери, подобрала камень. Звон разбиваемого стекла был поглощен прибоем.

Теперь — из комнаты в комнату, ощупывая пространство пистолетным дулом. На стене фото: Винсент и Уок, оба спиной к океану. Безмятежно улыбаются; сама Дачесс в жизни так не улыбалась.

Теперь вверх, в спальни, и пускай дорогу освещает одна только луна. Вот платяной шкаф, в нем Винсентова одежда — всего-то три рубахи, джинсы да грубые ботинки. Как становятся убийцами? Вдруг есть ген убийства — выскакивает через многие поколения, отец с матерью совершенно ни при чем, а виноват далекий предок? Или будущий убийца формируется постепенно, из сотен мелких обид, и близким вполне реально слышать многочисленные «звоночки»? Может, Винсент Кинг родился хорошим; да только кровь ребенка так вот запросто с рук не смоешь... Вдобавок тридцать лет провести среди законченных мерзавцев и остаться прежним — такое, наверное, все силы отнимает. И мало кому дано.

Кровати в спальне не было, на полу валялся матрас. Ни стола, ни стульев, ни картин, ни телевизора, ни книг.

Только фотография, скотчем приклеенная к стене.

Дыхание перехватило, потому что Дачесс как бы увидела себя маленькой. Белокурая, голубоглазая девочка. Сисси Рэдли.

Дачесс вышла из дому. Тропа круто забирала вверх, и примерно через милю городские огни остались позади и внизу. На полпути она остановилась. Ныл каждый мускул, каждый вдох причинял боль, словно телу было не по нраву, что Дачесс до сих пор среди живых.

С последнего холма она увидела огоньки. Поздняя служба. Однажды Дачесс на такой службе присутствовала, сидела с полудюжиной прихожан — исключительно потому, что не смогла уснуть дома.

Литтл-Брук, епископальная церковь.

Забор из штaketника, дорожка, крыльцо, божественная музыка. Долой сумку с натертого плеча; прислониться к деревянной двери, ведь длинный день почти кончился. И некуда больше идти, кроме как на край кладбища, на участок, выделенный для невиннейших. Здесь покоится мама. По просьбе Дачесс, ее похоронили возле Сисси.

Вдруг Дачесс замерла, застыла.

Дивные небеса — и на их фоне, черным силуэтом, высокая мужская фигура. За ней — обрыв, край земли, голые скалы и бесконечный океан.

* * *

Уок припарковался на Айви-Ранч-роуд, прошел к двери по подъездной дорожке, постучал.

Вид у Брендона был аховый. Он молча отступил, впуская Уока. В доме воняло черт знает чем, всюду валялись картонки из-под снеди и пивные банки, на каждой поверхности лохматилась пылица. Уок заметил стопку видеодисков — уроки фитнеса; курс называется «Стальной пресс», на обложке фото — Брендон со втянутым животом.

Брендон, осовелый, мутноглазый, присел к кухонной стойке. Стар столько раз его отшивала — вот он и не стерпел, пустил в ход кулаки; не иначе, так и было.

— Мне известно, что ты сделал, — заговорил Уок.

Этой фразы оказалось достаточно.

Брендона прорвало. Он разрыдался и не мог остановиться, плечи так и тряслись в судороге. Уок, крайне сконфуженный, не знал, что и сказать.

— Я не хотел. Не думал, что так выйдет. Честное слово, Уок.

Последовал рассказ, прерываемый всхлипами. Уок слушал молча.

— Ты советовал мне пойти на мировую — я и пошел. Пригласил его на яхту. Типа, порыбачить, просто воздухом подышать. Самому надоела эта вражда. Ну вот, поплыли мы. И тут мне как в голову стукнуло: ведь он «Мустанг» мой поцарапал! Ведь некому больше! Я тогда хотел в полицию заявить, но Стар погибла, я и не стал, на фоне такой беды... А на яхте я просто дурачился. Думал, вытащу его, если что. Мы и от берега-то были совсем близко.

Уок выдохнул. Смущение прошло, осталась только печаль.

— То есть ты толкнул Милтона в воду.

Брендон снова заплакал, потом зашелся жестоким кашлем, будто выbleвывал воспоминания.

— Я замучился ждать его на причале. Проучить хотел. Пусть, думаю, до берега сам доплывет — будет знать. Это шутка, просто шутка. А он все не возвращается и не возвращается... Я тогда сам яхту повел на то место, только Милтона уже не было. Не было его, Уок.

Уок выслушал, затем позвонил Бойду. Сидел с Бренденом, пока за ним не приехали, и наставлял — что и как говорить в полиции. Сознаться надо. Во всем. Тогда и сон крепче будет.

Уводили Брендона под взглядом Уока. Брендон шел, повесив голову, один раз обернулся на дом Милтона. Наверное, кармические силы действовали, о которых Стар любила порассуждать. Но мысль эту Уок не додумал — позвонила Ди Лейн, сообщила, что кто-то вломился в дом Кинга.

Уок рванулся к калитке, уже на бегу спросил в телефон:

— Разглядеть успела?

— Да. Это девчонка-подросток.

До самой Сансет-роуд Уок не останавливался. Ему, сильно похудевшему, легко бежалось, и расстояние до кинговского дома он преодолел быстро. Весь в поту, вспрыгнул на крыльцо, забарабанил в дверь.

Сбоку блеснули осколки стекла.

Почувяв, что она замыслила, Уок ринулся по ее следам, даром что знал: все свершится без него, ему не успеть, не предотвратить трагедии. Выхватил взглядом фото на каминной полке; себя едва узнал, зато в глаза бросились ясные улыбки Винсента и Стар. Остановленное мгновение из тех времен, которые Уоку не вернуть, хоть тресни.

Обойдя первый этаж, он поднялся по лестнице. И, подобно Дачесс, застыл перед другой фотографией.

Винсент оставил позади тесную камеру, надзирателей, других заключенных, забор из металлической сетки. Но семилетняя девочка... она с ним навсегда.

* * *

Дачесс долго буравила его взглядом, прежде чем шагнуть к нему.

— А я тебя ждал, — сказал Винсент.

Она приблизилась еще на фут, медленно опустила сумку. Пистолет оказался тяжелее, чем ей помнилось, — Дачесс достала его с трудом, и огромных усилий стоило направить дуло вперед и немного вверх.

Винсент глядел на нее как на последнее дитя, последнюю благодать в искореженной своей жизни. Дачесс заметила на могилах свежие цветы. Винсент принес и возложил их — будто имел на это право.

Пистолет не испугал его. Напротив — плечи расслабленно опустились, Винсент выдохнул почти с облегчением, как бы говоря: вот теперь будет настоящий финал, а то сил уже нет на финалы подготовительные.

Он пятился — она наступала, и так до тех пор, пока ее ступни не вросли в землю, а взгляд не уперся в лунный диск. Смотреть ему в лицо она не могла.

Из церковных стен лилась музыка.

— Красивый гимн, — заговорил Винсент. — Очень мне нравится. Там... в «Фейрмонте»... часовня была... «Сиюминутен наслаждений плен...»

— «Вокруг меня — проклятье перемен»^[57], — продолжила Дачесс.

— Прости.

— Заткнись.

— Молчу.

— Не надо рассказывать, что произошло. Знать не желаю.

— Ладно.

— Говорят, это несправедливо.

— Справедливости вообще нет.

— Помнишь, ты дал мне револьвер? Ты сказал тогда, что он принадлежал твоему отцу.

— Помню.

— Я его почистила, как ты научил. Проявила уважение к оружию. А потом спрятала в шкафу, хотя ты сказал, что оно мне для самозащиты.

— Не надо было мне этого говорить...

— Так вот, сейчас я буду защищаться. Хэл сказал, что ты — раковая опухоль. К кому приблизишься — того убьешь. Хэл сказал, ты недостойн жить.

— Он прав.

— Уок солгал — перед судьей, перед присяжными. Перед всеми. А Стар говорила, он хороший, чуть ли не лучший.

— Прости, Дачесс.

— Пошел ты!

Резким движением она плотнее надвинула шляпу. Дышать стало трудно. Унимая дрожь в голосе и руке, Дачесс нащупала пальцем спусковой крючок.

— Я — Дачесс Дэй Рэдли, та, что вне закона. А ты, Винсент Кинг, — ты убийца.

— Не нужно этого делать. — Винсент мягко улыбнулся.

— Я сама знаю, что нужно, а что не нужно. Сейчас я свершу правосудие. Я отомщу. Справлюсь, можешь не сомневаться.

— Дачесс, у тебя вся жизнь впереди. Столько возможностей...

Она прицелилась.

Винсент улыбался сквозь слезы.

— Я сюда проститься пришел. И совесть твою не отягощу. Ты этот груз — меня — таскать за собой не будешь.

Дачесс не успела ни возразить, ни даже вдохнуть. Винсент сделал шаг назад. Руки его раскинулись, как для полета. И он действительно полетел.

Дачесс с воплем бросилась к обрыву, но там, внизу, была непроницаемая тьма.

Пистолет выскользнул из пальцев, и одновременно с ним на землю упала сама Дачесс. Рука, непроизвольно протянувшись над обрывом, впустую делала хватательные движения.

Остатки сил Дачесс использовала, чтобы отползти назад, к материнской могиле. Свернулась калачиком, прижалась щекой к каменному надгробию и закрыла глаза.

Часть IV. Разбивающий сердца

Блейр-Пик граничил с национальным лесом Элктон-Тринити и с Уайтфутом. В этом городе Уок мог бы хоть целый день провести — на многие мили безлюдье, деревья под самые облака; к Господней длани, что ли, тянутся?

Было время, он сюда регулярно ездил — по иссохшей равнине с плешивыми горами на горизонте, мимо пунктов, давно уже никем не населенных. За последние двадцать лет больше сотни таких рейсов сделал. Рядом, всегда молчаливая, считая мили на указателях, сидела Стар. Обрато он вез ее преображенную, да что там — счастливую. А всё Колтен Шин, психиатр, в данном случае практически экзорцист — ибо в своем кабинетике над магазином подержанных фортепиано этот человек умудрялся за сеанс изгнать всех бесов, что гнездились в душе Стар.

Сейчас Уок держал небольшую урну. Отпевание получилось какое-то скомканное.

В завещании Винсент Кинг был конкретен относительно того, как поступить с прахом — развеять; но не давал четких указаний, на каком конкретно участке национального леса это сделать. Элктон-Тринити растянут на шесть графств, занимает два миллиона акров. Подступы к городку Блейр-Пик казались Уоку местом не хуже прочих.

Он пересек шоссе и направился, топча опавшие листья, к сахарным соснам^[58]. Среди них и рассыпал прах Винсента. Обошелся без громких фраз, лишь позволил памяти задержаться на том моменте, с которого начался распад.

А потом двинулся по Юнион-стрит, дошагал до нужной двери. Сам магазин был закрыт, зимний день — сумрачен, но из окна второго этажа лился мягкий свет. Уок нажал на кнопку звонка, его впустили, он оказался в прихожей и стал подниматься по узкой лестнице. Он здесь был всего однажды, в самый первый раз — хотел убедиться, что Стар действительно записалась к психиатру.

— Я — инспектор... — Уок запнулся. — Извините. Меня зовут Уокер. Просто Уокер. Я служил в полиции Кейп-Хейвена, но это в прошлом.

Ни его имя, ни бывшая должность ни о чем не говорили доктору Шину. Уока это несколько не удивило. Достоинно стареет, отметил он; седая шевелюра; при росте без дюйма шесть футов — отличная осанка. Когда Уок назвал имя «Стар Рэдли», доктор Шин протянул руку.

— Давно это было... Через десять минут у меня пациент, но, пока он не пришел, я в вашем распоряжении.

Уок сел в мягкое кресло, улыбнулся, заметив на стенах принты с умиротворяющими сюжетами. Из большого окна открывался вид на Элктон-Тринити и белые горные вершины.

— Этак можно целый день смотреть.

— Чем я нередко и занимаюсь, — доктор Шин с улыбкой кивнул.

— Я хотел расспросить вас о Стар.

— Вам следовало бы знать, что я не разглашаю информацию о пациентах, поскольку связан...

— Да, конечно, — перебил Уок. — Извините. Я просто... просто оказался в вашем городе... проездом. Дай, думаю, загляну. Стар... она погибла.

Улыбка доктора Шина стала сочувственной.

— Я в курсе. Слежу за новостями. Ужасная трагедия. Но поймите: даже смерть пациентки не дает мне...

— Я и сам не знаю, зачем пришел.

— Вы потеряли близкого человека. Вы тоскуете — в этом причина.

— Я... да, я тоскую.

Лишь теперь Уоку открылось то, чего он не сознавал, занятый поиском зацепок и отбрасыванием версий, — а именно степень собственной тоски по Стар Рэдли. Многочисленные проблемы этой красивой женщины мешали разглядеть настоящую Стар — простодушную, славную, знакомую с детских лет.

— Скажите, доктор, почему она вдруг перестала вас посещать? Ей от ваших сеансов была явная польза. Столько лет подряд ездила — и так резко отказалась; в чем причина? Без вас у нее сразу дела пошли намного хуже.

— Люди возвращаются в исходную точку по сотне причин, и по сотне причин выбирают принципиально иной путь. Даже имей я право

на разглашение врачебной тайны, за давностью лет мне почти нечего было бы сообщить вам. С вашей подругой я виделся всего один раз.

Уок наморщил лоб.

— Я правильно понимаю — мы с вами говорим о Стар Рэдди?

— Да. И я вас вспомнил. Не каждого пациента привозит полицейский.

— Так ведь я привозил Стар ежемесячно!

— Видимо, не ко мне. Хотя я-то ее видел, притом часто. Горы — они притягивают взгляд; нет-нет, да и подойдешь полюбоваться...

Уок весь подался вперед.

— Где конкретно вы ее видели?

Шин встал, Уок прошел за ним к окну.

— Вон там, — указал доктор.

* * *

Обочина под хмурым небом; Уок в ожидании автобуса, единственного, чей маршрут идет через Блейр-Пик. На этой остановке каждый месяц, двенадцать лет подряд, сидела Стар, а Колтен Шин наблюдал за ней из своего панорамного окна.

Автобус пришел полупустой. Уок сел ближе к хвосту. Поехали — сначала вверх по крутому склону, затем резко вниз, дальше долиной, в густой тени рослых деревьев.

Лес остался позади, шоссе вынырнуло из него, и калифорнийская земля раскрылась, подобно книге. Уок встал с места, прошел к водителю — обзор через лобовое стекло был лучше.

Однако пункт назначения появился только за крутым поворотом. Уока словно промеж бровей ударило: так вот куда он приехал!

Автобус остановился, Уок сошел, огляделся. На многие мили вокруг — пустота, вспоротая лентой шоссе; перед ним — забор в двадцать футов высотой, с колючей проволокой поверху, за забором же — несколько приземистых построек. Исправительное учреждение графства Фейрмонт, вот это что.

Уок прождал целый час. Сидел, глядя на собственную руку, терзаемую тремором. В последнее время он не принимал таблетки, не до того было. Вмешалась жизнь — не собственная, а Винсентова. И

вот ему паршиво: боль периодически накатывает, страх вообще не отпускает. Будильник приходится ставить на час раньше обычного. Это время необходимо для схватки с болезнью — и от утра к утру одерживать верх Уоку все труднее. Будущее пугает; с другой стороны, если рассудить — когда оно не пугало?

Кадди вошел с полуулыбкой.

— Тебя и не узнать — без формы-то! Подожди, если не торопишься — я сейчас смену заканчиваю. Пройдемся вместе.

Не без труда поспевая за Кадди, подлаживаясь под его широкий шаг, Уок дошел до ворот. Ворота открылись, выпустили охранника и посетителя, снова закрылись. Извращенный порядок тюремной жизни, обязанность тех, кто здесь служит, удерживать дурное внутри, чтобы не вступало в контакт с хорошим, которому место за двадцатифутовым забором. Он, Уок, не смог бы — а Кадди как-то умудряется.

— Уж извини, что на отпевание не вырвался. — Кадди вздохнул. — Да и не люблю я таких церемоний, прощаний...

Они шагали вдоль забора. Среди равнины наблюдательные вышки казались Уоку силосными башнями.

— Получается, кое-что мне неизвестно, — произнес Уок.

Кадди задышал глубоко — словно ждал этой фразы. Они обходили тюрьму по периметру; зачем — Уок понятия не имел. Возможно, Кадди после десятичасовой смены нуждался в свежем воздухе.

— Стар здесь бывала, да?

— Да.

— Я ведь читал журналы посещений. Я проверил все, что смог. Нет там ее имени.

Шли мимо вышки, и Кадди вдруг поднял руку.

— Самое мое любимое время. По-научному — конец астрономических сумерек, то есть когда солнце на несколько градусов уже скрылось за горизонтом. Иногда я выпускаю заключенных из камер — нарочно, чтобы закат поглядели. Вообрази: пять сотен убийц, насильников, наркоторговцев стоят рядами и смотрят в небо. А чтобы беспорядки в этот час — никогда такого не бывает.

— Почему?

— Причиной — красота. Труднее делается отрицать высшие силы.

— А может, легче...

— Не рви себе сердце, Уок. А то произойдет настоящая трагедия.

— Давай-ка расскажи о Стар.

Кадди остановился на максимальном расстоянии от бараков, между двух вышек с охранниками, готовыми (как, впрочем, и присяжные) в один миг оборвать чью-то жизнь.

— Я к ней даже привязался. Неплохо узнал ее — за столько-то лет... Винсент Кинг был порядочный человек, такого в наших стенах и не встретишь. Менялся на моих глазах — думаешь, легко наблюдать, как перепуганный мальчишка сначала ерепенится, а потом свыкается?

— С чем?

— Со своим положением. Только «свыкнуться» — не значит «перестать страдать». Стар — она ему помогала. Он причинил ей боль, и он же был единственным, кто эту боль мог утишить. Короче, в жизни Винсента снова появился смысл.

Первые звезды отсюда, от тюремного забора, казались Уоку поистине райскими огнями.

— Винсент — он в ней нуждался, в Стар, чтобы чувствовать себя человеком, а не порядковым номером в оранжевой робе и кандалах. Она лет двадцать с лишним сюда ездила, и это было все равно как брак, как у нормальных людей. Порой они не сразу говорить начинали. Сидят и глядят друг на дружку, Стар вся изнутри полыхает, а у Винсента такой вид, будто она нарочно для него на землю послана.

— Ну а другие заключенные?

— О, эту парочку я в общую комнату для свиданий не водил. То есть поначалу — да, конечно. Только быстро понял, что Стар молоденькая слишком, хрупкая. Сам ведь представляешь, какой у нас контингент. Предложения, угрозы в адрес девушки — и вдобавок на уголовном жаргоне... Винсент однажды не стерпел, пришлось вмешаться, и хорошо, что охрана вовремя успела. Зато остальные узнали про его слабинку и с тех пор не упускали случая кольнуть. А вот у нас имелось особое помещение, вроде квартирki. Только для законных супругов, и то надо было заслужить хорошим поведением. Тюрем с такими квартирками по стране всего четыре — еще в трех штатах, кроме нашего.

— И ты оставлял их наедине?

— Винсенту это было необходимо. Чтобы человеком себя почувствовать. Черт возьми, я сам не мог видеть его таким... обезличенным; я это еще и для себя делал. Он и Стар... ими двигали космические силы. И знаешь что? Не построили еще такую тюрьму, чтоб ворота закрыть — и конец притяжению истинной любви.

Уок улыбнулся.

— В журнале посещений я о Стар — ни слова. Потому что строжайше запрещено. А насчет беременностей — сам видел, два раза по девять месяцев наблюдал, как Стар округляется, как светится вся изнутри. Отчаяние крошечное — а из него целых два чуда на свет рождены... — Лицо Кадди озарилось улыбкой.

— Но ведь Стар не возила сюда детей?

— Винсент был категорически против. Не хотел, чтобы дети его за решеткой видели, и даже чтобы знали. Винсента можно понять. Он так говорил: отец, который в «Фейрмонте» сидит, ни одному ребенку не нужен. Мы это с ним обсуждали, и вот что он надумал: он пожертвует жизнью ради детей, оградит их от правды — это и будет вроде искупления...

Уок закрыл глаза. Дачесс и Робин — ведь они о своем происхождении не догадываются.

— Винсент и меня умолял помалкивать, — продолжал Кадди. — Я ему говорю: первый, конечно, с тайной твоей не полезу, но если кто спросит — врать не стану. Я честный человек.

— Да, ты честный.

Кадди усмехнулся.

— Нас таких осталось — раз-два и обчелся.

— Мне кажется, Стар могла рассказать Дарку.

— Почему ты так думаешь?

— Вспомнил его слова — мол, чего для родного человека не сделаешь? А Винсент и Стар — они-то знали, насколько у них все зыбко. Друг в друга гляделись — финал видели.

— Так и вышло. Помещение для свиданий пришлось снести. Кабель там прокладывали компьютерный. Винсент и Стар еще один раз посидели в общей комнате — и Винсент сказал: всё, хватит. На Стар пялились; отдельные персонажи бахвалились — мол, дай срок, выйду, отыщу тебя, из-под земли достану... Пустое, конечно, — только

Винсент этого стерпеть не мог. Тем более что не про одну Стар шла речь, детям тоже угроза.

— И он запретил Стар приезжать к нему, — печально констатировал Уок.

— А мне приходилось ее «разворачивать». Кажется, во всю жизнь тяжелее задания не имел. Винсент ей сказал: не цепляйся за меня, другого найди. Она не послушалась. Приедет, бывало, и сидит, ждет — вдруг он решение переменит? Целый год так продолжалось, а потом — всё. Как отрезало. Ну, думаю, наверное, нашла способ переключаться с прошлого на настоящее.

— Скорее уж способ просто выключаться.

Кадди ничего не сказал, но ясно было, что намек он понял. Какие только трагедии не разворачивались у него на глазах, и если даже он не наблюдал завязки, то уж точно видел развязку.

— Так ты, Уок, и правда не догадывался?

— Нет. Стар знала, как я отреагирую, расскажи она мне. Стану пичкать ее банальностями: о себе позаботься, нельзя одним прошлым жить, и всё в таком духе... Будто у меня — опыт и право давать советы! А ей и Винсенту просто нужно было что-то только для себя. Семья... пусть маленькая, надломленная, да своя.

Обойдя тюрьму по периметру, они вернулись к воротам, пожали друг другу руки.

— Спасибо, Кадди. Ты сделал доброе дело.

— Слушай, а почему ты вообще приехал? Вроде кончилось все, а тебе нейдет...

— Да случайно вышло. Винсент просил развеять его прах в лесу Элктон-Тринити. Почему — не знаю.

Кадди с улыбкой взял Уока за плечи, развернул к одному из барачков.

— Вон она, Винсентова камера. Номер сто тринадцать. Тридцать лет он у этого окна просидел. А теперь посмотри, куда оно выходит.

Уок перевел взгляд.

За горной грядой лежала воля — целых два миллиона акров.

Было ясное осеннее утро, солнечные лучи накрест перечеркивали горный склон.

Дачесс ехала верхом. Такие прогулки превратились в ритуал — вывести серую кобылку пораньше, пока Монтана не очнулась от сна, и — вперед, по знакомым тропам. Воздух вырывается из груди толчками, с болью; серая не торопится, трусит себе мелкой рысцей. Скакать не может, и это непоправимо. Вот преодолела подъем, встала на вершине холма, откуда видно ранчо, и получила от Дачесс ласку — легкое похлопывание по шее.

Классный деревянный дом; в очаге горит огонь, над крышей вьется дымок. Во дворе амбар и хлев, за изгородью речка. Дачесс как-то двинулась берегом, через осинник, отмахала мили три, но увидела волчьи следы и поспешно ретировалась. С тех пор при ней всегда дедушкин нож, и по выходным она бродит одна, продирается сквозь кустарник. Случается ей и ноги промочить — на поверхность в этой местности выходят грунтовые воды, опавшая листва маскирует каждую лужицу.

Минувшие месяцы тянулись бесконечно и были тяжелы. Потом проявился эффект Монтаны. Хэл правильно говорил: здесь к человеку возвращается способность дышать. Боль пока была сильна, но Дачесс верила в могущество времени.

Вернувшись, она отвела серую в стойло, убедилась, что воды и сена достаточно, погладила нежный конский нос.

Долли была на кухне, читала газету. Крепко пахло свежим кофе. Дачесс пришла сама — однажды в полночь; обещала ведь. Сначала согласилась только переночевать, но утром Долли повела ее в конюшню, а там — серая кобылка. Бесплатно досталась Долли, когда распродавали имущество Хэла.

День в гостях у Долли растянулся на неделю, неделя стала месяцем. Долли упирала на то, что нуждается в помощи по хозяйству, хотя на свои деньги могла бы каждую неделю нанимать несколько здоровых мужчин. И Дачесс работала на земле — упорно, не жалея себя, от восхода до заката. Они с Долли почти не разговаривали. С

помощью сейчас лезть бессмысленно, должно пройти время — это Долли отлично понимала.

Вопрос об удочерении Долли подняла однажды утром, когда они сметали чернорябиновую листву с подъездной аллеи. Дачесс три дня ничего не говорила, а потом выдала: если Долли и правда нужна такая дочь, как она, Дачесс, значит, Долли с головой не дружит. Пускай сходит к врачу, проверится. Напишут ей в справке «здорова» — что ж, Дачесс останется насовсем. С радостью.

Она рывком сбросила ботинки.

— Хочу денег заработать.

Долли взглянула на нее поверх газеты.

— Задолжала кое-кому. Отдать надо.

— Возьми у меня.

— Нет. Те, кто вне закона, сами рассчитываются с долгами.

Дачесс пока смутно представляла, как ей выйти на Хэнка и Бьюзи. Она начнет с мотеля. Позвонит, наведет справки. Она все исправит.

Дачесс хотела пройти мимо Долли, но та вскинула руку с письмом.

— Вот, на твое имя.

Дачесс взяла письмо. Штемпель был кейп-хейвенский, и она поспешила к себе в спальню, комнату с нежно-зелеными стенами. Оттенок выбирала сама — чтобы было как среди лесистых гор — и красила стены собственноручно.

Она закрыла за собой дверь и устроилась в массивном кресле у окна.

Знакомый мелкий почерк. Сразу представился Уок за письменным столом. Наверное, целую неделю корпел.

Дачесс читала не торопясь. Уок просил прощения за то, что солгал в суде. Дачесс в него верила, а теперь, должно быть, не верит? Ему стыдно; только вот, случается, ради торжества справедливости люди совершают неблагоприятные поступки.

Далее на двадцати страницах Уок рассказывал о своей жизни, и о жизни Стар, и о юном Винсенте, и о Марте Мэй. Сообщил, что болен, что стыдился своей болезни и боялся потерять работу. Об этой самой работе целую страницу разливался, прежде чем добрался до главного — до правды, от которой Дачесс выронила письмо, вскочила и заметалась по комнате.

Немного успокоившись, она собрала с полу листки и продолжила чтение. Уок писал о Винсенте; в жилах Дачесс течет его кровь, и ей не горевать надо, а гордиться. А мама — она всегда любила Винсента, сберегла любовь в тяжелейших обстоятельствах. Он страдал, и казнил себя, и мучил — сам себе не мог простить, что отнял детскую жизнь. Что не мешало ему обожать ее, Дачесс. Она и Робин — плоды нерушимой любви, крепчайшей из всех, о которых известно Уоку.

К письму прилагалась фотография — Уок на какой-то ржавой посудине, правда, со свеженькой надписью: «Рыбалка в Кейп-Хейвене». Вода за бортом отражает миниатюрную женскую фигурку, различима даже прическа — темные волосы до плеч. В руках Уока фотоаппарат, улыбка от уха до уха.

А еще была официальная бумага — завещание Винсента Кинга.

Позднее Долли объяснила: теперь Дачесс и Робину принадлежит прекрасный дом в Кейп-Хейвене. Винсент его отремонтировал — специально для них. Пока им ничего не нужно предпринимать, но однажды Дачесс сможет туда поехать, продать дом, если пожелает, или распорядиться им по-иному. Совсем недавно у Дачесс ничего не было, и вот есть недвижимость, и будущее, хоть еще и смутное, понемногу начинает прорисовываться.

Той ночью она лежала без сна, думала о прошлом: о том, что узнала, и о том, что постарается забыть. Она выжидала, зализывала раны; она возвращала прежнюю силу.

Наутро Дачесс сказала Долли, что теперь готова.

О близости городишки свидетельствовал скромный, без гербов и виньеток, дорожный указатель.

Оул-Крик. Совиный ручей.

Оказалось, у Долли в Рексбурге подруга. Они с Дачесс ехали всю ночь, а уж из Рексбурга Дачесс продолжила путь одна, автобусом. Долли спросила — может, составить ей компанию? Дачесс ответила отказом, но не забыла про спасибо.

Автобус был большой, серебристый с красным и синим. На нужной остановке Дачесс сгребла сумку, прошла между кресел и шагнула со ступенек. Вот она и в Вайоминге.

Водитель окликнул ее, пожелал доброго пути, закрыл дверь. Дачесс подняла голову. Из окон на нее смотрели — одни пристально, другие с улыбкой. Напоследок обдало запахом бензина, пахнуло душным теплом работающего двигателя.

С того дня Дачесс притихла, взяла привычку смотреть по большей части себе под ноги.

Так она и шла — с опущенной головой; миновала отель «Кэпитол» и ряд магазинов — над каждым входом маркиза, вывески вроде «Керамика Лейси», «Антикварная лавка Олдона», «Цветочный магазин Прессли». Пафосные безделушки для тех, кому деньги некуда девать.

Позади осталась библиотека Карнеги. Солнце разбухло к вечеру, зависло над горным хребтом Бигхорн; между ним и Оул-Крик застыли валы холмистой равнины. После автобусной духоты Дачесс дышала глубоко, ходьбой пыталась размять ноющую спину. На автозаправочной станции, в идеально чистой уборной, она умылась и причесалась, спрятав волосы под шляпу.

У Дачесс была карта; пункт назначения очерчен кружочком, поглядеть — вроде недалеко. Пройдя менее мили, Дачесс увидела лужайку с опрятными домиками по периметру.

Поворот на другую улицу — и вот она на месте.

«Начальная школа муниципалитета Оул-Крик» — гласила надпись.

Приземистое здание, игровая площадка на территории слепит свежей белоснежной разметкой, кашпо фонтанируют цветами. Напротив школы — лужайка с древним дубом, напомнившим Дачесс кейп-хейвенское дерево желаний. Дачесс прошла к дубу, постояла под развесистыми ветвями, затем села на кучку опавших листьев. Взяла один листок, стала рассматривать его на просвет, упиваясь чистейшим оранжевым цветом.

В сумке у нее была бутылочка воды; Дачесс отпила немного — надо оставить на потом. Был еще шоколадный батончик, но она слишком нервничала — кусок не полез бы ей в горло.

Подъехала и остановилась первая машина, за ней — вторая. По большей части родители шли за своими детьми пешком.

Питера она увидела как-то вдруг, неожиданно. Джет рвался вперед, натягивал поводок. Питер улыбался всем без разбору.

Вот скатилась с крыльца первая стайка малышей; Дачесс прижала к сердцу обе ладони. Без нужды поправила шляпу, зачем-то перешнуровала кроссовку. Платье на ней было самое лучшее — желтое. Робин любимый цвет.

Увидев брата, Дачесс едва не задохнулась.

Робин вытянулся, волосы у него теперь гораздо короче. Улыбка — чудесная и без подтекста. Не одно сердце разобьет, когда вырастет, — в этом можно не сомневаться.

Робина вела Люси, и видно было, как крепко вцепился он ей в ладонь. Вот они двое почти прошли аллею, вот Робин увидел Питера. Бросился к нему, оставив Люси. Питер сгреб его, подхватил, прижал к себе — Робин блаженно зажмурился. Объятия были взаимными, долгими.

Наконец Питер опустил Робина на землю и вручил ему поводок. Настала очередь Джета. Пес запрыгал вокруг мальчика, принялся лизать ему лицо. Робин залился смехом. Дачесс наблюдала, не в силах пошевелиться и последовать за счастливым семейством в парк, где Питер сперва качал ее брата на качелях, затем посадил на лесенку и бросился к «языку» детской горки, чтобы поймать его на спуске.

Дачесс все смотрела. Каждая улыбка Робина была как бы ее улыбкой; его смех, казалось, звенел на все окрестности. До парка наконец-то добралась Люси с пухлой от детских тетрадок сумкой. Робин метнулся к ней, словно после долгой разлуки.

Всё семейство направилось домой. Дачесс шла следом, держалась на приличном расстоянии, — впрочем, могла бы и меньше осторожничать: они, занятые друг другом, ее так и так не заметили бы. Она предприняла несколько попыток окликнуть их, но каждый раз вымучивала на выдохе только имя брата, практически не слышное даже ей самой.

Дом оказался что надо — зеленый сайдинг, белые ставни, ухоженный дворик. Именно такой дом виделся Дачесс в мечтах.

На калитке — собственный почтовый ящик с надписью: «Лейтоны». Солнце село, дивное небо Вайоминга с надеждой раскрыло Дачесс свои объятия. Она пошла по улице, заглядывая за соседские заборы, отмечая: да, с соседями порядок, у них дети, а у тех велики, бейсбольные биты, мячи.

Когда совсем стемнело, Дачесс вернулась к дому Лейтонов, перелезла через изгородь. Во дворе — игровой комплекс с качелями, принадлежности для барбекю, домик для насекомых.

Она долго стояла не шевелясь — пока бессчетные звезды не возвестили о том, что ночь полностью созрела.

Дачесс поднялась на крыльцо и приникла к оконному стеклу. В доме горел свет, и ей предстала идиллическая картина: Люси помогает Робину с домашним заданием, Питер только что приготовил ужин, накрыл на стол, зовет жену и сына. Вот они расселись, телевизор включен, но звук на минимуме. Джет у Робинова стула, глядит в рот маленькому хозяину.

Робин съел всё без остатка.

Дачесс досмотрела сцену до той минуты, когда Питер чмокнул Робина в темечко, а Люси взяла его за ручку и, прихватив книжку, повела по лестнице вверх — укладываться.

Будет ли Робин помнить об испытаниях, что выпали им с Дачесс? Велик шанс, что нет, не будет; что его память не сохранит ни единого эпизода. Робин еще малыш; пластично не только его будущее, но и прошлое. Ему принадлежит весь мир. Он — принц, и всегда был принцем; Дачесс наконец-то поняла, что это означает.

Нет, Дачесс не из тех, которые ревут по всякому поводу. Но сейчас можно, нужно было открыть шлюз — и она его открыла.

Дачесс оплакивала все, что утратила; рыдала по всему, что обрел Робин.

А когда слезы иссякли, она приложила к стеклу ладонь и шепнула брату: «Прощай».

Несколько суток Дачесс не выходила из комнаты.

Долли беспокоилась, однако следовала своему чутью — не навязывалась. Дачесс нужно было время и личное пространство. Долли оставляла еду под дверью, а заглянула только раз — узнать, сама будет Дачесс нынче обихаживать серую или ей помочь. Дачесс сидела за письменным столом, из окна лился свет, маленькая рука сжимала карандаш.

В понедельник Дачесс вместе с Томасом Ноублом пошла в школу.

— Ну как — закончила проект? — спросил Томас.

— Да.

Ребята, не связанные какой-то определенной темой, один за другим выходили к доске и рассказывали — кто о президенте Джефферсоне, кто о футболе, кто о собственных летних каникулах, кто о том, как выследить белохвостого оленя.

Вызвали Дачесс. Она повесила на доску большой лист бумаги и застыла вполборота к классу — волнение готово прорваться, руки глубоко в карманах — возле своего фамильного древа, ни одна ветвь которого больше не изгибалась вопросительным знаком.

Все взгляды были устремлены на нее, она же сверкнула глазами на Томаса Ноубла. Тот улыбнулся и кивнул: дескать, давай.

Дачесс откашлялась, встала ровно.

Она начала со своего отца: его звали Винсент Кинг, и он был вне закона.

Благодарности

Спасибо Кэтрин Армстронг за безупречную редактуру. За то, что умудрялась терпеть меня, брать со мной вершины; за то, что помогла мне отточить писательское мастерство и поведать эту историю. Мой роман стал бесконечно лучше — это заслуга Кэтрин Армстронг.

Спасибо Виктории, которая не разлюбила меня, даже когда мне вздумалось отпустить бороду. Никто никогда не произносил нежнее, чем Виктория, следующую фразу: «Выключи свет, и обойдемся без поцелуев».

Спасибо Чарли и Джорджу за то, что доводили меня до белого каления и удерживали в границах нормальности, а также за все состояния, которые лежат между этими двумя. Все, что делаю, я делаю для вас.

Спасибо Лиз Барнсли, моей первой и последней читательнице, другу, духовной наставнице. Мы с ней — иллюстрация к поговорке про двух слепых, поводыря и ведомого; причем первый иногда способен завести второго в весьма неожиданное место.

Спасибо моим родным, которые всегда в моем распоряжении. Как хотите, милые, так и понимайте.

Спасибо Кэтрин Саммерхейес, определенно лучшему в мире агенту. Кэтрин, ты всегда борешься за меня и здорово в этом поднаторела.

Спасибо Саэл Эдвардс за помощь в захвате «Паттерсона». Деньги пополам.

Спасибо Кэти Макгоуэн, Люку Спиду и всем сотрудникам «Кёртис Браун». Нет лучше людей, чем те, которые так или иначе связаны с книгами. Но конкретно в вашей компании мне кажется, что я нахожусь среди лучших из лучших.

Спасибо всем сотрудникам «Бонньер» за то, что прикидываются безразличными, когда я звоню в офис этой компании. Я понимаю, это делается исключительно с целью убереечь меня от гордыни.

Нико Пойлбленк, бог продаж и любви, человек, прекрасный во всех отношениях! Спасибо тебе за то, что ты заставляешь людей покупать мои книги. Не верю, что на продажи повлияли 200

автографов — это простое совпадение. Ибо я тренировал запястье с мыслью о тебе, Нико.

Спасибо Нику Стирну за то, что в очередной раз доказал свою любовь ко мне, создав потрясающую обложку.

Спасибо Дженни Ротуэлл, самой талантливой (и знаменитой) Дженнифер в мире. Ее одну хочется нарядить в костюм книги и пробежать с ней 26,2 мили.

Спасибо Кейт Паркин за все изысканные слова, что есть в моем романе. И не списывайте на мой счет те, которые начинаются с буквы «С».

Спасибо Франческе Рассел за то, что создает мне столь стильную рекламу. Кстати, манто и тросточку никто не носит с таким изяществом, как Франческа.

Спасибо Стивену Думугну за то, что безоговорочно принял мою книгу. А также за незабываемые уроки маркетинга. Хорошо бы нам встретиться и вместе прокачать вертикальную синергию.

Спасибо Джо Эплтону за блестящую корректуру. Все ошибки с опечатками, разумеется, на его совести.

Спасибо Шиван О'Нил. Всегда и за всё.

Однажды случилось мне постоять на сцене — но я начисто забыл сказать спасибо компании «Максим» и жюри Ассоциации писателей-криминалистов (CWA). Сейчас исправлюсь. Итак — спасибо за подстраховку, за то, что поверили в меня и рискнули.

Дорогие мои книжные блогеры! Я бы с радостью перечислил вас поименно, но есть риск кого-нибудь забыть. Впрочем, знайте: вы мне очень помогли, вы — тот кислород, который насыщает кровь всей нашей сферы, и на будущих совместных мероприятиях я обязательно расцелую каждого из вас (только, Фентон, уж извини — без языка).

Собратья по перу! Вас слишком много, чтобы называть здесь каждое имя. Но за эту вашу многочисленность я буду вечно благодарен судьбе.

Примечания

1

Имеются в виду населенные пункты, где разворачивается действие первых двух романов К. Уитакера — Tall Oaks и All the Wicked Girls. — *Здесь и далее прим. пер.*

2

Англ. слово *duchess* переводится как «герцогиня».

3

And sore must be the storm — широко известная цитата из стихотворения Э. Дикинсон «Надежда — она пернато» (*англ.* Hope is a thing with feathers).

4

Дачесс имеет в виду песню Джонни Кэша «Парень по имени Сью» (*англ.* A boy named Sue) о мальчике, которого отец назвал женским именем и бросил. Когда подросший Сью отыскал отца, захотев убить его, старый негодяй объяснил свой выбор так: «Ты должен был научиться постоять за себя, и вот — сработало. Ты с детства доказывал кулаками, что ты настоящий мужчина». Известен случай, когда Джонни Кэш исполнял эту песню в тюрьме, к полному восторгу заключенных. Сейчас «Сью» на жаргоне означает пассивного гомосексуалиста.

5

Главный герой сериала «Частный детектив Магnum». Сериал демонстрировался в 80-е годы XX в., роль Магнума сыграл Т. У. Селлек.

6

Англ. Forensic Files, документальный телесериал, выходил с 1996 г.

Речь идет о системе т. н. десятичных кодов, или тен-кодов, — специальных сокращений, которые используются операторами радиостанций для ускорения передачи информации. Коды были разработаны в 1937 г. Ассоциацией средств связи и общественной безопасности и позднее адаптированы для гражданского диапазона.

8

Бейсбольные карточки — небольшие открытки с фотографиями бейсболистов на одной стороне и рекламой на другой. Были очень популярны в США, сейчас некоторые из них являются раритетами и стоят баснословных денег. Уилли Мэйс (р. 1931) — профессиональный игрок в бейсбол, выступавший за различные команды Главной бейсбольной лиги в 1951–1973 гг; считается одним из величайших бейсболистов всех времен.

9

Магический шар — игрушка, представляет собой шар побольше бильярдного, внутри которого имеется емкость с темной жидкостью. В жидкости плавает икосаэдр — фигура с 20 гранями, на каждой из которых написан ответ на вопрос («весьма вероятно», «определенно да», «ни при каком раскладе» и т. п.). Вопрошая шар, его встряхивают и по выплывшему ответу принимают решение.

10

Джули Ньюмар (р. 1933) — американская актриса, танцовщица, певица, предприниматель, писательница.

11

«Сэмюэл Адамс» — марка пива.

Имеется в виду Элетер Ирене Дюпон (1771–1834), химик и промышленник французского происхождения. В 1797 г. эмигрировал за океан, а уже в 1802 г. основал в Уилмингтоне, шт. Делавэр, компанию по производству пороха. Позднее номенклатура военной продукции расширилась. Компания «Дюпон» стала производить взрывчатые, боевые отравляющие вещества, психотропное, зажигательное и ядерное оружие. В этом списке — напалм, который США использовали во Вьетнаме. В «Дюпоне» разработаны неопрен, тефлон, нейлон, кевлар и т. п. материалы.

Англ. letterman, от слова letter («буква»). Куртки с контрастными рукавами и нашитыми буквами изначально имели право носить только члены школьных и университетских спортивных команд. Куртка-университетка, или леттерман, отличала успешного, популярного парня от «среднячков». Позднее стала культовой вещью.

Гейко Браак (р. 1937 г.) — немецкий врач, ученый. В 2003 г. выдвинул и подтвердил на животных теорию о вирусном происхождении болезни Паркинсона и описал шесть стадий ее развития и прогрессирования.

«Твинкиз» — бисквитные трубочки с начинкой, как правило, из ванильного крема.

Вероятно, Дачесс читала брату стихотворение «Зеленая яичница с ветчиной» (*англ.* Green Eggs and Ham) детского писателя Доктора Сьюза (наст. Теодор Сьюз Гейзель).

Соответственно, «ограбление» и «подозрительный автомобиль».

Имеется в виду живописное полотно У. Тёрнера «Последний рейс корабля «Отважный» (*англ.* The Fighting Temeraire).

19

Котечино — пряная вареная колбаса, итальянское блюдо.

20

Соответствует 26,5 градуса по Цельсию.

Долли Ребекка Партон (р. 1946) — знаменитая американская кантри-певица, автор песен, киноактриса. При росте 152 см имеет весьма пышный бюст и очень тонкую талию.

Имеется в виду песня из одноименного фильма о жизни «белых воротничков» (1980 г.), в котором Долли Партон снялась вместе с Джейн Фонда.

Уок издевается над Милтоном. Универсальная расшифровка тен-кода 10–54 — «крупный рогатый скот на проезжей части», но в калифорнийском городе Уолнат-Крик этот тен-код — впрочем, как и остальные — имеет местное значение: «возможно, труп».

Мифическое существо вроде йети, якобы обитающее в лесах Южной и Северной Америки. Другое название — бигфут.

В переводе с японского — место для медитаций и духовных практик.

World Wild Fund for Nature — Всемирный фонд дикой природы.

Блюграсс — поджанр музыки кантри, происходящий из шт. Кентукки, который называют штатом мятлика (слово bluegrass значит «мятлик»). Представляет собой смесь музыки иммигрантов с Британских островов и афроамериканских джаза и блюза.

Англ. Man of Constant Sorrow, народная песня, впервые записанная выдающимся музыкантом-мультиинструменталистом Р. Д. Бёрнеттом (1883–1977); «стандарт» американского фолка.

Вуки — представители расы волосатых гуманоидов из космической саги «Звездные войны».

Универсальная расшифровка тен-кода 10–98 — «побег из тюрьмы», но в калифорнийском городе Уолнат-Крик этот тен-код, впрочем, как и остальные, имеет местное значение — «задание выполнено».

В данном случае Санта-Ана — сильный ветер, дующий в Южной Калифорнии осенью и зимой, вызывая на побережье краткие периоды очень сухой и жаркой погоды и создавая условия для обширных пожаров.

Имеется в виду популярный американский десерт, в названии которого присутствует слово mud — «грязь, ил, глина». Пирог не требует выпекания. Делается из двух-трех сортов мороженого, слои которого пересыпают крошкой печенья и орехами, а всю конструкцию заливают шоколадной глазурью.

Сеть магазинов из категории «всё по одной цене».

Англ. Six Flags — парк развлечений в Калифорнии.

Карл Рэвич (р. 1965) — журналист, ведущий шоу «Бейсбол сегодня вечером» на канале И-эс-пи-эн.

Дэвид Майкл «Дэйв» Батиста-младший (р. 1969) — американский актер, рестлер, культурист.

«Атланта брейвз» — профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Главной бейсбольной лиге.

Перечислены герои спагетти-вестерна С. Леоне «Хороший, Плохой, Злой» (1966). Хороший, он же Блондин, был сыгран Клинтом Иствудом, Плохой, он же Сентенца, — Ли Ван Клифом; роль Злого, или Туко, исполнил Илай Уоллак.

Санденс Кид — прозвище грабителя Гарри Алонсо Лонгбау (1867–1908). Слыл метким стрелком. Похождения Санденса и его подельника стали сюжетом вестерна «Бутч Кэссиди и Санденс Кид» (1969). Название «Санденс» носит ежегодный американский фестиваль независимого кино.

Имеются в виду герои вестерна «Джоси Уэйлс — человек вне закона» (1976) по книге Ф. Картера «Ушедшие в Техас». Режиссер и исполнитель главной роли — Клинт Иствуд.

41

Перечислены виды острейшего перца.

Англ. аббревиатура MAD эквивалентна слову «mad» — «безумный, сумасшедший».

Джеймс Миллер (1861–1909) — был заключен в тюрьму за убийство шерифа оклахомского города Паулс-Вэлли. Миллеру грозила смертная казнь, однако местные жители, боясь, как бы приговор не был смягчен, взяли тюрьму штурмом и повесили Миллера заодно с тремя другими преступниками.

Стетсон, Джон Бэттерсон (1830–1906) — основатель компании по производству высококачественных головных уборов, изобретатель ковбойской шляпы.

Долина Огня — национальный парк в штате Невада площадью 162 кв. км, часть пустыни Мохаве. Интересен скальными образованиями из красноватого песчаника.

Карибу-Тарги — национальный лес на территории Айдахо и Вайоминга. Представляет собой несколько отдельных территорий, граничит с национальными парками Гранд-Титон и Йеллоустон, а также с национальным лесом Бриджер-Титон.

Англ. purity ring. Практика носить такие кольца возникла в США в 1990-е годы среди христианских групп, выступающих за воздержание от добрачного секса. Кольца вручают на «балах непорочности» после того, как юная девушка поклянется хранить невинность до брака, а ее отец — следить за непоколебимостью моральных устоев дочери.

Национальный лесной заповедник в Калифорнии.

Имеется в виду повесть Э. Б. Уайта «Паутина Шарлотты» (1952).

Чек, датированный более поздним числом, чем дата его фактической выдачи. До наступления проставленной даты деньги по такому чеку получить нельзя, и чекодатель вправе его аннулировать.

Дарк цитирует рефрен песни Looking for Angels американской рок-группы «Скиллет».

Имеется в виду композиция группы «Битлз» Golden Slumbers, где речь идет о возвращении домой.

53

Соответствует 40 кг.

Фишлейк — высокогорное озеро в одноименном национальном лесу.

«Малколм» — компьютерный инструмент для анализа сетевого трафика.

Имеется в виду песня Анджелы Бофилл I'm on Your Side.

Цитируется гимн Abide with Me («Пребудь со мной»); автор текста проповедник англиканской церкви Г. Ф. Лайт, автор музыки У. Г. Монк.

Иначе — сосна Ламберта. Огромное дерево, достигает 70 м в высоту и почти 2 м в диаметре. Шишки — в среднем 50 см в длину, смола богата сахаром (отсюда и название).

Table of Contents

Крис Уитакер Мы начинаем в конце

Часть I. Та, что вне закона

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

Часть II. Большое небо

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

Часть III. Возвращение

28

29

30

31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45

Часть IV. Разбивающий сердца

46
47
48
49

Благодарности

Примечания

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52

[53](#)

[54](#)

[55](#)

[56](#)

[57](#)

[58](#)

